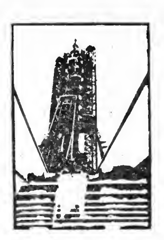

БАЙКОНУР

БАЙКОНУР

ОЧЕРКИ,
ПОЭМЫ,
СТИХИ,
ХРОНИКА

АЛМА-АТА
„ЖАЗУШЫ“
1984

Составители:
В. С. Савельев, член СП СССР, *К. Н. Селихов*, член СП СССР

Рецензенты:
В. И. Кулагин, Н. Ф. Новиков

Б $\frac{4702010200-128}{402(05)-84}$ 127—84

Анна Тимофеевна ГАГАРИНА

СЛОВО О СЫНЕ

Меня часто спрашивают, каким был в детстве мой сын. Отвечаю, как было: «Рос обыкновенным мальчишкой». Допытываются и о «секретах» воспитания моих ребятишек. Вроде бы и секретов особых не было, а дети все выросли хорошими, работящими да добрыми, отзывчивыми и внимательными. Что же, само это что ли пришло? Думаю, что многое зависит от родителей.

Вспоминается наша молодая жизнь. Мы с Алексеем Ивановичем заняты были так, что летом ни единой свободной минутки не было. В доме у нас сложилось распределение обязанностей. Хозяйство и скотина были за мной, а вся тяжелая плотницкая и столярная, словом, мужская работа — за Алексеем Ивановичем.

Думается, что и ребята наши, видя, что родители без подсказки работают, тоже дружно тянулись за нами. Каждый из них свою работу знал.

Как легко, приятно было возвращаться домой по вечерам! Придешь с Алексеем Ивановичем в избу, а дом убран, печка протоплена, обед сварен, ребятишки нас ждут: сидят за столом довольные, гордые, что вот все к нашему приходу успели. Как же на душе покойно становилось!

Стоят перед глазами у меня и зимние вечера у нас дома в Клушино. Заберется с ребятами Алексей Иванович на печку и начнет им сказки рассказывать.. В сказках мудрости много, да и Алеша мой, что нужно, присочинит: или заленившегося Валентина устами сказочного богатыря подковырнет, или разбаловавшихся младших припугнет, или того, кто бахвалится, пристыдит...

А то соберутся в большой комнате у стола под висячей керосиновой лампой, просят:

— Мама! Книжку почитай.

Я все новые книжки в нашей избе-читальне брала. В Гжатске, когда туда по делам ездила, тоже старалась купить. Потом старшие подросли — Зоя стала ребяткам читать. А я рядом обычно сижу — шью. Я ведь всю семью обшивала. Пригодились те навыки, которые в Путиловском училище приобрела. Я старалась поскладнее ребят одеть. Уж не буду по-деревенски просто порты кроить, а брюки по всем правилам сошью. Юре да Бориске красивые матросочки делала: штанишки тогда шили на детском длинном лифчике, чтобы держались лучше, а рубашечки отделывали

белыми и красными кантичками. Зое платье скрою в сборку... Получалось так складно, что наши деревенские модницы у меня даже выкройки просили да совета ждали.

Мне всегда хотелось, чтобы ребятам праздники запоминались, чтобы день этот был выделен из ряда других. Всегда хотелось их порадовать — вот и старалась к каждому празднику сделать им обнову. По нынешним временам это скромные вещички, но дети мои видели, как мама старалась, и ценили мои усилия. Они осознавали, что в подарке ценны человеческий труд и теплота. Вот и носили сшитые мною вещи аккуратно и бережно. И осталась у них эта привычка на всю жизнь.

У Юры память очень цепкая была. Раз-два прочитаешь ему — он уже все запомнил. Потом сам с выражением декламировал:

Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне.
Что тебе приснилось,
кошка?
Расскажи скорее мне!
И сказала кошка: «Тише!
Ну-ка тише говори,
Мне во сне приснились мыши,
Не одна, а целых три».

Как забавно передавал он этот диалог! Юра вообще очень тянулся к книгам, к новым знаниям. Он даже в школу стал потом ходить вместе с Зоей. В деревенской школе правила помягче, да и учительница Анастасия Степановна Царькова нашу семью хорошо знала, потому и разрешала Юре находиться в классе. Даже иногда его вызывали, просили стихотворение рассказать — он читал без запинки. А уж сколько потом радости было: он настоящий ученик!

Размышляя о детстве моего сына, о нашей жизни, не могу я не вспомнить о самом большом всенародном празднике — о Дне Победы.

Весна сорок пятого выдалась у нас ранняя. Сеять мы начали еще перед майскими праздниками. Торопились, а силенок было маловато. Рассчитывали каждый час, учитывали каждую пару рабочих рук.

По снегу прибыл в колхоз трактор. График ему был составлен чуть ли не на круглые сутки, обслуживали его три трактористки, чтобы в простое «стальной конь» не был.

Утром девятого мая позвали меня и Анну Алексеевну Дербенкову в правление колхоза, председатель Иван Васильевич Бурдин говорит:

— Горючее для трактора на исходе, поезжайте-ка, женщины, в Гжатск.

Запрягли мы буренку, в телегу закатили железную бочку, поехали. Подъезжаем к селу Затворову — людей на улице полно, песни поют, нас окружили:

— Куда едете?

— За горючим для трактора в Гжатск.

— Никого там на складах не найдете. Победа!

Мы с Анной посовещались, решили возвернуться. Но все-таки местного председателя в Затворове разыскали, взаймы горючего попросили.

Вернулись в Клушино — там тоже ликование. У правления колхоза женщины собрались, смеются, переговариваются.

Председатель на крыльцо вышел, поздравил всех с великим праздником, а потом тихо добавил: «Товарищи, время не ждет!»

Когда говорят о Дне Победы, мне видится, как деловито идет по полю наш колхозный трактор, как сноровисто пашут на коровах клушинские женщины, трудовым энтузиазмом встречают Мир.

Муж мой, Алексей Иванович, после окончания войны остался работать в Гжатске. В городе присмотрелись, что он на все руки мастер, пригласили плотничать в квартирно-эксплуатационную часть. Решили мы с ним дом в город перевезти. Пока по старой военной привычке оборудовали на выделенном участке на окраинной Ленинградской улице маленький домик.

Готовился к переезду Алеша загодя, осмотрительно, непоспешно. Юра с Бориской ему помогали по-взрослому. Землю копали, раствор месили, песок таскали, глину мяли, кирпичи подавали.

Вечером собиралась наша семья за ужином, Алексей Иванович говорил:

— Ну, мать, давай-ка нам, мужикам, поесть.

...Дом в Гжатске был таким же, как и в Клушино: в три небольшие комнатки с вместительной кладовкой, с погребом, пристроенным скотным двором.

В Гжатске Юра пошел учиться в третий класс, а Бориска — во второй.

Отвела я Юру в школу при педагогическом училище, называлась она базовой. Учительница Юрина — Нина Васильевна Лебедева — мне очень понравилась. Была она совсем молоденькой, лицо у нее было доброе, приветливое. Ребята ее любили.

Рассказывала она им много и о многом. Как-то Юра прямо с порога поспешил поделиться: «Мама! Я учусь в историческом доме».

Оказывается, базовая школа располагалась в доме, принадлежавшем когда-то купцу Царевитинову. Именно сюда был приглашен гжатчанами Кутузов, когда он, назначенный главнокомандующим, ехал через Гжатск к войску в Царево-Займище.

Но более всего Юре запали в душу рассказы учительницы о Владимире Ильиче Ленине, о его детстве, семье, родителях, старшем брате, о ленинской справедливости и доброте, которые формировались еще в детские годы. Помню, как однажды Юра сообщил: «Нина Васильевна читала книжку о детских годах Володи Ульянова, там была фотография табеля с отметками. Сплошные пятерки».

Юра и до того дня занимался хорошо, тут стал особенно стараться. Пока все-все на дом заданное не выполнит, спать не ложился. Тетрадки у него были аккуратные. Учебников тогда было мало, выдавался один на несколько человек. Юра других ребят приучил обращаться с книгами бережно. Учебники их были заботливо обернуты в газеты, красиво подписаны.

В те годы школьники сдавали экзамены после четвертого класса. Юра получил за годовые контрольные по арифметике и диктанту «отлично», перевели его в пятый класс с похвальной грамотой.

Заведовала базовой школой Елена Федоровна Лунова из соседнего с Клушином села Воробьева. Когда она жила в деревне, мы дружились, вместе хозяйственные дела решали, книжки одни читали, впечатлениями обменивались. Вручила она мне Юрину грамоту и говорит: «Нюра, сын в тебя пошел, читать любит, памятливый».

Базовая была четырехлеткой. В пятый класс Юра стал ходить в другую школу — дальше по Московской улице. Сейчас в этом двухэтажном здании жилой дом. Он и до войны, по-моему, был жилым. В школу был превращен в силу необходимости: ведь в Гжатске после фашистского нашествия оставшихся пригодными зданий было наперечет. В первую очередь Советская власть подумала о детях, о здоровье людей. Уцелевшие дома, требовавшие небольшого ремонта, сразу же были отданы под школы, Дворец пионеров, детские сады, ясли, больницы.

Сейчас, восстанавливая в памяти события, хочу, чтобы и читатели мои представили себе те условия, в которых учились и жили ребята военного детства. Классы — бывшие жилые комнаты — были небольшими, парт в них не было, а стояли сколоченные из досок длинные столы и скамьи. Пришла я на первое родительское собрание, еле протиснулась за стол, думаю, как же ребята к доске выходят отвечать? Скамьи и столы стоят почти вплотную к стенам. Юра на мое недоумение рассмеялся, объяснил:

— А мы под столом пролезаем!

Отапливались классы недостаточно — дров и для детских садов не хватало. Вот и сидели школьники зимой в пальто. Чтобы писать, приходилось им пузырьки с чернилами отогревать на груди.

Но они не унывали. Ребята, пережившие оккупацию, познавшие издевательства врагов, рады были малейшей возможности учиться.

Вот Юра сообщил, что его и других ребят приняли в пионеры, потом товарищи выбрали его председателем совета отряда. Каждый вечер он наглаживал свой пионерский галстук, чтобы утром завязать его аккуратно, выправив узел, расправив концы. Сейчас мне думается, что в эту операцию он вкладывал особый смысл. А может быть, так оно и было?!

У меня такое впечатление, что Юра старался охватить все. Участвовал он и в художественной самодеятельности. В школе они задумали сделать театр теней — сколько же рассказов было о спек-

такле «Сказка о попе и о работнике его Балде!» Ребята сами вырезали из картона фигурки действующих лиц, прикрепляли их к лучинкам, учились водить за натянутым полотном. Юра исполнял роль Балды, слова учил по вечерам, здорово изображал этого умного работника. Его друг Лева Толкалин был главным осветителем. Юра рассказывал, как тот умело использовал большой трофейный карбидный фонарь. Декорации, афиши ребята тоже рисовали сами. Конечно, они были не такие красивые, как рисунки настоящих художников, но детишкам они были дороже.

Увлекались Юра с Левой и фотографией. Лева где-то нашел старенький фотоаппаратик, напоминающий нынешний «Любитель». Целыми вечерами они его разбирали, чистили, что-то вытачивали, заменяли какие-то детали. Фотоаппарат все никак не поддавался. Но потом заработал. Ребята задумали приладить приспособление, чтобы он «щелкал» через несколько секунд и можно было бы самому фотографу запечатлеться на снимке. Задуманное удалось. Ребятишки сфотографировали свои семьи, потом побежали в школу, там рассказали о своем успехе классной руководительнице Ольге Степановне Раевской и даже сфотографировались вместе с ней. Потом для стенгазеты запечатлели своих товарищей на занятиях в классе и на уборке моркови.

Казалось, Юре везде хотелось поспеть. Объявили, что во Дворце пионеров создается духовой оркестр. Он туда записался. Да так упорно стал заниматься, что отец раз не выдержал:

— Марш из дома! Уши болят.

Юра трубу прихватил, пошел на улицу, примостился на дровах, что к задней стороне дома были сложены, стал играть. В те дни пастухи по утрам коров в стадо дудочкой собирали. Наша Зюмка знакомый звук услышала, заволновалась, мычит — в поле просится.

Алексей Иванович послушал, послушал, рассмеялся, за Юрой пошел:

— Нечего скотину нервировать. Ладно уж, возвращайся в дом, потерпим.

Не только развлекались ребята. Пионеры вместе со взрослыми расчищали от битого кирпича улицы, за городом на месте искорененных войной деревьев сажали новые, всем отрядом выезжали в колхозы на уборку овощей. А в воскресные дни уходили в лес. Нет, не в походы. Разыскивали могилы наших бойцов, обихаживали их, украшали цветами, устанавливали памятные доски.

Юра рос очень компанейским. У нас постоянно хороводились его товарищи. То они что-то вместе мастерили, то репетировали, то уроки готовили. Особенно часто бывали Лева Толкалин, Слава Нижник, Валя Петров, Паша Дешин, Тоня Дурасова, Володя Попов.

Паша Дешин — он был постарше — и предложил Юре на лето пойти работать в городское подсобное огородное хозяйство. Работа там была разная: сажали овощи, окучивали, поливали. Осень

пришла — Юра с гордостью привез на тачке картошку, лук, выданные ему за труды.

Часто очень Юра занимался с неуспевающими ребятами. Пашу Дешина даже «вытянул» из второгодников. Безусловно, увлеченность привили ему прежде всего его учителя.

Пожалуй, в нашей семье больше всего звучало рассказов о Льве Михайловиче Беспалове. Это и понятно. Юра увлекался физикой, а Лев Михайлович с увлечением преподавал ее ребятам. Еще не встретившись с ним на родительском собрании, я уже хорошо представляла его по живым Юриным рассказам. Их физик служил в рядах Красной Армии, был не то штурманом, не то стрелком-радистом. Демобилизовавшись, пришел в школу, чтобы опять заниматься своим любимым делом. Ходил он в военном кителе, только без погон. Было ему лет тридцать. Лицо было доброе, но чуть сдвинутые брови делали его строгим.

В школе он вместе с учительницей Зинаидой Александровной Комаровой организовал технический кружок, в который Юра тотчас записался. Ученики под руководством наставников сделали летающую модель самолета, смастерили бензиновый моторчик и как-то отправились на пустырь запускать свою модель. Разговоров о том, как эта машинка — «проворная, как стрекоза» — взяла и полетела к солнцу, было не на один вечер!

— Хочу быть летчиком! — заявил Юра. Тогда к его словам мы отнеслись как к детскому лепету: кто из тогдашних ребят не мечтал летать!

Но он задумал твердо. И полетел...

Встала я в ту среду по давней привычке рано. Надо было приготовить завтрак, отправить всех по делам: Алексея Ивановича в Клушино, Зою и ее мужа Диму — на работу, внучку Тамару и внука Юру — в школу.

Солнце вызолотило чистый небосвод, в воздухе пахло набухающими почками. Люблю я эту пору ранней весны! Все в природе ждет пробуждения — и ты живешь в ожидании. Осталось это чувство весенней радостной заботы со времен еще нашей крестьянской жизни, когда шла подготовка к севу.

Первым посадила завтракать Алексея Ивановича — ему раньше уходить, пока дорогу солнце не расхлябило.

— Ну, я пошел, Нюра! — попрощался Алеша, а я вышла его проводить до калитки. Путь ему предстоял долгий — двенадцать километров, но нам знакомый.

Разбудила, накормила, отправила и остальных. Дай-ка, думаю, избу теперь приберу.

Вдруг слышу, как кто-то стучится в дверь, дробно этак, нетерпеливо. Слышу — Мария, Валентинова жена, кричит:

— Мама! Радио включено? Мама! Вы что молчите? Радио, говорю, включайте! Наш Юра...

Я к двери бросилась, отворяю, а сама ни жива ни мертва.

— Что?! Юра — что? Что с ним?

— По радио сообщение. Первый полет человека в космическое пространство, Юра наш — командир космического корабля.

Больше я ничего слушать не стала, накинула телогрейку и побежала на железнодорожную станцию.

Уже на вокзале, когда билет взяла, чуть опомнилась: сообразила расписание посмотреть — оказывается, все поезда на Москву прошли, следующего обождать придется. Села — сижу. Себя оглядела и ужаснулась — несуразно одета: в халате, поверх телогрейки, в домашних тапках. Ну да ладно, возвращаться не буду, до городка как-нибудь доберусь, а там Валя свое пальто даст за Леночкой в ясли ходить. Еще чуть посидела, вспомнила, что сдачу в кассе с десятки не взяла, а встать, двинуться, чувствую, сил нет. Рядом со мной девушка на скамейке примостилась, я ее и попросила:

— Сходите, милая, объясните кассирше, что позабыла сдачу, да извинитесь, скажите: старушка тут одна совсем растерялась.

А сама сижу, жду: может, по радио что передадут. На вокзале громкая веселая музыка играет, но ничего не сообщается.

Отвлечься от своих мыслей все никак не могу: как он там, мой Юра? Что Валя сейчас делает? Что? Как?..

Пришел поезд, села, поехала. В окно смотрю. Вроде бы на станциях все смеются, но обмануться боюсь.

В Москву прибыли, вышла я на площадь у Белорусского вокзала — народу, как в праздник, у многих в руках плакаты: «Ура Гагарину!». Люди смеются, кричат: «Приземлился! Ура! Прилетел!» Я заплакала и пошла в метро. Какая-то женщина спросила у меня:

— Бабушка, что с вами? У вас горе?

Я улыбнулась — у самой слезы рекой льются — и говорю:

— У меня радость!

Женщина засмеялась.

— У меня тоже. Знаете, человек поднялся в космос! Знаете?

— Знаю,— киваю,— знаю.

А она все говорит:

— Его зовут Юрий Гагарин. Запомните!

— Запомню, милая, запомню...

В Юрину квартиру вошла, а там народу полно.

Распорядители обрадовались, что я приехала. Они уже и в Гжатск звонили, просили всех родных в городок отправить, а родителей космонавта не было дома. Организаторы взволновались. Мы же с Валей сразу занялись девочками. Приход незнакомых людей их растревожил. Мы успокоили, уложили маленьких. Да и Вале необходимо было передохнуть — она ведь Галочку еще кормила.

Поздно ночью из Гжатска приехали Алексей Иванович, Валентин, Зоя, Борис с Азой. Спать долго не ложились: все обменивались впечатлениями. Каждый рассказывал, как услышал новость.

Валя поделилась, что сразу же после сообщения о полете к ней приехал корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков и попросил разрешения сфотографировать жену и дочерей первого космонавта Земли. Она разрешила. Скоро в квартире стало тесно от журналистов, соседей, знакомых.

— А ты где услышал? — спросила я Алексея Ивановича.

— Сказали мне еще на перевозе, только я значения не придал, посчитал, что совпадение,— ответил Алексей Иванович.

...Скоро дошел Алексей Иванович до первого села Ашкова, перед Трубином миновал речку, а там-то перевозчик знакомый спрашивает:

— Алексей Иванович! Не твой сын сейчас в космосе летает? Сообщение ТАСС по радио передали. Сказали: пилотирует майор Гагарин.

— Нет, не мой сын. Мой — старший лейтенант.

— Так имя-отчество тоже совпадают: Юрий Алексеевич.

Еще час пути оставался. Дошел, а в родном селе, кажется, все на улицу высыпали. Соседка Белова подбежала:

— Дядь Лексей, слыхал? Юрка-то, видать, твой... По радио сейчас говорили.

Он с укором посмотрел на людей:

— Да опомнитесь! Мой-то Юрка старший лейтенант...

Но его перебили, каждый радостно кричал, втолковывал:

— Все, все совпадает! Гагарин, Юрий Алексеевич, родом из Клушина Смоленской области. Он! Наш! Клушинский.

Пробился через толпу председатель колхоза.

— Алексей Иванович! Зайдите в правление. Из горкома партии просили позвонить.

Секретарь горкома сказал, что звонили из Москвы, есть распоряжение всем родным собраться в городке. Горком высылает за ним машину. Алексей Иванович мысленно прикинул обратный путь, представил, как солнце растопило ледок.

— Не пройдет машина,— ответил.

— Трактор отрядим. Ждите,— посоветовал секретарь.

— Ждать я не могу. Пойду навстречу.

...В избе толпились знакомые и незнакомые люди. Корреспонденты обступили Алексея Ивановича:

— Расскажите, как рос Юра, каков он?

— Обыкновенный мальчишка,— ответил он на вопрос.— Хороший сын, добрый отец.

Ребятишки есть ребятишки... И у нас в семье, как в семье каждого советского человека, родными и близкими были имена Стаханова и Марии Демченко, Михаила Громова и Валерия Чкалова. Их подвиги мы обсуждали в семье подробно. И Юра, да и другие наши дети, бывало, послушают-послушают да скажут:

— А я буду, как Чкалов! А я буду известный, как Стаханов!

Но уж тут Алексей Иванович неизменно вмешивался:

— Ишь, Чкалов! До Валерия Павловича расти да расти! Стаханов... Работать надо совестливо... А то — знаменитый...

Но это так, к слову. А вообще-то рос Юра действительно обыкновенным мальчишкой, таким вот, как на этом снимке из семейного альбома. У снимка этого есть своя история.

Однажды пришел к нам в Клушино фотограф. Зоя ко мне на ферму прибежала:

— Мамочка! Можно мы снимемся?

Я ее поняла — интересно, да внове такое. Конечно, разрешила, наказав, чтобы ребяток младших она принарядила. Незадолго до этого купила я в Гжатске два белых свитерочка, младшие в них хорошо выглядели.

— Да Валентину накажи, чтобы приоделся.

Зоя убежала, я тоже не вытерпела — дела сделала, домой заспешила. Подхожу к избе, дети все уже сидят у крыльца смирные, важные. Гляжу, а Зоя-то в валенках! Я поняла: братишек одевала, а себя забыла.

Все это так, но тогда, в тот памятный день, послушала-послушала я своего Алексея Ивановича и укорила:

— Твой характер, Алеша, тебя наказал. Подумать даже не решаешься, что дети наши что-то особенное совершить могут. От Трубина мог повернуть назад. А ты... «Не мой сын, не мой сын. Совпадение!» Вот и месил попусту грязь.

Алеша посмотрел на меня. Глаза у него были усталые.

— Лучше, что ли, было бы, если бы не наш Юрка полетел, а я уже козырем ходил: — я — Гагарин, я — Гагарин! Сама, Нюра, не такая, а меня укоряешь. Что по грязи шагать — трудность вовсе небольшая. Нам с тобой и не такое пришлось вынести. А начнем сейчас выставляться — с кого Юрке пример брать? Его и так со всех сторон расхваливают, голову закружить могут.

Что ж, Алексей был прав.

Следующий день прошел в хлопотах. Утром нам принесли пригласительные билеты на торжественный вечер в Кремле 14 апреля. Алексею Ивановичу вручили конверт с надписью: «Гагарину А. И. с супругой». Он на меня поглядел и головой покачал:

— Супруга! — слово ему показалось торжественным.— Вы в чем же в Кремль идти собираетесь, супруга?

Я обомлела. Стала прикидывать, успею ли до Гжатска и обратно обернуться. Но распорядитель встречи понял, предупредил:

— Предусмотрели. Начальством выделены деньги на экипировку. Скажите размеры, перечислите, что нужно.

Мы запротестовали, но он очень твердо отрубил:

— День предстоит волнительный. Берегите силы.— И добавил очень мягко, улыбнувшись мило, по-сыновнему: — Неужели, думаете, не хватит средств, чтобы вы достойно смогли сына встретить? Так, чтобы никто из посторонних страну нашу в жадности не упрекнул?

Согласиться было нелегко. Ни разу не пользовались мы тем, что нами не заработано. Но выхода не было: времени в обрез.

Еще до отъезда из городка нам принесли газеты с Указами Президиума Верховного Совета СССР.

Когда я оставалась одна, то брала в руки газету, читала-перечитывала.

Неужели это о нашем с Алешей сыне написаны эти высокие слова?! Неужели имя нашего сына известно всем советским людям?! Неужели это он Герой Советского Союза?!

Он — тот самый мальчик, который шевельнулся у меня под сердцем в начале тридцать четвертого, тот самый, который далеким мартовским днем в половине шестого дня впервые подал голос «у-а», тот, который спустя неделю лежал у меня на руках — крохотным теплым и беззащитным кулечком — всю долгую дорогу, пока вез нас Алеша из Гжатска в Клушино. Картины, впечатления, воспоминания сменяли друг друга. Да, тот! Но поверить было непросто.

На машинах приехали мы во Внуково, куда ожидался прилет самолета с Юрой. Сколько же было здесь людей! Лица у всех радостные, будто у каждого праздник. Нам помогли найти удобное место. Окружающие, едва узнав, что тут остановились родные Юрия Гагарина, старались устроить нас получше. Долгие минуты ожидания прервались гулом приближавшегося самолета. Сколько раз потом я видела по телевидению, в кинохронике моменты встречи, подробно запечатленные кинооператорами. Но в тот день, 14 апреля, все события были подернуты дымкой волнения. Кто-то меня спросил позже, видела ли я, что у Юры на ботинке развязался шнурок. Ничего я не видела. Смотрела только в лицо сына, не могла продохнуть от волнения.

Прошел он по красной ковровой дорожке, отдал рапорт руководителям партии и правительства, шагнул в нашу сторону, обнял Валю. Мне жаждалось одного: прижать его к груди материнскими руками, сердцем ощутить — вот он, живой и невредимый, родной мой мальчик! Сын обнял меня, ласково прошептал:

— Мама, не плачь, все позади. Мама, я тут...

Тут хочется сделать одно небольшое отступление в моем рассказе о том дне. Не нужно бояться ласковости. У иных бывает, что и люди неплохие, добрые, но вот манера обращения друг к другу грубоватая. А ведь грубоватость может и в грубость перерасти и в невыдержанность. Я старалась всегда приласкать ребятишек. Сама спать не лягу, чтобы всех не обойти.

Потом я прочитала в Юриной книжке, что теплота ассоциируется у него с поцелуем мамы между лопатками. Я и не думала, что он это помнит. Оказывается, все помнится...

Мы поехали на Красную площадь. Юра стоял в открытой машине, люди кричали, поздравляли его, а он улыбался в ответ. Не знаю, как я пережила эти моменты счастья!

Потом шла демонстрация москвичей по Красной площади, они

приветствовали Юру, стоявшего на самой главной трибуне нашей страны, он отвечал на приветствия. Я любовалась сыном, видела, что улыбка его добрая, открытая, взгляд прямой, честный. Я гордилась материнской гордостью.

Долго шли колонны — вроде бы вся Москва хотела пройти через Красную площадь.

После демонстрации нас проводили в Кремль. Один из руководителей Коммунистической партии предложил:

— Давайте-ка пообедаем в тишине! Люди вы застенчивые, робкие, на приеме, пожалуй, голодными можете остаться.

В уютной комнате был накрыт стол, подали вкусный русский обед. Мы стали расспрашивать Юру, но он сказал, что прежде должны ответить на его вопросы: «Как себя чувствуют девочки? Есть ли у Вали молоко?»

Девочки его чувствовали себя нормально, их опекали в эти дни медицинские работники. Семью разместили в Доме приемов — там девочки ждали свидания с папой.

— Как же я соскучился! — сказал Юра.

Впечатления Юры от первого космического полета сейчас хорошо известны. Позже ему приходилось выступать по телевидению, радио, в газетах, журналах. Но 14 апреля рассказы его были внове, говорил он о еще неизвестном. Слушали его, боясь пропустить самую малость из сказанного.

Валя сидела рядышком. Я заметила, как время от времени она дотрагивалась до Юриной руки, будто проверяя, тут ли он, живой ли. Я ее понимала. Юра рассказывал всем, но иногда у него прорывалось: «Помнишь, Валя?»

Он подробно рассказывал о своих ощущениях при взлете и приземлении.

— Юрк! Скажи честно: страшно было? — спросил отец.

— А как ты думаешь?! Когда корабль вошел в плотные слои атмосферы, загорелась обшивка. Ты сидишь в самом центре пекла, а за щитками иллюминаторов бушует тысячеградусное пламя. Но... я был абсолютно уверен, что все будет в порядке. Я верил в нашу технику. Иначе главный конструктор не дал бы согласие на полет человека.

Обед закончился. Наступил акт вручения наград. Мы все прошли в зал. Наступила тишина, и в ней торжественно и тепло звучал голос Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, читавшего Указы. Он прикрепил награды на грудь Юрию, по-отечески улыбнулся на слова сына о готовности выполнить любое задание Родины.

В большом зале, куда все перешли после награждения, Юра сразу подошел к группе людей постарше его возрастом, что-то очень уважительно сказал им. Несколько человек отделились, приблизились к нам. Познакомились. Пошел общий разговор.

...В январе 1966 года после похорон Сергея Павловича Короле-

ва Юра приехал в Гжатск убитый горем, посеревший. Мне он напомнил:

— Ты же с ним знакома, мама. Помнишь, как 14 апреля шестьдесят первого Сергей Павлович подходил к вам с отцом, расспрашивал о жизни, о деревне, о семье, справлялся, не нужна ли какая помощь.

Я напрягала память.

— Мама, Сергея Павловича невозможно ни с кем спутать, невозможно не заметить,— с мягкой укоризной сказал Юра.

Но нелегко воссоздать, восстановить каждый эпизод, каждое лицо в картине, особенно такой многоликой. Сколько людей было на приеме!

Мы распрощались с сыном после концерта, он пообещал приехать в Гжатск.

Виктор **МИТРОШЕНКОВ**

ЮРИЙ ГАГАРИН

(Хроника ряда лет)

— Авиация — колыбель космонавтики.

Эти вещие слова произнес Юрий Алексеевич Гагарин — первый космонавт планеты — вскоре после возвращения из своего кругосветного космического путешествия.

И это, в известной мере, так. Ибо космонавтика во многом определилась достижениями авиации, на основе ее научно-технических устремлений и практических результатов.

То, что первые космонавты были летчиками, не случайность. Еще К. Э. Циолковский, знавший и чувствовавший космос, пожалуй, больше и проникновеннее других рисовал в своем воображении первых звездопроходцев совершенно определенно. Он нисколько не сомневался, что это, во-первых, будет русский человек, гражданин Советского Союза, а во-вторых, «по профессии, вероятнее всего, летчик»... «У него отвага умная,— писал он,— лишенная дешевого безрассудства».

В конце 50-х годов мир облетела буквально ошеломляющая новость — Советский Союз создал и запустил на орбиту вокруг Земли искусственный спутник. И он реален, более того, осязаем. За его полетом можно наблюдать с земли невооруженным глазом, слушать его сигналы, передаваемые из глубин звездного мира. Этот потрясающий умы и чувства людей факт вызвал поток обращений в соответствующие инстанции.

Тысячи и тысячи молодых людей писали заявления, высказывали готовность к любым испытаниям, к полету на спутнике. Но из сотен и тысяч увлеченных мечтателей, одержимых идеей полета к звездам, жаждущих принять участие в делах необычных и трудных, отобрали немногих.

Принцип отбора сформулировал С. П. Королев: «Для этой цели более всего пригоден летчик, и прежде всего летчик-истребитель. Это и есть универсальный специалист. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер. А будучи кадровым военным, он обладает необходимыми морально-волевыми качествами. Его отличают собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели».

Юрий Гагарин — один из них.

Об этом убедительно свидетельствует вся его жизнь, связанная

с авиацией, где он сформировался в признанного авиационного специалиста и гражданина великой страны Советов, обрел все то, что сделало его бессмертным.

1941 год

1 сентября. Юрий Гагарин пошел учиться в первый класс Клушинской неполной средней школы. Позднее, в автобиографии, Юрий Алексеевич напишет: «В 1941 году поступил учиться в Клушинскую НСШ. Но учеба была прервана нашествием немецких фашистов.

На всю жизнь Юрий запомнил воздушный бой, в котором наш краснозвездный самолет был подбит и упал за селом в болото. Мальчишки помогли летчику выбраться из трясины на сухой луг. Вскоре рядом с болотцем сел истребитель «Як». Впервые Юра и его друзья видели военный самолет, настоящих боевых летчиков и подлинные ордена на груди отважных асов. Всю ночь летчики дежурили у своих самолетов. Отказавшись идти в село, рассказывали ребятам о войне, воздушных сражениях. Юра жадно ловил каждое их слово.

12 октября. Занятия в школе были прерваны ввиду того, что гитлеровские войска оккупировали село. «Клушино долгое время было отрезано от всего мира,— вспоминал Юрий Алексеевич.— Семью выгнали из дому, жить пришлось в землянке. Так мы и жили: в огне и дыму. День и ночь что-нибудь горело поблизости».

1942 год

В один из январских дней Юрий вновь увидел над селом воздушный бой. На всю жизнь врезались в память детали этого сражения, непреоборимая наступательность краснозвездных истребителей и остервенелость мрачных фашистских бомбардировщиков «люфтваффе». Теперь Юра хорошо знал силуэты советских истребителей и легко отыскивал их в небе.

1943 год

9 марта. Советские войска освободили от фашистов Гжатский район. «После двухлетнего перерыва,— писал позднее в газете «Правда» Юрий Алексеевич,— я снова отправился в школу».

Полуголодные, полураздетые дети войны испытывали необъяснимую тягу к знаниям. Мальчишки и девчонки тех лет, учившиеся читать по фронтовым газетам, сообщениям Совинформбюро, «Боевому уставу пехоты», военным плакатам и листовкам, писавшие на оберточной бумаге, обоях и старых газетах, очень хотели стать настоящими людьми.

1944 год

На хрупкие плечи детей военного поколения легли совсем недетские заботы о доме, скудном домашнем хозяйстве, раненых отцах и болезненных матерях. И все эти обязанности надо было совмещать с учебой.

Учился Юрий хорошо, помогал по хозяйству. Успевал, когда выпадало свободное время, заниматься в художественной самодеятельности, играл в духовом оркестре. На школьном конкурсе на лучшее сочинение о Владимире Ильиче Ленине Юра Гагарин занял призовое место.

1945 год

В мае по решению отца, Алексея Ивановича Гагарина, семья из Клушино переехала в Гжатск. Скучал по родному селу. «Я никак не мог позабыть наш обжитой домик в Клушино,— писал спустя много лет Юрий Алексеевич,— окруженный кустами сирени, смородины и бересклета, лопуха и чернобыльника, синих медвежьих ушек — всего того, что связывало меня с детством».

1946 год

4 ноября. Юру приняли в пионеры. Теперь он часто бывает в Доме пионеров, занимается в драмкружке, играет в школьных спектаклях. Позднее скажет: «Жил так, как жили все советские дети моего возраста».

Под непосредственным влиянием дяди Павла и своей матери с упоением читает научно-фантастические романы, повести, рассказы. Преподаватель литературы Ольга Степановна Раевская пробудила в подростке живейший интерес к творчеству Алексея Максимовича Горького. Уже став военным летчиком, Юрий запишет в свой дневник слова Горького:

«Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — зачем он существует? — он мужественно движется — вперёд! и — выше — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

1947 год

Увлечение художественной самодеятельностью не проходит: Юра играет в духовом оркестре, поет в школьном хоре, играет в одноактных пьесах. Читает со сцены стихи, прозу, чаще всего из полюбившегося романа Александра Фадеева «Молодая Гвардия».

Год выдался засушливый, урожай не уродился, время наступило голодное. Все заботы по уходу за огородом Юра и его брат Борис взяли на себя. Анне Тимофеевне было очень трудно: работа, уход за домашним скотом, кухня, воспитание детей.

1948 год

Колхоз нуждался в помощи ребят. Школьники пасли скот, заготовляли для полей коровяк, трудились на сенокосных угодиях.

Труд их щедро оплатило правление колхоза, вручив школе комплект музыкальных инструментов.

Юра много читает: Толстой, Чехов, Лермонтов, Пушкин.

Материальные трудности в семье, постоянные нехватки самого

насущного вынуждали Юру искать надежного пути в жизни. Он стремился к самостоятельности, стремился быстрее обрести рабочую профессию.

1949 год

Юрий Гагарин окончил шесть классов Гжатской средней школы и поступил в Люберецкое ремесленное училище по специальности формовщик-литейщик.

Мечта о небе, родившаяся под влиянием дружбы с дядей Павлом и впечатлений от встреч в годы войны с военными летчиками, стремительно заполняла все его существо. Однажды в своей тетради Юрий написал: «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. Циолковский».

1950 год

Январь. С большим усердием Юрий постигал свою рабочую профессию литейщика.

Май. Снова побывал в гостях у Марии Тимофеевны.

Из рассказов мамы Юрий знал, что Мария Тимофеевна в свое время встречалась с В. И. Лениным, была в Смольном. Он подробно расспрашивал тетю о той незабываемой в ее биографии странице.

Сентябрь. После заводской практики на заработанные деньги Юра купил фотоаппарат «Любитель», с большим увлечением учился фотографировать. Снимал все: природу, животных, дома, людей.

1951 год

Май. Окончил седьмой класс вечерней школы рабочей молодежи.

Июнь. Окончил Люберецкое ремесленное училище по специальности формовщик-литейщик.

Июль. Попрощавшись с ремесленным училищем, приехал в отпуск к родителям. Советовался с ними о своей будущей жизни. Отец настаивал на том, чтобы идти работать, мать просила продолжать учебу.

Август. Поступил в Саратовский индустриальный техникум. В заявлении на имя директора техникума Юрий Гагарин писал: «Я желаю принести как можно больше пользы моей Родине. Все требования, предъявляемые ко мне, обязуюсь выполнять честно и беспрекословно».

10 ноября. Записался в библиотеку художественной литературы, взял читать роман Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» и буквально был потрясен подвигом Алексея Маресьева.

1952 год

7 февраля. Выступил на тематическом вечере в техникуме. Тема — «Твоя профессия».

1 сентября. Начались занятия. Было введено много новых предметов, повысились требования к учащимся. Юрия избрали членом бюро комсомольской организации, руководителем спортивного отделения общества «Трудовые резервы», созданного в техникуме. Через несколько лет Юрий Алексеевич напишет: «В очень интересное время проходила наша молодость! Надо было торопиться с учением. Мы были всюду нужны».

1953 год

17 января. Юрий написал домой письмо, в котором впервые робко излагал свои жизненные планы. Признался, что очень хочет летать. Нет, техникум он не бросит, специальность получит непременно, но летать...

18 февраля. По инициативе Валентина Чапаева, племянника легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, был организован лыжный пробег по местам революционной и боевой славы, посвященный Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота. Активное участие в подготовке пробега принял Юрий Гагарин. Как тренированный спортсмен, он был во время пробега, что называется, на высоте.

20 марта. Прочитал книгу К. Э. Циолковского «Вне Земли» и был потрясен смелостью и оригинальностью суждений ученого, удивлен простотой и доступностью изложения сложных научных концепций межпланетных полетов. Книга Циолковского впервые открыла для Гагарина неведомый ранее мир. Позднее Юрий Алексеевич скажет: «Циолковский перевернул мне всю душу».

9 мая. День Победы над фашистской Германией. Под впечатлением событий дня, встреч с фронтовиками вечером он пишет другу: «Трудно представить: солдат, участник войны, штурмовавший Берлин,— уже история. Я очень хорошо помню войну и с особой теплотой и благодарностью вспоминаю солдат, освободивших мой город. Хочется осмыслить прожитое и сделать свою жизнь нужной и полезной людям».

16 июля. Начались каникулы. Выехал в Гжатск. В отпуске много работал, помогая по дому, читал. Увлекся поэзией, открыл для себя несколько интересных поэтов, в произведениях которых нашел созвучные темы.

У Фета: «На стоге сена ночью южной лицом ко тверди я лежал, и хор светил, живой и дружной, кругом раскинувшись дрожал».

У Княжнина: «Орел, любимец гордый грома, свой к небу правит быстр полет, он, кажется, достигнет дома, отколь исходит солнца свет».

У Брюсова: «Как отчий дом, как старый горец горы, люблю я землю, тень ее лесов: и моря рокоты, и звезд узоры, и странные строенья облаков».

Поэзия все более увлекала Гагарина, ее вселенские мотивы он никогда не исключал из своих любимых стихов.

1954 год

12 апреля. В один день вдруг все перешли на «вы». Преподаватели вдруг стали обращаться с учащимися как со взрослыми людьми, равными себе, как с коллегами. Это вызвало в аудитории переполох, иронию. Потом все вошло в свою колею: они выпускники...

4 сентября. Учащиеся четвертого курса, вернувшись с каникул, уезжали на практику. В перечне направлений значились крупнейшие металлургические заводы страны. Юрий Гагарин был направлен в Москву на завод имени П. Л. Войкова, где работает с большим увлечением. Иногда трудится по две смены подряд.

2 октября. После нескольких трудовых смен появилась возможность посмотреть Москву. Гуляя по Красной площади, постоял у памятника Пушкину, побывал в цирке на Цветном бульваре.

6 октября. У станции метро «Сокол» встретил учащихся Московской авиашколы. С завистью и обожанием смотрел на ладных и стройных парней, одетых в авиационную курсантскую форму. Провожая их, дошел до здания школы.

Через несколько лет Юрий Алексеевич расскажет выпускнику этой школы Владимиру Комарову о той своей — еще одной — встрече с авиацией.

25 октября. Юрий Гагарин и еще несколько четверокурсников — Виктор Порохня, Иван Логвинов, Петр Семейкин, Михаил Чекунов,— возвратившись с практики, подали заявления в местный аэроклуб. На следующий день они были зачислены на отделение пилотов.

31 октября. Начались занятия в аэроклубе. На плечи учлетов легла невероятно большая нагрузка. Занятия в техникуме до обеда, после обеда — в аэроклубе, строгий режим, жесткий распорядок дня. «В аэроклуб поступали многие — да окончил он один»,— скажет много лет спустя сокурсник Юрия Гагарина.

1955 год

7 января. Объявили о новом расписании занятий в аэроклубе. Скоро полеты. А пока им читали лекции бывалые летчики. Просто и доходчиво раскрывали перед юношами мир новых наук — теории полета, конструкции самолета и мотора, аэродинамики больших скоростей.

23 февраля. Начальник аэроклуба Герой Советского Союза Г. К. Денисенко собрал всех курсантов по случаю Дня Советской Армии и кратко рассказал о героизме летчиков на войне, о высоком долге советских авиаторов, поблагодарил курсантов за стойкую приверженность небу. Юрия Гагарина назвал в числе прилежных пилотов.

Объявив итоги сдачи зачетов по теоретическим предметам,

курсантов разбили на летные группы. Юрия определили в шестую летную группу второго звена.

9 мая. Заместитель начальника аэроклуба по политической части Виктор Николаевич Фимушкин в беседе с курсантами рассказал о боевых подвигах воспитанников саратовского аэроклуба. Подвиги саратовских авиаторов в годы войны широко известны советским людям. Двадцать два воспитанника удостоены звания Героя Советского Союза. Со многими из них Юрий встречался, дружил. А у Сергея Ивановича Сафронова, командира звена, учился летать.

18 мая. Совершил первый парашютный прыжок. Прошел он удачно. Написал домой о своих впечатлениях.

24 мая. Первый полет с инструктором Дмитрием Павловичем Мартьяновым. Юрий писал о своих впечатлениях родным: «Глаза разбегаются, дух захватывает, и не поймешь что к чему... Этот полет наполнил меня гордостью, придал смысл всей моей жизни».

25 мая. Началась активная подготовка к государственным выпускным экзаменам в техникуме.

Юрий как председатель физического кружка провел итоговое заседание, посвященное открытиям в науке. Выступил на нем с докладом о научном наследии Константина Эдуардовича Циолковского. «Пожалуй, именно с этого доклада о работах Циолковского и началась моя «космическая» биография. В литейщике родился летчик»,— писал впоследствии Юрий Алексеевич.

27 июня. Юрий Гагарин окончательно сделал свой выбор: небо. Воздушная стихия, романтика движения, гул высотного ветра победили.

Написал домой.

«Мама! Я люблю тебя. Люблю твои руки, большие и ласковые, люблю морщинки у твоих глаз и седину в твоих волосах. Никогда не беспокойся обо мне». Дома это письмо вызвало переполох: что бы это значило?

29 июня. Юрий защитил диплом с отличием. Государственная экзаменационная комиссия присвоила ему квалификацию техника-литейщика.

Выпускной вечер проходил на Казачьем острове. Приехали преподаватели. Бывшие учащиеся и наставники говорили о будущем, о профессиях, о необходимости постоянно учиться. Девчата и ребята уезжали, а Юра оставался в аэроклубе, предстояла серьезная летная практика.

30 июня. Курсанты аэроклуба выехали в лагеря, на загородный аэродром. На время сборов Гагарина назначили старшим группы и комсоргом летного отряда.

2 июля. Начались самостоятельные полеты. Первый полет по кругу. Позднее об этом полете Юрий Алексеевич вспоминал: «Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу сам! Только авиаторам понятны мгновения первого самостоятельного полета...»

3 июля. Газета саратовских комсомольцев «Заря молодежи» опубликовала репортаж о полетах аэроклубовцев. Журналист Евгений Петров писал: «Начинается подготовка к полетам. В этот день программа разнообразна. Одни будут отрабатывать взлет, другие — посадку, третьи — пойдут в зону, где им предстоит выполнять различные фигуры пилотажа.

Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полет. Юноша волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, запрашивает разрешение на взлет.

— Взлет разрешаю,— передает по радио руководитель полетов Н. Ф. Пучик».

15 июля. Началась подготовка к зачетным полетам. Летали почти каждый день, с рассвета до наступления сумерек были на аэродроме. Юрий загорел, возмужал, окреп. В лагерных условиях, в нелегком бивачном быту выковывался свой особый климат товарищества, создавался нравственный кодекс молодых пилотов, заимствованный у армейских коллективов военной поры.

Молодые парни, сцементированные несокрушимой любовью к небу, со спартанским простодушием относились ко всему, что не входило в расписание полетов. Многие аэроклубовцы, взяв за образец литературных героев, вели дневники, бросали курить, ограничили себя в еде, мало спали. Большинство молодых пилотов «делали жизнь» с известных героев Великой Отечественной войны.

17 июля. Из Гжатска пришло письмо. Анна Тимофеевна писала: «Мы гордимся, сынок, тобой... Знаем, что вырастаешь ты достойным нашей великой страны человеком. Но ведь в жизни так много соблазнов, которые могут повернуть путь в сторону. Газету получили, читали всей семьей. Смотри не зазнавайся там...».

25 июля. Пресса была к нему неравнодушна. Утром появился боевой листок «Молния», в котором сообщалось о самоотверженном поступке Юрия Гагарина. На одном из самолетов возник пожар, пламя угрожало и курсанту, и самому самолету, который мог в любую минуту взорваться. Гагарин в мгновение ока оказался у самолета, рискуя собственной жизнью, вытащил из кабины товарища, впавшего в шок, энергично приступил к тушению. Угрожающего положения избежать удалось, а самолет общими усилиями — отремонтировали.

30 июля. Во время парашютных прыжков одного курсанта отнесло далеко в поле. Вероятно, напуганный этим необычным обстоятельством, изменившейся местностью, ослабив внимание, курсант забыл об осторожности и неудачно приземлился. Юрий Гагарин прибежал первым, взвалил товарища на себя и донес до санчасти.

1 августа. У Юрия Гагарина было удивительное чувство контакта с людьми.

Молодой пилот Михаил Соколов пригласил Юрия в гости к своему дяде в Аткарск. Гагарин охотно согласился. Путь неблизкий. Легкие на подъем, без претензий на сервис, они вдвоем отправились в гости на товарном поезде. В дороге Юрий был весел, с ненасытным интересом смотрел на проносившиеся мимо села, леса, поля.

По возвращении Михаил спросил Гагарина:

— Доволен поездкой?

— Думается, я хорошо выполнил свою миссию.

Михаил улыбнулся: да, он пригласил Юрия, чтобы убедить дядю в правильном выборе будущей профессии. Юрий, как видно, с самого начала разгадал эту его маленькую хитрость...

3 августа. В перерыве между полетами инструктора говорили об Экзюпери. Гагарин прислушался, для него это было новое имя. Спросил одного, другого — французского писателя знают. Пошел в библиотеку.

В своем дневнике записал: «Антуан де Сент Экзюпери! Прочитать!»

8 сентября. Осталась неделя до экзаменов, а дел было еще много. В день Юрий делает по 2—3 тренировочных полета, с особым шиком притирает самолет к «Т». Программа летной практики подходила к концу. Учеба в аэроклубе завершалась.

Вспоминая об этом времени, Юрий Алексеевич скажет: «Незаметно подкралась тихая осень. Через аэродром потянулась паутина бабьего лета, в палатках по ночам становилось холодно». Но была и другая причина для грусти, предстояло расставаться с Саратовом, городом, который полюбил и в котором прошли незабываемые годы.

24 сентября. Сданы все экзамены. Индивидуальные оценки пилота Гагарина таковы: конструкция самолета Як-18 — отлично, мотора М-II-ФР — отлично, самолетовождение — отлично, аэродинамика — отлично, наставление по производству полетов — отлично, радиосвязь — отлично, общая оценка — отлично.

25 сентября. Прощальное построение молодых пилотов, закрытие лагеря. Октябрьский райвоенкомат Саратова активно участвует в церемониале прощания с выпускниками аэроклуба, вручает документы тем, кто направляется в Оренбургское авиационное училище летчиков. В их числе Юрий Гагарин.

Состоялся ритуал прощания с самолетом Як-18 под номером шесть. Прощай, конек-горбунок! Каждый выпускник прощался со своим крылатым другом. Всем было немножко грустно: что это — начало пути в авиации или его завершение?

29 сентября. Начался отпуск. Юрий получил возможность побывать дома, встретиться с родными, порыбачить, походить по родным местам.

На время забытый дневник с торопливой поспешностью стал пополняться новыми записями, среди которых — раздумья о жизни,

о поиске путей приложения своих сил. Значительное место тут занимают мысли об авиации, о профессии военного летчика.

1 октября. Братья одобрили выбор Юрия. «Должен быть в нашей семье и военный», — твердо сказал Валентин.

Недовольно ворчал отец, Алексей Иванович, не очень одобрявший столь затянувшуюся учебу.

— Почитай, уже дюжину лет за партой. Пошто учиться: специальность при тебе, голова, слава богу, хорошо варит. Начинай работать, Юрий.

— Так меня же военкомат призвал, батя! Это же мой долг перед народом, перед страной...

Слово «военкомат» на Алексея Ивановича, старого солдата сержанта запаса, подействовало.

25 октября. Юрий Гагарин прибыл в Оренбург.

28 октября. В письме домой Юра рассказал о том, как доехал, свои впечатления о дороге, о том, что в этих местах жива авиационная слава Чкалова. Здесь много людей, которые помнят его, знают его родственников.

Сообщил о том, что принят в училище, что вступительные экзамены не сдавал, так как на руках у него диплом об окончании техникума с отличием.

«Итак, началась моя военная жизнь! — писал Юрий Гагарин. — Нас всех, как новобранцев, подстригли под машинку, выдали обмундирование — защитные гимнастерки, синие бриджи, шинели, сапоги. На плечах у нас заголубели курсантские погоны, украшенные эмблемой летчиков — золотистыми крылышками. Я нет-нет да и скашиваю глаза на них, гордясь и радуясь, что приобщился к большой семье авиаторов Советской Армии».

Когда 1 августа 1967 года Юрий Алексеевич выступит по Оренбургскому телевидению, то на вопрос: «Какие узы связывают вас с Оренбургом?»,— он ответит: «Очень простые и славные. Здесь прошла моя юность, здесь окончил летное училище, научился неплохо летать. Здесь встретил любимую — и она стала моей женой... Тихие, зеленые улочки, быстрина Урала, где мы купались всей нашей пятой эскадрильей. Знаете, все это пронеслось в какое-то мгновение там, в космосе»,

30 октября. За четкое выполнение распорядка дня курсант Гагарин поставлен в пример всей эскадрилье.

Для прохождения курса молодого бойца Гагарин назначен во взвод капитана Бориса Федорова, строгого и требовательного офицера. Через неделю, ознакомившись с личным делом Юрия Гагарина, он неожиданно подобрел к молодому курсанту, сменил гнев на милость.

— У вас, оказывается, около двухсот полетов? — сказал он с искренним удивлением. — Молодец!

5 ноября. Написал трогательное, благородное письмо Мартьянову, но ни словом не обмолвился о том, что характеристика, которую тот дал ему, Гагарину, помещена здесь в боевом листке.

В ней, кстати, говорилось: «Справляется с возложенными на него обязанностями хорошо. Теоретические дисциплины знает отлично. Общая оценка по технике пилотирования отличная. Летает с большим желанием. Приказания командиров выполняет быстро и добросовестно...».

Ребята в эскадрилье подобрались толковые, влюбленные в небо.

11 декабря. Очень хотелось сфотографироваться в курсантской форме, послать домой фото. Обещал же. Уговорил местного фотографа «щелкнуть». Четыре друга, чуточку неловкие в новеньких шинелях, в еще не обмятых шапках улыбаются объективу, улыбаются открыто и доверчиво.

17 декабря. В учебной библиотеке училища Юрию разрешили посмотреть фонд книг о космонавтике, межпланетных полетах. Среди огромных фолиантов нашел сиреневый томик «Избранные труды» К. Э. Циолковского. Книга вторая. Реактивное движение. Под редакцией инженера Ф. А. Цандера, 1934 год».

Фамилия Цандера — в черной рамке. Значит, он уже не увидел этой книги.

В своем предисловии Ф. А. Цандер писал: «Циолковский принадлежит к числу тех людей, которые своей любовью к делу и проницательностью ума нашли новое в области, в которой люди науки еще мало сделали по выявлению имеющихся практических возможностей».

19 декабря. На книги Экзюпери в библиотеке очередь. Повесть «Ночной полет» в единственном экземпляре строго оберегалась библиотечными работниками. Читать разрешалось только здесь, в зале, под неусыпным контролем хранителей духовных ценностей. Бережно принимая книгу из рук заведующей библиотеки, Юрий и не предполагал, сколь ценный подарок он получает.

20 декабря. Снова читал полюбившегося ему писателя. Извлечен забытый на время дневник. В него легли слова Экзюпери: «Фабьен шел от города к городу — он пас эти маленькие городишки. Он встречал их каждые два часа, города приходили на водопой к берегам рек или щипали траву на равнинах».

И еще: «Нужно заставить их жить в постоянном напряжении, — размышлял начальник аэропорта Ривьер, — жизнь, которая приносит им и страдания и радости, это и есть настоящая жизнь».

26 декабря. Из письма аэроклубовскому инструктору Мартьянову: «Учеба проходит нормально. В увольнение пока еще не ходили... Преподаватели здесь хорошие, строгие, и командиры — тоже. Шприца дают часто. В общем, привыкаем к солдатской жизни. Нам, аэроклубовцам, это не очень трудно. Летать, очевидно, начнем в конце зимы. Сейчас ждем прибытия новых машин с носовой установкой. На днях примем присягу и по-настоящему начнем изучать реактивную технику. Будущее авиации в больших скоростях. Возможно, учтут мою аэроклубовскую подготовку и сократят сроки учебы. Убедил отца, что учиться мне необходимо.

Настоящий защитник Родины тот, кто умеет хорошо владеть оружием».

1956 год

8 января. Торжественный и памятный день: прием военной присяги.

«За окнами на дворе трещали морозы, — вспоминал Юрий Гагарин, — поскрипывали деревья, ослепительно сверкал снег, освещенный солнцем».

Настроение у Юрия приподнятое, высокое чувство ответственности перед Родиной придает новые силы, уверенность в необходимости и правоте выполняемого дела.

27 января. На лекциях, практических занятиях, в аудиториях и на аэродроме — все говорят о фронтовом опыте. Решили провести вечер на тему о крупнейших воздушных сражениях. Определили инициативную группу, утвердили ответственных за подготовку докладов. Юрию Гагарину предложена тема — «Налет советской авиации на Берлин в 1941 году».

1 февраля. На танцевальном вечере в клубе училища Юрий познакомился с Валентиной Горячевой, работницей телеграфа. Жизнь Юрия круто и неожиданно изменилась. Он глубоко и искренне полюбил Валю. Это была любовь, о которой принято говорить «с первого взгляда».

6 февраля. Начались зачеты по теоретическим дисциплинам. Юрий получил первую оценку.

9 февраля. Вечером в Ленинской комнате состоялась задуманная ранее беседа по истории авиации. Юрий выступил с сообщением о дерзком налете советской авиации на Берлин, ошеломившем немцев.

19 февраля. Основная теоретическая программа завершена. В марте предполагают начать полеты на Як-18. В училище определилось два потока на одном наборе: группа выпуска 1957 года, успешно освоившая теоретический курс и имеющая большой налет на Як-18, и выпуск 1958 года — из тех, кому целесообразно программу увеличить.

Юрий Гагарин включен в первую группу.

«Погода сейчас стоит хорошая, — писал он своему бывшему инструктору Мартьянову. — Ждем приближения весны, лета и полетов. Недавно были сильные бураны. Поезда на дорогах заносило по паровозную трубу. Мы ездили на снегоуборку. Ветер достигал 36 м сек. Трудно было держаться на ногах...».

22 февраля. Юрий произведен в сержанты. Поздравляя, капитан Федоров сказал: «Сержант — первый учитель».

25 февраля. Преподаватель тактики заболел. Командиру классного отделения сержанту Гагарину поручено провести занятие. Юрий взошел на кафедру, попросил открыть рабочие тетради и записать план лекции.

«Пункт первый, — объявил он. — Цели космических исследований. Пункт второй. Космический корабль, устройство и назначение. Пункт третий. Состав экипажа, направляемого на таинственную и загадочную планету Марс».

Курсанты, привыкшие к беспрекословному повиновению, добросовестно записывали, не подозревая подвоха. Гагарин озорно осмотрел класс: в полном доверии на него смотрели двадцать две пары глаз.

«Итак, вопрос первый, — продолжал он уже серьезно, — найти в необъятном мире Вселенной, в бесконечном пространстве Млечного пути другие цивилизации, доказать, что мы не одиноки, что человеческий разум всесилен».

Юрий в ускоренном темпе излагал материал, который уже давно его волновал, становился предметом постоянного увлечения. Он говорил не только о научных, чисто теоретических целях космических полетов, но и о практической стороне дела.

Материал был явно не по теме, но, странно, никто из присутствующих не выразил ни сомнения, ни удивления. Больше того, увлеченные рассказом Гагарина, курсанты и не заметили, как пролетели эти два часа занятий. Судьба распорядилась так, что ровно через четыре года именно на эти вопросы Юрий Алексеевич будет отвечать Государственной комиссии.

4 марта командир части подполковник Рябиков написал письмо в Гжатск, матери сержанта Гагарина.

«Анна Тимофеевна, можете гордиться своим сыном. Он отлично овладевает воинской наукой, показывает образцы воинской дисциплины, активно участвует в общественной жизни подразделения. Командование благодарит Вас за воспитание сына, ставшего отличным воином, и желает Вам счастья в жизни и успехов в труде».

8 марта. Юрий принял приглашение Вали и вновь, хотя и не без робости, пришел в гости к Горячевым. Отец Валентины, Иван Степанович, приготовил свои любимые кушания: пельмени по-уральски, беляши, пироги с рыбой и яблоками. С веселым радушием угощал гостя.

После шумного и затянувшегося ужина Юра читал Валентине стихи Есенина. «Сад полышет, как пенный пожар, и луна, напрягая все силы, хочет так, чтобы каждый дрожал от щемящего слова «милый». Только я в эту цветь, в эту гладь под тальянку веселого мая, ничего не могу пожелать, все, как есть, без конца принимая».

25 марта. Чуть больше месяца до майского праздника. Первый курс привлекли к подготовке к параду. Распорядок дня уплотнился, стал жестче, насыщеннее. На строевом плацу училища часами тренировались курсанты.

1 апреля. Отделению сержанта Гагарина определили место в парадном строю. Юрий оказался в последней, «малышевой», шеренге.

3 апреля. Теплый весенний вечер. Как правило, они встречались у телеграфа. Погуляв по городу, заканчивали свои прогулки на улице Чичерина, у дома Горячевых. Через двенадцать лет этот дом станет музеем. Валентина Ивановна Гагарина в декабре 1971 года сообщит работникам этого музея: «Для музея передаю: китель, брюки, рубашку, галстук, планшет, значок «Летчик 1-го класса», медаль, выпущенную в Калуге к 10-летию полета Гагарина... Землю с места гибели Юрия Алексеевича. Десять писем, присланных ему после полета».

7 мая. Началась летная практика. Весь воскресный день — седьмого мая — ушел на переезд на полевой аэродром, на передислокацию, устройство и наведение порядка. Жить предстояло в палатках. Для Юрия это дело привычное. В бытность свою в Саратовском аэроклубе жил точно так же.

9 мая. Благоустройство еще продолжается, правда, в основном в свободное от летной работы время. На служебном совещании Гагарин внес предложение: все оборудовать, как в настоящем воинском лагере. Воду надо не привозить из города, а найти на месте, достать трубы и провести водопровод. Должны постоянно работать библиотека, клуб.

14 мая. Работа без выходных, служба без привалов. Утром, строя отделение, Юрий объявил: не хныкать!

В дополнение к существующему распорядку дня, в котором четырнадцать часов рабочего времени, Гагарин успевает заниматься спортом, участвует в самодеятельности, проводит беседы об авиации. Единственная привилегия в воскресенье — можно спать на час больше!

16 мая. Написал домой, рассказал о себе, о предстоящих полетах. «Удалось ли обработать приусадебный участок? — заботливо спрашивал родителей Юрий. — Хорошо ли цветет сад?».

20 мая. Привезли обещанные трубы для водопровода. Правда, не все, а часть. Но начало положено.

21 мая. Инициатор «городского сервиса» Юрий Гагарин предлагает выйти всем на воскресник по строительству водопровода.

— Опять работать! А когда же отдыхать? — ворчат молодые авиаторы.

Но авторитет большинства всесилен.

25 мая. Юрий Гагарин за добросовестность и инициативу, проявленные в работе, получил благодарность.

1 июня. Составлена первая плановая таблица полетов. В основном это полеты с инструктором. Юрий с нетерпением ждет их. Возможно, между методикой гражданского аэроклуба и методикой военного училища есть разница.

3 июня. Первый выходной день. Нет занятий, нет бесконечных работ по наведению порядка. С утра спортивные соревнования, затем концерт художественной самодеятельности, кинофильм.

6 июня. Валентина прислала письмо. Пишет о себе, о доме, о

подругах, о том, что родители передают привет и очень интересуются его жизнью, полетами.

Когда его отпустят в увольнение, он приедет к Вале, сдерживая прерывистое дыхание, торопливо поднимется по ступенькам, войдет в дом и увидит приготовление к торжеству. Юрий застесняется, станет извиняться, думая, что нарушил семейное единение, а Валя счастливо улыбается.

— А мы ведь тебя ждали,— скажет она.

— Меня?— удивится Юра.— Как же вы могли знать?

— Не знаю. Мы ждали.

1 июля. Начались затяжные дожди. Полеты отменены, курсанты возвращены в классы. Аэродром, до того содрогавшийся от гула машин, затих.

7 августа. Юрий завершил программу на учебном Як-18, в совершенстве освоил пилотажную машину, летал на ней легко, уверенно.

16 августа. Комсомольское бюро части заседало допоздна: дежурный сделал снисхождение — разрешил нарушить распорядок. Ведь эскадрилья успешно и досрочно, как и брала обязательства, завершила учебно-летную программу, и теперь комсомольцы решили просить командование послать их на уборку картофеля.

18 августа. День Воздушного Флота выпал на субботу. В части объявили праздничный день. Полетов, правда, не отменили, но устроили роскошный обед, а вечером, после торжественного заседания,— концерт и танцы.

23 августа. По согласованию с местными партийными органами пятая авиационная эскадрилья выехала на уборку картофеля в Шарлынский район.

2 сентября. Начались проливные дожди. Промокали не только бушлаты, гимнастерки, но, кажется, и все тело насквозь.

Распорядок дня установили коллегиальным решением: от подъема до отбоя — в поле, без выходных. Убрать урожай полностью — дело государственной важности!

7 сентября. Юрий Гагарин организовал в клубе концерт. Юмор — большой помощник в работе. Заразительный его оптимизм оказывает самое благоприятное воздействие на уставших людей.

В эти дни Юрий постоянно возвращается к мысли о Валентине.

15 сентября. Снова в родном училище. Добрались без происшествий. «Потерь нет, но разбитые сердца есть»,— констатировал Гагарин.

17 октября. Получил письмо из дома. Родители сообщали о многочисленных новостях Гжатска, об уборке урожая, о том, что Юрины сверстники, как говорится, берутся за ум, женятся, становятся солидными и уважаемыми людьми. «Хорошо бы и нам дожить до твоих деток, Юра, еще внучков понянчить»,— писала Анна Тимофеевна сыну.

27 октября. Перед младшими командирами выступил начальник училища генерал Макаров. Он говорил о роли младшего командира в формировании здоровой нравственной атмосферы в коллективе, подготовке воздушного бойца, защитника неба Родины. В числе лучших сержантов генерал назвал Юрия Гагарина. «Я уверен,— сказал он,— что такие курсанты, как Гагарин, составят цементирующий костяк офицерского корпуса, станут гордостью Советских вооруженных Сил».

9 ноября. Юрий распрощался с друзьями и отправился в отпуск. О своем приезде родителям не сообщил. Радостное чувство от близкой встречи с родными омрачалось расставанием с Валей...

13 ноября. С большим желанием помогал дома. Юрий умело владел топором, рубанком, стамеской. Каждый день наведываются друзья, школьные товарищи, с женами и без оных. Иные уже стали папашами, посматривают свысока на холостяков.

17 ноября. Перебирал в подполе дома картошку, заложенную на зимнее хранение. С гнильцой, срезанную лопатой отбрасывал для корма скоту.

21 ноября. Бесцельно бродил по дому, куда-то уходил и тотчас возвращался, устроился у печи с книгой, но не читалось. Вечером поведал брату Валентину о желании прервать отпуск и вернуться в Оренбург.

— Если это у тебя с ней серьезно, надо ехать,— поддержал брат.

1 декабря. Новый учебный год начался активно. Гагарина и еще нескольких курсантов, хорошо подготовленных на самолете Як-18, перевели в другое летное подразделение, начинавшее освоение реактивного истребителя МИГ-15.

22 декабря. На зачете по теории двигателя преподаватель подполковник Резников поставил Гагарину тройку. Офицер был строг, требователен, но справедлив. Юрий не ответил на ряд вопросов, был несколько расплывчив в объяснении тоеретических положений, а некоторые вообще слабо знал. «Я весь похолодел,— вспоминал Юрий Алексеевич.— Это была первая тройка за все мое учение, первое мое личное «чепе» — наказание за самоуверенность».

Надо было честно признаться в своей слабой подготовленности, но Юрий этого не сделал.

Через несколько дней он пересдаст предмет на «отлично». Но этот урок запомнится на всю жизнь. Он скажет: «Многому меня научил этот эпизод. Пожалуй, дело было не в знаниях, а в отношении к предмету. Кое-что я знал, мог бы получить свои четыре или пять баллов, но внутренней перестройки не произошло бы. А это подвело бы...».

1957 год

15 января. Полеты на реактивном истребителе очень изменили курсантов. «Все мы стали серьезнее,— вспоминал Юрий Алексе-

евич.— Мы оставили свое детство, ребячество за чертой аэродрома».

17 февраля. На вечере, посвященном творческой деятельности известного авиаконструктора Артема Ивановича Микояна, выступил Юрий Гагарин. В своем сообщении он не только осветил этапы работы талантливого конструктора, но и остановился на перспективах будущих полетов на реактивных и ракетных летательных аппаратах. «Отечественная авиация, рожденная гением А. Можайского, Н. Жуковского и К. Циолковского,— говорил он,— в конечном счете имеет своей целью полеты космические».

Через несколько месяцев, на митинге, посвященном запуску первого советского искусственного спутника Земли, один из преподавателей вспомнит об этом: «Хорошо зная законы марксистской диалектики, курсант Гагарин с предельной убедительностью говорил о скорых полетах в космическое пространство...»

9 марта. Прибежал к Вале под вечер, семья была в сборе, вручил женщинам по веточке мимозы. Валя поздравила Юру с днем рождения, подарила две свои фотографии, на обороте одной из них написала: «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство до самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя».

11 марта. О своем решении жениться, о предложении, сделанном Валентине Горячевой, Юрий написал домой.

Официально известил и своего командира. Теперь он, как и другие женатые курсанты, пользовался некоторыми привилегиями, предусмотренными уставами Советской Армии.

7 апреля. На вечере «Советский офицер» выступил Юрий Гагарин. Он говорил о том, каким должен быть офицер, как он представляет себе образ защитника Родины, какие принципы должны быть положены в основу воспитания нравственных и духовных начал советского командира. «Я хочу быть похожим на Ивана Кожедуба, Александра Покрышкина, Николая Гастелло, Виктора Талалихина, Алексея Катрича, Михаила Громова, Николая Каманина»,— говорил Гагарин.

9 апреля. Начались полеты на боевое применение. Инструктор Анатолий Григорьевич Колосов со скрупулезной методичностью учил своих питомцев искусству воздушного боя, стрельбы по наземным целям.

27 апреля. В Ленинской комнате появился красочный стенд «Боевая слава училища». Сделан он был Гагариным. Юрий собрал материал о выдающихся выпускниках училища В. Забалуеве. Л. Горегляде, Ф. Полынине. Т. Бегельдинове, А. Смирнове, И. Злыденном, М. Девятаеве, Л. Беде и других. На комсомольском собрании Юрий Гагарин рассказал о подвиге группы советских военнопленных, совершивших смелый побег из концлагеря Свинемюнде на немецком самолете. Пилотировал самолет военный летчик Михаил Девятаев.

15 августа 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Петровичу Девятаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

21 мая. Вместо капитана Колосова инструктором Гагарина назначен старший лейтенант Ядкар Акбулатов — волевой, с жесткими требованиями летчик. Ладный, собранный, обладавший недюжинной физической силой, он демонстрировал на истребителе пилотаж, который можно было по праву называть фантастическим.

9 июня. В письме домой Юрий сообщил, что отпуск у него будет осенью, сразу после выпуска из училища. Где он будет служить в дальнейшем, еще не знает. «Я солдат и свой долг буду выполнять там, где я сумею больше принести пользы,— писал Юрий Алексеевич родителям.— Сейчас летаем почти каждый день. Я не только не устаю на полетах, а наоборот — заряжаюсь энергией. Настоящие полеты начались в мае, а до этого были тренажеры, вывозные, ознакомительные. На реактивных истребителях пока налет небольшой, но все-таки есть. Лиха беда начало».

23 июня. Валентина закончила первый курс медицинского училища.

— Может быть, мне не удастся учиться в академии, но ты обязательно поступишь в институт,— сказал он.

27 июня. Во время очередного учебно-тренировочного полета случилось происшествие, которое в любой момент могло перерасти в катастрофу: идя на посадку, самолет Гагарина столкнулся с птицей. Удерживать поврежденный самолет было трудно: серьезно пробита обшивка, нарушена аэродинамика.

12 июля. Большое значение в подготовке военных летчиков придавалось изучению истории военного искусства, тактике ВВС, боевым действиям авиации по выполнению самостоятельных оперативно-стратегических задач. Помимо лекций, семинарских занятий преподаватели организовывали научно-теоретические конференции по различным аспектам военного искусства...

16 июля. Отрабатывались стрельбы по наземным целям. Тут же родился лозунг «Порожать цели с первой атаки». Дело это было далеко не простым. Молодые пилоты приуныли — не унывали инструктора.

Получая сообщения с полигона об очередной неудаче, Акбулатов весело приговаривал:

— Будете попадать, обязательно будете!

Неудачно отстрелялся и Юрий. Друзья посоветовали: «Попроси инструктора, тебе обязательно поставят зачет».

— Не могу. Мне нужна не оценка, а умение.

Гагарин усиленно тренировался, подолгу просиживал в тренажере, анализировал свои ошибки, ошибки товарищей, вглядывался в каждую кинофотопленку, привезенную с полигона. Он потратит немало усилий на то, чтобы научиться хорошо стрелять.

23 августа. Юрий ликвидировал свою библиотечную задолжен-

Юрий Гагарин перед историческим стартом в космос.

Таким мир помнит Гагарина после его возвращения на родную Землю.

Задушевными были беседы первого космонавта и Главного конструктора первых космических кораблей.

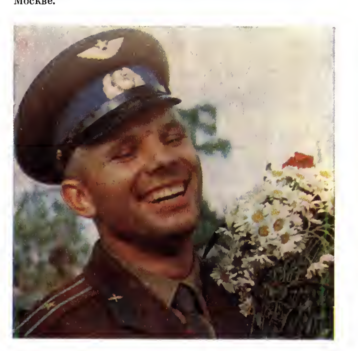
М. В. Келдыш.

М. В. Келдыш и С. П. Королев.

Вид на Землю из космоса.

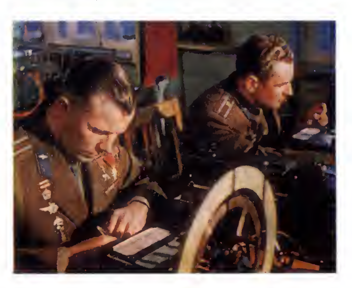
Юрий Гагарин во время его торжественной встречи в Москве.

Безмерно гордилась подвигом сына Анна Тимофеевна Гагарина.

Космонавты в рабочей обстановке в Байконуре.

Встреча Юрия Гагарина с земляками.

Космонавт номер один.

С. П. Королев.

С. П. Королев.

С. П. Королев в конструкторском кабинете.

Юрий Гагарин (на переднем плане) с братьями и сестрой.

Герман Степанович Титов перед вылетом в космос.

Гагарин и Титов в минуты отдыха.

Юрий Гагарин в отчем доме.

Космонавты — желанные гости тружеников нашей республики.

Радость в семье космонавта.

Голубая планета из космоса.

Вымпел имени Гагарина — у трактористки совхоза «Харьковский» Кустанайской области Героя Социалистического Труда Камшат Доненбаевой.

В перерыве между заседаниями XXVI съезда КПСС. На переднем плане дважды Герой Советского Союза космонавт П. Климук и председатель колхоза «30 лет Казахской ССР» Павлодарской области Герой Социалистического Труда Я. Геринг.

Семья космонавта из Германской Демократической Республики З. Йен в Звездном городке.

Космонавт Герман Степанович Титов среди монгольских борцов-спортсменов.

ность. Прощаясь с работниками библиотеки, сказал: «Последний раз у вас, пришла пора государственных экзаменов...»

15 сентября. Отправил письмо домой, известил родителей, что готовится к выпускным экзаменам, которые будут очень трудными. «Всегда был впереди, — писал он, — теперь, когда осталось учиться всего два дня, уж как-нибудь продержусь...»

4 октября. Отделение Гагарина находилось на аэродроме. Шли последние летные тренировки перед экзаменом. Юрий совершил посадку, поставил самолет на стоянку. Когда двигатель стих, к пульту по стремянке взобрался запыхавшийся Дергунов.

— Юра, спутник! Наш спутник на орбите вокруг Земли...

Гагарин не сразу поверил, подумал, что Борис его разыгрывает.

Вечером, будучи в Ленинской комнате, он услышал сообщение ТАСС: «В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли». У Гагарина перехватило дыхание. Мысль о спутнике, еще недавно казавшаяся утопической, выкристаллизовывалась в конкретный космический объект, летящий в межзвездном пространстве с огромной скоростью...

5 октября. Весь день у всех на языке — спутник. О нем появлялись все новые и новые сообщения... «А я, делая зарисовки этого корабля у себя в тетради,— писал позднее Юрий Гагарин,— вновь почувствовал уже знакомое мне какое-то болезненное и еще не осознанное томление, все ту же тягу в космос, в которой боялся признаться самому себе».

В тот же день он скажет Валентине:

— Если ты когда-нибудь узнаешь о моей выходке, — не осуждай, поддержи.

— Обещаю, Юра, — ответила она с готовностью, еще не поняв до конца, о чем он говорит и куда клонит.

8 октября. Отделение Гагарина первым сдавало летную практику. Первая отличная оценка появилась в его экзаменационном листе.

Вечером он сказал Вале:

— Сдам все на отлично, иначе не могу.

Слово свое он сдержит, все восемь выпускных экзаменов будут оценены комиссией на отлично.

5 ноября. Министр обороны подписал приказ о присвоении военному летчику Юрию Гагарину воинского звания «лейтенант».

Предложение командования училища остаться летчиком-инструктором Юрий Гагарин отклонил, без внимания он оставил и предложение о направлении в Киевский военный округ: своих планов он не менял.

6 ноября. Состоялось производство в офицеры. Просьба лейтенанта Гагарина о направлении его в самые отдаленные районы страны для дальнейшего прохождения службы удовлетворена. Юрий Гагарин и его товарищи Юрий Дергунов, Николай Репин и Валентин Злобин уезжали на Север.

Началась новая пора в жизни Гагарина — офицерская.

13 ноября. Отпускное время бежит всегда незаметно, быстро...

Как ни хорошо было в Гжатске, Вале следовало возвращаться в Оренбург, а ему — в Заполярье, в летный полк.

28 ноября. Юрий Гагарин прибыл в полк. Утром в числе других представился командиру полка подполковнику Павлу Ивановичу Бабушкину.

1 декабря. Состоялся товарищеский ужин: ветераны полка в непринужденной обстановке поделились с новичками опытом полетов в труднейших условиях сурового Севера.

Здесь в годы Великой Отечественной войны асы советского Заполярья дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов, Герой Советского Союза Алексей Хлобыстов, Захар Сорокин и другие выдающиеся летчики сражались за нашу Родину.

4 декабря. Занятия с молодыми пилотами проводили опытные летчики, которым, впрочем, было едва за тридцать. Юрий был поражен их знаниями.

По случаю Дня Советской Конституции состоялся концерт художественной самодеятельности. Не устоял Юрий от искушения выступить — читал стихи. Позже под его руководством оренбуржцы составили офицерский хор, который стал очень популярным.

8 декабря. Утром ходил на лыжах. После училищной спортивной закалки десять километров — не дистанция. Потом был в клубе на репетиции. В перерыве взял в библиотеке повесть К. Э. Циолковского «Вне Земли».

10 декабря. Молодых летчиков пригласили на дневные показательные полеты командиров. Гагарина поразила организованность и четкость в работе наставников. Высоким было и их летное мастерство. Достичь такого уровня казалось просто невозможно.

12 декабря. Написал Вале: «Несмотря на то, что сейчас на Севере глубокая ночь, мрак окутал всю округу, мне кажется, что я вижу дальше и реальнее. За эти дни многое передумал, осмыслил, пережил; одиночество (без тебя), которого я так страшился, пошло на пользу. У меня сложились четкие взгляды на нашу жизнь, наше будущее. Хочу тебя заверить, что все, что я сделаю, чего достигну, я посвящу тебе и сделаю ради тебя. С тобой я пройду любые испытания, преодолею самые сложные преграды к цели, никогда не спасую, не отступлю от задуманного, выбранного. Ты, как никто больше, соответствуешь моему идеалу, взглядам, моей мечте. Моя любовь к тебе вечна и безгранична!»

Вечером праздновали день рождения сразу двух молодых офицеров.

15 декабря. Вечером собрались оренбуржцы, говорили о полетах, получении классной квалификации, возможном переучивании на новый истребитель МиГ-17. Неожиданно родилась идея заняться астрономией. Инициативу свою молодые летчики подкрепляли собственными аргументами. Мол, известный композитор Ипполитов-Иванов имел дома телескоп и почти ежедневно наблюдал

небо. А выдающийся пианист Гольденвейзер собрал огромную библиотеку по астрономии... Через несколько дней Гагарин делал уже сообщение о небесном Глобусе и о многочисленных звездных легендах, передающихся из поколения в поколение подобно сказкам, в которых сосредоточена народная мудрость, безбрежная фантазия, поэтическая одухотворенность нации.

16 декабря. Получил первое денежное содержание, послал родителям, жене. Через несколько дней получил подъемные деньги. Так же, разделив поровну, отправит своим.

18 декабря. По предложению офицерского собрания создана инициативная группа по проведению Новогоднего праздника. От молодых офицеров в нее ввели Гагарина. В общежитии повесили шуточную листовку, обращенную к Гагарину: «Даешь Новогодний бал!»

26 декабря. Командир части подполковник П. Бабушкин отдал приказ об исчислении лейтенанту Гагарину Юрию Алексеевичу льготной выслуги за прохождение службы в отдаленной местности. Об этом изменении Юрий написал Валентине: «За то, что я получаю удовольствие от службы, наслаждаясь суровым великолепием природы, мой труд оплачивается почти вдвойне. Тебе здесь очень понравится. Сейчас полярная ночь. Я не видел еще всей округи, но старожилы хвастаются своими открытиями и говорят, что это необычайно красивые места. Здесь свои трудности, вероятно, как в каждом городе...»

31 декабря. В своем дневнике Юрий запишет: «Раньше мне казалась офицерская жизнь верхом благополучия, раем, площадкой для отдыха после трудов праведных, но я глубоко заблуждался. Трудовая жизнь только началась. И оказывается у меня столько обязанностей, что в предстоящие двести лет умирать нельзя. Труд, труд, труд».

1958 год

2 января. Первый рабочий день. Сказал и удивился сам: «Приехали в Заполярье еще в прошлом году!» Как стремителен бег времени...

5 января. Вечером написал письмо Вале. «Я еще не видел белых медведей, не блуждал в снежных нагромождениях, — без этого, наверное, какой я полярник? И все-таки мне хочется тебе сказать, что я освоился, полюбил этот край и как всякий военный готов сказать: я жил здесь всегда».

6 января. Снова предварительная подготовка к полетам. Юрий Гагарин хорошо знает, что ни один летчик независимо от занимаемой должности, военного звания и опыта летной работы не может быть выпущен в полет без необходимой подготовки...

Когда один из космонавтов однажды попросит разрешения уйти с предварительной подготовки для решения других неотложных дел, Юрий Алексеевич его отпустит и тут же отстранит от полетов. «Без подготовки летать нельзя» — объяснит он свои действия.

Написал письмо старшему брату Валентину: «Я настолько «болен», что в одном письме передать свои страдания не могу, — жаловался Юрий. — О своих переживаниях не могу никому сказать. Мне даже снятся космические корабли, ракеты, темное безмерное пространство космоса, астероиды и «маленький принц»...

6 февраля. Снова полеты. Юрий радуется каждому полету, стремится быстрее восстановить летные навыки, выполнить требования, предъявляемые к военному летчику третьего класса. Но скоро небо Заполярья закрылось, тучи тяжелым прессом опустились на аэродром. И полеты, по которым так истосковались молодые летчики, отодвинулись на март.

8 февраля. Командир эскадрильи высказал идею о выступлении Гагарина в гарнизонном Доме офицеров.

— В конечном счете, — сказал он, — это ваш долг. Вы обязаны поделиться тем, о чем знаете лучше других.

1 марта. Заводила и неугомонный выдумщик полка Юрий Дергунов предложил провести коллективное чаепитие.

Чаепитие началось в пятнадцать часов в общежитии, в которое, несмотря на скудость обстановки, с большим желанием пришли летчики соседнего полка.

Артельность Дергунова великолепно проявилась и здесь. Он был тамадой, чаечерпием, но солировал в меру.

Говорили о своей профессии, об опыте военных летчиков, о скором полете в космическое пространство, о заселении необозримого пространства Вселенной, о жизни на Марсе и Венере. Гагарин поддержал разговор и высказался за точку зрения Константина Эдуардовича Циолковского.

Циолковский рассматривал Землю как частицу, элемент гигантской Галактической системы. Он предполагал влияние разумных существ на развитие Вселенной, влияние разума на устройство Вселенной. Константин Эдуардович писал о том, что нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию его. Процесс этот вечен.

Офицерские чаепития войдут в привычку и действительно помогут сплочению коллектива авиаполка.

2 марта. Отправил посылку в Оренбург — полярные сувениры. В письме, которое вложил в посылку, Юрий поздравил Валю с наступающим женским праздником, Днем 8 марта, передал ей приветы от оренбуржцев, советовал приехать летом, когда наступит полярный день. «Изделия из оленьего меха посылаю весной потому, что их легче сохранить, — шутливо писал Юрий. — Должна же быть какая-то память о полярном муже...»

9 марта. День рождения Юры Гагарина выпал на воскресенье. «Отроку годков двадцать четыре! — воскликнул Дергунов.— Быть празднику!»

С днем рождения Юрия поздравили командир авиационной эскадрильи майор Решетов и его заместитель капитан Борис Федорович Вдовин. Большое письмо с поздравлением прислала Валя.

7 апреля. Полеты начались в светлое время суток, при ясном

солнце и безоблачном небе. Юрий Гагарин находился в воздухе, когда циклон, нагрянувший с моря, резко ухудшил погоду.
Попытка зайти на полосу не увенчалась успехом. Полоса не просматривалась. Высота была предельно малой, дальнейшее снижение граничило со смертельным риском. Уходить на второй круг? Он уже подал сектор газа вперед, увеличил заблаговременно обороты турбины, но вдруг его напряженный взгляд ухватился за огни посадочной полосы...

О чем думал тогда, он никогда никому не говорил. Но о чем может думать летчик в аварийной обстановке?

12 апреля. В субботу Юрий отказался от традиционной бани, шумного ужина, концерта в гарнизонном Доме офицеров. Открыл наугад книгу любимого автора.

«Попытки высших существ помочь нам возможны, — писал К.Э. Циолковский, — потому что они продолжаются и сейчас. Размышления с созерцанием Вселенной могли также служить основой для веры в высшие существа. Но немногие знают и то, и другое. Для всех это не очевидное. Мы, люди, не стараемся убедить животных в неразумности их жизни, потому что это невозможно — так велико расстояние между человеком и животным».

13 апреля. О своем злополучном полете написал Вале с предусмотрительным опозданием. «Теперь, ко всеобщей радости, летаем часто и помногу. Конечно, устаем, но не так уж, чтобы ругать свою жизнь. Такая усталость придает рукам силушку. Иногда бывает трудно, но ничего, боремся! За что сражались! Жизнью доволен, с нетерпением жду тебя».

19 апреля. Летали на перехват, отрабатывали поиск и атаку воздушной цели, уничтожения многомоторных самолетов «синих». Находясь на предельном удалении от аэродрома, Юрий обнаружил гигантский самолет. Это была крылатая машина новой конструкции. Он на мгновение забыл об атаке, стал любоваться целью. Спохватившись, выполнил два зачетных захода по ней, атаковал ее, возвратился на свой аэродром и с восторгом рассказывал о новом ракетоносце.

29 апреля. День подведения итогов работы в части. Комсомольское бюро выпустило фотобюллетень с показом ее лучших людей. Несколько фотографий было посвящено Юрию Гагарину. В своем докладе командир части Бабушкин в том разделе, где говорилось о спортивных достижениях, отметил высокую спортивную подготовленность лейтенанта Гагарина, позволившую ему стать ведущим спортсменом гарнизона, достойным занять лидирующее место среди молодых летчиков.

15 мая. По радио передали сообщение ТАСС о запуске в СССР третьего искусственного спутника Земли. «Целью запуска искусственного спутника,— читал диктор,— является проведение научных исследований в верхних слоях атмосферы и космического пространства».

20 мая. В Доме офицеров выступил старший инженер полка.

Его утверждение о том, что цель всех запусков — подготовка к полету человека в космическое пространство, вызвало бурю восторга у молодых летчиков. «Именно вы,— говорил инженер,— сможете полететь в космос, установить связь с инопланетянами, взглянуть на нашу кормилицу Землю, познать тайну тунгусского чуда...»

21 мая. «Народец у нас подобрался чудной,— писал Юрий брату Валентину,— живут своими грезами, устремлениями в двадцать второй век, бредят о полетах в другие Галактики, собираются побывать на Марсе, а мой друг Дергунов даже наметил срок посещения Кассиопеи. Вот так-то! Если бы ты знал, Валентин, как я люблю свой полк, как мне приятно и интересно служить, как мне хочется для всех моих друзей сделать что-то радостное и приятное. И сделаю, но только что могу я, простой летчик, лейтенант авиации?..»

30 мая. Начались трехдневные учения. Участвовал весь личный состав полка, молодые летчики вошли в боевые расчеты, выполняли полеты в интересах «красных». Это было первое серьезное тактическое учение, в котором принял участие Юрий Гагарин.

5 июня. Юрий Гагарин написал рапорт с просьбой предоставить ему жилплощадь в связи с приездом жены. Просьбу поддержали, его поставили в очередь на отдельную квартиру в новом строящемся доме. В письме Валентине Юрий писал, с каким нетерпением он ждет ее приезда, как готовится к нему и каждую поездку в город занимается приобретением вещей, необходимых в семейной жизни.

5 июля. Начальник парашютно-десантной службы полка объявил график прыжков. Летчики это известие встретили без энтузиазма. Наземные тренировки, работа по укладке парашюта, учебные катапультирования и парашютные прыжки с ЛИ-2 Юрий тоже воспринял без особого восторга. Но через два года, сделав несколько десятков прыжков и получив звание инструктора, он будет подтрунивать над теми, кто с понятной робостью приступает к парашютной подготовке.

25 июля. За успешное выполнение заданий летного дня командир авиационной эскадрильи Решетов объявил лейтенанту Гагарину благодарность. Юрий выслушал чеканные слова своего командира, но сам подумал о том, что ничего особенного он сегодня не совершил, просто ему создают настроение перед встречей с женой. Педагогический прием, так сказать.

2 августа. Как ни тщательно готовился Юрий к приезду жены, все подготовить не успел, как ни ждал ее — приехала Валя неожиданно. Встречал ее Юрий со своими друзьями в городе, на машине командира полка, которую тот охотно предоставил. Во временном жилье устроили ужин.

6 августа. Приезд Вали, кажется, ничего не нарушил в укладе жизни Гагарина. К нему по-прежнему в любое время суток приходили друзья, заводили шумные разговоры, иногда устраивали застолья, говорили о литературе, о службе, о вероятных перефор-

мированиях, об учебе в военной академии как о далекой и несбыточной мечте. Валя начала работать в женсовете.

17 августа. Празднование Дня Воздушного Флота на Севере нельзя сравнивать ни с одним торжеством на континенте. Жен военных летчиков повезли на аэродром, показали истребитель МиГ-15, разрешили даже посидеть в кабине. Командир полка на одной из машин поднялся в воздух, продемонстрировал высший пилотаж. Замполит рассказал о боевом пути части, о героях Заполярья, о лучших авиаторах полка. В большом двухчасовом концерте художественной самодеятельности выступил Юрий Гагарин.

1 сентября. Нелепая смерть Дергунова в автомобильной катастрофе потрясла Гагарина.

8 сентября. Пользуясь благоприятной погодой, Юрий начал сдавать на класс.

Осень надвигалась стремительно. Запасали дрова, утепляли окна, запасали продукты. В свободные часы, пока погода позволяла, выходили гулять. Позднее, вспоминая об этом времени. Юрий Алексеевич писал: «Мы с Валей часто любовались трепетным северным сиянием, охватывающим полнеба. Это было величественное, ни с чем не сравнимое зрелище».

28 сентября. Приехали в город. Зима предполагалась лютой, снежной. Холостяцкие капустники с приездом Вали не прекратились, она внесла в них неповторимую прелесть и очарование, этическую сдержанность и тот особый романтизм женского присутствия, которое весьма почитаемо в офицерской среде.

Два раза в месяц Гагарин посещал вечерний университет марксизма-ленинизма. В рабочую тетрадь вносил свои суждения, планы, вел записи ценных мыслей о науке.

«Человек при помощи науки,— записал в этот вечер Юрий мысль, высказанную И. Мечниковым,— в состоянии исправить несовершенство своей природы». Слово «своей» Гагарин подчеркнул.

Из Бальзака: «Мысль — это ключ ко всем сокровищам».

«Наши знания,— писал Паскаль,— никогда не могут иметь конца именно потому, что предмет познания бесконечен».

«Надо много учиться,— писал Монтень,— чтобы осознать, что знаешь мало».

«Человек создан затем,— писал Горький,— чтобы идти вперед и выше».

27 октября. Валя сказала, что у них будет ребенок. Обрадованный этим, Юрий долго не мог уснуть, мечтал о будущем, строил планы на много лет вперед.

2 декабря. Беспокоясь за Валю, Юрий предложил ей поехать в Оренбург или Гжатск. Валя отказалась.

31 декабря. Новый год встречали шумно и весело. Юрий думал о Вале, о будущем, отцовстве, о новой трудной и опасной профессии, уже существующей, но пока никому здесь не ведомой.

Валя смотрела на Юрия и думала о нем. Все сложилось, как

она хотела. У нее есть любимый муж, и она любима. Это самое главное, а остальное... бытовые неурядицы... это все временно. Да и потом она знала, на что шла, становясь женой военного летчика. Что принесет им новый год?

1959 год

2 января. По радио передали сообщение ТАСС о запуске в СССР многоступенчатой космической ракеты в сторону Луны. Серьезность и сосредоточенность, царившие на предварительной подготовке эскадрильи, мгновенно улетучилась. С радостными восклицаниями заговорили о новой победе в космосе, скором полете человека в неведомое пространство. Фантазии и домыслам в этот день не было предела. Каждый высказывал свою точку зрения на будущего первого космонавта.

17 января. Подведены итоги социалистического соревнования, развернувшегося в части в честь внеочередного XXI съезда партии.

Авиационная эскадрилья майора Решетова заняла первое место. Командир части за достигнутые успехи поощрил летчиков и техников. Лейтенант Гагарин был награжден ценным подарком.

27 января. В части в связи с открытием партийного съезда состоялся митинг. Коммунисты и комсомольцы рапортовали съезду о своих боевых достижениях, брали новые повышенные социалистические обязательства.

Как члену бюро ВЛКСМ части, Юрию Гагарину часто приходилось выступать перед комсомольцами и рассказывать о работе съезда, о принятых решениях. «Именно в эти счастливые дни,— скажет позднее Гагарин,— во мне окончательно созрело решение подать заявление о приеме в кандидаты партии».

9 февраля. Лейтенант Гагарин заступил дежурным по части, Валя чувствовала себя неважно, и Юрий Алексеевич волновался. По его просьбе старший врач полка дважды в течение суток проведывал Валентину.

9 марта. Принимая поздравления с днем рождения, лейтенант Гагарин не предполагал, что с этого рубежа — 25-летия — начнется новый отсчет времени его жизни.

Среди подарков, полученных в этот день, была книга «Путь в космос» с примечательной надписью: «Это то, что сейчас тебе необходимо больше всего».

7 апреля. Из-за непогоды полеты сорвались, был день командирской учебы. Начальник штаба полка, главный блюститель учебного порядка, разрешил лейтенанту Гагарину, учитывая его положение, выходить из класса без разрешения. «Я переживал,— писал Юрий Алексеевич Гагарин в своей книге «Дорога в космос»,— и довольно-таки часто звонил из гарнизона в родильный дом. Надоел всем ужасно...»

10 апреля. В семье Гагариных событие: родилась дочь Лена. В Оренбург и Гжатск улетели телеграммы.

12 апреля. Ездил в больницу. Передал Валентине фрукты, записку, поздравительные телеграммы. Обращаясь к жене, Юрий Алексеевич писал: «Дорогая Валюша! Спасибо! Поздравляю. Ты исполнила мое желание. Дочь — это прекрасно. Мы воспитаем ее настоящим человеком, она будет гордостью Гагариных, а может быть, и страны...»

26 апреля. В гарнизонном Доме офицеров состоялся вечер: «Профессия — офицер». На нем присутствовали офицеры всех поколений. Выступил лейтенант Гагарин. К числу обязательных качеств офицера он отнес следующие: верность военной присяге, несгибаемость в предельно сложных ситуациях, твердость жизненных планов. На вечере он впервые заявил с трибуны о своем желании слетать в космос.

27 апреля. В связи с подготовкой к Дню печати, партийная организация утвердила лейтенанта Гагарина редактором боевого листка.

Уже во втором номере в боевом листке в рубрике «Лунные орбиты» появились материалы о космических исследованиях. Это были: информация, сообщения, шуточные стихи, рисунки местных «маститых» художников.

1 мая. Майский праздник Гагарин провел дома, со своей Аленкой.

4 мая. Командир эскадрильи предложил Гагарину отпуск летом: июль-август. Он учитывал все; рождение дочери, состояние здоровья жены, волнение отца. Юрий с радостью согласился. Все зачеты на третий класс успешно сданы, ждал теперь приказа.

2 июня. В полку происшествие: во время полетов в машину одного из опытных летчиков ударилась птица. Создалась критическая ситуация в воздухе: покореженный самолет, нарушенное управление, однако летчик с решительной самоотверженностью привел машину на аэродром. Летчики ходили вокруг нее, дивились ее разворочепности и изумленно спрашивали, как можно было на такой долететь?

Этот случай произвел на Гагарина огромное впечатление.

24 июня. Партийное бюро рассмотрело вопрос о работе с кандидатами в члены партии, о повышении ими своих политических знаний и участии в общественно-политической жизни части. Партийные активисты отмечали прилежность Гагарина, его умение работать с людьми, его высокий авторитет среди них.

12 июля. Начался долгожданный отпуск. Предстоял путь до Гжатска, а затем — в Оренбург. Друзья помогли уложить вещи, проводили до вокзала. По своей неизменной привычке Юрий вез всем родственникам подарки. Для себя в дорогу он взял книгу, которую не успел до конца прочитать «Путь в космос». Свою первую книгу, как помним, Гагарин назовет «Дорога в космос».

15 июля. Неожиданный приезд «полярной троицы» в Гжатск вызвал приятный переполох, но особым вниманием была окруже-

на «северяночка». Однако дорога для нее не прошла бесследно: заболела воспалением легких.

21 июля. Болезнь, кажется, отступила. Лена стала поправляться, помогли врачи, отвары из трав, приготовленные бабушкой. Веселая дочь, Юрий играл на гармошке, пел частушки.

В эти дни он так же много читал, занимался математикой, историей, астрономией.

На вопросы: «Зачем тебе это?» отвечал: «Вдруг пригодится».

Особое любопытство проявлял Валентин. Интуитивно чувствуя Юрино нервное напряжение, позже он напишет: «И никому из нас, близких и родных Юры, и в голову не могло прийти, что первым человеком, дерзнувшим прикоснуться к извечным тайнам Вселенной, будет именно он — наш Юра, Юрка, Юрий Алексеевич...»

28 июля. «Полярная троица» отправилась в Оренбург, к Валиным родным. Так было обговорено раньше.

30 июля. На вокзал пришли все Горячевы. К числу имеющихся внучек они с большим удовольствием присовокупили и «северяночку». Дедушка и бабушка нашли Леночку, как две капли воды, похожей на Валю. Впрочем, Юрины родители ранее нашли ее похожей на отца.

1 августа. Юрия потянуло в город посмотреть, какие изменения произошли в нем, в родном училище, встретиться с друзьями, которые остались в училище, стали инструкторами, обучают курсантов.

10 августа. В доме Горячевых праздник: Лене исполнилось четыре месяца. В гости пришли соседи, офицеры из училища. Иван Степанович принимал хлебосольно, широко, с чувством собственного достоинства. Когда они на время остались с Юрием наедине, спросил:

— А как дальше?

— Дальше? Дальше легче не будет.

Иван Степанович расспрашивать не рискнул: дело военное, говорить не все положено.

21 августа. В заполярье стояла летняя погода. Друзья встретили Гагариных на вокзале, привезли домой. Весь вечер прошел во взаимных расспросах, обмене новостями.

12 сентября. К исходу субботнего дня пришла весть о запуске автоматической станции «Луна-2», которая доставила в район Моря Ясности вымпел с изображением Герба Советского Союза. К подобным событиям привыкли, и они уже не вызывали особо бурных реакций. Однако Гагарин воспринял новость по-своему. Явился к командиру полка. Подполковник П. Бабушкин и сейчас принял молодого летчика с подчеркнутым вниманием и радушием. Оба они еще жили в неведении о том, что начался уже отбор авиаторов в первый отряд космонавтов.

4 октября. Весь день он ходил под впечатлением новых сообщений о больших успехах в исследовании космического пространства.

Ночью написал рапорт: «В связи с расширением космических исследований, которые проводятся в Советском Союзе, могут понадобиться люди для научных полетов в космос. Прошу учесть мое горячее желание и, если будет возможность, направить меня для специальной подготовки».

5 октября. Получив рапорт Гагарина, командир части обещал при первой возможности удовлетворить желание лейтенанта.

7 октября. О рапорте Гагарина узнал гарнизон. Несколько человек, в их числе и Георгий Шонин, следуя примеру товарища, тоже подали рапорта.

12 октября. Весть довольно быстро разлетелась по городку: прибыла комиссия рассматривать рапорта!

Члены комиссии, военные летчики и авиационные врачи, действительно вызвали на беседу всех тех офицеров, которые просили перевести их на другую технику, более совершенную. Всего двенадцать человек — Гагарин, Шонин и другие «лунатики». Их подробно расспрашивали о жизни, о планах на будущее, о мечтах, о том, что читают, что делают в свободное время. Опросив всех, «комиссия» не уехала, а начала беседы по второму кругу. Число приглашенных сократилось до шести человек.

За всеми этими процедурами было много таинственного, непонятного, скрытого. По разным причинам летчики выбывали из списка одержимых, жаждущих летать «на новой технике». Покидала комиссия военный городок при молчаливом недоумении его жителей. А спустя неделю в часть поступило распоряжение откомандировать в Москву четырех летчиков. В их числе был Юрий Гагарин.

24 октября. Прибыли в Москву, с волнением переступили порог Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя. Еще не ведая, каким медицинским «экзекуциям» будут подвергнуты, отдали себя в руки строгих и таинственно-молчаливых эскулапов. Врачи активно использовали технику, новейшие препараты для всесторонней проверки человеческого организма. «Главным предметом исследований,— говорил Юрий Гагарин,— были наши сердца. По ним медики прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить».

30 октября. Начался отсев летчиков, прибывших на комиссию. Хотя и вежливо и учтиво, врачи безжалостно отбраковывали кандидатов. Будущих космонавтов подгоняли под высокие требования будущих полетов.

«Но кто тогда мог сказать, какими должны быть эти требования?— писал Георгий Шонин.— Поэтому для верности они были явно завышенными, рассчитанными на двойной, а может быть, и тройной запас прочности. И многие, очень многие возвращались назад в полки. В среднем из пятнадцати человек проходил все этапы обследования один. Некоторых вообще списывали с летной работы. И кто мог дать гарантию, что этим списанным не окажешься ты? Приходилось рисковать, ради будущего рисковать

настоящим — профессией летчика, правом летать. Неудивительно, что среди моих новых знакомых были ребята, которые уже в процессе отбора, заподозрив у себя какую-либо зацепку, отказывались от дальнейшего обследования и уезжали к прежнему месту службы».

2 ноября. Руководитель комиссии по отбору кандидатов в космонавты, опытный врач, будущий начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов, провожая в части летчиков, напутствовал их:

— Продолжайте летать. Будет решение — вызовем...

6 ноября. Утром лейтенант Гагарин возвратился в часть и, как положено по уставу, доложил о прибытии командиру.

— Поздравляю,— сказал майор Решетов.— Вам присвоено звание старшего лейтенанта.

10 ноября. Началась размеренная, напряженная жизнь в полку. Она несколько сгладила остроту московских впечатлений. Волнения понемногу улеглись. Ждал известий из Москвы без особых переживаний. Что будет — то и будет. Главное, летать.

«Потянулись дни ожидания. Как и прежде,— писал Юрий Алексеевич Гагарин,— я по утрам уходил на аэродром, летал над сушей и морем, нес дежурство по полку, в свободное время ходил на лыжах, оставив Леночку на попечение соседей, вместе с Валей на «норвегах» стремительно пробегали несколько кругов на гарнизонном катке, по-прежнему редактировал боевой листок, нянчился с дочкой, читал трагедии Шекспира и рассказы Чехова».

Вечером пришел в гости старший лейтенант Георгий Шонин. Он был в числе той четверки, что ездила в Москву на комиссию и, естественно, его волновал вопрос:«А как там?» Гагарин весело ответил:«Съездишь, узнаешь».

Вызов на Шонина пришел лишь в конце ноября.

21 ноября. Зима на севере буйствовала вовсю. Состоялся обмен опытом полетов в зимних условиях. Гагарин тоже выступил. Он по элементам разбирал особенности полета в это время года: видимость, ветер, осмотрительность, посадка, торможение... С этого дня за ним укрепилось звание ведущего методиста эскадрильи.

23 ноября. Комсомольское бюро части утвердило Юрия Гагарина ответственным за вечер «Ты на подвиг зовешь, комсомольский билет».

Природа героического, истоки подвига советского человека не только в годину минувшей войны, но и в дни мира — вот над чем размышлял Гагарин, вот что хотел донести до слушателей. Из своей тетради выписал несколько знаменательных высказываний: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России» (М. Салтыков-Щедрин). «Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству» (В. Белинский).

2 декабря. На полетах присутствовали представители авиации штаба Северного флота.

Методика ускоренного ввода в строй молодых летчиков, широко внедряемая в частях авиации флота, вызывала поддержку в высшем штабе. Один из инспекторов в этот день слетал со старшим лейтенантом Гагариным. Всесторонне проверив его летную выучку, поставил молодому офицеру высший бал.

12 декабря. Отправили традиционную посылку и поздравление маме в Гжатск. Юрий знал, как радостно она встречает всякую весточку от сына. Анна Тимофеевна плохо разбиралась в армейской субординации. Правда, теперь, когда сын стал старшим лейтенантом, она не на шутку заинтересовалась, как скоро Юра получит новое звание. Но Юрий Алексеевич не будет носить капитанских погон, за совершенный подвиг в космосе он получит внеочередное звание майор — досрочно.

24 декабря. Представители авиации флота вновь присутствовали на полковых полетах. Полковник, который недавно лично проверял технику пилотирования Гагарина, подошел к нему, поздоровался, расспросил о делах, на прощание сказал, что верит в него. Он словно бы что-то знал...

31 декабря. Вернулся из Москвы старший лейтенант Георгий Шонин. Коротко рассказал о новой группе кандидатов, о том, что комиссия по отбору космонавтов, начавшая работу еще в августе, все продолжает поиск «сильных личностей», разъезжает по авиационным частям.

— Меня остановит только медкомиссия,— сказал Гагарин.— Буду добиваться.

1960 год

1 января. Новый год Гагарины встречали дома, нарушив артельный закон Заполярья: болела Лена. Но все равно вскоре после полуночи в гости к Гагариным явились друзья. Георгий Шонин шепнул:

— У меня все в порядке — зачислен.

— Вот видишь,— воскликнул Юрий.— Я верил, что ты будешь допущен.

2 января. Участвовал в лыжном кроссе. Десять километров прошел с отличным результатом.

— В рекордсмены готовишься?— спросил командир соседней авиационной эскадрильи.

— Бегать так бегать,— весело ответил Гагарин.

С этого дня Юрий возобновил регулярные занятия лыжами. И не напрасно. Спорт займет в будущей системе подготовки космонавтов весьма значительное место.

14 января. Пришло распоряжение из штаба авиации флота: командировать старшего лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина в Москву. Зачем и на сколько дней не сообщалось.

Валя молча собрала мужа в дорогу, так и не представляя, что в их жизни по существу начнется новая пора.

22 января. Первые процедуры, проверки, анализы. Они проводились по особой, экспериментальной схеме, не имевшей ранее аналогов.

Медики, психологи, баллистики, авиаторы настойчиво искали формулу — человек-космос.

«Для полета в космос,— писал Юрий Алексеевич Гагарин,— искали горячие сердца, быстрый ум, крепкие нервы, несгибаемую волю, стойкость духа, бодрость, жизнерадостность».

1 февраля. Процедуры... Придирчивые эскулапы продолжают выискивать у своих пациентов болезни, какие-либо недостатки — явные и скрытые, бывшие и нынешние. «Врачи выявляли,— вспоминал позднее Юрий Алексеевич,— какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым, точным, собранным движениям».

Разрядкой были вечерние песни. Обычно подпевали Павлу Поповичу, который заводил украинские.

7 февраля. На очередном сборе кандидатов в космонавты разгорелся жаркий спор об эстетических концепциях современности. «Физики» стройными рядами пошли против «лириков». Говорили о гармоническом развитии личности, о духовных ценностях нации, о высоких требованиях, которые, вероятно, будут предъявлены к первому посланцу человечества в космическое пространство.

8 февраля. Из группы кандидатов уезжали летчики, не пожелавшие больше подвергать себя «непонятным экспериментам». Это были непредусмотренные потери. Собрались в большой палате, молча посмотрели друг другу в глаза. Комиссия никого не удерживала. Принцип добровольности соблюдался здесь неукоснительно.

9 февраля. Вышел первый номер стенной сатирической газеты «Шприц». Идея выпустить газету — коллективная. Первым редактором был Юрий Гагарин. Вторым, бессменным — Алексей Леонов.

О газете станет известно многим военным летчикам, находящимся в авиационном госпитале, и они будут приходить на каждый очередной выпуск.

11 февраля. Написал еще одно письмо Вале. «Когда удастся вернуться к вам, не знаю. Очень скучаю, с нетерпением жду встречи. Здесь, в командировке, познакомился со многими интересными летчиками. Знаешь, как богата авиация красивыми и сильными людьми! Мы говорим часто: нам нужны положительные герои! Здесь я их встретил предостаточно. Это настоящие литературные герои. При встрече расскажу подробно. Думаю, что со временем о них узнает вся наша страна и будут справедливо ими гордиться.

В командировке представилась возможность о многом подумать. Я не знаю, как назвать мое состояние, но, ощутив неимоверную в себе силу, я с непоколебимой уверенностью иду вперед к своей цели. Верю в себя, свои силы, в возможность осуществить

задуманное. Ради тебя, при твоей поддержке, я сумею постоянно расти, двигаться к тем самым жизненным вершинам, которые мы наметили с тобой в Оренбурге.

Р. С. Как северяночка? Хорошо ли она говорит? Я накупил ей тут всяких книжек».

12 февраля. Один из врачей, осмотрев группу кандидатов в космонавты, недовольно покрутил головой.

— Делать каждому десять тысяч шагов ежедневно. Жиреете!

— Не наша в том вина,— сказал Гагарин.

— Неужто наша?

— Да, долго обследуете. Слабость свою показываете.

— Это не слабость, а незнание, уважаемый молодой человек.— Доктор раздраженно тряхнул головой.— Мы идем туда, не знаем куда. Вы полетите в среду, в которой пока никто, кроме редкостных приборов, установленных на спутниках, не был. Приборы нам могут сообщить все, кроме того, как будете там чувствовать себя вы...

13 февраля. Врачи придирчиво исследовали каждого кандидата в космонавты.

«Группа все уменьшалась,— напишет много лет спустя летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов.— Каждый день кто-то покидал госпиталь... В конце концов из всей нашей группы остался я один. Один из тридцати летчиков, годных без ограничения к «новой» летной работе...»

15 февраля. Завершилась основная программа медицинских обследований. Говорить об окончательных результатах, точном отборе было рано, но основной состав группы все-таки определился. Правда, могли быть еще отсевы в барокамере, на центрифуге и других испытаниях.

Врачи стали добрее, внимательнее, улыбчивее, стали союзниками летчиков, помощниками космонавтов. Активные участники проводимых Академией наук СССР экспериментов, они теперь могли сказать, что это были не только медицинские исследования, но и морально-нравственные экзамены.

19 февраля. Руководство госпиталя и будущие руководители подготовки космонавтов поздравили летчиков с наступающим Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота. Свободным от экспериментов офицерам разрешили, наконец, выходить в город. Врачи советовали — театр, кино, музей, хоккей. Но решительно запрещали застолье.

25 февраля. Объявили дальнейшую программу медицинской комиссии. Полное ее завершение — третьего марта. Вслед за этим, седьмого, встреча с Главнокомандующим ВВС.

С этого дня отсевов больше не было. Сформировался первый отряд советских космонавтов. Большинство из них были коммунисты, пять — комсомольцы. Все космонавты летали на современных реактивных самолетах МиГ-15, СиГ-17, а капитан Попович — на сверхзвуковом истребителе МиГ-19.

7 марта. Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин принял первый отряд космонавтов. В него вошли: Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриан Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин и другие.

Позднее Юрий Алексеевич вспоминал: «Он (Вершинин) встретил нас по-отцовски, как своих сыновей. Интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о женах и детях, и в напутствие сказал, что Родина надеется на нас».

Юрий послал телеграмму Вале о возвращении из командировки.

9 марта. Вылетел в свой родной гарнизон в Заполярье. В самолете произошел курьезный случай. К Юрию подошел мальчик и попросил что-нибудь подарить. Юрий засмеялся, дал малышу шоколадку. Тот не унимался.

— Что же тебе еще подарить?— Гагарин озадаченно рылся в карманах.

— Что-нибудь хорошее,— требовал мальчик.— Вы же знаменитый...

— Да какой я знаменитый?

— Да, знаменитый. Не как все...

Пассажиры рассмеялись. Кто-то из них, очарованный настойчивостью малыша, направил на них фотоаппарат. Через несколько месяцев, увидев в газете портрет первого космонавта планеты, этот случайный попутчик отыщет пленку, напечатает фото и пошлет его майору Гагарину.

10 марта. Представился командиру полка в связи с убытием к новому месту службы.

Сообщил в Гжатск и в Оренбург об изменении адреса.

11 марта. Юрий Алексеевич Гагарин, зачисленный в отряд космонавтов, вместе с семьей выехал в Москву. В приказе по части говорилось: «Старший лейтенант Гагарин Ю. А. откомандировывается в связи с назначением на новую должность...».

ЕВГЕНИЯ МАЛАХОВСКАЯ

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Этот день круто изменит его жизнь, наполнит ее новым содержанием, поставит его имя рядом с именами многих прославленных первооткрывателей. Но узнает об этом он позже, пока же события этого дня с собой он никак не связывает. В этот день — 12 апреля 1961 года — Петр Климук находился в летном училище. Весть о полете Гагарина застала его на занятиях по радиоделу. Покорение космоса, начинающаяся новая эпоха, тайны Вселенной и замечательные открытия — все это стало ближе, но думал ли он тогда о будущей своей сопричастности к великому делу?

По окончании училища, как и положено, последовало распределение в авиационный полк. Летать Климук стал еще больше, осваивал новые типы самолетов, набирался опыта. Но однажды в часть пришел запрос из Москвы. В нем говорилось о наборе специалистов для работы с новой техникой. Формулировка довольно туманная, но многие понимали: это то самое.

Первая медицинская коммиссия — а сколько их потом было в Ленинграде.

Отправился он туда вместе с давним другом. В себе почему-то не был уверен, а в том, что друг пройдет, не сомневался. Но получилось все наоборот: товарища отправили обратно в часть, а Климук получил первый проходной балл.

Он приехал в Звездный, когда тот уже был построен и носил в ту пору не очень оригинальное и совсем не космическое имя — Зеленый городок. Звездный имени Л. И. Брежнева — название более позднее.

Осенью 1965 года в Москве, на Комсомольской площади, ожидая автобус, Петр Климук ощущал необычное волнение. Через час он должен встретиться со знаменитым городком, поселиться в нем, чтобы жить там и работать.

Городок, которого он еще не видел, казался ему сказочным, полуреальным. Очень трудно было свыкнуться с мыслью: Климук и космос, космос и Климук. Не меньшее волнение он испытывал и от того, что о своем прибытии будет докладывать подполковнику Гагарину. Он никогда не был знаком с прославленными людьми и не знал, как с ними себя вести, о чем можно и о чем нельзя с ними говорить.

Автобус невыносимо медленно тащился по узкому Щелковскому шоссе. Шел дождь, было пасмурно.

Осенний вечер засинел на горизонте и как-то неожиданно обступил людей, высокие сосны и ели ускоряли приход темноты. Ночь спрятала от Петра Климука городок. Он не видел домов, служебных строений: вокруг неприступной стеной стоял лес.

Дом, в котором он провел ночь, и гудящий от ветра лес, и широкая улица, заваленная строительными материалами — на всем этом лежала печать значительности. Но когда утром, ступая незнакомыми стежками, он обходил городок, в нем не было уже ничего необычного.

Высокие кирпичные дома с широкими лоджиями, поднимающиеся среди окрестных лугов. Современные здания из квадратных панелей, равнобедренные плиты-мостовые, омытые дождями и утренней росой. Навстречу шли незнакомые люди, как идут в каждом городе,— торопливо и сосредоточенно, занятые многочисленными заботами дня, нескончаемыми разговорами.

«Романтики в профессии космонавта с избытком,— скажет однажды Юрий Алексеевич Гагарин,— но теперь все уже знают, что дорога в космос не усыпана розами. И те, кто пошел по этой дороге,— не фанатики, не роботы, не винтики и колесики космического механизма, это упорные, смелые люди».

Сергей Павлович Королев, жизненной мудрости и профессиональной широте которого мог позавидовать любой, полагал, что патриотизм, отвага, скромность, трезвость мгновенного расчета, железная воля, знания, любовь к людям — вот определяющие черты, без которых не может быть космонавта.

«...Каждый шаг, даже самый маленький, необычайно важен, так как без него не может быть следующего,— говорил и Николай Петрович Каманин.— Таков закон новой профессии. Труд космонавта напряженный. Аэродром, лаборатории, классы... Самолеты, катапульты... макеты кораблей... Каждый день похож на другой лишь своим будничным началом: подъем, физзарядка, завтрак... И в каждый день учебы врываются дробь вибростендов, бешеная карусель центрифуги, перепады давлений в барокамере, зной тепловых испытаний в термокамере, гнетущая тишина сурдокамер — таковы «атрибуты» этой профессии».

Через час новички собрались в столовой для завтрака. Сидели молча: каждый думал о своем. Шел второй день их пребывания в космическом городке. Такие же молчаливые, задумчивые возвращались из столовой, а навстречу — молодцеватый подполковник с подкупающей улыбкой, такой знакомой по фотографиям.

— Здравствуй, племя молодое, незнакомое!— громко поздоровался с ними Гагарин и всем по очереди пожал руку.— Как спалось? Хорошо накормили? Присматривайтесь, спрашивайте, а главное, не стесняйтесь... Поехали сейчас в служебный корпус. С нашей работой познакомлю. Очень интересная работа!..

«Работа»— любимое слово Юрия Алексеевича. И для него это не просто слово — в нем весь смысл жизни...

Все прошли в просторный светлый класс. Гагарин взял указ-

ку, раскрутил огромный шар глобуса и, взглянув на новичков, улыбнулся:

— Как видите, очень уж мала наша старушка-планета, и ее нужно беречь... Помните, у Циолковского: «Не хочется умирать на пороге проникновения человека в космос... Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство. Я мог бы без труда обрисовать его, так он близок и понятен. Он — русский. В этом я не сомневаюсь. Об этом я много раз говорил. Он — гражданин Советского Союза. По профессии, скорее всего, летчик...» Просто поразительно, как он умел смотреть вперед,— продолжал Юрий Алексеевич.— Многое из того, о чем говорил Циолковский, мне довелось испытать на себе. Для нас, космонавтов, работы Циолковского об освоении космоса всегда будут программными...

После полета Юрия Гагарина были новые старты, и каждый из них становился еще одним шагом вперед на трудной, неизведанной дороге. Мир узнавал новые имена героев: Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова...

Центр подготовки космонавтов в Звездном городке окончательно сформировался в начале 60-х годов. Все космонавты, начиная с Юрия Гагарина, подчеркивали: успех полета зависит от качества подготовки к нему.

Существует два основных этапа подготовки космонавтов: этап общекосмической подготовки и этап летно-космической (непосредственной) подготовки к полету. На первом — все космонавты данного набора готовятся по общей программе. Они получают необходимые знания теоретических основ космонавтики, изучают конструкции пилотируемых космических аппаратов и их бортовых систем, выполняют тренировочные полеты на самолетах и прыжки с парашютом, занимаются общефизической и специальной медико-биологической подготовкой. Общекосмическая подготовка продолжается около двух лет. На втором этапе космонавты готовятся уже в составе экипажей по конкретной программе предстоящего полета. Эта программа — общая для двух-трех экипажей (основного и дублирующих).

Во время непосредственной подготовки к полету космонавты изучают космический аппарат, на котором им предстоит лететь, его бортовые системы, научное оборудование, программу полета. Они должны научиться управлять космическим аппаратом и всеми его системами, добиться четкого взаимодействия членов экипажа в полете, а также взаимодействия экипажа с группами управления полетом и его обеспечения. Летная и парашютная подготовка — одно из важных направлений в занятиях космонавтов на обоих этапах. В результате этих занятий у космонавтов формируются качества, необходимые для выполнения космических полетов: психологическая готовность к сложным условиям полета, эмоциональная устойчивость, умение быстро принимать оптимальное решение,

Полет на самолете — это отдаленная модель работы в космосе. Не случайно именно летчики составили первый отряд космонавтов. Управляя истребителем, летчику приходится ориентироваться в пространстве, вести радиопередачи, оценивать обстановку и нередко принимать решение в условиях дефицита времени.

Готовился к старту и Петр Климук. Полеты были делом более привычным, а вот с парашютом прыгал без особого желания. Скептически относился к прыжкам не только он, многим они были не по вкусу. А ведь прыгать приходилось много. На сушу и на воду, днем и ночью.

Инструктором был Юрий Алексеевич Гагарин. И вот совсем за короткое время он всех буквально влюбил в этот мужественный вид спорта.

За каждым из подопечных он наблюдал с момента отделения от самолета и до приземления, всегда присутствовал на ежедневных наземных тренировках. Было видно, что он переживает за весь процесс подготовки будущих космонавтов даже больше, чем они сами...

Для подготовки к наиболее сложным и ответственным операциям — стыковке, ориентации, навигации — используются специальные тренажеры. На них полностью имитируется соответствующая система, ее работа. Комплексный тренажер космического корабля позволяет отрабатывать операции по всем основным этапам полета: предстартовую подготовку, выведение на орбиту, орбитальный полет, коррекцию орбиты, сближение, причаливание, стыковку, спуск с орбиты...

Десятки месяцев, которые предшествовали стартам в космос, Климук работал с документацией, занимался в классах, на тренажерах и делал еще многое другое, связанное с единым понятием — подготовка к полету.

Она, эта подготовка, занимала все его время — с утра и до последнего вечера, почти ничего не оставляя на то, что зовется личной жизнью. Однако, быть может, эта тяжелая, но любимая работа и есть личная жизнь?!

Когда Петра Климука спрашивают: «Что самое трудное в вашей профессии?» — он искренне отвечает: «Подготовка». Потом добавляет: «Я знаю многих талантливых ребят, которые прошли почти всю подготовку и в самом конце ее «срезались», не выдержали из-за какой-нибудь мелочи. И прощай, космос, Звездный, годы трудной, напряженной работы...»

Все этапы подготовки проходил и Петр Климук и, как все, нес нелегкий груз напряжения. Ему тоже пришлось неоднократно быть дублером, провожать в полет основной экипаж, чтобы снова начинать сначала. Конечно, в эти грустные дни о чем только он не передумал. В один из таких дней посетовал на свою судьбу: ведь шел восьмой год тренировок.

— Если когда-нибудь полечу в космос, обязуюсь купить вам два ящика конфет!

— Удостоверьте сие письменно!

— Пожалуйста.

Забегая вперед, хочу сказать, что этот эпизод имел продолжение. Во время одного из сеансов связи Земля поинтересовалась у находящихся в полете, обнаружили ли те конверт с надписью: «Вскрыть на орбите».

В этом конверте лежала расписка совершающего полет Петра Климука с обязательством купить два ящика конфет...

Подготовка была самая разнообразная. В том числе приходилось заниматься и в планетарии. Директор Московского планетария Константин Александрович Порцевский рассказал будущим космонавтам такую историю.

Однажды его предупредили, что к занимающимся в планетарии группам полярных летчиков прибавится еще одна. Это не вызвало удивления у директора, только поразил объем занятий — в несколько раз больше обычного.

Занятия с новичками стали проводить сам К. А. Порцевский и Н. А. Максимачев. Подружились быстро. Преподавателям всегда приятно иметь способных учеников. А эти молодые летчики проявляли недюжинные способности.

Но вот занятия кончались, а разговор о только что услышанном продолжался. Беседовали, спорили, когда страсти особенно накалились, Порцевский сказал невысокому, симпатичному старшему лейтенанту, который убежденно говорил о полете человека к другим мирам: «Вы так уверены в этом, будто уже готовы распрощаться с матушкой-землей и полететь к далеким звездам...» На календаре был январь 1961 года.

Наступила весна. Первого апреля многие шутили: «Ты знаешь, человек в космосе». Но прошло двенадцать дней и в космос действительно стартовал человек. Вся планета рукоплескала первооткрывателю Вселенной, гражданину Советской страны. С газетных полос смотрел симпатичный, улыбающийся старший лейтенант Юрий Гагарин. Когда фотографию увидел Порцевский, то смог лишь сказать: «Вот тебе и на!» На него смотрел тот самый «полярник», с которым он занимался целый год и который был так уверен в полете к звездам...

А Юрий Алексеевич Гагарин вскоре заехал в «звездный дом», встретился с его директором. «Самое удивительное,— рассказывал он,— что звезды планетария так похожи на настоящие, что ловишь себя на мысли, будто ты не в кресле космического корабля, а в кресле Московского планетария...»

Многое дали занятия в планетарии и Петру Климуку. Во время его первого космического полета с Валентином Лебедевым на корабле «Союз-13» одной из главных задач было исследование ультрафиолетового излучения далеких звезд и созвездий с помощью установленного на борту корабля специального космического телескопа «Ореон-2» — сложнейшего инструмента, разработанного армянскими учеными. Телескоп отлично перенес тряску и пере-

грузки на участке выведения корабля на орбиту и с высочайшей степенью точности наводился на заданные светила, обеспечивая получение столь желанных для астрофизической науки спектрограмм.

Восемь дней продолжался полет «Союза-13». Космонавты получили множество спектрограмм. По ним ученым удалось обнаружить новые явления в мире звездной материи, а это имеет большое значение как для изучения самих звезд, так и нашей Земли.

Занимался Петр Климук «звездными» исследованиями и во время своего второго полета. Теперь его коллегой по работе был Виталий Севастьянов. Работали они с солнечным телескопом — оптическим инструментом, позволяющим получать такие результаты, такие спектрограммы солнечных вспышек, флоккул, протуберанцев, которые с Земли пока недостижимы: мешает пелена земной атмосферы, даже если она чистая и прозрачная.

Работая с солнечным телескопом, всегда надо помнить: Солнце дает жизнь Земле, от его активности зависит и климат планеты, и здоровье людей, и всхожесть семян, и многое-многое другое. С каждым годом обнаруживаются все новые и подчас совершенно парадоксальные связи всевозможных явлений в живой и неживой природе с солнечной активностью. И вот орбитальный солнечный телескоп — в твоих руках. Ты можешь помочь ученым разобраться в причудах и капризах светила. И не только ученым — всем людям.

Сколько забот было с этим Солнцем! Однажды оно даже заставило изменить запланированную программу полета. В то время как космонавты наблюдали за светилом с орбиты, его держали на прицеле ученые в Крымской астрофизической обсерватории, где разрабатывался и создавался орбитальный телескоп. И вот на солнечном диске ученые увидели зарождение активной области. На другой день активность усилилась, появились небольшие вспышки. И хотя у косможителей на это время была запланирована другая работа, откладывать изучение этих явлений на борту было нельзя: активность могла не только ослабнуть, но уже на следующий день эта область должна была скрыться за нимбом Солнца — из-за его вращения. Руководители полета по просьбе астрофизиков приняли решение отменить все назначенные на этот день эксперименты, чтобы Петр Климук и Виталий Севастьянов могли спокойно работать только с солнечным телескопом.

Позже они узнали, что в Центр управления полетом из Крымской обсерватории передали: «В 10 часов московского времени зафиксирована вспышка. Срочно сообщите об этом экипажу». Но космонавтам можно было уже не сообщать: за семь минут до этого они и сами обнаружили вспышку. Быстро стабилизировали станцию в пространстве, навели аппаратуру, выбрали необходимый режим съемки и не упустили ничего интересного.

Директор Крымской астрофизической обсерватории, выдающийся ученый, академик Андрей Борисович Северный сказал позднее,

что, находись он сам на борту станции, даже при наличии специальной технической подготовки не смог бы действовать лучше космонавтов.

В середине этого полета руководство приняло решение: ежедневно выделять время для экспериментов по собственному усмотрению космонавтов. Программа стала более гибкой, открылись широкие возможности для работы творческой, и это принесло свои плоды.

Однажды Климук и Севастьянов обнаружили красивое и довольно редкое явление природы — серебристые облака. Они образуются на высоте 70—90 километров над Землей. Детально из космоса их никто не исследовал, а с Земли это делать трудно.

Облака висели огромным кольцевым образованием — случай редкостный. Исследователи не теряли времени даром. В нужный момент точно разворачивали станцию, выводили объективами аппаратуры на облака и проводили съемку разнообразными приборами. Результаты были получены хорошие.

Или полярные сияния. Их исследование очень важно для изучения природы атмосферы, а также магнитного поля Земли. Когда космонавты их обнаружили, тут же запросили разрешение Центра провести комплексные исследования. Руководство вначале колебалось, поскольку наилучшее время наблюдений приходилось как раз на период ночного отдыха. Но Петр с Василием убедительно просили Центр разрешить пренебречь режимом: «Отоспимся дома...»

Особое место в подготовке к полету занимают исследования нервно-психической сферы. Они позволяют предвидеть, как поведет себя космонавт при необычных воздействиях, какими эмоциями будет отмечено его поведение — положительными или отрицательными, будет он собран и уверен в себе или ударится в панику.

В ночь перед первым полетом человека в космос врачи установили под матрасами, на которых спали Юрий Гагарин и Герман Титов, специальные датчики. Они должны были «рассказать» о сне космонавтов. Если спят спокойно — перст самописца пишет довольно ровную кривую, если вертятся, испытывают беспокойство — кривая ломается, изменяется.

Рассказывают, что Сергей Павлович Королев, домик которого был тут же, рядом, четыре раза в течение ночи подходил к аппаратуре (она была не в самом доме, а снаружи), спрашивал, как идут дела. И был поражен безмятежностью сна космонавтов.

— Я бы на их месте так спокойно спать не мог,— сказал он.

— Значит, мы неплохо поработали, правда, Сергей Павлович?— обратился к нему дежурный врач.

И в ответ услышал:

— Да, безусловно.

Усложнение космической техники и необходимость ее испытания в полете, разнообразие научных исследований потребовали

ввести в состав экипажей космических кораблей инженеров и других специалистов высокой квалификации. Эта группа получила название космонавтов-исследователей. Возникла необходимость более гибкого подхода к отбору и подготовке новой категории кандидатов в космонавты. С точки зрения космической медицины это были «немолодые» люди с невысоким уровнем физической подготовки. Поэтому перед вынесением окончательного решения таких кандидатов «подлечивали», укрепляли их здоровье.

Как бы много ни давали будущему космонавту занятия на центрифуге, в термокамере, все же без систематических занятий спортом, без хорошей физической подготовки ему далеко «не уехать».

Физическая подготовка складывается из интенсивной утренней зарядки и специальных групповых занятий. Во время этих занятий космонавты играют в футбол, волейбол, баскетбол, занимаются акробатикой и плаванием.

Водные испытания получили название «Нептун», «Завтра у нас «Нептун», «Летим на праздник «Нептуна» — шутили в городке. Но была в этой шутке значительная доля правды, а правда состояла в том, что первые массовые испытания космонавтов на воде состоялись 23 июля, в день, когда у древних римлян устраивался водный праздник нептуналия в честь бога моря Нептуна. Космонавты, глубоко уважая античную культуру, эти суровые испытания на выживание назвали именем романтического бога Нептуна. Даже когда не было приводнения, учебно-практических тренировок, праздник все равно организовывался, становился веселым и зрелищным развлечением.

Готовили его не на море, а в бассейне Звездного городка им. Л. И. Брежнева. Царем моря, грозным владыкой водной стихии неизменно бывал Гагарин. Его облачали в доспехи царствующей особы, окружали верноподданическими слугами обитателей моря. По правую руку от него сидела в блестящем чешуйчатом костюме Русалка, стройная и элегантная Валентина Владимировна Терешкова.

Нептун, то есть Юрий Алексеевич Гагарин, громко и торжественно стучал огромным трезубцем о землю и заставлял бросать в воду очередную жертву. По его приказу кто-то из космонавтов поднимался на вышку, нырял и находился под водой столько минут, сколько требовали условия тренировок. Оказавшись в воде, испытуемый должен был продемонстрировать умение лежать неподвижно — сберегать силы, выравнивать дыхание. Или плыть под водой, ориентируясь по компасу. Или снимать специальный костюм, разворачивать спасательные средства: лодку, бортовое питание, ракетницу, оружие и так далее.

Однажды на вышку поднялся Георгий Тимофеевич Береговой. Он как-то нерешительно подошел к краю площадки, опасливо озираясь и выставляя вперед ногу, широко расставил руки и испуганно замер над водой.

Царский трезубец взметнулся вверх, присутствующие умолкли, в ожидании указа правителя, на секунду стихла музыка, чтобы с новой силой ударить в момент окончания речи Нептуна.

Трезубец ударил об пол, в благоговейной тишине прозвучали повелительные слова царя, то есть Юрия Алексеевича Гагарина:

— Испытание водой проходит Георгий Тимофеевич Береговой, сын Земли Советской, славный представитель человечества, получивший право на полет в космическое пространство, отважный военный летчик, бесстрашный испытатель.

Присутствующие подняли глаза на Берегового, стоящего на вышке, от него ждали действий, рывка, но он, в противоположность своим предшественникам, не прыгнул в воду, даже не принял спортивную стойку, а осторожно попятился назад.

Нептун обернулся, сердито поднял трезубец, сверкнул глазами: ослушание, дескать, какое неслыханное.

— Юрий Алексеевич,— конфузливо обратился с вышки Георгий Тимофеевич...

— Я царь Нептун — великий повелитель морей и океанов, полновластный хозяин глубин и всех богатств, спрятанных под водой...— нравоучительно оборвал повелитель ослушника — Берегового.

— О, великий царь,— взмолился Георгий Тимофеевич, принимая игру Гагарина,— не вели бросать в воду за ослушание. Плавать я не умею. Даю обещание через неделю пройти все самые трудные испытания и ничем не разгневить тебя...

Сдержал свое слово Георгий Тимофеевич Береговой. Он научился плавать, прыгать в воду с вышки, сдал по плаванию на второй спортивный разряд и через неделю, попав в царство Нептуна, с честью выдержал все испытания...

О выносливости, крепости духа космонавтов свидетельствует множество фактов.

В период подготовки к полету экипажа космического корабля «Союз-25» Владимир Коваленок занимался на велоэргометре. В один из дней он обратил внимание, что ему работать тяжелее, чем обычно, а врачи отметили несколько учащенный пульс. Но как человек дисциплинированный, задание он выполнил полностью. Потом оказалось, что вместо обычной нагрузки на педали, была установлена предельная, гораздо большая. Этот пример характеризует не только моральные качества космонавта, но и отличную физическую подготовку. Подобное можно вспомнить и в отношении другого члена экипажа — Валерия Рюмина. Во время высокогорной подготовки он поднимался на равных с проводником — местным жителем, но Рюмин к тому же нес еще 20-килограммовый рюкзак с обедом для всей группы.

Есть еще один фактор медицинской подготовки, который требуется серьезно учитывать. Специалисты называют его «психологической совместимостью». Два человека в замкнутом пространстве... Например, упоминавшийся полет Петра Климука с Вита-

лием Севастьяновым: девять недель ежедневной работы по 12—15, а то и больше часов в сутки. Практически никаких выходных: запланированные дни отдыха, как правило, уходят на работы, которые космонавтам хочется выполнить сверх программы, либо на «долги» — на то, что не успели сделать, на то, что нужно сделать получше, а также на регламентные, настроечные, наладочные работы. Это напряжение так или иначе «работает» против экипажа, исподволь и неумолимо пытается обострить человеческие отношения. Недаром писатели-фантасты утверждали, что самое страшное, с чем столкнется человек в космосе,— одиночество. Этой проблеме посвящались целые романы. А вывод был такой: человек долго в космосе не проживет, не выдержит этого психически.

Конечно, перед полетом пары подбирают. В отряде космонавтов бывали случаи, когда экипажи распадались именно из-за того, что люди не подходили друг другу. Разумеется, все это происходило до полета.

Петр с Виталием были очень дружны на Земле. И знали, что полет будет настоящим испытанием их дружбы. Знали и готовились к этому. Нельзя сказать, что в этом плане все было идеально гладко. Бывали споры, недоразумения, даже обиды. Но дальше этого дело не шло. Каждый из них в нужный момент говорил себе «стоп». На борту психологический климат был хорошим. И после полета они остались добрыми друзьями.

К Земле после двух месяцев полета Виталий Севастьянов и Петр Климук привыкали долго. Как-то Виталий проснулся и, увидев врача, недоуменно спросил: «Ваня, а ты откуда взялся?» В первые дни его не покидало ощущение, что нужно скорее браться за работу. Ведь два месяца космонавты жили с постоянным сознанием своей задолженности перед самими собой.

Журналисты в первые дни пребывания космонавтов на Земле отметили, что у Виталия каждая фраза стала сухой, телеграфной. Будто он по-прежнему на связи с Центром управления и экономит каждое слово.

Замечали за собой космонавты в первые дни после возвращения еще и такое: все, что ни берешь в руки, стараешься положить подо что-то, заткнуть, укрепить, зафиксировать, дабы не уплыло. Хотя невесомость уже в прошлом.

В общем, глубокий след оставляет долгий полет. Совсем особую окраску имеет тоска по Родине, по дому. Тысячу витков налетали они на своей станции над планетой. Однажды Виталий явственно услышал, как по обшивке станции стучит дождь. Была ночь, и он, не доверяя себе, выбрался из спального мешка и, подплыв к иллюминатору, заглянул в него, будто и впрямь надеялся увидеть дождевые капли. И только тогда понял: приснилось. Петр Климук в тот момент не спал и с удивлением наблюдал за другом. Потом долго вспоминали они о том, какие бывают дожди, как пахнет трава, хвоя, земля, по которой бегают дети и от которой так отвыкли их теперь «невесомые» ноги.

Наверное, многие считают космонавтов счастливцами и смотрят на них с оттенком зависти. Да, космонавты счастливые люди, но это не те счастливцы, которым выпал удачный билет в лотерее, а люди, очень много трудившиеся для того, чтобы их мечта стала явью...

Отвечая на вопросы корреспондентов, Юрий Алексеевич Гагарин сказал: «Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что, в общем-то, работаем на износ? Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они будут думать о себе, о том, насколько подорвется их здоровье, сколько именно можно вложить сил, энергии, чтобы их здоровье не подорвалось? Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание».

Дважды Герой Советского Союза Георгий Гречко признавался: «Помимо той работы, что ты проводишь на тренажере по технике, по контролю, по принятию решения, в космосе на тебе лежит большая ответственность. Неимоверно большая, за труд всех, кто подготовил полет... Так что там очень трудно».

Не случайно возрос уровень научной подготовки космонавтов. Все они имеют теперь высшее образование, а каждый третий — ученую степень. Вполне понятно, что помимо глубоких теоретических знаний они должны владеть современной космической техникой, методиками выполнения экспериментов и научных исследований. Космонавты участвуют в макетировании, компоновке кораблей и станций, отработке и проверке их систем в испытательных лабораториях и на стартовой позиции, в технических совещаниях при решении возникающих проблем, в составлении и отработке программ полетов и документации.

Каждый космический полет — это, безусловно, новый шаг в будущее, это испытание новой космической техники. Причем космонавт в полете не просто выполняет функцию регистратора событий, любуется красотами галактических красок, он анализирует информацию, поступающую с систем корабля, правильно оценивает обстановку и быстро реагирует на различные ситуации. Космонавт в совершенстве знает устройство корабля, умеет пользоваться его всеми системами. Одним словом, он должен быть испытателем. Причем, от полета к полету функции исследователя и испытателя становятся все более сложными.

Когда-то сам новичок в отряде космонавтов, Петр Климук стал со временем старожилом, одним из наиболее опытных и подготовленных космонавтов. Теперь ему уже приходилось и самому принимать участие в подготовке будущих экипажей, программ орбитальных полетов.

Важным событием в истории мировой космонавтики явился совместный советско-американский космический полет «Союз— Аполлон».

Главная цель, которую преследовал полет,— это испытание но-

вого стыковочного устройства, пригодного как для советских, так и для американских кораблей.

«Интересы космических исследований для нужд науки и народного хозяйства,— отмечал технический директор проекта ЭПАС с советской стороны член-корреспондент АН СССР К. Д. Бушуев,— требует совместных испытаний, совместных оценок... И коль скоро по международному статусу космонавт — посланец человечества, его благополучное возвращение на Землю — всеобщая задача».

15 июля 1975 года «Союз-19» с космонавтами Алексеем Леоновым и Валерием Кубасовым стартовал в космос.

Петр Климук находился в это время на орбите, они вместе с Виталием Севастьяновым работали по другой программе. Известие об успешном запуске «Союза-19» вызвало у них бурю радости. Через наземные станции у экипажей появилась возможность поговорить.

Алексей Леонов: «Поздравляю экипаж «Салюта»— долгожителей космоса. Желаю счастливого возвращения на Землю!»

Петр Климук: «Как вы там, не скучаете?»

Валерий Кубасов: «Сейчас в космосе не скучно — летают одновременно два космических корабля и одна станция, в космосе— семь человек».

17 июля в 19 часов 12 минут 10 секунд произведена стыковка кораблей «Союз» и «Аполлон», а через три часа миллионы телезрителей стали свидетелями исторического рукопожатия в космосе командиров советского и американского кораблей Алексея Леонова и Томаса Стаффорда...

Качественно новым этапом исследования Вселенной явилась программа длительных орбитальных полетов. Они стали возможны благодаря использованию комплексов «Союз»—«Салют»—«Прогресс».

Конструктивные особенности станции «Салют» позволяют использовать ее для решения задач, стоящих перед космической техникой. Но, конечно, главное принципиальное усовершенствование станции «Салют-6»— установка второго стыковочного узла, существенно расширившего возможности станции. Теперь она могла принимать на борт одновременно два экипажа. Это позволило выполнять сложные операции с участием четырех человек. Существенно повысилась безопасность полетов: в любой момент в случае необходимости можно было направить корабль-спасатель с экипажем или автомат. Более гибкой стала программа исследований: в ходе полета на станцию могли прибыть специалисты с новой исследовательской аппаратурой, что было особенно важно при проведении программ международного сотрудничества. Стало возможным восполнять расходуемые запасы станции, доставляя на нее топливо, продукты, сменные элементы системы обеспечения, жизнедеятельности, фото- и кинопленки.

Роль курьера между Землей и станцией отведена грузовому

кораблю «Прогресс», каждый «Прогресс» — это одновременно и танкер, и сухогруз.

Комментируя транспортные рейсы «Прогрессов», доктор технических наук, профессор К. П. Феоктистов сказал: «Мы вышли на режим не экспериментального, а нормального использования грузовых кораблей с целью регулярного снабжения станции различными грузами».

В эпоху длительных орбитальных полетов отдача от космоса увеличилась во много раз. Появилась возможность всерьез заняться исследованием Солнечной системы. Что скрывать, загадок еще хватает.

Меркурий никогда не повторяет своей орбиты, отраженные лучи далеких планет вблизи солнца искривляются, появляются искажения. До сих пор неизвестна точная величина земного радиуса. То значение, которым пользуются в настоящее время, недостаточно для современной науки. На разных материках приходится пользоваться различными величинами радиуса, причем отклонения достигают иногда 100 м. Причина столь значительных отклонений заключается в том, что геодезические работы — ограничены территорией суши. Теперь земной радиус можно точно и быстро измерить из космоса. Удалось расширить знания о Нептуне, далекой и загадочной планете Солнечной системы. Он расположен от Солнца в тридцать раз дальше Земли, и существование его было предположено астрономами Леверье и Адамом.

Ученых давно интересует кольцо Юпитера. Только недавно удалось установить, что кольцо Юпитера имеет промежуточные размеры между гигантскими кольцами Сатурна и более мелкими — Урана. Пока остается загадкой, как и почему это кольцо вообще может существовать.

Нам пока не известен состав и размеры частиц, образующих кольцо. Если вдруг большинство частиц окажутся мелкими, загадка станет еще более неразрешимой, так как чем меньше частицы, тем труднее им удерживаться на орбите вокруг планеты, а не «мигрировать» к ней. Можно предположить, что кольцо не постоянное, но тогда возникает вопрос об источнике новых частиц, которые должны заменять выпадающие на планету. Родилась гипотеза, что некогда к Юпитеру приблизилось огромное тело, размером со спутник, и под воздействием сил тяготения планеты разрушилось. Вообще все гипотезы предстоит проверить.

Уже много лет ведется спор вокруг загадочного Тунгусского метеорита. Выдвигаются десятки предположений, гипотез, но единого научно-аргументированного мнения не существует. Есть мнение, что Тунгусский метеорит — комета, состоявшая из рыхлого снега малой плотности. Такой снежный ком мог легко испариться, затормозиться в атмосфере и потому не оставить никаких следов на Земле. Не разделяют этой точки зрения участники экспедиции Института геохимии и физики минералов Академии наук Украины, которые на месте загадочного происшествия —

гигантский взрыв над сибирской тайгой произошел 30 июня 1908 года — нашли алмазно-графитовые сростки внеземного происхождения.

Руководитель экспедиции О. Алексеева считает, что углерод в твердом состоянии можно получить лишь в условиях сверхвысоких давлений, поэтому у села Ванавара более 70 лет тому назад взорвалось природное космическое тело, вес которого превышал пять миллионов тонн. Столкнулись мнения ученых, спор пока не разрешен. Теперь слово за космической наукой.

Проникнув в космос, люди открыли не просто новое пространство, подобное неведомому материку или океану, открыт огромный и необычный мир. Пока космос — среда, чуждая для жизни. Солнце там необычно яркое, звезды немерцающие, небо темное, почти как черный бархат. В космосе нет погоды, нет климата. Там вечная пустота, вечное безмолвие. Но все равно осуществляются непрерывные старты спутников и космических кораблей, идут поиски жизни на бесконечных просторах Вселенной...

Работы в космосе необычайно много и объем решаемых проблем непрерывно расширяется. Серьезному изучению подвержено Солнце. Ученые установили, что раз в одиннадцать лет и каждые 27 дней на Солнце появляются вспышки, резко увеличивается число пятен.

С такой же периодичностью земная атмосфера становится то более плотной, то разряженной. Что приводит к такому изменению атмосферы Земли? Насколько значительно она изменяется? Как можно измерить перепады плотности? Для ответа на эти вопросы необходимы регулярные, многолетние наблюдения. Нас интересует все: планеты Солнечной системы, другие Галактики. Вся наша наука направлена на то, чтобы понять и объяснить происхождение Земли, других планет Солнечной системы, научиться управлять механизмами природы.

Человек велик, всемогущ, и дела его велики. Не ради рекорда мы дотянулись до планет, послали станции на Марс и Венеру, первыми облетели Луну, мягко посадили на ней самоходные автоматы, научились возвращать в заданный район планеты контейнеры с лунным грунтом... Мы осваиваем мировое пространство для того, чтобы знания, добытые в безбрежном океане звезд, были поставлены на службу людям Земли уже сегодня, а не в отдаленном будущем.

Еще недавно мы мечтали о долговременной орбитальной станции с ее сменяющимися экипажами, а уже существуют реальные проекты создания космических городов-астрополисов, с хорошо развитой индустрией, с производственными и жилыми комплексами.

Ученые считают, что заводы нового типа, построенные в космическом пространстве смогут работать на космическом сырье, не привозимом с планеты, добываемом в безбрежном пространстве. Один из американских институтов прогнозов предсказал, что к

2007 году численность населения на Луне достигнет 1000 человек, в 2010 году родится первый человек в космосе, а к 2105 году численность населения в космических поселениях превысит численность населения на Земле. К этому времени в космическом пространстве будут действовать промышленные предприятия, добываться полезные ископаемые на Луне, Марсе, астероидах, произойдет заселение других планет...

Впрочем, об этом писал еще в 1918 году Константин Эдуардович Циолковский в своей повести «Вне Земли», так что не такая это уж и сенсация.

Вторжение человечества во Вселенную, несомненно, преобразит ее. У многих планет появятся искусственные спутники. Живые существа, кочуя по космическому пространству, будут расселяться в самых отдаленных ее просторах, изменят атмосферу планет. Разработан, к примеру, план «переделки» атмосферы Венеры. Ученые, в частности, предлагают забросить туда водоросли хлореллы, которые, размножаясь, обогатят среду кислородом. Венера долгие годы рассматривалась людьми как идеальная обитель жизни. Автоматы, побывавшие на этой планете, фактически проложили к ней дорогу человечеству.

Впереди новые интересные поиски. Несмотря на поистине гигантские открытия, сделанные в ходе космических исследований, самые большие все-таки впереди. Работы много, очень много.

Несколько лет ученые занимаются исследованием «черных дыр». Пока это тайна Вселенной. Недавно американские ученые обнаружили в центре Галактики М-37 темный объект очень высокой плотности: масса его в 5 миллиардов раз больше массы Солнца. Проблемами «черных дыр» сейчас занимаются ученые многих стран мира.

К. Э. Циолковский в своих трудах стремился увидеть близкое и далекое космонавтики. Определив выход человечества в космос с помощью ракеты, он доказал жизненную необходимость освоения космического пространства. Земля, писал он, колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. Более того, Земля лишь одна из планет, где возможна жизнь. Выход в космос — материальная основа воспроизводства будущего человечества. Сейчас люди слабы, а через миллионы лет их могущество настолько увеличится, что люди изменят не только поверхность Земли, но и ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Люди научатся управлять климатом, они будут распоряжаться в пределах солнечной системы, как на самой Земле. В поисках света и пространства отправятся за пределы Солнечной системы, достигнут иных Солнц и воспользуются их свежей энергией взамен своего угасающего светила. Люди также воспользуются и материалом планет и астероидов, чтобы строить там свои внеземные сооружения. В случае охлаждения Земли люди будущего, спасая свою колыбель, отбуксируют родную планету на другую орбиту — поближе к Солнцу или же силой реактивных двигателей переведут ее в другую

Галактику. Логическим завершением освоения космоса К. Э. Циолковский считал возможность бесконечного развития человеческого рода. Великий гуманист, оптимистическим видевщий будущее, выдвигал при этом одно непременное условие, необходимое для осуществления грандиозных планов: космос должен быть ареной мира, местом содружества людей. В противном случае — гибель, всеобщий крах.

Минувшие годы развития космонавтики показали, что многое из того, что предсказывал великий ученый, уже осуществилось или переходит от фантазии к вполне реальным расчетам и проектам, а остальное ждет своего осуществления.

Изучая творчество К. Э. Циолковского, Петр Климук встретился с интереснейшими выводами ученого. Например: «Многие думают, что я хлопочу о ракете и забочусь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы грубейшей ошибкой,— писал Циолковский.— Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель... Не спорю, очень важно иметь ракетные корабли, ибо они помогут человечеству расселиться по мировому пространству. И ради этого расселения в космосе я-то и хлопочу. Будет иной способ передвижения в космосе — приму и его... Вся суть — в переселении с Земли и в заселении космоса. Надо идти навстречу, так саказать, «Космической философии»!»

Великий ученый с глубокой убедительностью доказал научную и практическую целесообразность широкого освоения космоса.

«Человек и другое существо,— писал он,— есть материя. Она блуждает по всей Вселенной. Поэтому всякое разумное существо должно проникнуться историей Вселенной. Необходима такая высшая точка зрения. Узкая точка зрения может привести к заблуждению».

Нашу планету ученый не отрывает от процессов, происходящих во Вселенной, он рассматривает Землю как элемент, частицу единого гигантского процесса развития. Более того, Циолковский предполагает влияние разумных существ на развитие Вселенной, влияние разума на устройство Вселенной.

Константин Эдуардович говорил о значительной населенности космоса, он верил в близкую встречу с разумными существами иных миров.

Проблемы обитаемости Вселенной, конечно, волнуют ученых, людей нашей планеты. Единой точки зрения пока не существует, нет и подтверждения гипотезы тех, кто утверждает, что мы не одиноки во Вселенной.

Сейчас, вероятно, преждевременно утверждать, что Земля не уникальна и существует не в единственном виде, как и беспочвенно заявлять, что мы одиноки. Необходимы убедительные доказательства. В августе 1979 года ученые двенадцати стран, радиоастрономы мира, в Пущино-па-Оке обсуждали вопросы происхождения, строения и эволюции Галактики, существование дру-

гих цивилизаций. В конце 1979 года из США пришло известие о том, что ученые Мэрилендского университета обнаружили «ростки жизни» в двух метеоритах, найденных в Антарктике, сохранившихся в условиях вечной мерзлоты. Ученые предполагают, что метеориты образовались в районе пояса астероидов между Марсом и Юпитером и по своему возрасту —4,6 млрд. лет — приблизительно являются ровесниками нашей Солнечной системы, что дает основание предположить возможность возникновения жизни на всей Солнечной системе.

Хочется надеяться, что мы действительно не одиноки во Вселенной, но разрешить этот спор возможно только с помощью науки о космосе, постоянных полетов в межзвездное пространство.

Всех нас буквально ошеломляют слова Константина Эдуардовича Циолковского: «Сначала можно летать на ракете вокруг Земли, затем можно описать тот или иной путь относительно Солнца, достигнуть желаемой планеты, приблизиться или удалиться от Солнца, сделавшись кометой, блуждающей многие тысячи лет во мраке среди звезд... Человечество образует ряд межпланетных баз вокруг Солнца, использовав в качестве материала для них блуждающие в пространстве астероиды... Реактивные приборы завоюют людям беспредельные пространства и дадут солнечную энергию в два миллиона раз большую, чем та, которую человечество имеет на Земле».

В изучении и освоении космического пространства нельзя делить задачи на главные и второстепенные. Проблема, допустим, изучения Солнца, Луны, Марса — важная и интересная. Решение ее даст человечеству ключ к познанию истории образования Земли и других планет солнечной системы, к разгадке причин возникновения жизни.

Луна, например, есть долгоживущая орбитальная станция, на которой длительное время работают научные приборы, доставленные автоматическими станциями и пилотируемыми кораблями. Если проследить последовательность проводимых в нашей стране лунных экспериментов, то можно отметить их преемственность. Каждая программа разрабатывалась с учетом накопленных сведений и усложнялась от запуска к запуску. В дальнейшем освоение Луны станет важной вехой в развитии общества на пути покорения космического пространства. На данном этапе мы считаем, что необходимые сведения о Луне, характере ее почвы, географии и рельефа могут быть получены с помощью автоматических станций. Они созданы и успешно решают задачи исследования Луны, а также Марса, Венеры и других планет.

Мы совершили много полетов в космос, овладели необходимым минимумом знаний, и теперь космос должен раскрыть все свои тайны, которые будут столь велики, что станут подлинной сенсацией в науке.

Результаты исследований позволят нам по-новому взглянуть на многие процессы и явления в мировом океане, успешно решить

задачи связи, метеорологии, геодезии и навигации. Одним словом, космос позволит значительно расширить наши познания о природе, даст в руки ключи управления ею.

Интересна и такая проблема. Сотни миллиардов космических «пылинок», имеющих массу от нескольких граммов до стотысячных долей граммов, пронизывают межпланетное пространство и бомбардируют Землю ежедневно. Они влетают в атмосферу планеты с немыслимыми скоростями: от 40 до 300 тысяч километров в час. Полет космического скитальца, имеющего массу более 0,1 грамма, можно наблюдать невооруженным глазом. «Падающими звездами» называют их в народе.

Существует немало гипотез, объясняющих «звездные дожди». Считается, например, что метеоритные потоки рождаются из ядер комет, блуждающих вокруг Солнца по «коротким орбитам». Однако в механизме самого явления еще много загадок, потому что ученые на различные «что», «как» и «почему» отвечают сдержанно, часто употребляя слова «возможно», «предположительно», «вероятно»...

Как влияет на суточное вращение нашей планеты ежегодная прибавка массы? Как изменяется орбита ее движения вокруг Солнца? Можно ли научиться предсказывать метеорные дожди, их продолжительность и интенсивность? Сколь серьезно угрожает экипажам межпланетных кораблей встреча с опасными космическими «странниками»?

О кометах стоит сказать несколько слов особо. С ними связано много необъяснимых явлений.

Вот только одна из этих загадок. Комета непрерывно подходит к Солнцу, на нее устремлены тысячи оптических глаз, и вдруг по непонятной причине за какие-то несколько часов блеск кометы усиливается вдвое.

Другая загадка. Есть кометы, у которых в течение одной-двух недель яркость возрастает в 1000 раз! Почему? Не может ведь комета так быстро получить от Солнца огромное количество энергии.

Известен наконец эффект Мохнача: центр яркости кометного ядра смещается относительно центра масс. Получается, что «небесный призрак» как бы отчаянно сверкает своим светящимся глазом. Загадка.

Кстати, не последняя. Ведь астрофизикам известна совсем уж необычная комета Швассмана-Вахмана I. Сама периодическая орбита ее близка к круговой, так что комета движется почти как планета. И примерно каждые 9 месяцев комета Швассмана-Вахмана I. вспыхивает. При этом ее яркость увеличивается в сотни раз.

В физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе Академии наук СССР появилась интересная версия. Искусственный взрыв, совсем слабый, очень просто получить, уронив на раскаленную сковородку каплю воды. А вот опыт для любознательных:

пусть вода будет дециллированной — и никакого взрыва на горячей сковородке. Иное дело — вода с примесями. Оказывается, в них-то все и заключено.

Какая связь между каплей воды и кометой? Да ведь это и есть модель кометного ядра. В его существе заморожены газы. А нагревается кометный лед неравномерно — только со стороны Солнца, да и то лишь снаружи. При очень низкой, «космической» температуре лед реагирует на нагрев втрое сильнее, чем железо (а оно, как мы помним со школы, при нагревании расширяется). Тем более расширяется лед. Даже не то слово — расширяется. Трещит, как стекло «Жигулей», рассыпаясь на мелкие кусочки. Недаром расширяют его изнутри освобождающиеся газы, в первую очередь углекислый.

Что же получается? Наружный, нагретый лед трещит, отделяясь от основной массы ядра. «Шуба» рассыпается на отдельные осколки, и вслед за этим начинает нагреваться следующий слой льда. Кометное ядро как бы сбрасывает с себя одну «шубу» за другой. Взрывы следуют тоже один за другим — как при минометном обстреле. Осколки отделяются от основной массы ядра. А каждый такой спутник ничем не отличается от «родителя» — тоже нагревается. При нагревании и взрывах льда высвобождаются упрятанные раньше в глубины летучие вещества и пыль. Они-то и начинают светиться. А поскольку процесс протекает лавинообразно, нам видится вспышка яркости. Энергия для вспышки берется не от Солнца, она припасена внутри самого ядра кометы.

Так, по мысли астрофизиков, все и происходит в почти невидимой с Земли голове кометы. Но и эту мысль небходимо проверить.

Однако не лететь же для этого на комету. И вот в физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе создали «искусственную комету» — в вакуумной камере лаборатории. Смоделировали взрывное разрушение. Просчитали для кометы Швассмана-Вахмана I. Получилось: газ накапливается в трещинах поверхностного слоя как раз 9 месяцев.

Когда есть гипотеза, когда эксперименты ее подтверждают, ученые начинают задумываться над следствиями, не менее интересными и важными, чем сама идея.

Итак, что можно «выжать» из этой гипотезы?

Лечить от болезни — дело неблагодарное. Куда лучше предусмотреть ее. Английские астрофизики Хойл и Вихрамасингхе собрали огромную статистику глобальных инфекционных заболеваний. Если даже предположить, что с континента на континент вирусы заносятся самолетами, то чем объяснить, что в прошлом веке якуты, например, могли болеть одновременно с южноафриканскими неграми одной и той же болезнью? И как не обратить внимание на витавшую в это самое время комету?

Выходит, не зря астрологи бледнели, отходя от зрительных труб, когда небо озарялось неверным светом? Земле предстояло пройти сквозь ливень ледяных осколков. А он чреват...

Вода, цианистые соединения, метан, аммиак — вполне подходящее сырье для формирования «полуфабриката» простейшего микроорганизма. Эти вещества обнаружены в хвостах некоторых комет, подлетавших к Земле. А как из них получаются аминокислоты и нуклеотиды, из которых состоят белок и цепочка ДНК, и в конечном итоге — вмороженная в лед заготовка живой клетки, продемонстрировали опыты Каймакова. Такая заготовка помещается даже в микроскопическом кубике льда, который вполне может ворваться в земную атмосферу в виде недоразрушенного осколка. А в подходящей питательной среде из него оживает вирус или фаг. Вот и объяснение природы заболевания: Землю заразил космос.

Но не всякая комета вредоносна. Чтобы микроорганизм действительно «вылупился из ледяного яйца», в составе кометного льда должен быть фосфор. Спектры излучения светящихся хвостов — своеобразная визитная карточка кометы. Что внутри, то и на спектрограмме. Пока фосфора в ней не находили. Зато близкую ему серу замечали. Но ведь толща атмосферы сильно искажает картину. Начни анализировать спектры излучения комет на околоземной орбитальной станции — и, вполне вероятно, обнаружится фосфор.

Тогда легко допустить, что вскоре Земля переживет очередную эпидемию — глобальную инфекцию. Ведь фосфор обещает возрождение месяца через три замороженных вирусов или фагов. Кто знает, что они сулят людям.

Но уж к встрече с «заразной» кометой будет время подготовиться. И если технически сложно или очень дорого взорвать ее на космических подступах к Земле, можно подстраховаться подругому. Ввести сыворотку прямо в верхние слои атмосферы. Пусть болезнетворные микроорганизмы гибнут «в зародыше», задолго до попадания к людям.

Такой вот существует негостеприимный проект встречи кометы. Что же, прилетай к нам без фосфора — оружие оставь у порога.

Так что космическим кораблям найдется работа и по «дизенфекции» околоземного пространства.

Предсказывать погоду — дело чрезвычайно сложное. Точность прогнозов во всех странах мира пока еще не отвечает требованиям времени. Всемирная служба погоды располагает огромным арсеналом средств, которые постоянно информируют оперативные центры обработки данных о том, что происходит на планете. Данных собирается очень много. Много, но недостаточно. Чтобы предсказывать погоду надежно и на длительные периоды времени, нужны знания закономерностей общей циркуляции всей толщи земной атмосферы. Получить эти данные, учитывая всю сложность процессов, протекающих в «кухне» погоды, невозможно без систематических метеорологических измерений и наблюдений по всей поверхностей земного шара и по всем высотам.

Важный шаг к решению проблемы был сделан созданием и запуском метеорологических спутников. Они дают весьма ценную информацию, особенно из районов, где нет традиционной сети постов наблюдения: над океанами, пустынями, таежными массивами, горными системами. Достаточно сказать, что орбитальный синоптик за каждый виток, всего за полтора часа, обеспечивает обзор состояния атмосферы (облачности и т. д.) от полюса до полюса в полосе шириной до полутора тысяч километров. Никакие другие средства современной техники — ни самолеты, ни специальные морские суда, ни радиолокационные системы — не в состоянии дать такой огромный объем оперативного материала наблюдений.

Космонавты видят несравненно больше, чем автоматы. А главное — они в состоянии осмыслить, проанализировать, сопоставить увиденное и передать на Землю не только сам факт, но и его содержание, рассказать о динамике явления, ответить на вопросы специалистов, что-то уточнить при повторном обзоре, изменить диафрагму или экспозицию при фотографировании, обратить внимание на объект, находящийся вне поля зрения «глаз» орбитальных автоматов.

Длительные орбитальные полеты позволят космонавтам наблюдать изменения погодной обстановки достаточно долгий период времени. Поэтому неудивительно слышать с борта станции такие слова: «Похоже, что в Атлантике зарождается тайфун... Заметна характерная закрутка облаков, а в центре —пятно, «глаз бури»... Уточняем координаты...»

Но вообще от космоса не приходится ждать «легкой» жизни. И как бы тщательно ни велась подготовка экипажей, в полете не исключены встречи с неожиданностями, поэтому у космонавтов особенно ценятся быстрота соображения, различные трудовые навыки. Да и сами земные тренировки без них немыслимы. Судить можно хотя бы по таким цифрам. Если перед стартом Юрия Гагарина было проведено около тысячи испытаний систем и агрегатов «Востока», то для «Восхода-2» их число возросло в четыре раза, а, скажем, для станции типа «Салют» — еще в несколько раз. Соответственно возрастали и требования к экипажам.

Опыт проведения космических исследований в нашей стране и за рубежом выявил основную тенденцию развития космонавтики — от автоматических спутников Земли, оборудованных несложной аппаратурой и способных решать простые научные задачи, к сложным космическим аппаратам и далее к полетам человека; от пилотируемых космических кораблей с ограниченным кругом задач к долговременным научным орбитальным станциям со сменяемыми экипажами. Это уже лаборатории в космосе, на которых можно проводить комплексные исследования и эксперименты в интересах науки и народного хозяйства.

Космос занял умы всего человечества, привлек в свои лабора-

тории лучших ученых планеты, утвердился в литературе, искусстве, прочно лег на газетные полосы.

Американский журналист Жэрилин Бехтел писал: «История самих космических полетов начинается, конечно, с первого спутника, запущенного в Советском Союзе в октябре 1957 года и потрясшего самодовольство тех, кто считал, будто социалистической стране не хватает научного и технического потенциала, чтобы превратиться в ведущую страну в этой области».

Действительно, мы первыми запустили искусственный спутник Земли. Первыми получили фотографии обратной стороны Луны, затем — первая мягкая посадка на Луну автоматической станции. Первая телевизионная передача с поверхности нашего естественного спутника. Первый искусственный спутник Луны. Первые групповые и совместные полеты. Первая женщина-космонавт. Первый выход человека в открытый космос. Первая автоматическая станция, с помощью которой была взята проба лунного грунта и доставлена на Землю. Первый автоматический аппарат «Луноход-1» и так далее.

Летчик-космонавт СССР Владимир Шаталов писал: «Ничто не может остановить Человека на пути знаний и прогресса. Время сенсаций и восторгов, скепсиса и недоверия миновало. Космос уверенно и прочно входит в нашу жизнь и образ мысли, в научно-исследовательские программы и народнохозяйственные планы».

Оценивая первые результаты работы орбитальных комплексов, Леонид Ильич Брежнев сказал: «...Полет комплекса «Салют-6»— «Союз» положил также начало принципиально новому этапу работы человека в космосе; впервые совершен полет международного космического экипажа...»

Вся история программы «Интеркосмос»— непрерывное расширение масштабов сотрудничества, постановка и решение все более крупных научных задач. За годы реализации программы в социалистических странах созданы и окрепли научные центры космических исследований, выросли коллективы квалифицированных специалистов, способные разрабатывать и осуществлять сложные эксперименты в космосе.

Инициатива Советского Союза, выступившего с предложением об участии граждан социалистических стран в пилотируемых полетах на советских космических кораблях и орбитальных станциях, была встречена в этих странах с большим удовлетворением. В июне и сентябре 1976 года в Москве представители НРБ, ВНР, ГДР, Республики Куба, МНР, ПНР, СРР и ЧССР обсудили и одобрили это предложение Советского Союза. Была достигнута полная договоренность по всем вопросам, связанным с подготовкой к международным пилотируемым космическим полетам. После этого в восьми социалистических странах начался отбор кандидатов в космонавты и подготовка научно-технических экспериментов, которые предстояло выполнить членам международных экипажей.

В декабре 1976 года первая группа кандидатов в космонавты — граждане Чехословакии, Польши и ГДР (по два представителя от каждой) приступили к занятиям в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. В короткий срок все шесть кандидатов были подготовлены к выполнению космических полетов. Этому способствовали высокий научно-методический уровень подготовки космонавтов в СССР, отличная техническая оснащенность, тренажорная база, товарищеская помощь советских исследователей.

2 марта 1978 года с космодрома Байконур стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-28», на борту которого находились командир корабля летчик-космонавт СССР Алексей Губарев и космонавт-исследователь гражданин ЧССР Владимир Ремек.

Перед стартом Владимир Ремек сказал: «Я горжусь тем, что моя страна, как и другие страны социалистического содружества, в сотрудничестве с Советским Союзом активно участвует в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях...»

После стыковки с «Салютом-6» экипажи станции и «Союза-28» приступили к выполнению экспериментов.

Полет успешно завершился 10 марта 1978 года. А спустя несколько месяцев в интернациональной программе довелось участвовать и Петру Климуку. Его товарищем по работе был космонавт-исследователь Мирослав Гермашевский, гражданин Польской Народной Республики.

Как и в прошлом полете, Климук считает, что ему очень повезло с партнером. Опытный пилот высокого класса, эрудит, все схватывает на лету, въедливый, труженик — таков Мирослав. И в то же время это мягкий и добродушный человек, романтик. Уступчивый, но твердый во всем, что важно для дела.

Сдружились они быстро. И совсем не думали о том, что это нужно для работы, для психологической совместимости. Так получилось само собой, непринужденно, искренне.

В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим, всем коллективам и организациям, принимавшим участие в подготовке и осуществлении длительного научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз», космонавтам Леониду Попову и Валерию Рюмину по случаю успешного завершения 185-суточного космического полета говорилось:

«На борту научной лаборатории «Салют-6» работали четыре длительные экспедиции и восемь экспедиций посещения. В соответствии с программой «Интеркосмос» в этот период совершили полеты международные экипажи с участием космонавтов Чехословацкой социалистической Республики, Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Народной Республики Болгария, Венгерской Народной Республики, Социа-

листической Республики Вьетнам, Республики Куба, Монгольской Народной Республики и Социалистической Республики Румыния.

Международными экипажами полностью выполнены программы исследований и экспериментов, подготовленные совместно учеными и специалистами Советского Союза и других стран социалистического содружества».

Продолжается сотрудничество социалистических стран в области исследования природных ресурсов Земли, изучения Мирового океана. В частности, 6 февраля 1981 года был запущен спутник «Интеркосмос-21» с целью отработки методов комплексного изучения Мирового океана и поверхности Земли, а также систем автоматического сбора научной информации с морских и наземных экспериментальных станций. Научная аппаратура спутника и телеметрическая система сбора и передачи научной информации созданы специалистами ВНР, ГДР, СРР, СССР и ЧССР.

На двусторонней основе развивается сотрудничество СССР с Францией, Индией, Швецией и Австрией.

30 октября и 4 ноября 1981 года в Советском Союзе осуществлены запуски автоматических межпланетных станций «Венера-13» и «Венера-14», которые достигли окрестностей Венеры в марте 1982 года.

Новые успехи, достигнутые в 1981 году, являются важным вкладом в решение задач одиннадцатой пятилетки по дальнейшему изучению и освоению космического пространства в интересах науки, техники и народного хозяйства, поставленных XXVI съездом КПСС.

Хотелось бы коснуться вот еще какой проблемы, связанной с космическими исследованиями. Влияние помимо полетных трудностей и «моральных» послеполетных нагрузок на психику космонавтов. Дело в том, что не только невесомость, метеоритные потоки приносят неприятности первооткрывателям звездных трасс: послеполетная слава, известность, жизнь постоянно «на виду», могут расшатать любую нервную систему.

Петр Климук любит рассказывать об Алексее Леонове. Космос не только сохранил его художественные способности, но даже и развил их.

Юрий Алексеевич Гагарин очень высоко ценил увлечения Алексея Леонова и говорил, что используя богатую палитру, он хорошо изображает и землю, окруженную радугой тончайших красок, и аспидно-черное небо, которое прорезают космические корабли и далекие звезды.

Другой космонавт — Юрий Глазков — увлекается чеканкой по металлу и резьбой по дереву. Его квартира настоящий музей. Почти все в Звездном (и Петр Климук не исключение) увлекаются автомобильным спортом.

Резким диссонансом образу жизни советских космонавтов выглядят факты из жизни их американских коллег. В одном из номеров журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлл рипорт» были

опубликованы данные о нынешнем положении американских астронавтов. Большинство из них подалось в мир бизнеса. Их нередко вынуждают выступать за то, что, по их собственным представлениям, далеко от справедливости, привлекают к участию в коммерческой рекламе.

В истории освоения космоса видное место принадлежит Нейлу Армстронгу, Эдвину Олдрину и Майклу Коллинзу. Национальные герои Соединеных Штатов Америки, а какую безрадостную судьбу уготовило им общество, исповедующее культ глубокого индивидуализма.

Нейл Армстронг сразу после полета уединился у себя дома в штате Огайо, полностью отказавшись от встреч с общественностью, с представителями прессы.

У Эдвина Олдрина оказалась надорванной психика, он вынужден был оставить авиацию. Один из самых квалифицированных и наиболее подготовленных астронавтов, он не смог пережить обиды, что не ему, военному, было доверено первым ступить на лунную поверхность, а штатскому человеку Нейлу Армстронгу. Свое пребывание в Хьюстоне он и сейчас вспоминает как кошмарный сон. В написанной им после полета книге «Возвращение на Землю» есть такие строки: «Нас преподнесли как идеальных, настоящих американцев. Против настоящих не возражаю. Но идеальные... У нас, как у всех, были свои проблемы. Давила необходимость выделиться. Давили передряги внутренней политики и соперничества. Вражда в космической программе была точно такой же, как и везде». Подлечившись у невропатологов и уйдя из авиации навсегда, Эдвин Олдрин одно время рекламировал западно-германские автомобили «фольксваген», руководил мелкими фирмами. Как и другие астронавты, он всячески избегает встреч с журналистами, оберегает свой покой.

Майкл Коллинз, хотя и не пережил такого серьезного срыва в психике, но тоже вспоминает о своем полете к Луне как о событии, причинившем ему немало страданий. Слишком большим было напряжение, заданное программой такого полета. На каждого участника ложились порой нечеловеческие перегрузки — нервные, физические, нравственные. Малейшая ошибка могла привести к гибели. И кроме того, тяготило ощущение, что для оставшихся на Земле их полет — всего лишь развлекательное шоу.

В отличие от летавших вместе с ним астронавтов Коллинз, нынешний директор Национального музея воздухоплавания и аэронавтики, иногда встречается с представителями печати. Принял он как-то специального корреспондента «Литературной газеты» Я. Борового. Советский журналист поинтересовался у американского астронавта, не хотел бы он вновь полететь в космос?

— Ни за что! — категорически заявил Коллинз.— Не хочу

вновь пережить все это: и тревоги космического пути, и даже его радости. Это не для меня!..

Такова довольно трагическая судьба «великолепной тройки» американских астронавтов, и виной этому — весь уклад капиталистического общества, буржуазный образ жизни.

Многие сегодня справедливо усматривают тесную связь космической эры с эрой утверждения коммунизма. Новая сфера приложения человеческого труда, взаимодействия природы и общества требует от человека полного проявления всех лучших человеческих качеств. В то же время наша деятельность в космосе имеет глубочайшие социальные последствия, развивает и расширяет наши взгляды, совершенствует нас самих. А это и есть та стартовая площадка социализма, с которой, по образному выражению Ю. А. Гагарина, будет продолжаться дальнейший штурм Вселенной...

В каждом городе исторически складываются свои обычаи, традиции, обряды, которые охватывают весь жизненный уклад жителей. Появление их связано с родом деятельности жителей, природными условиями, окружающей средой и другими важными факторами. Возникли они и в самом молодом городе СССР — Звездном городке имени Л. И. Брежнева — стране космонавтики.

Много их в этом единственном, неповторимом городе. Например, торжественно встречать летчиков-космонавтов СССР, вернувшихся из далекого космического путешествия, делать отчет о выполнении научных заданий полета, перед полетом посещать квартиру и рабочий кабинет В. И. Ленина в Кремле, производить запись-клятву в особую книгу, хранящуюся в мемориальном кабинете первого космонавта мира Юрия Алексеевича Гагарина. Есть еще и такая традиция — пополнение музея Звездного городка. Вещи космонавтов, сувениры, подаренные им во время поездок по городам и странам — все это находит свое место в экспозициях музея. Есть там книга отзывов, в которую свое впечатление о городке, о музее, встрече с космонавтами, о просмотренных фильмах может записать гость городка. В этой книге — отзывы руководителей государств и правительств, лидеров политических партий и общественных организаций.

«Во время визита в Звездный городок,— писал в книге отзывов Фидель Кастро,— мы за несколько минут пережили историю начала космической эры.

Здесь можно оценить огромные достижения советской техники и науки, благодаря которым стало возможным осуществление подвига Юрия Гагарина. Здесь можно оценить подвиг советских людей — наследников Ленина, подвиг ученых, специалистов и космонавтов во всей их человечности, их близких, вместе с которыми космонавты прошли через риск. Советские герои космоса прославили Родину, все человечество».

Председатель коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури оставила запись следующего содержания:

«Нет среди нас нашего героя, Юрия Гагарина, героя всех народов, который своей простотой и скромностью, смелостью и твердостью, своим мужеством и верностью Родине и Ленинской Коммунистической партии всегда был живым примером не только для советской молодежи, но и для молодежи всего мира...»

Выдающийся американский астронавт Томас Стаффорд 17 октября 1972 года записал в книге отзывов:

«Мне выпала высокая честь посетить Звездный городок. У вас превосходное и впечатляющее оборудование. Я уверен, что ваши будущие успехи будут еще более значительными, чем прежде. Как ваш коллега по исследованию космоса я приветствую каждого из вас и уверен, что наше взаимное сотрудничество поможет сблизить наши две великие страны».

Ежегодно посещают Звездный сотни делегаций, десятки тысяч гостей. Особенно часто у нас бывают представители социалистических стран.

«С чувством растроганности и гордости познакомился я с музеем, отражающим жизнь, работу, подвиги наших друзей — советских космонавтов.

От всего сердца желаю всего доброго, новых и новых успехов советским космонавтам, их преподавателям и руководителям в деятельности, служащей на благо советского народа и родины, на благо всех народов, всего человечества. Этого желаю я от имени всего венгерского народа, строящего социализм»,— писал Первый секретарь ЦК Венгерской Социалистической рабочей партии Я. Кадар.

Труд космонавтов, специалистов Центра высоко оценен Коммунистической партией и Советским правительством. В 1968 году Центру подготовки космонавтов было присвоено имя первопроходца космических трасс Ю. А. Гагарина. За высокие показатели в работе, достигнутые в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, Центр награжден Ленинской юбилейной Почетной грамотой ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

В апреле 1971 года за большие заслуги в подготовке экипажей к космическим полетам, участие в освоении космического пространства и в связи с 10-летием первого в мире полета человека в космос Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина награжден орденом Ленина, а в 1981 году — орденом Дружбы Народов.

Космос стал заправским рабочим, отдача от него повысилась. И уже ни у кого не возникает вопроса: «Зачем летать к звездам?»

Впрочем, не потускнела и связанная с космосом романтика. Взять хотя бы проблему «братьев по разуму», старую, как наш мир, и по-прежнему притягательную. Во Вселенной существуют объекты, наиболее интересные с точки зрения поиска внеземных цивилизаций. Советский ученый Д. Маковецкий недавно выдвинул такую идею: направить на поиск прежде всего на самые мощные

источники радиоизлучения, например, на Крабовидную туманность, пульсары. Тогда, по его мнению, можно рассчитывать на успех. Эта идея хороша тем, что она значительно сужает область поиска. Но, видимо, все-таки не стоит скидывать со счетов и остальную Галактику.

Впрочем, земляне не ограничиваются ролью пассивных наблюдателей, они сами пытаются дать о себе знать. Например, в 1974 году американские ученые с помощью 300-метрового радиотелескопа в пуэрториканском местечке Аресибо послали в направлении туманности Месье-13 своего рода космическое письмо. В нем закодирована информация о нашей солнечной системе, о человеке, о важнейших химических элементах и т. д. На своем пути это послание может быть доступно сотням тысяч звезд. Не исключено, что у одной из них есть планета с разумными обитателями, которые смогут принять и расшифровать это письмо. И тогда, быть может, мы получим ответ. Правда, прежде чем сигналы достигнут края нашей Галактики, пройдет 24 тысячи лет. Так что ответ придет не раньше чем через 48 тысяч лет. То есть в 500-м веке. Видно, землянам придется запастись терпением...

По вопросу существования внеземной разумной жизни ученые высказывают самые противоречивые мнения. Оттого, что жизнь, подобная нашей, может возникнуть благодаря наиредчайшему сочетанию маловероятных обстоятельств и что разумная жизнь — это не правило, а крайне редкое исключение, вероятность найти ее, если и не равна нулю, то ничтожно мала. До того, что из 50 миллиардов планет, подобных нашей, у нас в Галактике по крайней мере на 2—3 миллиардах есть жизнь, и на нескольких миллионах — это жизнь разумная.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно зарождения жизни на нашей планете. Возникновение живой клетки из мертвой материи действительно кажется каким-то чудом. Есть специалисты, которые отстаивают гипотезу внеземного происхождения жизни. Считают, что она могла быть занесена на Землю в виде спор вместе с метеоритами из космоса.

Есть и еще более увлекательное предположение. Будто микроорганизмы были занесены на Землю высокоразвитой цивилизацией с целью размножения жизни и будто в скором времени нас посетят наши «прародители», чтобы проверить результаты эксперимента.

Но если говорить серьезно, то эти гипотезы нисколько не приближают нас к разгадке тайны зарождения жизни.

В то же время человек находится буквально на подступах к потрясающим открытиям в биологии, химии, генетике... Они поиному заставят нас взглянуть на наше прошлое. Интереснейшие открытия делаются и сегодня. Недавно ученые сумели в лабораторных условиях получить сложные органические молекулы, пропуская разряд электрического тока через смесь газов, которые составляли, по мнению специалистов, первичную атмосферу пла-

неты. Есть предположение, что процесс возникновения жизни на Земле мог начаться самопроизвольно, например, от молнии...

Интересные предположения высказываются относительно наличия жизни на других планетах солнечной системы.

Напрашивается и такой вопрос: обязательно ли возникшая жизнь должна превратиться в разумную? Не может ли на других планетах она остаться, так сказать, на «дочеловеческом» уровне?

Вряд ли. Жизнь всегда и везде идет по пути усложнения. От простого к сложному — это закон эволюции. И появление разума — непременный ее этап. Трудно вообразить, какого высочайшего уровня развития могут достичь иные цивилизации! Какой могущественной наукой и техникой могут обладать! Предполагают, что девять цивилизаций из любых десяти существующих должны превосходить нас в развитии.

Некоторые зарубежные ученые высказывают опасения, что более сильная, более могущественная культура поработит более слабую и контакт с внеземными цивилизациями обернется для человечества потерей независимости.

Такие опасения кажутся необоснованными. Вероятный высокий уровень технического развития таких цивилизаций приводит к мысли, что они давно уже преодолели опасность ядерной войны, опасность глобального уничтожения — иначе их не существовало бы. Значит, они достаточно совершенны и в социальном отношении. А чем более развито общество, тем оно более гуманно. Поэтому они отнесутся к менее развитым собратьям не как колонизаторы, а как друзья, готовые поделиться своими дестижениями и открытиями.

Мы идем по длинному пути. Пути познания бесконечных тайн Вселенной. Трудному пути...

И сейчас в Звездном готовятся к полету космические экипажи, которым продолжать дело, начатое их звездными братьями, начатое Гагариным, продолженное Петром Климуком и другими.

Виктор ***МИТРОШЕНКОВ***

ЧЕЛОВЕК ИГРАЛ С СОЛНЦЕМ

Человек играл с Солнцем: прятался за гранитный валун, притирался щекой к его жесткой шероховатости и из своего укрытия щелками острых глаз ловил желтые стрелы лучей. Солнце метило в человека, торопливо гналось за ним, норовило опутать своими объятиями, окатить золотистым светом. Прячась от него, он пружинисто приседал, пританцовывал, уходил в тень, в колодец пещерного мрака.

Человеку нравилось Солнце и он, научившись думать, хотел дружить с ним. Когда облака укрывали Солнце, человек страдал, метался в неосознанной обиде на собственное бессилие, призывал небо к благоразумию, просил помощи, бормотал первые пришедшие на ум слова. Тогда еще человек не знал, что рождалась религия, культ владыки, поклонение великому чуду мира — Солнцу. На добро оно отвечало добром. Верное дружбе, Солнце ежедневно приходило к человеку. Истосковавшись за ночь, оно карабкалось по пологому склону горы, ударяясь о выступы, дробилось, упиралось янтарными руками в отвесные кручи скал, опасно кренясь, заглядывало в безмерные колодцы гротов, задерживалось, повисая на узкой площадке утеса.

Человек верил в дружбу, радовался, что Солнце ждет его, и шел за ним. Путь человека был труднее, он не мог, как Солнце, прыгать со скалы на скалу, бежать по каменистому скату, висеть на крутом уклоне, тянуть руки в расщелины гор.

Человек неутомимо шел вперед, вверх, желая быть рядом с Солнцем, думая, что Солнцу, как и Человеку, бывает одиноко. Достигая вершины, он обнаруживал, что Солнце не дождалось его, утомленное за долгий день, оно опускалось вниз, к песчаному пляжу, слушая грустное откровение волн, отдыхало, превращая море в спрессованное небо. Человек, сидя на стынущем камне, обиженно смотрел на распластанное Солнце, пытаясь постичь тайну своего строптивого друга. Человеку казалось, что оно не так ласково, не стремится заглянуть ему в глаза, стыдливо уползает за моря, уводя за собой день. От ночи, одиночества, высоты, безмолвия, собственного бессилия, становилось жутко, но он не покидал своего места. С жадным любопытством смотрел в небо, упирался трепетным взором в мерцающие звезды, видя в их серебристых всплесках незатухающее пламя родового очага. Далекая и холодная картина неба захватывала его, и, потрясенный увиденным, че-

ловек без прежней озлобленности смотрел на бесконечный дом Солнца, думая о большом сходстве их образа жизни...

Утром Солнце возникало в другой стороне. Человек, пораженный его коварством, восклицал: «О урания! О небо!—«И, обращаясь к незримым соплеменникам, призывая их в свидетели, кричал:— Астрономия!» Через несколько тысячелетий мифическая Урания станет музой астрономии, покровительницей гонимых ученых неба, будет признана во всем мире и волею людей наделена волшебной силой. Вскидывая мускулистую руку вверх, ошалело пяля осмысленные глаза, Человек указывал на Солнце, призывал заглянуть в астроны, незадачливо предполагая, что звезды (астроны) часть Солнечного жилища. Заглянуть? Как? Люди еще не знали той горы, с которой можно было бы рассмотреть хижину Солнца. К Звездам! Через тернии — к Звездам! Так родилась мечта о полете.

Через тернии — к Звездам!

Еще не было науки о земледелии, люди не научились приручать скот, не познали богатства моря, но сотворили учение о звездах. Наука о небе волновала их больше, чем ее земное предназначение. Первую из наук — астрономию,— человек начал передавать от поколения к поколению, учить одаренных, ожидая от них новых открытий, вводить в нее метрические системы измерения, внедрять математические расчеты, выражать недостигнутое в фантастике.

Став сильнее, люди не перестали мечтать о небе, только пути к звездам они избирали теперь другие.

Советский Союз первым в мире осуществил запуск в космическое пространство человека и в обращении ко всему прогрессивному человечеству так декларировал свою научно-историческую концепцию:

«...Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов».

Люди никогда не утратят интереса к далеким неведомым мирам Вселенной, не остановятся в своем неутомимом познании мира. Этот зов бесконечен, как жизнь.

Глава первая

До его слуха через немалое расстояние, отделяющее дом от дома, отчетливо доносились голоса. Мужчины гудели и грохотали, как кузнечные прессы, с вдохновляющим энтузиазмом поругивали жизнь, суровую необъективность критиков, бесконечную занятость; женщины верещали о переполненности издательских планов, капризных авторах, быстрой переменчивости моды, низком профессионализме художников, дефиците машинисток.

За окном, в сухих ветвях зимнего леса млела Луна, серебрила снег, пробивала шторы, врывалась в окно сиренево-синим мраком и висела в спальне ощутимо, зримо, без признаков чужого отражения, как кварцевое свечение.

Было слышно, как неугомонная ватага ночных завсегдатаев, настойчиво выдворяемая утомленными хозяевами, неохотно покидала облюбованный дом, радостный уют теплой комнаты, мягко поскрипывая по снегу, выходила за калитку.

Поди там на дворе хвоища сейчас густа, будто квас, позавидовал Федин молодым людям, и дышат они могучими легкими, отравленными дымом, как бурдюк вином. Вис мэдикатрике натура. Целительная сила природы.

Федин, опираясь на подушку, приподнялся, глянул в окно, намереваясь увидеть прозрачный и густой настой хвойного воздуха. Увидеть! В жизни не дано все увидеть. Он не откинулся: тихо и мудро смотрел на черные тени деревьев, хрустальный блеск снега, на Луну, которая стала от пристального рассмотрения, как красна девица на смотринах, меняться... Когда рука затекла, онемела, лег, ощущая благостное тепло постели, попытался вернуться к своим размышлениям, всплывшим неожиданно. Ах, да: спор? Он думал о значении спора в становлении человека и его мировоззрения. Как спорили в наше время? До хрипоты, скандала, драки... Властительная сила возраста: выверять с годами жизнь по молодости. Сейчас это называют: дискуссия... иногда — диспут. Словото какое: дис-кус-сия! Что это такое? Диск — предмет, брошенный рукой человека... Владимир Иванович Даль не признал этого словечишка и в свою книгочтею не вставил. Спор! Это слово он смыслово узаконил, как — не соглашаться, быть противного мнения, прекословить... Хорошо! И рядом корнями сдвинул: спорить. Помогать приносить пользу, счастье. Мысль?

Все-таки лежать невозможно: мысль требует новой энергии, большого движения. Конечно, это отголоски прошлых лет, работать в движении, диктовать с трубкой в зубах, неизбежные атрибуты актерской бутафории. Описывая фантастическую планету Веста, Циолковский утверждал, что жителям редкостного астероида мускулатура не нужна, так как тяжесть на нем в тридцать раз слабее земной. Но на Земле эта мускулатура расходуется не в полную меру, да нередко и не по назначению.

А вот ему, Федину, нужна мускулатура. Все живое питает Солнце, а он попытается зарядиться энергией Луны! За окном только она! Правда, все, что отражено — вторично. А слабое тепло не греет.

Прославленный француз Сирано де Бержерак в своей гениальной утопии «Иной свет, или государства и империи Луны» написал о блуждающих кометах и их взаимоотношениях с Солнцем. Гипотеза писателя не опровергнута учеными. При приближении к Солнцу комета набирает массу.

Федин хорошо помнил рассказ Алексея Толстого «Союз пяти»,

путешествие трехмачтовой яхты «Фламинго», которая доставила исследователя Луны Игнатия Руфа с его чувствительными астрономическими приборами на уединенный остров океании. Луна! Интерес к ней не утихает ни в науке, ни в литературе.

Итак: Ванитас валитатум эт сыниа ванитас. Суета сует и всяческая суета.

Федин осмотрелся, решительно встал, проплыл через лунный свет, как бы рассек его, поискал что-то теплое из одежды. Рука обласканно скользнула по меху. Шуба, настоящая барская доха! В таких хаживали Шаляпин, Есенин, Брюсов... Это же превосходно: широкополая, толстобокая... Знали, знали великие умы, в чем душу отогревать. Теперь валенки настоящие, деревенские, черные, ворсистые... Он хорошо помнил, что были они, главное отыскать их.

Федин осторожно вышел во двор, медленно, чуточку неуклюже спустился с деревянной приступочки, неся на худых плечах суконно-меховое облачение, с удовольствием ступил на кочковатую стежку. Запахнув шубу, он вдохнул холодный воздух — с хвойным снадобьем, о котором думал в застенках,— и неторопливо пошагал.

Лес хрустел, сучья уподабливались вспугнутой птице, падали, кружилось природное сооружение, тень черно бежала впереди, упреждая хозяина.

«Я — сын Земли, дитя планеты малой, затерянной в пространстве мировом».

Стихи Брюсова пришли мгновенно, сейчас, навеянные лесом, Луной... Да нет, лес тут ни при чем. Брюсов совсем не побочный в этом размышлении. Сегодня мысль была непослушна, носилась по летам, работала не в заданном направлении, рвалась в прошлое, забытое, отвлекаемое.

«Я — сын Земли, где дни и годы — кратки, где сладостна зеленая весна, где тягостны безумных душ загадки, где сны любви баюкает Луна».

Помнит?! Это удивление заставило Федина встрепенуться: поди ты, какие брыки голова откалывает. Неужто можно помнить так долго. На то, видимо, причина есть.

«Мы были узники на шаре скромном. И сколько раз, в бесчетной смене лет, упорный взор Земли в просторе темном следил с тоской движения планет».

Какой шум тогда поднялся. На голову бедного Брюсова посыпались обвинения... а затем оскорбления. Все было непривычно... Ломалось устоявшееся, набившее оскомину. Требовалось напряженное освоение нового... Куда там, русский буржуа не предрасположен к этому, а столичному мещанину больше всего в литературе нравилось не содержание произведений, а личная неустроенность авторов. Посетителей литературных салонов больше всего занимали процедуры бракоразводных процессов, та часть творчества писателей, которая не освещалась в рецензиях, интервью,

вступительном слове. Ах, как хотелось жарененького, полненького, жирненького. Ожесточившись на несломленность поэта, газеты злобно писали о непростительном прошлом Брюсова. Кто бы мог подумать: сын крепостного крестьянина Костромской губернии, внук московского торговца, племянник столичных мещан — и такой вызов...

Газетенки, неутомимо заявившие о своей непричастности к политике, писали, что Брюсов неуч, несостоявшиеся ученые готовили меморандумы с протестами, направленными против Брюсова: представители правого крыла Академии Наук заявили о некомпетентности Брюсова в астрономии. Но их, резвых налетчиков, подвела память: Брюсов давно и серьезно занимался математикой, астрономией, посещал физико-математический факультет университета, написал ряд научных статей, давших ему авторитетное имя среди ученых-новаторов. Наука есть наука: гипотеза, предположение — неизбежные тропы движения. Сам Циолковский писал: «Сначала идут мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет...»

Но в российской литературе не только Брюсов, а и степеннонастырный Алексей Толстой, по-юношески неугомонный Александр Беляев, пребывавший в вечном горении Николай Заболоцкий... Они не только поверили Циолковскому, некоторые из них предвосхитили открытия ученого.

«Вы, властелины Марса иль Венеры,— писал в 1913 году Валерий Брюсов.— Вы, духи света иль, быть может, тьмы, Вы, как и я, храните символ веры: Завет о том, что будем вместе мы!»

Федин, осмысливая воспоминания, остановился, закрыл глаза и благодарно подумал о своих товарищах по профессии. Какое мужество!

Все еще находясь во власти прошлого, Константин Александрович пошел волоча ноги, пытаясь вспомнить, кто же ему рассказал об одном преинтереснейшем событии из жизни славного и незабвенного Николая Заболоцкого. В семье возникли материальные затруднения, что нередко случается в жизни творца. Николай Алексеевич, находившийся в то самое время на Дальнем Востоке, на удалении от дома весьма значительном, разумеется, принять деятельное участие в семейных происшествиях не мог. Но писал, что выход видел в том, чтобы продать всю библиотеку. «Всю», дважды написал он и подчеркнул: зрение не должно было подвести жену, даже указывал примерную стоимость редких фолиантов, советовал не торговаться, осуществить замысел немедленно и решительно, и даже без сожаления. В конце письма робко попросил: «Если возможно, оставь однотомник Пушкина и томик переплетенных брошюр Циолковского, подаренных автором».

Федин вырвался из замкнутого пространства дачного участка, вышел на станцию, по крутым бетонным ступенькам поднялся на платформу, оторопело прошел вдоль всего перрона, словно опоз-

давший пассажир, вернулся на середину, к щиту, на котором крупными рельефными буквами обозначалось название платформы.

Ему вспомнилось, как в октябре 1957 года, потрясенный запуском первого в мире искусственного спутника Земли, он написал в «Правду»: «С переходом в двадцатый век наступила эпоха чудес... Поехала самокатная карета-автомобиль. Взлетел биплан... не только взлетел, но и садился на заданную точку Земли. Спустя недолго совершена была в воздухе первая мертвая петля.

Стали говорить: век двигателя внутреннего сгорания.

Облетела мир новость: телеграфировать можно без проволоки... Начали писать и говорить: век радио...»

Тогда, в той статье, сам не заметил, как написал: «...посягнувшем на разгадку божественной тайны «причины причин». Уверовал в литературную мысль у Горького и научную гипотезу у Циолковского. Эти два человека всю жизнь шли рядом, обогащая его мысль поиском, юношеским задором, утверждением мировой гармонии, открытием волшебных тайн жизни.

Эта статья в газете нужна была: ему хотелось выговориться, сказать, поделиться. Сегодняшний день переносил его в незабываемое прошлое. Именно в те дни он вспомнил письмо Горького из Сорренто, неожиданно обретшее новый смысл.

«В Россию еду около 20-го мая. Сначала в Москву, затем — вообще. Обязательно — в Калугу. Никогда в этом городе не был, как будто сомневался в факте бытия его и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину космоса». Вот Вам!»

И снова он вспомнил об этом сейчас, на этой мертвой холодной платформе под ярким электрическим светом. Почему деревянные буквы, обклеенные пластиком, обозначившие слово «П е р е д е л к и н о», роднят его с Горьким?

Итак, Переделкино. Дальше от Москвы, через каждые две-три версты — платформы, перед Апрелевкой знаменитое Крекшино. Просил, не раз просил Горький побывать в нем, навестить дом, опечалившись, постоять у заднего крыльца, где многажды сиживал Лев Николаевич Толстой, которого Алексей Максимович почитал весьма нежно.

Федин подошел к краю платформы и посмотрел на высокие монолиты рельс. Они спаренно простирались влево и вправо, платиново туманились верхней частью, лежали инфантильно, невменяемо, без единого звука. Ночью отдыхают и железные дороги. Конечно, не они тогда осенью 1909 года выстелились перед вагоном, в котором, окруженный людьми, ему приятными и преданными, ехал патриарх российской литературы в Крекшино к своему доверенному другу Владимиру Григорьевичу Черткову.

Федин озяб, подвигал плечами, потерся увертливо об застывший мех, и, стыдясь своей ночной прогулки, думая, что домашние небось спохватились и теперь где попало ищут его, направился к усадьбе.

Сегодня, непременно сегодня, убыстряя шаг, норовя миновать ранних пассажиров, обойти знакомых, думал Федин, он побывает в Крекшине. И время есть: до секретариата Союза писателей, присутствие на котором неизбежно, на полчасика проскочит. Дом посмотрит, у скамейки постоит, разумеется, если она сохранилась... Столько лет война, перестройки, реконструкции, не всегда удачные. Право, сохранить скамейку Толстого не так уж хлопотно, но посмотрим.

Побывать, непременно побывать в Крекшине. К этому его побуждало еще одно: памятник Льву Николаевичу Толстому. В ноябре прошлого года Федин обратился к министру культуры с письмом, в котором писал о необъяснимо затяжном характере сооружения памятника Толстому в Москве. Существовал парадокс: памятник Толстому был сооружен на станции Астапово, поставлен в Париже, а в столице, на его родине — нет, хотя решение Совнаркома об установлении такого памятника принято еще в 1918 году.

Несколько дней назад Министр культуры СССР Е. А. Фурцева, отвечая на настойчивые обращения Федина, подтвердила, что работы по сооружению памятника начнутся в ближайшие дни. Памятник патриарху будет! Алексей Максимович порадовался бы этому. Так уж случилось, что великому Горькому поставили его раньше, чем гениальному Толстому.

И вот мир: Горькому, Циолковскому, людям, создавшим фундамент космической науки — не повезло, не дожили. А он, старик Федин — дожил. И счастлив, и горд от этого. И это на одной жизни. Сколько мыслей навалилось. Что может сделать один добрый поступок. И человека этого знает: Гагарин! Горький мечтал о таком герое, предвидел его появлние... В некоем роде и он, Федин, имеет касательство к космонавту, они даже земляки — саратовцы.

До Крекшина доехали сравнительно быстро. С Минского шоссе, шумного и забитого автомобилями, свернули влево, на узкую ухоженную дорогу, и через два километра у бензозаправочной станции, обнесенной высоким бревенчатым забором, они переехали деревянную плотину, хлипкую преграду для большого пруда и оказались в деревеньке в несколько домов. Толстой вспоминал ее в своих дневниках. Она и вправду особенная: деревня в одну улицу, и походила своими, как принято на Руси, невысокими домами на ватагу мальчишек, бегущих по пологому берегу к воде.

К дому Толстого, его так зовут по сей день, вела узкая с глубокими снежными выбоинами дорога, вероятно грунтовая, обыкновенный сельский большак, пробитый для удобства прямо в поле, трудная для водителя и совершенно непереносимая для пассажира. Ехали медленно. Константин Александрович успел рассмотреть высокий земляной вал, тянувшийся вдоль дороги — микрокрепость, могучие стволы многолетних деревьев. Среди них Федин узнавал деревья с гигантскими комлями, крутогрудыми выпами, продольными разломами, бывалые и битые, непогодой и людской остерве-

нелостью, как походные солдаты. Подобно гвардейцам, они непоколебимо и надежно, словно на редутах, плечо к плечу стояли за высоким бруствером и прикрывали село. Видимо, их стало меньше, они поредели, образовали неравномерные прогалы.

Перед высоким каменным домом на широкой заснеженной площадке автомобиль притерли к сугробу. На селе нет свободных рук, все при деле и в это время дня не разгуливают в поисках занятий. Константин Александрович вышел из машины, запрокинул голову, устремив свой взор на старый дом, неповторимой архитектуры. Таких сейчас не строят. Да и в те далекие времена ими кварталы не застраивали. Они, как и люди, не появлялись сериями, создавались в единственном экземпляре. Старый, каменный дом с островерхими разновысокими крышами под железо, вобрав в себя стили многих эпох и течений, стал художественным гибридом, символизирующим новое национальное направление в архитектуре. Окна высокие, венские, рамы фигурные, преобладают овалы, балконы широкие, ограда металлическая, ажурная, художественная ковка. Над дверью первого этажа фанерный щит, сколоченный подручным способом, на нем блеклыми буквами выведено: АПТЕКА. Рядом с широким, недавно пробитым входом узкая дверь, будто средневековая, стилизованная под тайный вход рыцарского замка.

Дом Толстого стоял как бы на холме, во всяком случае на высшей точке этой местности и вся территория парка, окружавшая этот дом, сохранившиеся деревья, некогда спокойно-лирические аллеи, иные потерявшие облик помещичьего благополучия и аристократической незыблемости, стали типовым рабочим поселком, с занятым людом, не падким на красивые излишества.

Сам дом, его уникальная архитектура, величественные подъезды не образовывали вместе с соседними многоэтажными домами некоего ансамбля центра. Все было построено как бы случайно, без цели, желания подчеркнуть историзм Подмосковья, мемориальность этих святых мест. Перед фасадом дома, его лицевой и очень красивой частью стояла серая невзрачная из бетонных плит коробка, не то бойлерная, не то электроподстанция.

В левой нише, неожиданно для себя, он обнаружил винтовую лестницу, могучую, литую, как корабельные трапы. Чуточку дальше, почти в центре дома, куда он прошел, оказался в высоком, как колодец, зале, тоже отделанном узорчатым мрамором, и увидел из точеного камня с массивными литыми стойками лестницу итальянского типа, а под самым потолком два широких окна с цветными стеклами.

Федин, разглядывая лепные украшения, поднялся по ступенькам, постучал наугад в первую дверь. Никто не ответил, полагая, что в комнате никого нет, он хотел идти дальше в поисках живых людей, но неожиданно... тонкая фанерная дверь, сработанная на полстолетия позже этого дома, отворилась.

— Не заперто, входи, касатик,— на пороге стояла старуха.— Поди заблудился?

— Нет, нет, я не заблудился,— нашелся Константин Александрович.— Я именно к вам. Здравствуйте. Федин.

— Федин? — удивленно пропела старуха.— Кажись, Константин Александрович. Боже,— она встрепенулась, торопливо вытирая об коричневый фартук руки.— Благодаренье господнее. Здравствуйте.

— Мне сказали, что вы помните приезд в Крекшино Алексея Максимовича?

Эти слова Федина пришлись хозяйке по душе, взрумянили ее дряблые дубильно-коричневые щеки.

— Горький приехал один: не устоял перед энтузиазмом ударников местного совхоза. В тот год они достигли какого-то небывалого рекордного надоя, написали письмо Алексею Максимовичу, а потом и сами к нему поехали, явились не запылились, тут ведь недалеко. Заводила у них была комсомолка, Паша Немова, красивая, энергичная, боевая блондинка. Знаете, удивительная девушка. Влюблялись в нее все парни поголовно. Певунья, шофер, трактористка, доярка, телефонистка. Сейчас таких широких, ярких натур мало. Настоящая социалистка. Ну все па свете она умела, а сколько читала? Редкостной натуры человек... А почему вы встали, Константин Александрович? В ногах правды нет.

— Вы так увлекательно толкуете, что...

— Сейчас будут чай и варенье,— лицо ее залучилось улыбкой. — Право, варенье-то сейчас не в моде... Больше конфеты, пирожные... Жить-то стали по моде, а не по удобству и благоразумию. Да пальто-то, может, снимите?

— Да, да, с превеликим удовольствием,— писатель суетливо задвигал плечами, освобождаясь от обременительного груза зимнего пальто.— Чай, это превосходно.— Когда они сели к столу, Константин Александрович сказал:— Вы уж меня извините за настойчивое любопытство. У каждого из нас есть долг... Почему село так называется: Крекшино? Нет ли тут версий каких или легенд?

Хозяйка поставила чашку на стол, радостно встрепенулась и торопливо, как плясунья, вошла в круг, ответила:

— Есть, да еще какие легенды,— руки, привыкшие к работе, недолго покоились на столе, взлетели к волосам и с высоты головы вязко вплелись в речь.— Точного происхождения названия, разумеется, никто не знает. Говорят,— хозяйка заговорщически наклонилась к Федину,— был такой писатель Петр Никифорович Крекшин, хоть это давно было, годков эдак триста, но писатели нынешние, поди, знают своих ранних собратьев. Сказывают, родом он был петровского окружения, очень его папенька самодержцем был обласкан за услуги отечеству, земли получил в Московии, волость целую именем его прозвали.

— Прелюбопытно,— писатель думал о чем-то своем. — Вы говорите, что Горький бывал тут летом?..

— Да, летом,— твердо сказала она. — Мы уже не жили здесь, но бывали наездом, интересовались, читали.

— В печати я не встречал сообщения о приезде Горького в Крекшино... Хотя могли быть на то и причины.

— Они и были,— твердо, уверенная в правоте своих слов, сказала женщина. — Он приехал неофициально, так сказать, приветно, честно откликнулся на просьбу ударников. Но! — Она возвысила голос. — Но могла быть и другая причина. — Хозяйка помолчала, выдержав долгую паузу, деловито поводила умными глазами. — Он хотел посетить, возможно предчувствуя близкую смерть, места, где бывал Лев Николаевич, близкий для него человек...

Женщина говорила об огромном впечатлении Горького от увиденного, его радости от бесед, а Федин думал о том, что приезд Алексея Максимовича имел еще причину, и может быть, даже не одну, вероятно, он хотел поклониться духу великого соотечественника, покаяться в том, что не все завещанное выполнено... Да, не все... Федин с радостью подумал о памятнике Толстому, сооружение которого начнется днями, новых явлениях, предпринятых в связи с юбилеем, экранизациях, обсуждение которых состоялось. Сделано, кое-что сделано. А разве легко гения увековечить в его творениях? Это труд не меньший, чем сочинительство оригинальное.

Потом, уже в машине, направляясь в Москву, он думал о Толстом, Горьком, забытом доме, селе, не ставшем литературной Меккой. На память приходили слова Горького: «...Крекшинская поездка имеет историческое значение... Больной Толстой, терзаемый тяжкими сомнениями, угнетаемый разладом среди домочадцев, ехал на поклон к Черткову...

Федин посмотрел на дорогу, но цепкий и внимательный взгляд его не ухватил ничего примечательного ни во встречных машинах, ни в гулком заснеженном лесу, осторожно провожающем его машину.

Поездка удалась, писатель был доволен встречей с... с... Боже, он даже не знает имени этой женщины! Как же он мог? Хоть возвращайся.

— Знаете, Георгий Георгиевич,— вздохнул Федин,— сегодня я подумал, передам-ка часть своей библиотеки в Саратов, в школу какую-либо, а то и в Университет.

— Правильно, Александрыч,— авторитетно откликнулся шофер, на секунду повернув голову в сторону Федина. — Для вас небось книги и ценность потеряли, а народу... от самого Федина... подарок-то какой! Настоящий праздник. Войдут книги в цену и будут дороже автомобиля цениться.

— Да, пожалуй, поторопиться надо... Совсем недавно жизнь начинал, без порток бегал, а уже в машине раскатываю. Пора заканчивать... Не остановить... Не знаешь, чем и измерить, задержать, изменить... Несется-то как... как тройка... Пожалуй, еще быстрее.— И вдруг покаялся.— Как звать-то не спросил.

— Кого?

— Да, женщину, хозяйку этого дома.

— А, Елена Николаевна.

Ехали через Бородинский мост, движение застопорилось, машина еле-еле тащилась. Ремонтировали проезжую часть, а может, укрепляли сваи, желтые краны с элегантной проворностью, опускали в чрево реки тяжелые блоки, широкие корыта раствора, витые прутья, кислородные баллоны.

Из четырех вопросов, которые обсуждали на секретариате, основным Федин видел «Юбилей Горького». Он стоял последним, но по сумме проблем должен стоять главным, первым.

Это был не просто юбилей личности, хотя, конечно, и значительной, это был праздник социалистической литературы, утвердившей новые эстетические концепции, давшей миру нового героя: трудящегося человека. И об этом надо вести разговор. Это должно крещендо прозвучать в докладе.

Итак, докладчик Леонид Леонов. О мастерах должны, разумеется, говорить мастера. Он умеет сказать глубоко, весомо, компетентно. Он сам вырос в то время, вместе с Горьким утверждал социалистический реализм... А потом Ленечка Леонов — личность. Пусть ответствует.

Теперь выступающие: обязательно Гагарин. Федин написал фамилию «Гагарин», обвел и дважды подчеркнул. Нет, это не для памяти. Этим он усилил значительность, возвел в ранг обязательности этого оратора. Гагарин должен выступать непременно. Даже пренепременно!

Побывав в Крекшине, Федин приходит к твердому мнению, которое он собирается облечь в решение секретариата Союза писателей СССР, что выступление Гагарина целесообразно, что связь Циолковский — Горький — Гагарин дает правомерное толкование на юбилее.

Гагарин — Горький. Не покажется ли кому-нибудь искусственным, натянутым этот союз. Может быть, это блажь руководителя, сумасбродство старика, никчемная затея надомника? Хотел позвонить в ЦК, передумал. Зачем беспокоить занятых людей? И все-таки позвонил в Московский горком партии, заведующему отделом культуры. Вышло это как-то легко, без пугающего раздумья. Выслушав вопрос, доводы и сомнения Федина, заведующий отделом культуры не выпалил эдакого покровительственного «Не возражаю», а сказал увлеченно: «Это интересно». И после короткой вдумчивой паузы: «Приглашайте».

Константин Александрович такой оперативности не предполагал, он думал о времени неизбежном для согласования, но сейчас эта скоропалительность, столь непривычная в этих условиях, пришлась по душе, даже рассветила улыбкой сухое и академически строгое лицо писателя.

— Конечно, Юрий Николаевич,— поспешил заверить Федин.— Ну, а если...

— Думаю, Константин Александрович, что «Ну, а если...» не будет. Я хорошо знаю Юрия Алексеевича, к вашей просьбе он от-

несется серьезно. Ну, а если... мы к вашим услугам. Это, так сказать, на случай.

Федин не ощущал усталости, головной боли, мучившей его в эти дни — возрастное весеннее недомогание — был доволен бессонной ночью, путешествием в прославленную деревушку Крекшино (хотя себя корил за то, что не зашел к местным руководителям: председателю сельсовета, директору совхоза, секретарю парторганизации), разговором и поддержкой заведующего отделом культуры горкома партии и, наконец, ходом секретариата. Весь день он провел в думах об Алексее Максимовиче, во славу имени его и дела, которому он отдал жизнь.

Время позволяло проверить себя, поворошить память. Константин Александрович Федин получил заказанные в библиотеке газеты и журналы, в которых публиковались выступления Гагарина. Все материалы космонавта были отмечены закладками.

Итак, первая закладка. Выступление Юрия Алексеевича по радио Первого мая 1961 года. Федин водил пальцем по строчкам, отыскивая в абзацах только ему известные места. «Быть полезным Родине, народу — это большое счастье.— Эти слова заинтересовали писателя, приковали его внимание.— Мы знаем, что человек в нашей стране — самая большая ценность». Федин выписал их.

В седьмой книжке журнала «Молодая гвардия» за 1961 год Юрий Гагарин писал: «Что бы мне хотелось сказать молодым людям, мечтающим о космосе? Мечтайте! Дерзайте! Но помните: дорога в космос — дорога не только смелых, но и сильных, сильных и духом, и телом, и знаниями».

Константин Александрович выписал этот абзац, слова «смелых», «сильных духом» подчеркнул. Потом обрадованно посмотрел в окно: короткую паузу, непродолжительный отдых он заслужил. Поиск подтверждений своих догадок дал, по его мнению, положительные результаты. В выделенных словах Гагарина он нашел прямое влияние Горького, даже заимствование, радостное для него в этих обстоятельствах.

Через несколько минут Федин продолжил поиск. Основные выступления Гагарина, или, вернее, большую их часть публиковала газета «Комсомольская правда», однако сейчас он листал «Известия», пробираясь к рубрике «О чем не писали и не могли писать «Известия» в октябре 1922 года». Здесь в строгих газетных колонках помещена статья Гагарина. «Меня всегда поражает всеобъемлющий и разносторонний гений Ленина. Удивительна была способность Владимира Ильича угадывать великое будущее новых, едва оформившихся идей, теорий, направлений технического прогресса. Так было с физикой атомного ядра и подземной газификацией угля, с конвейерной системой производства и развитием радиовещания. Мы по праву гордимся тем, что космонавтика стоит в ряду этих проблем, отмеченных вниманием Ильича».

Федин прочитал абзац, переписал в свой блокнот. Это было то, что он искал. Память не подвела старого писателя.

В шестнадцать часов пятнадцать минут секретариат правления Союза писателей СССР утвердил программу Горьковского юбилея; выразил благодарность первому секретарю правления Союза писателей СССР, личное участие которого обеспечивало высокий уровень юбилея.

Глава вторая

Добровейн волновался. Он сидел спиной к зрителям, в голубой гостиной дома Алексея Максимовича Горького в Машковом переулке, без артистической грациозности и фривольной надменности избалованного славой музыканта. Играл он сдержанно, даже скованно, без сценической вольности и концертного размаха, что свойственно было людям провинциальной школы. Добровейн сегодня не походил на того Добровейна, которого хорошо знала музыкальная Европа, которым восхищался бомонд Нового Света. Сегодня, по мнению Горького, Добровейн был настоящим музыкантом, если, разумеется, он до конца сохранит русскую манеру исполнения, о которой сидящий в гостиной Владимир Ильич Ленин всегда отзывался с высшей похвалой.

Добровейн играл сонеты, что не трогало нервы чрезмерной пафосностью, а затем им любимую «Аппассионату» фа минор.

Неторопливо и мелодично, с грустной медлительностью и напевной широтой, словно это была песня без слов, внезапным затуханием, полным исчезновением, перекличкой голосов. Покоряющая виртуозность, филигранное мастерство...

Горький осторожно, не привлекая внимания присутствующих, посмотрел на Ленина. Владимир Ильич сидел в вольной позе, оперевшись правой рукой на спинку кресла, на левую положил крупную лысую голову, левую ногу, будто в беге отнес назад. И — весь внимание. Ильич забыл об окружении, застыв с выражением детскости на лице, напряженным и трепетным овалом полуоткрытого рта, мудрым прищуром глаз, зелено-серыми дряблыми мешками в глубоких впадинах глазниц — весь мечтательный, парящий, мягкий.

Алексей Максимович, боясь даже взглядом потревожить Владимира Ильича, отвел глаза в сторону, а затем, забыв на время свои обязанности, стал смотреть в спину Добровейна.

Затем вновь подошел к Ленину. О чем думал сейчас этот невысокий человек, что роилось в его крутолобой голове, уставшей от бесчисленных государственных дел? Человек, который возложил на себя и своих единомышленников ответственную задачу: изменив государственное устройство, накормить людей — и это в голодной и нищей стране,— дать всем работу по душе и способностям, научить всех читать и писать, сделать счастливым и свободным. Под силу ли это ему? В этой ли стране надо было браться за такое немыслимое, фантастическое дело? Конечно, это утопия!

А он в свободной позе вальяжного господина — сменил руку, лоб пытается вложить в правую ладонь, левую по неизменной своей французской привычке сунул под мышку, за жилет,— слушает Бетховена. Пойми этого гения! Раскрепощенная простота и замкнутость титана.

Ко всему прочему: он понимает музыку, у него недурной вкус. Горький застыдился, он-то, можно сказать, дилетант в музыке, а Ильич тонко чувствует, когда-то музицировал, пел со своей младшей сестрой Ольгой, обожал рояль... Любовь к музыке, родившаяся в детстве, сохранилась у него на всю жизнь.

Горький, разумеется, знал музыку, хорошо пел, много писал о ней, был дружен с выдающимися музыкантами, композиторами, артистами. У него были любимые исполнители, авторитетные композиторы. Восхищенный Григом в исполнении своего друга и помощника Николая Евгеньевича Буренина, Алексей Максимович включает описание музыки в роман «Мать». Писатель любил Шопена, Бетховена, Сен-Санса, Грига, но особенно был пленен музыкой русских композиторов — Мусоргского, Даргомыжского, Чайковского, Гречанинова.

Однако преклоняясь перед музыкальным талантом своих друзей — Рахманинова, Шаляпина, Спендиарова, Пятницкого, Буренина, Добровейна,— свои музыкальные знания он считал поверхностными, плохими и никому не позволял их превозносить.

Горькому, не однажды слышавшему «Аппассионату», на сей раз она кажется стройной и глубокой мелодией, проникновенной и интимной, отражением его состояния, звуковым зеркалом души сильного и сложного человека. Ему, взволнованному и обрадованному приездом Владимира Ильича, в бурной и пафосной сонате слышатся позывные Вселенной, отклик эфирных поселений, а в энергичном накате, мажорном подъеме пьесы, в так называемом аллегро, пик душевного волнения, стремительного движения ракеты Циолковского к далеким Галактикам, в бесконечное пространство Вселенной, в неизмеримую даль межзвездья, за поворот видимого, в вечную тайну антимиров.

Горький почувствовал сильное и неукротимое биение сердца, и не болезненные удары, не аритмию, не напряжение сопротивляющегося организма наступающей болезни, а подъем, парение, мускульную налитость тела. Он смотрел на Владимира Ильича, погрузившегося в музыку, и думал о нем, о своих отношениях с ним.

Алексей Максимович давно знал вождя. Годы, право, не давали ему основания сказать, что он хорошо изучил Ленина. Он всегда был для него разный, сотканный из многочисленных забот о людях, безунывного настроения, неукротимой энергии и бодрого юмора.

Добровейн, подбодренный молчаливым вниманием благодарной публики, с неимоверной силой ударил по клавишам и тотчас инструмент, подвластный музыканту, отозвался могучим и многоголо-

сым взрывом, ответил раскатисто бушующим и клокочущим аллегро.

В музыке жил целый мир — огромный необъятный мир космоса, воспетый Циолковским, а еще ранее положенный на музыку Бетховеном. И этот мир цепкими невидимыми руками держал присутствующих здесь гостей, людей разных по взглядам, возрасту, положению, по отношению к жизни, пониманию музыки.

Музыкант опустил усталые, сводимые в судороге руки, и опустошенно излившись, закрыл глаза. В людях еще жила возрожденная им мелодия, переворачивала душу апофеозом финала, витала в завитушках лепного потолка, как вдруг неожиданно, снимая налет отвлеченности и воздушного парения, по-земному буднично кабинетные часы пробили вечер.

Первым, выходя из оцепенения, встал Владимир Ильич, поискал глазами Горького и, найдя, направился деловито к нему.

— Превосходно, дорогой Алексей Максимович,— на лице Ленина блуждала романтическая и мечтательная улыбка.— Безумно люблю музыку, могу ее слушать часами, но представьте, она меня расслабляет. Я ее как-то трудно переношу,— Владимир Ильич опустил голову, о чем-то подумал, не переставая улыбаться.— А вам спасибо, глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Владимир Ильич сильно пожал руку Горькому, затем привлек нежно, полуобнял его, как он делал всякий раз, встречаясь с Алексеем Максимовичем.

От друзей и хорошо знакомых сотрудников аппарата Председателя Совета Народных Комиссаров Алексей Максимович знал о щепетильной пунктуальности вождя и чрезмерной его предусмотрительности. О каждом приезде Горького в Москву Ленин объявлял загодя, просил сотрудников обеспечить его пребывание в столице, проверить размещение, доставить необходимое продовольствие,— время трудное,— направить только его машину. И все сказанное Владимиром Ильичем неукоснительно выполнялось. К назначенному часу прибывал на вокзал автомобиль, на московскую квартиру писателя спешно завозили дрова и продукты, создавали деловой, неброский рабочий уют, предупреждали часового у Кремлевских ворот. Владимир Ильич непременно встречал Горького в приемной, с живостью расспрашивал о здоровье, приветливо напоминал о прошлых встречах, припушив ресницами свои усталые глаза, говорил о том, что приехал он вовремя, у него образовалась щелочка в непомерно уплотненной череде заседательской суетни, как раз есть о чем поговорить и что он и Надежда Константиновна рады ему. Здесь не все было правдой: Ильич не имел времени на встречи с друзьями, даже любимыми писателями. На эти часы он освобождал себя от заседаний, чтобы поздно вечером или ночью прочитать стенограмму, сделанную по его просьбе, решить неотложные дела, от которых нередко зависела судьба молодой республики.

Владимир Ильич, извинившись, вышел из окружения и напра-

вился к Добровейну. Ничего начальствующего, никакой заносчивости премьера — он стеснительно подошел к музыканту, благодарно поглаживающему рояль, и сердечно пожал ему руку.

— Ничего не знаю лучше «Аппассионаты»,— сказал Ленин.— Готов ее слушать каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

К роялю, у которого в почтительной позе стоял Добровейн, безмолвно приблизились гости, вслушиваясь в слова Владимира Ильича.

Несколько дней назад в Петроград от Ленина пришла телеграмма:

«Предлагается вам впредь до окончательного разрешения вопроса об улучшении положения ученых специальной комиссией Совнаркома продолжать снабжение по плану, ранее вами принятому....»

Горький помнит эту радостную для него и приятную для многих ученых телеграмму. Покровский, ознакомившийся со списком на пайки, опротестовал его, Горький возразил ему и обратился за поддержкой к Ленину.

«Может быть, не стоило беспокоить Владимира Ильича?» — совестливо багровея, подумал сейчас Горький и снова без жалости и сострадания, а с нескрываемым восхищением посмотрел на Ленина, не назвав и даже не подумав о нем, как о друге, ибо считал непозволительным объявлять себя другом такого человека и всецело отдавал это право Ленину, в одностороннем порядке возводить близких людей в такой высокий сан.

Но если он, Горький, не был другом, то как понимать постоянную ежедневную заботу о нем, о делах, за которые торопливо, неподготовленно он брался.

«Очень прошу вас,— писал Ленин в Петроградский Совет,— во всех тех случаях, когда т. Горький будет обращаться к вам по подобным вопросам (Алексей Максимович просил выделить профессору С. П. Костычеву необходимые материалы для продолжения экспериментальной работы по физиологии растений. Примечание автора) оказывать ему всяческое содействие...»

Хозяин квартиры, вскинув размашистые брови, бросил беглый взгляд в другую комнату — готов ли стол?— И решил, что сегодня поговорить о Циолковском ему не придется.

Право, какое невезение, дело ученого может оказаться без движения. Циолковский, о котором он был хорошо наслышан, не давал ему покоя. Рассказав об ученом и его работах Владимиру Ильичу, Горький просил помочь ему, поддержать опыты, финансировать лабораторию.

Впервые о Циолковском и его учении о Вселенной писатель услышал летом 1920 года, принимая у себя на квартире молодого ученого Александра Леонидовича Чижевского.

— Да, да, я наслышан о вас,— сказал Алексей Максимович

Горький, приглашая его войти в комнату, указывая на стул.— Петр Петрович ходатайствует, настаивает, говорит, что вы будущее имя, гордость. Такие светила не обманываются. Так, ну-с, слушаю вас.

— Петр Петрович Лазарев содействует моей поездке в Стокгольм к профессору Аррениусу,— сказал робко и неуверенно Чижевский, словно боялся, что его не будут слушать.— Он хотел просить вашего участия в заступничестве.— Последние слова двадцатитрехлетнего Чижевского прозвучали стеснительно, но с достоинством.

Действительно, два дня назад директор Института биофизики Наркомздрава РСФСР академик Лазарев заверил своего ученика в обязательном и непременном желании выхлопотать ему разрешение на поездку за рубеж в лабораторию Аррениуса и обещал заручиться содействием Горького.

— А кто из наших ученых ознакомлен с вашими экспериментами?— спросил Горький юношу.

— В Москве — профессор А. С. Бачинский и П. П. Лазарев. В Калуге — Константин Эдуардович Циолковский — основоположник ракетодинамики и космонавтики.

— Как вы сказали?— заинтересовался писатель столь громкими титулами незнакомого ему ученого.—Циолковский?— Он вскинул брови, будто что-то припоминая, потом сокрушенно покачал головой.— Искренне сожалею, Алексей Леонидович, но об этом самоучке я слышу впервые.

— Почему самоучке?— обиделся Чижевский.— Он занимается новыми областями человеческой деятельности, а все новое, неведомое любой ученый постигает самостоятельно.

Горький чуть усмехнулся, а гость с неожиданной страстью чеканил слова:

— В ваших устах, Алексей Максимович, слово «самоучка» прозвучало, извините меня, неуважительно. Вы литератор и вам лучше, чем нам, математикам, известно происхождение этого, да и других слов. Самоучка!.. Мой учитель, я уверен, не любит этого слова. Но разве не были самоучками многие выдающиеся деятели мировой науки? Аристотель, Демокрит, Гиппократ, Эдисон, Фарадей...— Чижевский неторопливо уплотнял список.— И разве не эти самоучки составляют гордость цивилизации?

— Согласен с вами, Александр Леонидович,— сказал Горький.

— Простите мне мою оплошность. Пожалуй, слово это следует употреблять осторожнее, с разбором...

Чижевский признательно улыбнулся.

— И вы меня простите, Алексей Максимович...— Голос юноши дрогнул. Да, писатель был знаменит, авторитет его необычайно высок, и сейчас, когда Чижевский глядел на хозяина этой квартиры, стены которой были увешаны картинами и даже коридор был заставлен картинами без багета, Горький казался ему почти

богом, могучим волшебником. Но от могучего волшебника зависит, сможет ли он, Чижевский, заняться делом, о котором могучий волшебник не знает почти ничего или знает куда меньше, чем его скромный проситель. С самого начала он распалял себя—хождение по авторитетам удлиняло дорогу к делу и не приближало, а отдаляло цель,— ну и вот, пожалуйста, распалился, наговорил дерзостей.— Простите меня,— глухо повторил Чижевский и снова посмотрел на писателя, отчужденно и опустошенно.

— Полно, полно,— пробасил Горький, догадавшийся о смущении этого угловатого, резкого, симпатичного ему молодого человека.— Расскажите-ка мне лучше о вашем учителе. Как вы его назвали? Основоположник ракетодинамики и космонавтики?

— Когда-нибудь мы, современники Константина Эдуардовича Циолковского, будем гордиться, что нам выпало счастье жить тогда, когда он жил,— сказал Чижевский и снова осекся: не слишком ли круто он начал? Но писатель смотрел на него с таким вниманием, что Чижевский уверенно продолжал.— Труды Циолковского станут известны всему миру, принесут славу отечеству, окажут влияние на развитие многих наук. По расчетам Константина Эдуардовича в недалеком будущем люди полетят к другим планетам, откроют новые миры, изучат другие Галактики. Своими трудами Циолковский приблизил человека к космосу, определил пути поэтапного освоения и даже заселения Вселенной. Имя его не забудется, пока человечество будет жить на Земле, пока оно будет жить на других планетах, ибо путь к иным космическим телам обоснован ученым из Калуги со всей очевидностью. Основные свои исследования проблем космолетания он провел еще в конце прошлого века...

— Как?— изумился Горький.— Еще в прошлом столетии! Подумайте, какая силища!

— Область его деятельности необычайно трудна и обширна.

— А есть ли у него, уважаемый Александр Леонидович, печатные работы?

— И не только научные. Ему хотелось бы, чтобы его поняли многие, не узкий круг ученых, а все люди Земли, ради которых он живет и работает. И потому вслед за основательными теоретическими исследованиями он пишет популярные книжки, облекая свои размышления в художественную форму...

— Фантастические рассказы и повести?

— Нет, не фантастические, Алексей Максимович. В его повестях нет никакого домысла. Только пока его идеи очень далеки от реализации. Недавно в Калуге вышла его повесть «Вне Земли»...

— И о чем же она?

— О полете за пределы атмосферы,— Чижевский сказал это так, словно сам вопрос писателя показался ему странным: о чем же может писать Циолковский?— В красивейших отрогах Гималаев француз Лилас, итальянец Галилей, немец Гельмгольц, англичанин Ньютон, американец Франклин и русский Иванов...

— Какой широкий подбор героев!

— Это экипаж космического корабля.

— Любопытно...

— Константин Эдуардович описал все планеты Солнечной системы. Он считает, что на них возможна жизнь в формах, необязательно подобных земной. Вот как, к примеру, описывает Циолковский астероид Веста. Простите, я по памяти: «Разумное население, покрытые прозрачной кожей, пропускавшей свет, но не выпускающей материю, живет весьма долго и родится редко. Молодое поколение воспитывается в особых зданиях, со всех сторон закрытых, не пропускающих газов и жидкостей, но пропускающих свет. Одним словом, в первый период жизни разумные существа и развиваются и растут приблизительно, как жители Земли и Луны, с тою только разницей, что среда их чисто искусственная и в питании их значительную роль играет солнечный свет».

— Да-а... Питание солнечным светом... Не кажется ли вам, уважаемый Александр Леонидович, что здесь больше от поэзии, чем от науки?

— И все же это не поэтическая метафора, а предмет науки, осторожно возразил Чижевский.— По мнению Константина Эдуардовича, для зарождения жизни необходимо сочетание четырех элементов: влага, суша, воздух и Солнце. Соотношения между ними он не определил, но предпочтение отдал Солнцу. Циолковский пришел к выводу, что лучи Солнца в силу своей гигантской энергии способны преобразовываться в другие элементы и тем самым компенсировать отсутствие или недостаток их в необходимом для зарождения жизни сочетании.

Чижевскому показалось, что Горький не слушает его, и он замолчал, уставивши взгляд в раскрытую витрину книжного шкафа. Было так тихо, что казалось: сделай небольшое усилие — и услышишь голоса прохожих не только за окном в Машковом переулке, но и на Чистых прудах.

— Послушайте, уважаемый Александр Леонидович,— с неожиданной иронией заговорил Горький.— Вы с такой страстью и упрямством говорите о Солнце как о предмете науки, что мне начинает казаться, будто не ваш уважаемый учитель, а вы сами занимаетесь этим предметом.

— Изучением и описанием Солнца я занимаюсь по совету Константина Эдуардовича.

— А в чем суть вашей работы?

Чижевский задумался. О чем рассказывать? Об опытах с крысами? О том, что при отрицательной ионизации воздуха смертность подопытных крыс была минимальная, а при положительной — максимальная? Но как соединить эту тусклую прозу с тем, что писатель назвал предметом поэзии? Или рассказать о загадке «чертовой ложбины» в Альпах? Что ж, горы, это горы, а от них, конечно же, ближе до Солнца...

— Чем занимается профессор Сванте Аррениус, я примерно

себе представляю,— снова усмехнулся писатель.— Но вами, очевидно, он заинтересовался не случайно...

— Мне кажется,— сказал Чижевский,— что без некоторого количества ионов воздуха высокоорганизованная жизнь невозможна, как она невозможна без кислорода. Изучение этого вопроса — дело будущего.

— Изучаете ионы воздуха как фактор жизни... Прелюбопытно!

— Это, Алексей Максимович, лишь мои первые шаги в науке. Поведение отрицательно и положительно заряженных частиц воздуха тесно связано с Солнцем. Я хочу понять механизм взаимосвязи и найти пути управления этими процессами.

— И именно эта сторона вашей работы интересует Циолковского?

— Да, Алексей Максимович. Он мне так и сказал, ионизированный воздух я помещу в космический корабль, когда снаряжу экспедицию на Марс.

— Уж прямо-таки на Марс... А может, ближе? Куда-нибудь в Царевоможайск?

— Нет!— упрямо сказал Чижевский.— На Марс. У Константина Эдуардовича уже есть расчеты. Многие вычисления я проверил и подивился его поразительной дотошности.

— Значит, ионы воздуха как фактор жизни,— снова задумчиво повторил Горький, и опять Чижевскому показалось, что писатель больше не слушает его.— Если вы окажетесь правы,— сказал Горький,— можно будет говорить о следующей, более высокой степени познания механизмов жизни...

Он взял ручку с металлическим пером и своим точным ясным почерком написал несколько строк.

— Это вам. Передайте письмо Михаилу Николаевичу Покровскому — академику, заместителю народного комиссара просвещения РСФСР.

Чижевский поднялся и быстро пробежал глазами записку:

«Дорогой Михаил Николаевич! Очень прошу Вас принять и выслушать гр. Чижевского. Из документов, которые он вам представит, Вы увидите, что это человек, заслуживающий внимания.

Он хочет поехать учиться к знаменитому Аррениусу.

Крепко жму руку.

М. Горький».

Чижевский почтительно склонил голову:

— Благодарю вас, Алексей Максимович. Обещаю не обмануть вашего доверия.

— Вы уж постарайтесь,— засмеялся Горький. Он встал из-за стола, подошел к своему гостю.— У меня просьба к вам, молодой человек. То, что вы сегодня рассказали мне, было очень интересно. Не откажете в любезности снабдить меня работами вашего уважаемого учителя Константина Эдуардовича Циолковского?

— С большой радостью, Алексей Максимович!

— А письмо Аррениуса я пока у вас заберу,— сказал Горький.— Покажу его Луначарскому и Владимиру Ильичу.— Горький, улыбаясь, пожал руку своему молодому гостю и проводил его до дверей.— Думаю рассказать Владимиру Ильичу и о вашем учителе из Калуги...

Тогда, помогая молодому ученому Александру Леонидовичу Чижевскому и размышляя о странном мечтателе из Калуги, Горький еще не знал, что всерьез и надолго увлечется космосом, перечитает уйму книг, наладит переписку с Циолковским, постарается сделать все, что было в его силах, для утверждения приоритета Циолковского в мировой космической науке. Но все это было еще впереди, а тогда, летом 1920 года...

Полет на Марс? Под Пинском идут бои, на Кубани контрреволюционный мятеж, из Крыма наступает Врангель.

Жители астероида Веста с прозрачной кожей, пропускающей свет? А голодные дети Москвы и Петрограда, Саратова и Смоленска, Твери и Вятки с бледной и прозрачной кожей? Им не помог и солнечный свет, им не хватает куска обыкновенного ржаного хлеба, и бродят по улицам, шатаясь от ветра, маленькие девочки со взрослыми глазами.

Другие планеты, другие миры... Столько разных миров еще на этой планете...

Ленин не скрывал от партии и народа крайне трудного положения, в котором оказалась страна:«Чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна железная, военная дисциплина».

Но тогда же, в 1920-м, трудном, голодном году, Владимир Ильич Ленин выдвинул план электрификации страны, проведения кооперирования, создания трудовых армий, заключения мирных и торговых договоров со всеми странами, улучшения отношений со странами Востока. Он сделал более сорока докладов, написал тридцать теоретических работ, произнес около пятисот речей, принял более тридцати иностранных корреспондентов, обратился с письмами к индийской революционной ассоциации, к английским рабочим, австрийским коммунистам, немецким и французским рабочим,— нет, не перечислить всех дел и забот вождя.

Тогда же, в 1920-м трудном, голодном году, Владимир Ильич Ленин говорил делегатам III съезда комсомола, и взгляд его был обращен в будущее:

— Вы должны построить Коммунистическое общество... Перед вами задача строительства, а вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, ответов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Оптимизм Ленина был глубоко реальным, он был основан на точном знании законов диалектики.

И все же:

«Мы не можем обойтись без романтики,— говорил он,— лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были не согласны с ними».

Романтика? Но какая может быть романтика, если: «Такие вещи, как воротнички, галстуки, шнурки для ботинок, простыни и одеяла, ложки и вилки, всяческую галантерею и обыкновенную посуду, достать невозможно».

«Большинство мужчин плохо выбрито, и сначала мы склонны были думать, что это одно из проявлений всеобщей апатии, но поняли в чем дело, когда один из наших друзей в разговоре с моим сыном случайно упомянул, что пользуется одним и тем же лезвием почти целый год».

«У Горького — только один-единственный костюм, который на нем».

Все это заметил Герберт Уэллс, который побывал в Советской России осенью 1920 года. Но он заметил и другое:

«Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм... может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново».

Мир будущего... Да, он начинается сегодня, но сегодня еще не закончилась изнурительная война. «...Мы победим, в этом нет сомнения, несмотря на истощение и усталость».

Несмотря на усталость, несмотря на тысячи дел и земных забот, Ленин сразу же сумел оценить беспредельность пространства и ошеломляющую высоту полета мысли, которая открывалась за несколькими словами об ученом из Калуги по имени Константин Эдуардович Циолковский. Разговор о нем Горький завел глубокой осенью после II Конгресса Коммунистического Интернационала, после IX Всероссийской конференции РКП(б), после III Всероссийского съезда Российского Коммунистического Союза Молодежи,— в один из октябрьских вечеров 1920-го года, когда Ленин неожиданно навестил Горького дома.

— Если все то, о чем пишет Циолковский, реально,— задумчиво сказал Ленин,— то мы находимся у истоков небывалых открытий... Надо помочь ему. Обязательно надо помочь.

И напутствуемый Лениным, врач по образованию, революционер по профессии Федор Николаевич Петров направился в Калугу, чтобы ознакомиться с материальным положением ученого, принять экстренные меры по оказанию ему помощи и подготовить предложения для Совнаркома. Прочитав несколько тонких,

изданных на серой оберточной бумаге брошюр Циолковского, Петров был потрясен. Он не торопился возвращаться в Москву. Все, что узнавал он от старого губернского учителя, волновало и восхищало его. Вечерами они вели долгие разговоры: гость рассказывал о Советской власти, хозяин — о Вселенной, и обе эти темы объединяла несокрушимая вера собеседников в будущее, их романтическая взволнованность.

— Я утверждаю,— говорил ученый,— что со временем, путешествуя в пространстве, мы встретимся с развитыми цивилизациями, возможно, даже более развитыми, чем наша...

Петров всматривался в ночное небо, вглядывался в мерцающие узоры звезд — и видел уже не просто небо над головой, а часть Вселенной, где соседствовали миллиарды миров, населенных живыми существами. Но не только рассказы о дальних мирах поразили Петрова. Слова самого Петрова о новом мире, который окружает его, Циолковского, тоже удивили и обрадовали старого ученого. Он привык к тому, что его считали чудаком. Он привык к затворничеству, нищете и насмешкам — и вдруг оказывается, что Советской власти он, Циолковский, нужен, его работа необходима стране, народу.

— Я жил, как в космическом корабле, изолированный от внешнего мира. А теперь как будто спустился на Землю. Я считал, что первый полет в космос произойдет в 2017 году, через сто лет, не раньше. Нет, я ошибался. Значительно раньше! И первым полетит в космос русский человек!

Непостижимо! Уверенность, граничащая с абсурдом. Непоколебимость, смахивающая на авантюризм.

— Самое удивительное,— говорил Циолковский гостю,— что знаем мы меньше, чем знали древние греки, и, разумеется, чем будут знать наши потомки. Мы оказались в середине цивилизации. В наше время поразительно упал интерес к небу.

Петров деликатно возразил:

— Наши трудности временные... Революция старое разрушила...

— Нет, нет, сударь,— Циолковский живо повернул голову к собеседнику,— русская революция не разрушила, а создала новую эпоху. Большевикам нет необходимости отбивать поклоны перед буржуазными историками и вымаливать себе прощения. Помилуйте: за что? Я, разумеется, меньше вас разбираюсь в механизмах политики и партийной деятельности, но я немного знаю историю науки. Ламарк написал книгу, где разбирал и доказывал постепенное развитие существ от низших организмов до человека. Французская академия во главе с знаменитым Кювье измывалась над этой книгой и публично приравняла Ламарка к ослу. Галилей был пытан, заключен в тюрьму и принужден с позором отречься от своего учения о вращении Земли. Только этим он спасся от сожжения. Кеплер сидел в тюрьме. Бруно сожжен за учение о множественности миров. Французская академия отвергла Дарви-

на, а русская — Менделеева. Колумб после открытия им Америки был закован в цепи. Майер был доведен преследованиями своих ученых до сумасшедшего дома. Химик Лавуазье казнен. Коперник лишь на смертном одре получил свои печатные труды. Работы Менделя обратили внимание на себя только через десятки лет после их издания. Гальвин, открывший динамическое электричество, был осмеян. Изобретатель книгопечатания Гутенберг умер в нищете, а изобретатель холодильных машин Казимир Пелье Фультон был отвергнут самим Наполеоном. История переполнена фактами такого рода. И почему это академиям, ученым и профессионалам суждено играть такую жалкую роль гасителей истины и даже ее карателей?

— Советское правительство поручило мне ознакомиться с вашими научными работами и оказать вам материальную помощь,— энергично сказал Петров, словно за этим широковещательным актом находилась панацея от многих бед...

— Уважаемый доктор, во мне не говорит обида,— в голосе Циолковского звучала твердость.— Тяжело работать в одиночку многие годы при неблагоприятных условиях и не видеть ниоткуда просвета и содействия. Но работаю я не ради славы и популярности. Я не артист, не жокей, не боксер. Я русский ученый и твердо верю, что и отечество мое и народ мой будут гордиться открытыми пространствами и произведенными расчетами для летания в межзвездной среде. Когда-нибудь мы станем летать на луну и другие Галактики, переносить с планеты на планету жизнь, разум, цивилизацию...

Как следовало относиться Петрову, реалисту и врачу, к этим непомерным мечтаниям губернского учителя? Мечтаниям, близким к фантазерству, никогда не осуществимым, скорее прожектерским, лишенным людской надобности и республиканской целесообразности. Петров, получивший полномочия Владимира Ильича, оставался в Калуге. В местной гостинице, в маленьком номере он читал работы, вдосталь ему доставленные местными энтузиастами воздухоплавания, а так же работниками губернского комитета партии.

Федор Николаевич вчитывался в название работы ученого, перелистывал плотную бумагу брошюры, стремился понять дерзновенный смысл заложенных в ней идей, выписывал многочисленные формулы, рисовал дирижабли и ракеты, главные объекты научных исследований Циолковского.

Сам Константин Эдуардович просыпался рано, после короткой разминки, которую делал сосредоточенно и целеустремленно, напевая любимые мелодии, выстраивал свой рабочий день. Этот день начинал ученый с записей мыслей, появившихся ночью. Потом шли упорные часы научных поисков, расчетов, работы над рукописями. Такими часами работы Циолковский очень дорожил и просил не нарушать его уединения. Петров, терзаемый мучениями

собственной совести, томился в ожидании трех часов пополудни, когда можно было нанести визит Циолковскому.

Федор Николаевич интересовался новыми работами, просил объяснить некоторые положения из них, цитируя из только что вышедшей повести «Вне Земли».

— Вам надо обязательно привлечь к своей работе врачей,— посоветовал однажды Петров.— Иначе все ваши расчеты останутся утопическими. Врачи помогут вам провести медико-биологические исследования, подготовить человека к полету в космическое пространство...

Выполнив поручение Владимира Ильича, организовав незамедлительную помощь Циолковскому, Петров вернулся в Москву. В октябре 1921-го года Ленин попросил Наркома просвещения А. В. Луначарского проявить повышенную заботу об изобретателе. Константин Эдуардович стал получать два академических пайка. В ноябре 1921 года Малый Совет Народных Комиссаров принял решение о назначении Циолковскому усиленной пенсии. В протоколе, подписанном Лениным, говорилось: «Ввиду особых заслуг изобретателя, специалиста по авиации К. Э. Циолковского в области научной разработки вопросов авиации назначить К. Э. Циолковскому пожизненную пенсию в размере 500. 000 рублей в месяц...

Но это произойдет через год, долгий и трудный год гражданской войны...

При других, наиболее благоприятных обстоятельствах, Владимир Ильич непременно бы уведомил Горького, как он это делал всегда, о решении его просьбы. Но возникшая ситуация того времени, вопреки незыблемому правилу вождя, помешала осуществлению этого. А причиной всему Горький считал свою статью, ни от единого слова которой и сейчас, при суровом нетерпении Ильича, он отказываться не собирался.

В июле 1920 года по просьбе редакции журнала «Коммунистический интернационал» Алексей Максимович написал серию статей «Владимир Ильич Ленин». Статьи посвящались Октябрьской революции, пятидесятилетию Ильича, его жизненному пути, революционной и партийно-государственной деятельности, были проникнуты чувством искренней любви к вождю и восхищением его деятельностью.

Писатель имел право на эти статьи, на искренность суждений о человеке, с чьим именем связано рождение новой эпохи. Горький впервые так масштабно и широко писал о Ленине, дружбой с которым гордился. Однако Владимир Ильич осудил эти хвалебные статьи и даже обратился в Политбюро с письмом, настаивая на принятии специального решения, критикующего статьи Горького. «Политбюро ЦК,— писал Владимир Ильич в проекте постановления,— признает крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического интернационала» статей Горького..., ибо в этих статьях не только нет ничего коммунистического, но много анти-

коммунистического. Впредь никоим образом подобных статей в «Коммунистическом интернационале» не помещать». Ленин изложил собственные взгляды на статьи, на ошибку редакции, на свою скромную роль в революции.

Ленин и Горький расходились в оценке роли вождя партии, руководителя масс в истории. Статьи рассорили Горького с Лениным, на время прекратились их встречи.

Горький тяжело переживал эту размолвку. Он признавал за собой некоторые ошибки, признавал и справедливую критику Владимира Ильича, но никогда не считал себя ошибающимся в оценке личности Ленина. Здесь он был непоколебим и непримирим. В апреле 1920 года, кажется, это было 23 числа, в зале Московского комитета партии на Большой Дмитровке на вечере партийного актива Горький выступил с рассказом о Ленине. Таково было пожелание руководителей Московской партийной организации, таково было и стремление самого Горького. Он говорил о своих встречах с Лениным, о деловых и товарищеских отношениях. Тогда он не считал нужным делать обобщения, возвеличивать роль вождя. Горький доверял фактам, имел их предостаточно и подавал сразу, экспромтом, не заботясь об их систематизации. Выступление Горького вызвало необыкновенный резонанс.

Почему же Владимир Ильич так резко выступил против статей Горького? Алексей Максимович не знал. Почему?

«Необыкновенный народный вождь,— писал о Ленине Джон Рид,— вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

Ленин знал эти слова и не осуждал за них. Более того, в предисловии к американскому изданию книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» Владимир Ильич писал: «...Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки...»

И вот сейчас, в доме Горького, неожиданно, не оповестив хозяина, появился Ленин. Он вежливо попрощался с Добровейном, взял под руку Алексея Максимовича, увлекая в сторону, торопливо проговорил:

— А я к вам по делу, глубокоуважаемый товарищ Алексей Максимович. Очень нас заинтересовал ваш подопечный Циолковский. Ведь удивительные дела вершатся у нас в России. Не все, но кое-что я уже почитал: восхитительно. Отсталая, аграрная Россия, а какая передовая, просто революционная мысль. Спасибо вам, глубокочтимый Алексей Максимович, преогромное спасибо.

Владимир Ильич привлек к себе Горького и по-мужски скупо обнял.

— Ой,— простонал Алексей Максимович,— спасибо, Владимир Ильич, сняли груз, сердечко высвободили. Подумал, вновь вы меня журить будете...

— А что вы думаете? И будем! — Владимир Ильич повернулся к товарищам, как бы приглашая их к участию в разговоре, ища поддержки у них.— Нам, революционерам, чужд дух славы, самолюбования, пресыщенности достигнутым... Революция сильна своей массовостью, единением тысяч и миллионов масс... Революции нужны не только вожди, а главным образом сознательные массы, глубоко проникшиеся духом социализма... Я безумно люблю мечтателей, есть в них какая-то удивительная сила тяготения, красоты, безумство храбрости. Алексей Максимович, простите за плагиат, но здесь ваши слова уместны. Лучше, как говорится, не скажешь...

Горький хотел поведать о крайне бедственном положении Циолковского, о том, что год назад от постоянного недоедания у него скончался сын, что сам он был незаконно арестован и доставлен в Москву, правда, Московская Чрезвычайная комиссия, к ее части, во всем разобралась, извинилась и тотчас отпустила ученого...

Очень хотел поведать, но не поведал...

— Я имею информацию,— серьезно, чуточку грустно сказал Владимир Ильич,— что Циолковскому крайне трудно живется,— посмотрел нежно-просительно в глаза Горького, жестко-осуждающе в лицо Луначарского.— У него нет средств для экспериментов, не хватает денег на продукты.— Помолчал, сунув руки в карманы.— И он ничего не просит.

Последнюю фразу Владимир Ильич произнес торопливо, повышая голос на словах «И он ничего...» видимо желая этим подчеркнуть свое восхищение человеком, который дает так много нации, человечеству, а взамен за свой труд, стоящий безмерно много, не просит ничего.

— Если все то, о чем пишет Циолковский, реально,— продолжал свою мысль Ленин,— то мы находимся у истоков начала начал. Космонавтике, возможно, суждено большое будущее...

За столом Владимир Ильич, наслаждаясь ароматным чаем, сказал:

— Но у меня к вам и другое дело, значение которому придаю архиважное,— Владимир Ильич чуточку склонил на бок голову и со строгой сосредоточенностью посмотрел в глаза Горького.— Ваше здоровье. ЦК настаивает, чтобы вы ехали лечиться. Без промедления. Врачи требуют создавать вам, так сказать, «прижим» (слово режим Владимир Ильич произносил по-своему), и мы обязаны им подчиниться. Вы очень нужны нам для важных дел.

Горький хотел возразить, повел плечами решительно, поставил чай на стол, отер ладонью усы, но Ленин опередил его.

— Никаких возражений. Будьте любезны подчиниться решению ЦК, воле масс.

Глава третья

Горький досадовал на себя: опрометчивость такая, право, непростительная. Согласился на встречу, на беседу с немецким либералом, человеком неизвестным, возможно, навязчивым и склонным к авантюрам, кто знает, какие тут либералы, весь вечер в принуждении, при улыбке, как при свечах, под устремленным взглядом, как под палящим юпитером. В его ли это годы, в лето, когда, наконец, выбрался на лечение. Недавно противники, враждующие стороны полярной идеологии, а теперь хрусталь, серебро, величание и вынужденная комплиментарность.

Необъяснимо — почему предстоящая встреча стала его раздражать, навевать уныние и чем меньше времени оставалось до нее, тем более нелепой казалась она на чужбине. Непременно, Горький был уверен в этом, либерал окажется высокомерным, чванливым, амбициозным человеком. Здесь писатель — не Советская власть, а частное лицо, находящееся на излечении. Горький почувствовал себя скверно: стучало в висках, в горле появилась сухость, а ниже груди, в легких что-то двигалось, вызывая тошноту, боль. Ну вот, сейчас опять накинется кашель.

Алексей Максимович стремительно, с небывалой для него резкостью, перешел от стола к окну, отбросил тяжелую портьеру и с наслаждением вдохнул побольше терпкого сухого воздуха. Облокотившись на подоконник, он бесцельно смотрел в небо. Удивительное небо Италии. Чистота красок. Аромат воздуха. Движенье музыки, как облаков. Сказочно. Ему здесь нравится, ему стало хорошо, но все равно тянет домой...

Домой. Россия, Волга, Москва, Ленин. Да, да, ему очень захотелось поговорить с Лениным. Эта потребность усиливалась каждый день.

За границей сейчас много пишут о революционной России. Пишут плохо, небрежно, неряшливо, просто неграмотно, но, странно, в этом диком, оглушающем вопле врагов, в кошмарных текстах, репортажах, путевых записках он находит восхищение твердостью и непоколебимостью русских. Экстравагантность европейского буржуа. Видимость объективности, снисходительная добродетель. Порочная уверенность в незыблемости капитализма. Но допустима и отчаянность, незатухающая страсть к наживе, закамуфлированная ненависть, эдакая прозаическая вуаль. Им, возможно, нужна не дружба с Советами, а деловые отношения.

Пожалуйста, господа хорошие. Давайте торговать, сосуществовать, это наше дело обоюдовыгодное, а история пусть вершит свое.

Да, несладко сейчас в России. Вот и Владимир Ильич писал:

«Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться.

Меня просят написать вам: не напишете ли Бернарду Шоу, чтобы он съездил в Америку, к Уэллсу, который-де теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим?

Хорошо бы, если бы Вы им написали. Голодным попадет тогда побольше. А голод сильный.

Отдыхайте и лечитесь получше.

Привет. Ленин».

Заслышав шаги, писатель повернулся к двери, недоумевая, кто бы это мог быть — Есенин, Толстой?.. Посмотрел на часы. Время, боже мой, время... Похвальная немецкая пунктуальность срабатывала безотказно.

— Господин Горький,— невысокий полный мужчина любезно раскланивался. Это было очаровательно: мужчина в реверансе, в мягком полупоклоне, как в танце падэ-труа! Такое очень трогает провинциалов. Выпрямляясь, он собрал полные ноги вместе и стукнул массивными каблуками, прищелкнул ими, что ли. Так было заведено в прусской военной школе.— Разрешите представиться. Социалист либеральных убеждений барон Мельхиор Хиндемит.

— Здравствуйте, барон,— Горький говорил по-немецки, доброе влияние наследника.— Вы настоящий немец. У вас великолепная прусская школа. Ваш знаменитый предок баптист Мельхиор Гофман...

Социалист, польщенный сравнением, льстиво отрабатывал комплимент: громко смеялся, запрокинув голову, кидал в потолок — ха-ха-ха. Хозяин — и только. Пока — чужой квартиры, а потом — чужой страны.

— Милостивый государь, господин Горький, Мельхиор Гофман был анабаптистом, а это...— Хиндемит погрозил пальцем: экая непозволительная ошибка. Мельхиор Хиндемит был дома у себя в стране, он устанавливал правила отношений, он диктовал этикет. Алексей Максимович всякое повидал на своем веку, а потому не удивился и такому поведению.— По делам я к вам, господин большевик.

— Я к вашим услугам, господин социалист,— Горький по примеру барона соединил два слова, так разнящиеся по содержанию.— Встреча с «единомышленниками» всегда приятна. Прошу вас.

— О! Данке, господин Горький.— Барон был чрезвычайно доволен, глаза его восхищенно и благодарно светились. До него доходили слухи о высокомерности и строптивости русской знаменитости и одного из самых влиятельных интеллигентов новой России, весьма близкого к вождю. Но этот высокий и хмурый человек не так уж дик, возможно, даже образован. Он корректен, благороден, хорошо чувствует слово, понимает юмор... Приятный собеседник. Правда, все-таки этот русский забавен: небрежно, с некоторым безразличием одет, не носит галстука — краватте, человек упро-

щенных манер, усы широкие, пожалуй, монгольские, свисающие на рот, прическа — барон искал слово: флауш или биберфель — бобрик. Уф, какой ужасный язык! — Мне было бы весьма лестно, если бы господин Горький ответил на вопросы, которые касаются наших народов.

— Вот как?..— Горький сморщил лоб и с некоторым раздражением посмотрел в лунообразное лицо барона.— Те вопросы, которые касаются наших народов, если, конечно, они в компетенции писателя,— я охотно буду обсуждать. Итак...

— Я, я, их берейтшафт,— барон, демонстрируя готовность, соединил свои руки и положил на колени.— Излишне говорить о популярности русской революции. Немцы гордятся, что они дали миру передовую культуру и модернреволюционную теорию. Гутенбург, Гумболь, Гельмгольц, Кох, Борн... Разве это не гордость мировой науки...— барон смаковал фамилии, упивался национальным величием.— А в литературе — Эразм Роттердамский, Лютер, Мюнцер, Ганс, Сакс, Гете, Шиллер — это имена гениев. А теперь, простите за бухгалтерский учет талантов, все-таки математика — наука точная и убедительная, философия: Кант, Гердер, Лессинг, Каплер, Вагнер, Гегель, Маркс, Энгельс, Каутский... Какое удивительное созвездие... довольно ароматный букетик великих имен.

Гость был на высоте блаженства. Он хотел произвести впечатление, он это сделал.

— Благодарю вас за исторический экскурс... Эти имена хорошо известны в моей стране и им воздано должное. Как гласит немецкая пословица: «Плох тот колодец, в который приходится носить воду». Немецкая наука — я не льщу вам — великая наука. Но, я не знаю народа, государства, которое не имело бы своих кумиров...

— Вы совершенно справедливо заметили... К этому перечню совсем не трудно добавить имена русских гигантов, чтобы утвердиться в мысли о величии наших народов...

— Благодарю вас, барон, но это шовинистическая теория, она неприемлема для нас, нашего общественного устройства... Я не расположен к дискуссии, да и бесплодное для нас с вами это дело. Величие народа не только в созвездии больших имен, а, пожалуй, в его традициях, в его весьма плохо понимаемой душе.

— Вы меня не совсем правильно поняли, господин Горький, — барон повысил голос и не сделал никаких попыток скрыть свое раздражение. — Я не призываю вас к объединению двух наций, хотя, замечу вам, это произойдет, и тогда мы будем управлять миром...

— А зачем? Помимо наших желаний,— спору нет, человеческий разум обладает исполинской силой,— существуют объективные законы развития. Просто так объединить народы невозможно, нужны исторические предпосылки.

— Возможно, вы и правы в своей сдержанности, даже благоразумии, но вы тоже не отрицаете объединения, сближения как варианта, как неизбежного в будущем пути?

— Истории известны такие объединения, я бы сказал, насильственные слияния, при которых все заканчивалось поглощением соседних территорий, а людского же сближения не происходило. Римская, Оттомская империи, бесславные попытки Наполеона, преждевременные потуги Бисмарка...

— Поставим вопрос шире. Девятнадцатый век и, пожалуй, двадцатый утвердили Германию как ведущую ракетную державу. Не удивляйтесь, господин Горький. Это не теоретические постулаты, а широко известные факты, которые опровергнуть, разумеется, нельзя. Их даже нельзя умолчать. Герман Гаксвиндт еще в прошлом веке обнародовал свои идеи в докладе «О важнейших проблемах человечества». Позвольте зачитать вам из него одну только мысль. — Барон извлек записную книжку из бокового кармана пиджака. — Битте. «...я поставил перед собой... научную проблему: имеется ли возможность выйти из зоны Земли и ее атмосферы и посетить ближайшие к нам планеты, например, Марс и Венеру?!» — Барон вскинул горделиво голову и с нескрываемым высокомерием посмотрел на писателя. — Да, отвечает ученый. И не просто отвечает, а предлагает проект ракетного летательного аппарата и гарантирует полную безопасность экипажа. Обратите, пожалуйста, внимание на имя, уже широко известное в мире: Герман Оберт. Почти десять лет тому назад этот двадцатилетний юноша сделал расчеты двухступенчатой ракеты. В настоящее время он завершает работу над капитальным трудом по ракетной технике и очень скоро мы будем иметь основание назвать его отцом мировой космонавтики. Но цель всего визита не просветительская, а несколько иная и весьма почетная. Мы просим вас присутствовать при начале полета ракеты высокочтимого господина Германа Оберта на Луну...

Алексей Максимович остановился, скрестил руки на груди и ощутил сильное сердцебиение. Ему показалось, что у него снова закружилась голова и он стал плохо видеть. Горький подумал, что эти пунктуальные перечисления — несомненное свидетельство тщательной подготовки — они больше нужны для газет, обычного в буржуазном обществе бума, шумихи. Но теперь очевидно и то, что безапелляционные утверждения приоритета и этот маскарадный запуск ракеты на Луну имеют иные и весьма опасные цели.

Расистское превосходство арийцев! Значит, господин либеральный социалист хочет поддержки, пока незаметного факта присутствия, а затем несколько позже — и молниеносного удара по национальной гордости великороссов.

Неожиданно Горькому стало весело, ему расхотелось дипломатничать, скрывать свое настроение. Он засмеялся в голос, откровенно и заразительно, как смеются молодые люди, получившие подтверждение в любви.

— На Луну — ракетой? — вытирая слезы, спросил Алексей Максимович. — Превосходно. Но исполнимо ли это сейчас? Не преждевременно ли? Не торопите ли вы время?

— Смею вас заверить, в этом предприятии ни грана авантюризма. Господин Оберт — величайший авторитет.

— Я не специалист в этой области, но известный русский ученый Циолковский считает, что такой полет в настоящее время неосуществим. Кстати, вам знакомо это имя?

Барон почтительно встал, вероятно, время, отпущенное по правилам хорошего тона на спокойную беседу, истекло и он нервничал.

— Господин Циолковский? — гость напрягал память. — Кажется, мне приходилось о нем слышать. Это русский самоучка?

В устах барона слово «самоучка» звучало оскорбительно, было безопорным, повисало в безвоздушной среде, неусвояемым термином, набором звуков без смысла и почтения.

— А разве господин Оберт не самоучка? Он изучал проблемы летания в межзвездной среде в колледже, университете? К людям, так небрежно, неряшливо названным вами «самоучка», я отношусь с особым поклонением, к этим самоучкам можно причислить Аристотеля, Гиппократа, Леонардо да Винчи, Ломоносова, Эдисона, Райтова. Самоучки возвеличили человечество выдающимися открытиями... Вы простите за назидательность, барон, но я веду беседу в вашей манере, только значительно более с широким интернациональным подходом...

— Конечно, конечно, фактум унд фактум!..

Барон извинительно заговорил о своей позиции и той роли, которая ему отведена в славном представлении полета на Луну... Алексей Максимович, конечно, всерьез не воспринимал поздние раскаивания гостя, но в какой-то момент, когда четко уловил канву его рассуждений, он вспомнил о Циолковском.

Проблемы межпланетных полетов Горький считал достоянием фантастической литературы, не больше, заботой людей двадцать первого или двадцать второго века и уж, конечно, не его современников, обремененных нуждами о хлебе насущном. Тогда, оказывая покровительство молодому ученому Александру Леонидовичу Чижевскому, которого патронировал директор Института биофизики Петр Петрович Лазарев, он не знал, что соприкоснется с наукой, ему неведомой, даже им плохо понимаемой, как казалось ему, непосвященному, научной утопией.

Алексей Максимович тихо и коварно улыбался, готовясь к решающей схватке. Вот так всегда, в бурном кипении жизни, неутомимой борьбе он забывал о своих чадящих и сиплых легких, о сердце, чутком ко всякой перемене на Солнце.

— Ну, что же, господин барон,— сказал Горький,— задумали дело вы с европейским размахом, настоящим шумом, способным испугать не только сытого буржуа, но и бездомного прохожего. Хочу вам напомнить слова одного крупного ученого, специалиста в области ракет: «Основы теории ракетного корабля,— писал этот честный и замечательный экспериментатор,— были изложены в 1903 году К. Э. Циолковским. В дальнейшем эта теория пополни-

лась,— пожалуйста, обратите внимание на слова,— пополнилась работами Эоно-Пельтри, Годдарла, Оберта, Лоренца, Дадемапа, Першевского и Вальера»... Будьте честны, в 1903 году мог ваш уважаемый Оберт создать труд, способный потрясти умы европейцев?

— Видите ли, господин Горький,— гость прекрасно владел собой. — Вы цитируете слова неизвестного мне ученого. Я же в нашей полемике опираюсь только на широко известные авторитеты.

— Ну, что же, вы правы,— вздохнул Горький. — Нужны авторитеты, имена. Пожалуйста, я готов вам их предоставить. Ваш обожаемый попечитель Герман Оберт писал Циолковскому: «Вы открыли путь к завоеванию Солнечной системы, которая дает в два миллиарда раз больше энергии, чем какую имеет Земля. — Барон, ожидавший сенсационных известий, улыбался, обезоруживал противника своей непоражаемостью. — Если бы какой-нибудь новый Колумб открыл для человечества две тысячи миллионов новых планет, подобных Земле,— громко и торжественно говорил Горький,— и предоставил их в распоряжение человечества, то он не сделал бы для людей более вас...»

Барон, словно ужаленный, вскочил и вперил в писателя ошалелый взгляд. Губы его посинели, спесь с них улетучилась, они, плохо послушные воле хозяина, шептали что-то вроде: «Не может быть! Такое предательство! Насмешка!»

— Ну, что же, барон, попытайтесь послать на Луну свой экипаж... — Горький этим словам придал некую завершенность аудиенции и тот особый смысл, допускающий значимость намечаемого мероприятия, в которое он не верит, по совершению которого, при удаче, он, несомненно, будет рад. — А мы пошлем свой экипаж, и очень скоро. Пригласим вас: посмотрите, полюбуйтесь... Наш Циолковский кудесник, он может все! Но мы пошлем его совсем с другими целями, мы раздвинем мир, а познав его, отдадим Вселенную всему человечеству, всем людям...

Барон, забыв об учтивости, что-то бормоча по-немецки и громко стуча каблуками, направился к выходу.

Горький смотрел ему вслед, не понимая его торопливости, но не сочувствуя ему и не страдая по неожиданно оборвавшейся беседе. Он думал о Циолковском. О новых открытиях во Вселенной, о великой победе человеческого разума.

Горький заболел космосом. Желая постичь неведомый для него мир Вселенной, он попросил знакомого библиотекаря подобрать книги Циолковского, Жюля Верна, Герберта Уэлса, Валерия Брюсова... Он считал, что с его слабыми познаниями бороться за новые открытия в науке будет трудно.

Работа не спорилась, продвигалась крайне медленно, двенадцать-четырнадцать часов за столом не приносили успокоительной радости, творческого удовлетворения, духовного наполнения. В минуты отдыха, которые становились все продолжительнее и вместе с тем все мучительнее, Горький думал о России, о больном сыне, неожиданно оставившем работу дипкурьера, конечно, не ахти уж какую хорошую, но все-таки мужскую, с немалой долей опасности и романтики.

Алексей Максимович мало спал, читал, думал до гула в висках, до сильного сердцебиения, до кашля и крови.

Горький хорошо понимал, что он нужен там, в России, помочь надо вовремя... Но пока он может послать туда хотя бы письмо.

«Дорогой Федин, спасибо вам за интересное письмо, тоже очень взволновавшее меня и тоном его, и содержанием... Вам, может быть, покажется парадоксальным взгляд на современную русскую действительность тоже как на возрождение индивидуализма? Но я думаю, что именно так: в России рождается большой человек и отсюда ее муки, ее судороги».

В чем он не ошибся, уловил, передал подобно камертону, состояние молодого коллеги. И вот награда — ответное письмо:

«Душевное спасибо за письмо, дорогой Алексей Максимович! Это — самая большая и самая желанная награда за мой труд».

Желаемый ответ. Письма Федина стали ему полезны.

В Праге Горького настигло печальное известие о кончине Владимира Ильича. Он даже не поверил этому, счел грубой, беспрецедентной шуткой, хотел прикрикнуть, но сдержался — кто же будет шутить таким именем? Ленина он любит, но ведь право любить вождя есть и у других.

Ушел к себе, поднялся в верхнюю комнату, просил не беспокоить, хотел подумать, побыть один. Ленин заботился о нем, Горьком, а сам... Эта мысль неожиданно больно резанула сознание, и эта боль, как нож, осталась там, внутри: виноват. Да, он виноват. Горький решительно обвинял себя. Ведь Ленин писал ему: «Я устал так, что ничегошеньки не могу». Это было в августе. В декабре Владимир Ильич, никогда не жаловавшийся на здоровье, вновь вернулся к этому, для него щекотливому и очень непростому вопросу. «Дорогой А. М. Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться...»

Он признавался Горькому, и, может быть, ему одному, в самом сокровенном — неимоверной усталости. А друг оставил это без внимания, не обратился в Политбюро, не выхлопотал для Ильича отпуск или просто передышку, паузу, время для досуга, не воззвал к разуму общественности, не пробудил заботу у окружения...

Горький слег, жизнь, кажется, оставляла его тело, выкуривалась бездымно. Оно медленно остывало — руки холодные, уже от-

давшие благостное тепло горения, а голова, сконцентрировав остатки энергии, сопротивлялась, пылала.

Поднимался Алексей Максимович медленно, хворь зацепилась крепко, не выходила из сильно иссушенного тела. Лицо оскулилось, глаза утонули в непомерно больших донцах, плескались вяло, как умирающий родник, поредели волосы, утратилась их мягкость, отмирая, они желтели и ломались.

— Владимир Ильич просил передать, что будут изданы труды Циолковского.

Отреагировал Горький лишь памятью, лицо оставалось безучастным. «Не забыл Ильич. Каким же надо быть человеком, чтобы все помнить?» И неожиданно он сам вспомнил о своей статье «Владимир Ильич Ленин», написанной в июле 1920 года. Той самой, из-за которой у них произошла размолвка. Не хотел Ильич мужской пылкости чувств, чрезмерного елеция, получалось будто институтка пишет, а не революционер, не пролетарский писатель. Он признавал строгость отношений, глубину переживаемого... Владимир Ильич прав, но и он, Горький, тоже прав. Он тоже коммунист и хорошо знает неразрывность, какое бы точнее слово подыскать,— слитность Ленина с партией. К тому же право писателя о ком угодно писать — у него нет лишь права писать плохо и неряшливо.

— Максим,— позвал Горький сына. Пешков-младший проворно влетел в комнату. — Вот что, наследник, я умирать не хочу. Я должен жить, обязан, это мой долг большевика, партийца. Я должен написать об Ильиче. Попросим Марию Игнатьевну ускорить наш отъезд из Праги.

Авиация и космос, так недавно еще крепко связавшие писателя и вождя, по-прежнему занимали Горького, и существовали они не абстрактно, не под индексом пухлых папок, а имели имя, даже достойное имя, в будущем непременно великое: Циолковский. Почти ежедневно, точно на работу, Горький поднимался на плоскую крышу виллы, припадал к окуляру подзорной трубы и, приближая звезды, смотрел в небо. Раньше, до Чижевского и Циолковского, в блеклом бездонном небе — днем, в цветном куполе шатра — вечером, он видел природное естество цвета. Чем оно было разнообразнее, тем богаче, занимательнее мерцание звезд, движение Галактик и Туманностей, метеоритные дожди. Прежде они не вызывали в сознании Горького ни слитности процессов Земли и Галактик, ни общности далеких и непознанных миров, ни их зависимости, ни их стремительного движения в развитии. Глухой безжизненный мир не увлекал его.

Но сейчас в небе он находил созвездия, иногда угадывал их названия и пытался предположить прошлое и будущее, думать о тех живых существах, которые могли там обитать. Это была просто игра, лишенная научной глубины, предположения, вольные версии, не имеющие прочной диалектической и материалистической основы развития Вселенной. Он об этом не смог бы даже написать,

а Циолковский пишет, да еще как пишет. Недавно газеты принесли признание Германа Оберта калужскому самоучке: «...Я, разумеется, самый последний, который оспаривал бы ваше первенство и ваши заслуги по делу ракет...» Вот вам, господин Мельхиор Хиндемит, и полет на Луну: профанация! А Константин Эдуардович идет вперед! Молодчина! Все-таки этот Оберт не лишен такта.

Оторвавшись от подзорной трубы, Алексей Максимович с нескрываемой жалостью посмотрел на фланирующую публику, ничего не знающую ни о Циолковском, ни о бесчисленных Галактиках.

Циолковский прав: людям надо рассказать о небе, о жизни далеких миров... Далеких миров..: А как же там Циолковский? Тоже далекий и неведомый мир?

Вот почему сейчас так нужны письма Федина: в них правда жизни, волнующие рассказы о Родине.

Близкая и долгожданная встреча с Россией, ради чего надо так много успеть, осудить недуг, написать обещанное, излить только что родившееся в мыслях, ответить на приглашения. Есть дело, большое, важное, государственное, с которым связано имя Владимира Ильича. Этому он должен отдать значительную часть времени.

О Циолковском, о его учении, о его гениальных гипотезах должны знать все граждане Советской России. Калуга, Калуга, только там в затрапезном городишке он познает то, чем владеет пока один человек в мире, возможно, два — еще и Чижевский, очаровательный, пылкий юноша, помощник ученого.

«Дорогой Николай Александрович,— пишет Горький Семашко, — разрешите обратить ваше внимание на... А. Чижевского. ...Хорошая мы страна, хорошие у нас, талантливые люди, может, они потому и путаники такие, что уж очень даровиты. — Эта концентрированная философия Горького легко ложится на бумагу. — Легко жить с ними, необходимо ругаться, спорить, да...!»

В эти радостные дни по просьбе писателя Совет Народных Комиссаров рассматривает предложения ученого Чижевского и принимает специальное постановление «О работе профессора Чижевского», отпускает необходимые средства на внедрение его изобретений, выдает автору премию в сумме десяти тысяч рублей.

Горький глубоко уважает Чижевского, преклоняется перед его открытиями, поддерживает высокую степень его горения, ходатайствуя о нем. Он хорошо знает, что оказывает этим услугу и Циолковскому. По-прежнему те неразлучны: ученик Александр Чижевский догнал своего учителя Циолковского, став, как и он, профессором. Чижевский сделался известным как популяризатор учения Циолковского, продолжил многие исследования своего великого учителя, развил отдельные положения о Вселенной и путях ее освоения.

Научные поиски Циолковского были поистине безграничны. Он

занимается теорией космических полетов, проектирует космические корабли, строит дирижабли, изучает квантовую физику, органическую химию, психологию, астрономию, математику. И не просто изучает, а в совершенстве постигает предмет своего исследования, во многие науки вносит свой весьма ощутимый вклад, делает открытия. Константин Эдуардович первым предсказал идею полета к другим планетам, а через некоторое время, не прекращая исследований, пришел к выводу, что первым человеком, который полетит на ракете, непременно станет русский богатырь, чье имя войдет в историю человечества. И писатель тоже в этом уверен... Все это так импонирует взглядам Горького, так отвечает его желаниям.

Со слов Александра Леонидовича писатель знал, что на трудную, но важную тему изучения Солнца того натолкнул Циолковский. Не просто проблемы Солнца, его природа и химический состав волновали Чижевского, а зависимость земных явлений от солнечной деятельности. Изменения на Солнце, которые по наблюдениям ученого происходили непрерывно, сплошь да рядом вызывали у людей нервное возбуждение, резко выраженную эмоциональность и избыток моторики, биологические и патологические изменения.

«...Главным возбудителем жизнедеятельности Земли,— говорил Александр Леонидович Чижевский Алексею Максимовичу Горькому,— является излучение Солнца, весь его спектр... Великолепие полярных сияний, цветение розы, творческая работа, мысль!— все это проявление лучистой энергии Солнца».

Алексей Максимович не доживет до того времени, когда Первый Международный Конгресс биофизиков изберет Александра Леонидовича Чижевского почетным президентом, выдвинет на соискание Нобелевской премии, охарактеризовав его как «Леонардо да Винчи двадцатого века».

Интерес Горького к работам Циолковского непрерывно возрастал. На Всероссийском съезде Крестьянских писателей, который проходил под патронажем Горького, он расспрашивал журналиста и популяризатора науки Алтайского о Циолковском, его работах, здоровье, просил прислать последние издания ученого.

Через месяц, когда нетерпение Горького достигло предела, он письмом уведомляет Алтайского, на которого возложил столь ответственную миссию, о необходимости очерка о «нашем» Циолковском. Первого мая, встревоженный настойчивостью Алексея Максимовича, Алтайский сообщает: «Спасибо за письмо. Очерк о К. Э. Циолковском посылаю одновременно с этим письмом. При очерке фотографии Циолковского. Вашу мысль о книге, о жизни и работе Циолковского, конечно, принимаю и разделяю...»

Да, да, Горький был уверен, что сейчас нужна книга о Циолковском. Она возбудит интерес к работам ученого, его личности, поможет стать ему популярным... Да, нужна книга. И он снова возлагает свои надежды на Алтайского.

А вскоре взбудораженный Горьким фотограф А. Г. Нетукилин прислал из Калуги письмо:

«Уважаемый Алексей Максимович! — писал он.— Посылаю вам четыре фото для очерка Алтайского о Циолковском. Собственно для очерка три фото, четвертое, на паспорте, для вас. Думаю, что вам интересно иметь последнюю фотографию Константина Эдуардовича.

Это самые недавние снимки, сделанные 6 мая с. г.

...Циолковский вообще довольно неохотно дает себя фотографировать. Очень скромничает».

Алексей Максимович, увлекшийся наукой, не прекращает поисков авторов для написания книги о Циолковском и все с той же бурной неукротимостью интересуется жизнью и бытом ученого, деталями его увлечений, любимыми шалостями, кругом знакомых, пишет своему давнему корреспонденту Щербакову, проживающему в Калуге.

Щербаков, к несчастью, болен, но просьбу своего наставника выполняет по-военному незамедлительно. Он сообщает Алексею Максимовичу:

«...Сегодня же пишу Адаму, чтобы он приурочил свою поездку в Калугу к твоему приезду сюда, т. е. здесь соберется «золотая молодежь» около 200 человек...

...С Циолковским знаком более 30 лет — еще из Нижнего имел с ним переписку по поводу его исканий «Причины всех причин». Изредка встречались, встречи обычные бурные...»

Да, да, Горький сообщал, что намерен приехать в Калугу для личного знакомства с Циолковским.

Ах, время, оно становится неуправляемым и бесконечным, как космос. Его так не хватает: затягивается поездка. Неожиданные, непредвиденные дела постоянно мешают. А он не может, не познав «Причину Космоса», заговорить о ней во весь голос. Прочь стыдливость, дело не в ней, а в некомпетентности. Дело-то какое, почти фантастическое, в руках Вселенная, как бы не ошибиться, не потерять пять-шесть Галактик с населением в десять триллионов. В другие цивилизации верит Циолковский, их предполагал Кеплер, о них ведали древние греки...

Но может быть, это не так уж важно: знает писатель о Вселенной или нет? Важно другое: личная встреча, знакомство с человеком, который известен. Ведь он, Горький, не все сделал, что предполагал, что мог бы. Владимир Ильич, узнав об этом, непременно пожурил бы его. Нет, нет, это недопустимо. Он не имеет права, он не может омрачить Ильича...

Циолковский верил в иные цивилизации, Кеплер, живший до Константина Эдуардовича, тоже допускал возможность их существования. Если бы это было не так, разве написал бы Циолковский пророчество: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за

пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство...»

«Не так уж невероятно, должен я заметить,— писал Кеплер со своим несокрушимым педантизмом,— что обитатели имеются не только на Лунах, но и на самом Юпитере... Однако, едва лишь кто-нибудь постигнет искусство летать — и найдется достаточно поселенцев из числа нашего человеческого рода».

Раз между титанами есть понимание, достигнуто единство, значит, там что-то есть!

Через некоторое время, когда в буржуазной прессе развернулась бешеная компания по травле Горького, Циолковский тяжело переживал, беспокоился за своего любимого писателя, не рискуя беспокоить письмом Алексея Максимовича, просил Чижевского выразить ему свою глубочайшую признательность и солидарность. Всей душой в эти неспокойные дни ученый был с Горьким.

Чижевский, верный своему обещанию и со свойственной ему добропорядочностью, немедленно навестил Горького и передал ему слова своего глубокоуважаемого учителя. Да, да, кажется, свершилось. Рубикон перейден. Они знакомы пока заочно, но все-таки. А теперь представлялся и случай, Горький в день рождения Константина Эдуардовича присылает ему телеграмму: «С чувством глубочайшего уважения поздравляю вас, Герой Труда».

Семидесятипятилетний юбилей Циолковского становится праздником науки, торжеством идей космоса, большим событием в жизни страны Советов. Спустя несколько дней, отвечая на приветствие великого пролетарского писателя, Циолковский писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю вас за ваш привет. Пользуясь вашим расположением, чтобы сделать полезное для людей, я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание Вселенной и философия, основанная на этом познании. Вы скажете, что все это известно. Известно, но не проникло в массы. Но не только в них, но и в интеллигентные и даже ученые массы...»

Горький рад этому посланию. С этого дня между ученым и писателем устанавливается регулярная переписка.

Несмотря на преклонный возраст, Циолковский полон творческих планов. Он продолжает разрабатывать теорию межпланетных полетов, занимается эффектом воздушной подушки (идея бесколесного поезда), реанимирует дирижабли и делает удивительно много теоретических вычислений.

Батюшки мои! Настала пора удивляться. Как это возможно: если в космосе нет границ, то на Земле их предостаточно — от огорода до государства. Нужен совет, необходима помощь.

Алексей Максимович, несмотря на широкий круг знакомых в научном мире, решает обратиться к человеку, в высокой добропорядочности и должной компетенции которого он уверен. На обед приглашается Александр Леонидович Чижевский, теперь уже видный ученый, находящийся в самом расцвете сил: он-то в непри-

нужденном разговоре раздвигает список проблем, над которыми работает ученый из Калуги. Горький помрачнел: он почти не знает Циолковского.

За тридцать лет научной деятельности (Чижевский ввел собственную шкалу времени) с 1891 по 1921 годы Константин Эдуардович написал более сорока книг, издал почти тридцать. В этом удивительном библиографическом реестре были работы по физике, воздухоплаванию, химии, истории, естествознанию и другие.

Ленин — хотел... Ильич поручал... Вождь собирался... Горький помнит, как Владимир Ильич живо и мудро отнесся к Циолковскому. Значит, помощь Константину Эдуардовичу — есть память о Ленине. Но все, что до сих пор делал он, что успел сделать, по его мнению, было недостаточно.

Поддерживаемый домашними и друзьями, Алексей Максимович пускается в далекий путь: он хочет видеть людей, преображающих жизнь и страну, вызывающую столько суждений за рубежом.

Выступая на торжественном собрании, куда помимо прочих желаний, привела светлая и трогательная память о Сергее Есенине, Горький сказал:

— Человек создан затем, чтобы идти вперед и выше. И так будут делать ваши дети и внуки. Не может быть какого-то благополучия, когда все лягут под прекрасными деревьями и больше ничего не будут делать.— На лице Горького появилась гримаса неприязни и брезгливости.— Этого не будет, люди полезут еще на Марс, будут переливать моря с одного места на другое,— широко двинув рукой, он показал путь переброски воды,— выльют море в пустыню и оросят ее...

С того дня в свою речь он вводит космическую терминологию, редкие и мало известные слова глубокоуважаемого Константина Эдуардовича Циолковского.

Подвижническая деятельность Алексея Максимовича, его выступления по радио и многочисленные статьи в газетах и журналах, беседы с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, позволяли ему широко распространить идеи своего любимого ученого в народные массы, вызвать к жизни целое движение энтузиастов воздухоплавания. Во всем этом прекрасном патриотическом порыве, так радовавшем Горького, была немалая его личная заслуга. Писатель радовался этому. Он хотел представить себе в эти дни Константина Эдуардовича, получившего всесоюзную, и даже мировую известность, преспокойно пребывающего в своей новой лаборатории, но не мог. Трудно. В Калугу он так и не собрался, не навестил ученого, слова данного не сдержал. Была в этом не только вина самого Алексея Максимовича, но в конечном счете он лично давал слово и несет прямую ответственность за безответственность. «Надо съездить»,— решает Горький. Ведь бывает же он в других городах, следовательно, может совершить поездку и в Калугу. Через несколько дней, получив письмо от Константина Эдуардовича, он еще больше утверждается в своем решении. Сно-

ва, уже в который раз Циолковский потрясает Горького широтой и смелостью своих философских воззрений.

«Беллетристы,— писал Константин Эдуардович Горькому,— в живых красках дают понятие о жизни. Они наши учителя, а один из крупнейших — Максим Горький (Подчеркнуто Циолковским). Пусть же он здравствует!

Я давно написал книгу: «Свойства человека». Материалами служила не только наука, но и писатели, художники.

Ваш К. Циолковский».

Отныне все письма, адресованные Горькому, Константин Эдуардович высокими четкими буквами будет неизменно подписывать «Ваш», вкладывая в это слово и личную приверженность к писателю и духовное единство с ним.

Глава пятая

Он неподвижно стоял у окна, скрестив на груди руки, напряженно и бесцельно смотрел на снег, который на солнце бурел, набухал влагой, осыпался, уходил в землю, как в небытие.

«В душе каждого из нас,— слова приходили с мучительными потугами,— живет несокрушимый дух горьковского Сокола, неукротимого Буревестника, их «уверенность в победе...»

Кажется, двинулось, родились первые фразы, зыбкое и робкое, безудержно носившееся в голове, выкристаллизовывалось, обретало материальную зримость, беспорядочно ложились на лист попавшейся под руку тетради. «Невозможно измерить одухотворяющую силу горьковских образов,— вдохновившись, писал Юрий Алексеевич Гагарин,— образов смелых и мужественных людей, людей благородного и высокого свершения».

Летчик-космонавт положил шариковую ручку, прочитал написанную фразу, недовольно поморщился, как от зубной боли, вновь встал и торопливо зашагал... Ведь в душе были чувства, были слова, но как медленно они выплескивались на бумагу.

Недавно, в день, когда он возобновил полеты, позвонил Константин Александрович Федин. Юрий Алексеевич только что вернулся с аэродрома, заполнял послеполетную документацию, свою летную книжку, налетал он 1 час 52 минуты, пусть на «парке» — двухместном учебно-тренировочном истребителе, но он вновь был в воздухе, в своей родной стихии и знал, что скоро начнет самостоятельные полеты.

— Выступить? — испуганно изумился Гагарин предложению Федина.— Ведь это же Горький!

— Да, да, Горький,— спокойным, глуховатым голосом говорил председатель Всесоюзного юбилейного горьковского комитета,— именно вам и следует говорить о нем. Горький был близок к уче-

ным, занимающимся ракетно-космическими проблемами, многим помог, многих поддержал...

— Хорошо, Константин Александрович. Буду готовиться.

В январе шла корректировка рабочих планов, ускоренная подготовка к очередным полетам. В феврале Юрий Алексеевич завершил работу над дипломным проектом, защитил его.

Март рассчитывал всецело посвятить полетам, но как нередко случается в жизни: человек предполагает, а жизнь располагает. Месяц начался с командировки, а она всегда требует напряжения, точности действий, объективности оценок. Неожиданная болезнь Валентины Ивановны внесла новые коррективы, непредвиденные трудности, немалые осложнения.

Очень хотелось войти в строй, налетать несколько очень важных часов, выполнить необходимый минимум, подготовиться к очередному полету.

Юрий Алексеевич думал о месячной загруженности, о распределении сил на наиболее важные поручения, о сосредоточении внимания на значительных событиях. Значит, выступление на вечере, посвященном памяти Алексея Максимовича Горького, выступление в Организации Объединенных наций, выступление на московской городской партийной конференции. Подготовиться... Ох, как много мероприятий, которые нельзя перенести или отменить.

Алексей Максимович, несомненно, любил авиацию. Иначе почему бы он так живо и заразительно принял участие в судьбе Циолковского, человека ему незнакомого и по всей вероятности близкого лишь по научно-практическому вкладу в новую и пока неведомую область человеческой деятельности.

В чем задача его, Гагарина? Соединить Горького с авиацией и космосом, показать влияние гения на их развитие, на распространение идей воздухоплавания? Или нет — как авиация отразилась на судьбе Горького? Тут есть над чем подумать! Великие личности не остаются безразличными к выдающимся свершениям века. Они или принимают их и становятся активными глашатаями идей, или беспочвенно страдают.

Изучив все публикации, относящиеся к тому времени, Юрий Гагарин был уверен, что привязанность Алексея Максимовича к небу у него от сына.

Но космос?! Одна из самых величайших тайн мира, мироздания, планеты. Как мог писатель, философ, оратор увлечься вроде бы абсурдом, фантазией, чепуховиной? Но писатель не просто увлекся, он посвятил многие часы, дни, недели, месяцы этому вздору под заманчивым названием «космос».

«Затерянный среди пустынь Вселенной,— писал Алексей Максимович в 1903 году,— один на маленьком куске земли (Горький еще не был знаком с работами Циолковского, не вчитывался в романы Герберта Уэллса, как он это сделает позже, сейчас он писал о том, к чему пришел благодаря собственным размышлениям), несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного

пространства, терзаемый мучительным вопросом — зачем он существует? — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба...»

Горький постигал смысл существования человечества, пределы его возможностей.

«Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них лучи бесстрашной мысли, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает».

Теперь все это и немножко больше надлежало постичь Гагарину. Работа огромная, трудоемкая, да разве дело в объеме или тяжести груза?

Как же устроен ум творца? Почему Горький, узнав о возможности построить ракету, заинтересовался ею? Он был очень болен, кровь шла горлом, врачи настаивали выехать на лечение за рубеж, не утомлять себя изнурительным поиском ученых и изысканием средств для помощи им.

«Мы убеждены,— писал Юрий Алексеевич,— что наше стремление вырваться на просторы Вселенной является органическим продолжением великого дела нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький».

На бумагу легли слова, несущие в себе мысль, идею, оценку. Их надо подтвердить, аргументировать, удостоверить.

Да, интерес к Циолковскому у писателя возрастает с каждым днем. Он устанавливает переписку с теми, кто знал Константина Эдуардовича, с жадным интересом ловит каждую весточку об ученом, каждый факт личной биографии тщательно процеживает в собственном сознании. Жизнь коварная штука: великих личностей она иногда спутывает большими домыслами. Не избежал этого и Циолковский. Иногда ученому не везло, случалось, не выходили эксперименты, нередко бывали недоделки в опытах (не хватало средств), и вся эта система мелких неудач приводила к хронической потере сна, обострению отношений с окружающими.

Горький способствует изданию трудов Циолковского, пропаганде его научных достижений, торопится сделать как можно больше, хорошо зная, что мир ошеломлен безграничными возможностями ракет. Незнание порождает фантастические домыслы. Ракета становится популярной, как актриса, как гольф. Она сулит баснословные прибыли, новые завоевания соседних астероидов, поселения на планетах, роскошные аттракционы и невиданные зрелища.

В 1926 году, в Германии ближайший помощник Германа Оберта инженер А. Шершевский публикует признание: «Престарелый русский ученый К. Э. Циолковский является первым, кто научно объяснил проблему космического корабля. Его первые сочинения об этом появились в 1903 году».

Юрий Алексеевич Гагарин чрезвычайно волнуется: он прикоснулся к памяти великого человека, вскрыл прошлое, из которого можно извлечь незначительные фактики и показать миру неизвестное. Он читает письма, дневники А. М. Горького, делает вы-

писки. Он вчитывается в забытые тексты, непрочитанные или извлеченные счастливыми архивистами, ведет карточки — извечное стремление к безошибочности.

Горький мечтал о новом человеке, воспитанном в гармоническом обществе, о человеке, лишенном недостатков.

«Черт побери,— писал он Федину,— все пороки человека вместе с его добродетелями,— не этим он значителен и дорог мне, дорог он своей волей к жизни, своим чудовищным упрямством быть чем-то больше себя самого, вырваться из петель — тугой сети исторического прошлого, подскочить выше своей головы, выдраться из хитростей разума...»

Мысль о человеке, о безграничных возможностях его разума в эти годы небывалого увлечения Горького астрономией, приводит его к активной публицистической деятельности. Одному из своих постоянных корреспондентов, инженеру завода «Электросталь» И. И. Алексееву, Максим Горький писал:

«...В небо тоже не мешает посмотреть. Не потому, конечно, чтобы искать там кого-то, кто сильнее, разумнее, прекраснее человека, но потому, что оттуда идут к нам космические лучи, обладающие невероятными свойствами, как говорят люди науки.

Если мы овладеем этими лучами, как овладели электрической энергией, это — говорит наука — будет чудесно.

Я очень крепко верю в чудеса, творимые разумом и воображением человека. Иных чудес я не знаю...»

К новым великим победам Советской власти Горький относит и научные достижения Циолковского. Но его еще так мало знают и так трудно достать его книги. Выход, разумеется, есть. Возможно, их несколько, но, пожалуй, самым реальным он видит — обратиться к литературной общественности страны. Нет, нет, он не хочет эксплуатировать свой авторитет, обкатывать былое уважение, он верит, что любого автора заинтересует тема, личность великого «самоучки» двадцатого века.

«Каждый из нас,— напишет Юрий Гагарин,— несет в своем сердце рядом со светлым образом Ленина яркие черты великого Горького».

Горький был другом Ленина, вдохновенным певцом революции, крупнейшим писателем мира,— размышляет Гагарин,— его художественные произведения продолжают доставлять нам огромное наслаждение. Он мудрый советчик, друг Человека, пробуждающий в каждом из нас лучшие чувства и стремления. Он вдохновляет нас на величайшие дерзания. Его произведения любил Главный конструктор советских космических кораблей. Ими зачитывался летчик-космонавт Комаров. Горький — один из самых любимых моих писателей...

Возвращение домой Гагарина волнует, и сколько бы раз после многих и далеких верст ни ступал он на родную землю, глаза размывает влага, руки бесчувственно удерживают чемодан, ноги торопливо простукивают пыльную тропку.

Волнуешься — и все тут. Не хочешь, а бежишь, жмешь на кнопку, в нетерпении гримасничаешь, как от зубной боли, досадуя на медленно поднимающийся лифт, перед запертой дверью путаешься в ключах... Он много ездил по стране, за рубеж и везде волновался. Но возвращение домой вызывало то особое чувство переживания, которое ни с чем сравнить нельзя.

Через день, после домашней адаптации, дела забытые, оставленные, оттесненные временем, оживали, как люди, и требовали к себе внимания, подчиняли своему распорядку: подъем в шесть, отбой в двадцать четыре.

Но главное — полеты: обязательный, необходимый, учебный двухместный истребитель.

Земля бежит стремительно, строения, автомобили, мелькают, прячутся за спину, взлетно-посадочная полоса выгибается, и когда за стеклами фонаря все предметы стираются, вытягиваются в черно-белую колею, земля отпускает своих сынов, а сама уплывает в сторону, округляясь на горизонте.

Вечерами, управившись по дому, Юрий Алексеевич продолжал работать над речью. О Горьком он и писал и говорил много, но так, как сейчас должен был сказать — кратко и точно, еще не приходилось.

И вот снова неожиданная командировка. Юрий Алексеевич летел на юг: в край, где весна уже бодро и законно выстилала свои узоры на землю.

Однотонное покрывало — серую, дряблую мантию, опрысканную будто из пульверизатора пылью, оттенила, сменила земля яркими лоскутами. Самолет, кажется, завис, замер, даже приглушил двигатели, а земля, пущенная во вращении какой-то могущественной рукой, крутилась как волчок, показывала свои натруженные и нагруженные бока.

Да, так что же такое космонавтика? Навязчивая мысль о новом поручении вторгается в сознание. Необходимо ответствовать о профессии. Нет, не так: профессия — космонавт!

В космос — ради Земли. Полеты не самоцель, но это и не лаборатория на орбите для подглядывания за Землей. Полеты должны приоткрыть завесу над тайнами рождения жизни. Константин Эдуардович утверждал: планета — колыбель разума. Следовательно, космонавты, проникая в далекие миры Вселенной, понесут туда жизнь, разум, цивилизацию и «завоюют себе все околосолнечное пространство».

Так же, как и сейчас, летел он тогда, весной шестьдесят первого года, приклеенный к окну, ощущая лбом холод желтого плексиглаза и запах авиационного лака, мелкую дрожь корпуса и крахмальный скрип чехла заголовника. Крахмал давал белизну, ощущение прохлады и свежести.

Старший лейтенант Гагарин еще не был теперешним Юрием, не стал «человеком с лучезарной улыбкой и добрыми, умными глазами», а оставался просто военным летчиком.

В свое время будущих космонавтов спрашивали: а кто же из вас первый? Товарищи показывали на него. Когда подходили к нему за автографом — обещал, но после полета, если, конечно, он полетит, когда на его тумбочке появились цветы — он поровну поделил их между товарищами.

Но когда товарищи, двадцать самых достойных летчиков, шесть из которых уже подготовлены к первому полету, скажут Гагарину: ты должен стать первым — он растеряется. Боевой коллектив, дружное сотоварищество с подкупающей искренностью вынесет свой вердикт: Гагарин — первым. Юрий переживет волнующие минуты, собравшись с духом, ответит: «Спасибо, вот вам — мое сердце». И никогда не изменит данному слову.

Когда мир увидит Гагарина — лица людей осветятся улыбкой: он настоящий первый, подумают они, другого первого быть просто не могло. Не должно быть, потому что не могло быть. Но сам-то он знал, что первым мог быть любой из его товарищей.

Юрий Алексеевич хорошо понимал, что пока он полетел один. но любовь землян получил за всех, кто пока оставался на земле, кого иногда называли: космонавт номер такой-то. Он делился с товарищами щедрой любовью планетян. Он не мог обмануть людей, которые открыли ему свои сердца, которые верили каждому его слову. Он хотел быть лучше, чем был, таким, каким его увидели люди. И он стал таким. Гагарин поднялся до идеала, придуманного людьми, созданного их воображением.

Когда ему сказали: пока летать нельзя, он очень удивился такому утверждению, недоверчиво и огорченно посмотрел на тех, кто принимал такое решение. Но подчинился. Он офицер — и приказ для него приобретал силу закона. Гагарин переживал, страдал, как дерево, лишенное соков земли, менялся, глаза его утратили лучезарность, улыбка молодой задор. Его успокаивали, говорили, что его общественная деятельность важнее, что надо готовить других к высоким орбитам, к дальнему межзвездному пути. И он, не принимая утешений, готовил товарищей, нес непомерный груз общественной работы. Был с молодыми космонавтами, снаряжал, как родитель первенца в школу, своих товарищей, вел до самого лифта, к ракете, дремавшей в ажурном переплетении металлических балок, окутанной, как вуалью, сизым дымком, и потом из Центра управления полетами звенел его бодрый голос, мощный радиоимпульс нес гагаринский оптимизм, сконцентрированный в звуке, нес Юрину надежду и уверенность в своих товарищах в далекие просторы мироздания. Его голос становился голосом Земли.

Знал ли он о животворной силе своего голоса?

Возможно, и нет. Для них, последующих, он оставался первым, вобравшим опыт, знания, внимание и уважение создателей, человеком, раньше других познавшим тайны космонавтики, увидевшим то, чего еще никто не видел.

После полета Юрия назвали Колумбом космоса. Его мифологи-

чески окрестили Икаром. Усердствовали журналисты: капитан космической каравеллы, капитан звездных далей, много разных имен присвоили ему. Обижаться он не мог. Это право людей по-своему выразить любовь к Первому...

В глубине воспоминаний, словно пробивающийся сквозь камни родник, рождалась уверенность: он — Гагарин, ученик и последователь Циолковского и Горького...

Шли месяцы, годы, Алексей Максимович, как установил Гагарин, не забывал о своем калужском соотечественнике, стремился помочь ему, подбодрить его. Необходимо было привлечь внимание к научному богатству Циолковского, возбудить интерес к его личности. Нужна книга о великом ученом, та самая, которая не признает смерти, делает человека хозяином Вселенной, собирает воедино личностные критерии и научные концепции, обращена к ученикам и отвечает противникам.

Каждая встреча с советскими людьми, беседа со школьниками, выступление на предприятии, к которым Гагарин непрерывно готовился, обогащали его. В канун Дня Советской Армии он, как было обещано ранее, приехал в редакцию газеты «Известия» и рассказал собравшимся сотрудникам газеты о роли армейского коллектива в формировании личности молодого человека, о благотворном влиянии на него командиров и политработников. Разумеется, он не мог не сказать о космосе, о новых исследованиях, к которым деятельно готовились покорители звездных высот, а затем, по традиции, отвечал на вопросы.

— Юрий Алексеевич, кто полетит следующим?

Гагарин закрыл глаза, присутствующие, не понимая почему он это сделал, насторожились: Юрий считал.

— Космонавт номер двенадцать!

В зале дружно засмеялись — смеялся и Гагарин.

— Юрий Алексеевич, а вы полетите?

Это уже серьезно, и отвечать на такое надо неторопливо.

— Да, обязательно. Я не мыслю себе жизни без авиации, без полетов, без космоса.

В зале проникаются сочувствием и пониманием. Ответ Гагарина встречают аплодисментами.

— Как вы относитесь к физикам и лирикам?

— Положительно. Спор физиков и лириков — это борьба за приоритет. Из них кто-то может быть впереди, но их совместное существование необходимо. У моего друга Германа Титова математический склад ума, а поэзия — душа всех его начинаний. Он знает почти всю советскую поэзию, читает наизусть Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока.

— Юрий Алексеевич, верно ли, что Землю посещали обитатели других миров?

Гагарин улыбнулся: опять тот же вопрос. Его задают часто. Планетяне хотят знать мифы и легенды. Что же. это их право.

— Наука пока этого не доказала, есть только гипотезы. Ду-

маю,— сказал Юрий Алексеевич,— что по мере освоения космоса, число легенд увеличится, а их убедительность возрастет.

— Юрий Алексеевич, но...— Неугомонный журналист, не давая опомниться космонавту, переходит в новое наступление.

Юрий Алексеевич, оценив положение, тут же контратакует:

— А знаете ли вы, что через один миллион лет произойдет столкновение Луны и Земли, что во Вселенной есть квазизвезды, обладающие энергией, в миллиарды раз большей Солнца, что скоро искусственные спутники будут таскать их к Земле, и тогда на Земле везде будет «Ташкент»...

Поняв и оценив эту фразу, все засмеялись.

— Будем считать «ноль — ноль»,— примирительно подвел итог Гагарин.

А его выступление в ООН, на трибуне, обращенной ко всей планете? Разве гуманные, человеколюбивые мысли Горького не могут лечь рядом со словами о всемирной космической программе, об интернациональной роли Центра подготовки космонавтов?

Так что же это за профессия — космонавт?..

Космонавт — это человек, деятельность которого протекает в необычных условиях, оказывающих на его организм сильное воздействие, нередко близкое к предельно переносимому. Правильно, но это еще не все...

Космонавт, несомненно, должен обладать глубокими знаниями науки и техники, опытом и навыками исследовательской работы. Космонавт — посланец всего человечества — должен быть человеком с большой буквы.

С развитием космонавтики на орбиту выйдут многоместные корабли, усложнится работа экипажа, возникнет необходимость разделения функций между членами экипажа...

Профессия космонавт должна быть мирной, а результаты космических исследований необходимо использовать для процветания жизни.

Вот все это и надо вместить в речь.

— Папа, Вовка сказал,— начинает разговор старшая дочь Лена,— что всех птиц надо убивать, а то они могут оказаться шпионами.

Юрий Алексеевич смеется. Он должен рассудить, надо ли уничтожать всех птиц. Лена стыдливо морщит нос, обнажает беззубый рот. И почему папа смеется? В глазах дочери пытливое недоумение.

— Папочка,— щебечет Галка, прислонившись щекой к столу.— А почему дед Мороз на день рождения не приходит?

— Вероятно, он задержался в пути. Будем его ждать к Новому году.

В кабинете — в комнате не более десяти метров — на письменном столе несколько писем: почта депутата и космонавта.

Гагарин еще не знает, что его жизнь измеряется днями. Успеть надо многое, но, как в любой великой судьбе, жизнь оборвется

внезапно и он оставит в наследство массу незавершенных дел, уйму неразрешимых вопросов.

Да, незаконченная речь на Горьковском юбилее. Строки, торопливые, исправленные разноцветными чернилами, читаются легко, выражают определенные чувства. А вот это строка написана коряво, не нравится ему. А что если дать ее в такой редакции: «Невозможно измерить одухотворяющую силу горьковских образов — образов смелых и мужественных людей, людей благородного и высокого свершения. Мы чувствуем проявление этой силы в подвигах Александра Матросова, Зои Космодемьянской, в отваге молодогвардейцев и героев Бреста, в несгибаемом мужестве защитников города Ленина, защитников Сталинграда, в решимости бойцов, штурмовавших рейхстаг...»

Пусть пока остается так. Ну, а дальше...

«Мы убеждены также, что наше сегодняшнее стремление вырваться на просторы Вселенной является органическим продолжением того великого дела нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький. Неспроста в той же «Песне о Соколе» он стремился связать с идеей безумства храбрых мечту о постижении человеком всех тайн мира, мечтал о том, чтобы «трепетные узоры звезд» зазвучали для нас «дивной музыкой откровения».

Через несколько лет в хронике жизни Юрия Алексеевича Гагарина 26 марта 1968 года будет записано:

Полковник Гагарин выехал в Москву. В издательстве «Молодая гвардия» он встретился с редактором книги «Психология и космос», верстку которой закончил читать. Расписался и поставил дату: «25 марта 1968 года». В комнате редактора собрались сотрудники, Юрий Алексеевич поздравил всех с завершением работы над книгой.

— Переквалифицируйтесь, Юрий Алексеевич, в писатели,— предложил кто-то.

— Что ж, можно! Вот только потренироваться надо,— и тут же совсем серьезно:— Труд писателя чрезвычайно сложен. Он, пожалуй, сродни труду космонавтов. А то и еще сложнее.

По инициативе ряда журналистов в Агентстве печати «Новости» готовился сборник «В 2017 году». Книга прогнозов. В своем очерке «Ступени во Вселенную» Юрий Алексеевич писал:

«Если прогрессивное человечество объединит свои усилия, то я верю, что людям тогда удастся построить первые ступени в космос, а может быть, добраться и до Марса. Немало добра дало бы такое дружеское освоение космоса и для сугубо земных дел, например, для активного воздействия на климат нашей планеты».

Гагарин зашел к генералу Н. П. Каманину. Генерал интересовался жизнью космонавтов, их подготовкой, подробно расспросил о новой работе. От Каманина Гагарин поехал в больницу к жене.

В 15.00 Юрий был на предварительной подготовке к полетам. Затем вернулся в свой служебный кабинет, прочел почту, доку-

менты, вызвал для беседы товарищей. В настольном календаре написал:

«27 марта — полеты, телевидение «Огонек» ко дню космонавтики в 17.00.

28 марта — побывать у Вали. Дворец съездов — «100-летие Горького А. М.».

Утомленный, но довольный прожитым днем, Юрий медленно шел домой, останавливался, глубоко вдыхал мартовский воздух, Мял в руках снежок.

Вечер провел с детьми. Спать лег рано. Завтра снова полеты. Завтра — встреча с Горьким.

Глава шестая

Как внезапная вспышка молнии, яркое ослепление, ошеломляющая, пронизывающая испугом все тело новость: погиб Юрий Гагарин!

Константин Александрович Федин закрывает глаза и долго в глухой неподвижности сидит за рабочим столом. Справа окно. Сквозь хлипкие прутья деревьев виден зеленый гребешок крыши, танкоподобное сооружение, строгое, серо-зеленое, без излишеств — военная техника не украшается: зачем бы ее украшать. Театр, студия киноактера. Архитектурная дань конструктивизму.

Надо сосредоточиться, подумать, что-то предпринять. Но пока не хочется... Всегда жаль быстролетящего времени, но сегодня хочется, чтобы оно летело. Пусть. У времени свои законы, свои возможности, свое воздействие. Оно еще врачует.

И вот снова, в которые уже раз судьбы Горького и Гагарина соединились.

Федин встает, выходит из-за стола, останавливается у портрета Горького. Хочется с ним поговорить. Снова сейчас нужна его помощь: человеку всегда нужна помощь друга. Федин шепчет какие-то слова, но уже не смотрит в лицо своего учителя, стоит устало, сгорбившись. Это не от лет. Согнуло несчастье. Не стало Гагарина! Боль жжет спину, левую лопатку, грусть терзает сердце. Он всегда ощущал влияние этих личностей, гордился, что был их современником, водил с ними дружбу. Он провожал в последний путь Алексея Максимовича Горького, а теперь вот погиб юный друг...

Константин Александрович и сейчас помнит слова... Нет, не помнит, а вспомнил, которые произносил перед гробом своего друга и наставника.

«Есть люди, со смертью которых говорят, что с ними ушла эпоха. Со смертью Горького ушло много эпох...»

А Гагарин? Он так глубоко и основательно вошел в сердце Константина Александровича, вызвал прилив столь радостного чувства, вдохновения, возбудил юношескую привязанность к родной Саратовщине. Константин Александрович вспомнил утвержде-

ние Циолковского о том, что первым в космическое пространство полетит русский. Он не ошибся.

Со скрупулезной последовательностью Константин Федин будет знать, что двадцать шестого марта, завершив работу над речью, написав последнее предложение «Каждый несет в своем сердце рядом со светлым образом Ленина яркие черты великого Горького», Юрий Алексеевич встретился с Чугуновым и показал ему выступление, посвященное Алексею Максимовичу Горькому.

— Можно оставить?— спросил Чугунов.

— Пожалуйста,— согласился Гагарин, ибо уже хорошо знал, что выступать он будет без текста, по памяти.

Двадцать шестого марта после предварительной подготовки к полетам, Юрий Алексеевич Гагарин вернулся в рабочий кабинет, прочитал вечернюю почту, внес дополнения к своей речи, озаглавленной «Певец звездных далей».

...День пасмурный, мрачные тучи оторвались от неба, зловеще ползли над крышами. Федину показалось, что машины бесшумно, без работающих двигателей снуют по улицам. Потом он поймет, что стал плохо слышать.

Юбилейная программа этого дня предусматривала возложение венков у Кремлевской стены к месту захоронения Горького, а также митинг у памятника писателя на площади Белорусского вокзала. Константин Александрович не дал горю подавить себя, благоговеющего перед памятью Алексея Максимовича Горького, он с большим тактом и соответствующей дате торжественностью провел все ему порученное.

Стоя у Кремлевской стены, немигающими глазами всматриваясь в бронзовые буквы фамилии, Федин думал о будущем, о своем писательском долге перед читателями, о маяте служебных обязанностей. Он размышлял о Юрии Гагарине, о своем желании написать о нем, об оставлении на время своего поста.

В тот же день Федин посылает выстраданную телеграмму в Саратовский обком партии. Он пишет:

«...В эти дни глубочайшего траура по трагически погибшему первому в мире покорителю космоса, нашему любимому Герою Юрию Гагарину, скорблю вместе с родным Саратовом, почетным гражданином которого был славный космонавт. Космонавтика возвысила человечество, позволила заглянуть в будущее, приоткрыла завесы прошлого. Гагарин и его товарищи расширили понятие об идеале, дали писателям реалистические образы «великих человеков».

...Вот так же, много лет назад, в душный июньский день Федин кружил по комнате, пытался сосредоточиться еще на одной мысли, вероятно нужной, важной, но все и былое отодвинулось, будто принадлежало не нашей, а иной жизни. В тот далекий день вошел в комнату Соколов-Микитов, сидел тихо, вспоминал послед-

Звездный городок. Петр Климук с женой и сыном.

Космонавт Алексей Леонов с Героем Социалистического Труда чабаном совхоза «Каркаринский» Ж. Молдасановым.

Встреча космонавта Андриана Николаева с работниками сельского хозяйства Казахстана.

Звездный городок встречает семью космонавта В. Севастьянова.

Экипаж космического корабля «Союз-32» — командир корабля подполковник Владимир Ляхов (на верхнем снимке) и бортинженер летчик-космонавт СССР Валерий Рюмин.

Экипаж космического корабля «Союз Т-2»— командир корабля Ю. В. Малышев (слева) и бортинженер В. В. Аксенов во время предполетных занятий в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Международный экипаж космического корабля «Союз-37» — командир корабля летчик-космонавт СССР Дважды Герой Советского Союза В. В. Горбатко (справа) и космонавт-исследователь гражданин СРВ Герой Вьетнамской Армии Фам Туан во время прогулки на Ленинских горах.

В соответствии с договоренностью между Францией и СССР в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина продолжается подготовка к совместному советско-французскому космическому эксперименту.

На снимке: два советско-французских экипажа у орбитальной станции «Салют-7». Слева направо летчики-космонавты СССР Владимир Джанибеков, Александр Иванченков, французский космонавт Жан-Лу Кретьен, летчик-космонавт СССР Леонид Кизим, французский космонавт Патрик Бодри и советский космонавт Владимир Соловьев.

Бортинженер космического корабля «Союз-32» В. В. Рюмин с женой Натальей Николаевной на отдыхе.

Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Экипаж космического корабля «Союз Т-3» во время предполетных занятий.
На снимке: (слева направо) бортинженер О. Г. Макаров, командир корабля Л. Д. Кизим и инженер-исследователь Г. М. Стрекалов.

Международный экипаж космического корабля «Союз-38»; командир корабля летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза полковник Юрий Романенко (слева) и космонавт-исследователь гражданин Республики Куба подполковник Арнальдо Тамайо Мендес.

До встречи на родной Земле. Георгий Гречко и Юрий Романенко.

Космонавты В. Рюмин, Л. Попов и В. Севастьянов под барельефом первопроходца космических пространств — Юрия Алексеевича Гагарина.

В. Терешкова и В. Быковский за обработкой космической документации.

Космонавт Владимир Шаталов беседует с директором совхоза «Куюкский» Чимкентской области Б. Тилешевым и народным артистом СССР Идрисом Ногайбаевым.

Звездный городок. Казахстанцы знакомятся с экспонатами музея имени Гагарина.

Теплой и задушевной была беседа дважды Героя Советского Союза Алексея Леонова со знатным летчиком Казахстана Сагингалием Нургалиевым.

Дважды Герой Советского Союза В. Шаталов среди делегатов XXVI съезда КПСС от казахстанской партийной организации.

Космонавт Павел Попович беседует с североказахстанцами.

Космонавт Георгий Береговой дает автографы казахстанцам.

ние встречи с Алексеем Максимовичем Горьким, на которых он рассказывал о Циолковском, о Чкалове...

— Я ведь, Константин Александрович, авиатор,— сказал Иван Сергеевич Соколов-Микитов.— И мне радостно было слушать Алексея Максимовича. Увлечение его летанием было прочное, Константина Эдуардовича почитал возвышенно...

Федин кивает, он это знает, об этом ему рассказывал и сам Алексей Максимович, который догадывался об огромном влиянии на Циолковского. Был и другой, обратный процесс: все, что писал Горький, просматривал глазами основоположник космонавтики, соизмерял с будущим.

Подтверждая огромное влияние Циолковского на свое творчество, в журнале «Красная новь» Алексей Максимович писал:

«Вселенная? Благоустройством Вселенной искусно и усердно занимаются космологи, астрономы, астрофизики. Уму и сердцу художника ближе и важнее благородство его Земли. Космические катастрофы не так значительны, как социальные. Оттого, что где-то в недрах Млечного Пути угасает чужое Солнце, наше небо не станет беднее и темней. Солнце вспыхнет снова, но вот уже прошло девяносто лет, а новый Пушкин не родился».

«Тайны космоса,— писал Горький в предисловии к первому тому собрания сочинений М. М. Пришвина,— не столь интересны и важны, как изумительная загадка: каким чудом неорганическое вещество превращается в живое, а живое, развившись до человека, дает нам Ломоносовых и Пушкиных, Менделеевых и Толстых...»

— Мы бывали у него с Алексеем Николаевичем Толстым,— продолжал глухо, с неожиданными и неоправданными паузами, по-видимому необходимыми для поиска в памяти информации.— «Аэлита» навеяна Максимычем...

...В январе 1965 года по приглашению своих друзей Юрий Алексеевич Гагарин побывал в Саратове. Вернувшись в Москву, он сказал Федину:

— Земля саратовская вам прислала привет.

— Стало быть, помнит старика.

— Помнит и гордится.

— Для гордости у них есть фигуры и покрупнее Федина.

— У них другие критерии: не объем личности, а ее содержание.

— Вы мне обещали писать. Как вам пишется?

— Трудно, но зная, что надо, пишу. Космические полеты приносят поразительные научные открытия, знакомят с совершенно новыми, неожиданными явлениями...

Юрий Гагарин говорил правду. Он давно и упорно работал над книгой «Психология и космос». Работа над книгой будет завершена, но он так и не увидит выхода ее в свет.

Горький писал о новом человеке, воспитанном в гармоническом обществе, о человеке лишенном недостатков. Мечта о новом чело-

веке влекла его на Родину. В письмах в Советскую Россию он делился своими планами:

«Я — человек жадный на людей, и разумеется, по приезде на Русь работать не стану,— сообщал он советскому дипломату Платону Михайловичу Корженцеву,— а буду ходить, смотреть и говорить. И поехал бы во все места, которые знаю: на Волгу, на Кавказ, на Украину, в Крым, на Оку и — по всем бывшим ямам, по ухабам. Каждый раз,— а это: каждый день!— получив письмо от какого-нибудь молодого человека, начинающего что-то понимать, чувствуешь ожог, хочется к человеку этому бегом бежать.

Какие интересные люди, как все у них кипит и горит! Славно».

Он искал нового героя, человека, способного передать мир. Он приближал время, которое родит Гагарина.

Федин вялой рукой машинально написал:

«В 1934 году родился Гагарин. Родился, чтобы взять эстафету поколений, понести дальше все то, что было создано великими умами, осуществить фантастическое».

Так в свое время Циолковский встретился с великим русским мыслителем Николаем Федоровичем Федоровым, познал его учение о космосе, стал одним из самых талантливых его учеников». «Он заменил мне университетских профессоров»,— говорил Циолковский о своем учителе.

Горький принял эстафету от Льва Николаевича Толстого. «И вдруг он разорвал руками себе грудь,— писал двадцатишестилетний Горький,— и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял над головой.

Оно пылало так ярко, как Солнце, и ярче Солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям; а тьма разлеталась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные стали как камни.

— Идем!— крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям».

На вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Алексея Максимовича Горького, Константин Александрович Федин скажет:

«В этот светлый весенний день на нашу землю пришла скорбь. Погибли Герои Советского Союза первый в мире летчик-космонавт СССР Юрий Алексеевич Гагарин и инженер-полковник Владимир Сергеевич Серегин. Юрий Алексеевич хотел выступить сегодня на нашем торжественном собрании. Предлагаю почтить память славных сынов Советской Родины вставанием».

Еще он говорил о том, что над родной Волгой взмахнула крылом молодая слава Горького, что отсюда она полетела, чтобы с необычной скоростью, миновав рубежи земель и вод, превратиться в славу мировую. Федин хорошо знал привязанность к Волге и Юрия Гагарина. Горький испытал силу мечты, говорил Константин Александрович, таящейся в человеке... Как глубокий художник он знал власть фантазии...

В музее Звездного городка в мемориальном служебном кабинете летчика-космонавта СССР полковника Юрия Алексеевича Гагарина на рабочем столе лежит груда бумаг. Среди многочисленных папок, писем, сообщений лежит непроизнесенная речь, посвященная памяти Алексея Максимовича Горького. Ей определено там лежать вечно, она стала историей, уникальным экспонатом музея. Он очень хотел сказать эти слова, но не успел, не сказал не по своей вине. Так распорядилась судьба...

Есть Млечный (Звездный) путь — в дали бескрайней. За светом звезд — пройти его дано не каждому.

Есть Млечный (Звездный) круг как эстафета времени — Константин Циолковский, Максим Горький, Юрий Гагарин...

Павел ***ПОПОВИЧ***

КОСМИЧЕСКИЕ ГРАНИ

Пожалуй, одна из самых отличительных черт современных людей — любовь к экономике. Действительно, цифры иной раз могут рассказать о каком-либо деле ничуть не хуже, чем живой человек. А порой и гораздо красноречивее. Вот пример. Минута пребывания на орбите первого астронавта США Джона Гленна (полет состоялся в 1962 году и продолжался 5 часов) стоила 1 миллион 680 тысяч долларов. Каждая секунда пребывания на Луне экипажа «Аполлона 11» стоила 30 тысяч долларов. Те, кто хоть немного знаком с арифметикой, смогут легко определить общую сумму — астронавты пробыли на Луне 21 час 36 минут. Что же касается лунного грунта, доставленного американцами на Землю, то с учетом всех предшествующих расходов 22 килограмма его обошлись в миллиард долларов!

Вряд ли на нашей планете есть еще «драгоценности», приобретенные по такой, в буквальном смысле слова, космической цене. И это первый довод, который позволяет сомневаться в необходимости покидать старушку планету. Первый, но отнюдь не главный.

Подводные исследования или, скажем, ядерная физика тоже требуют достаточно больших капиталовложений, но тут ни у кого не возникает сомнений насчет целесообразности таких разработок.

Почему же так много противников у космических программ? Американский экономист Чарльз Шелдон по этому поводу отметил: «...Сомневаются не только невежды, но и многие выдающиеся представители современного интеллектуального мира...»

В чем дело? Вернемся к фактам.

В марте 1966 года американские астронавты Нейл Армстронг и Дэвид Скотт из-за потери управления кораблем «Джемини-8» совершили аварийную посадку в Тихом океане. Только чудом все кончилось благополучно.

В апреле 1970 года на «Аполлоне-13», направлявшемся на Луну, произошел ряд серьезных отказов, едва не приведших к гибели астронавтов.

Этот список крайне опасных ситуаций можно продолжать и продолжать...

В то же время огромные достижения в астрономии (к примеру, создание радио-и инфрателескопов) позволят без всяких неожиданностей, не пускаясь в путешествия за миллионы километров,

получить необходимую информацию не только о планетах Солнечной системы, но и о мерцающих звездах в других галактиках.

Так стоит ли рисковать?

И это второй довод в пользу того, чтобы убедить землян сделаться домоседами.

И, наконец, третий аргумент. Разве на земле нет более срочных проблем? Зачем человеку космос?

Действительно: добыча столь необходимых сейчас железа, меди, алюминия, нефти, добыча золота с морского дна, получение управляемой термоядерной реакции, защита окружающей среды, победы над раком — вот они, насущные вопросы.

На протяжении последних десяти лет мировая пресса несколько раз возвращалась к этой дискуссии. Как известно, в этом споре до сих пор не поставлены все точки над «i».

Ну, а теперь выясним, какие конкретные, практические задачи может решать космонавтика.

Нередко мы сетуем на сюрпризы погоды, на синоптиков. Средства, что расходуются в мире на службу погоды, составляют довольно внушительную сумму. На нашей планете свыше 15 тысяч метеорологических станций.

Задача этой службы ясна всем: она должна предупредить об опасных явлениях природы (заморозки, штормы, ураганы и так далее), что поможет избежать тяжелых последствий стихийных бедствий или хотя бы уменьшить их.

В 1967 году в нашей стране начала действовать метеорологическая космическая система «Метеор», которая дает оперативную информацию о состоянии облачности и снежного покрова, о ледовой обстановке, тепловом режиме Земли, о зарождающихся ураганах и смерчах.

Космическая информация о погоде значительно шире, точнее, оперативнее наземной. Известно, что 71 процент земного шара — это океан и получить достоверную информацию о погоде в этих районах может только искусственный спутник Земли или космический корабль.

А многие, наверное, помнят трагические сообщения об урагане «Бюла», разразившемся в районе Карибского моря: он пронесся над Южным Техасом и Северной Мексикой. Скорость ветра доходила до 265 км/час, чудовищные смерчи следовали один за другим и сопровождались сильнейшими ливнями, затопившими огромные территории. Материальный ущерб составил более 500 миллионов долларов. Погибло около 50 человек. «Бюла» пришел неожиданно. А если бы его сумели вычислить заранее?

Ученые подсчитали, что только прямой экономический эффект от своевременной и объективной информации гидрометеослужбы составляет ныне около 800 миллионов рублей в год!

Другой пример. Каждый год наша планета сотрясается в прямом смысле слова. Некоторые землетрясения, подобно ашхабад-

скому (1948 год), перуанскому (1970 год), китайскому (1976 год), надолго останутся в памяти человечества.

В землетрясениях «виноваты» тектонические процессы в недрах Земли. Ученые предполагают, что литосфера — твердая оболочка Земли — состоит из нескольких блоков, которые, перемещаясь, создают напряжение на стыках. Горная порода трескается, происходит сдвиг.

Так вот, с высоты космических орбит разломы земной коры хорошо видны. В районе этих трещин строить города нецелесообразно, там вероятны землетрясения.

Чем выше поднимается точка съемки, тем больше деталей содержит снимок. На изображениях Земли из космоса геологи увидели такие картины, которые никогда не наблюдали ни при каких других съемках земной поверхности.

Обнаружилось одно особенное достоинство снимков, сделанных с космической высоты. На них неожиданно стали заметны глубинные структуры Земли. Они проступали сквозь чехол рыхлых отложений, как проступают очертания статуи, закрытой тканью до торжественного открытия.

Изучая снимки, сделанные с искусственных спутников Земли, советские геологи составили тектоническую карту Западной Сибири — карту ее геологического строения. На ней впервые удалось обнаружить зону разломов длиной 500 километров. Эта зона расположена в широтном направлении и идет с юга через Урал. Ее пересекают разломы меридианального направления. В местах пересечения, возможно, находятся скопления нефти и газа. Так космическая геология помогает разведчикам недр искать полезные ископаемые. Это касается поисков и угленосных районов, и залежей подземных вод в пустынях, и рудных месторождений.

Следующая проблема — мировой дефицит продуктов питания. Уже давно ведется поиск новых источников их получения. Наиболее вероятный выход — океан. Именно он спасет человечество, считают многие исследователи. И у них есть серьезные основания так думать.

Общая биомасса в океанах исчисляется примерно в 25 миллиардов тонн. Только один Атлантический океан «по питательности» оценивается в 20 тысяч урожаев, собираемых в год на всей суше.

По данным ЮНЕСКО, в конце 60-х годов мировой улов рыбы составил 70 миллионов тонн в год, в 1975 — примерно 100 миллионов. Прогнозы на будущее — 140 миллионов тонн в год.

Чтобы сохранить такой урожай, потребуется фантастическая армия специальных морских судов. Теперь если принять во внимание, что больше половины времени пребывания в океане им придется тратить на поиск, станет ясно, какая большая роль будет отводиться космоспутникам.

Все это сэкономит миллиарды...

Здесь нельзя не помнить и о таких тревожных фактах. Кас-

пийское море «усохло» на 20—30 процентов — почти на одну треть — за полвека. Это не единичный случай. В Аральском море за этот же период соленость воды повысилась более чем вдвое. Проникновение солевых потоков в Азовское море происходит на наших глазах. Мы уже знаем, что постепенно уменьшаются косяки рыбы в некогда самом богатом море России. Рыбы становится все меньше и меньше, и добывать ее становится труднее.

Приведенных фактов применения космических исследований в народном хозяйстве вполне достаточно, чтобы считать это дело выгодным.

Но есть и еще одно направление космических исследований. Думаю, оно не менее важное.

Вспоминаю свой первый полет в космос.

По заданию медиков я должен был из двух перекрытых трубочек переселить мух в одну общую и понаблюдать за их поведением. Смешно было смотреть, как эти бойкие на земле цокотухи становились какими-то непонятно медлительными, будто только что проснулись после зимней спячки. Словом невесомость на них действовала. Но потом они приспособились, стали передвигаться живее, даже совершать в пробирке что-то похожее на полет.

Это был один из первых биологических экспериментов на орбите.

С тех пор, как говорится, много воды утекло. И направление «космос — наука», «наука — космос» заняло одно из ведущих мест в космических программах.

Космической науке многое по плечу. Не сомневаюсь в том, что немало тайн будет разгадано благодаря именно полетам в звездный мир.

Еще не так давно считалось, что «черные дыры» возможны только в теории. Лишь в 1971 году астрономы открыли, что невидимым «партнером» гигантской голубой звезды в созвездии Лебедя, вероятно, является подобный объект. С тех пор обнаружено еще два «кандидата» на эту роль: один — в созвездии Персея, другой — на границе созвездий Ориона и Единорога. Всего же в Галактике (Млечном Пути), по расчетам ученых, должно находиться по меньшей мере 10 миллионов «черных дыр».

Что представляют собой эти загадочные объекты? Это мертвые звезды, «вырывшие» себе бездонные могилы в космосе!

«Черные дыры» могут иметь самые различные размеры. Предполагается, что сверхтяжелые «черные дыры» с массой, превышающей солнечную в сотни миллионов раз, находятся в центре квазаров — источников колоссальной энергии, расположенных в глубинах Вселенной. Возможно, что даже в центре нашей собственной Галактики есть неподвижная сверхтяжелая «черная дыра».

Раньше ученые полагали, что если даже «черные дыры» существуют, то особо беспокоиться не следует: ведь они невидимы и их нельзя обнаружить. Подобное отношение изменилось только

в 1968 году, когда радиоастрономы из Кембриджа объявили об открытии пульсаров, крошечных пульсирующих объектов, которые, как вскоре выяснилось, оказались нейтронными звездами. Эти звезды, как и «черные дыры», представляют собой тела с очень высокой плотностью материи и долгое время считались не поддающимся наблюдению теоретическим курьезом. Сейчас известны уже сотни пульсаров.

Нейтронными звезды названы потому, что электроны и протоны их атомов сдавлены силой гравитации в атомные частицы нейтроны. Нейтронные звезды — это важный ключ к пониманию природы «черных дыр», поскольку космические объекты обоих типов возникли в результате гибели больших звезд.

В то время, как Солнце спокойно угаснет через несколько миллиардов лет, оставив после себя лишь слабо тлеющие «звездные угли», звезды, превышающие по массе наше светило в несколько раз, обычно не умирают спокойно. Они взрываются с чудовищной силой. Эти взрывы известны под названием вспышек сверхновых. Подобную вспышку астрономы Востока наблюдали еще в 1054 году. В результате ее возникла Крабовидная туманность в созвездии Тельца. В центре этой туманности находится наиболее изученный пульсар, представляющий собой остаток большой звезды.

Но если «огарок» умершей звезды обладает достаточной массой, по крайней мере превышающей массу солнца, то ничто не препятствует ему сжиматься под действием собственного притяжения и, минуя стадию нейтронной звезды, «скатиться» в бездонный гравитационный колодец «черной дыры».

Материя проваливается через так называемый «горизонт событий», в результате — «черная дыра» подобна водостоку во Вселенной. Незадачливые космоплаватели тоже могут исчезнуть за «горизонтом событий» и, когда они окажутся «внутри», ни они сами, ни их радиопослания о помощи не смогут вырваться наружу.

В центре «черной дыры» вещество, из которого когда-то состояла звезда, сминается непреодолимой гравитацией в точку с бесконечно большой плотностью.

Согласно некоторым теориям, вещество, поглощаемое «черной дырой», должно где-то и когда-то появляться вновь. Если так, то «черная дыра»— это настоящий туннель во времени и пространстве. Некоторые авторы, склонные к гипотетическим допущениям, полагают, что «черные дыры» представляют собой системы быстрого переноса материи во Вселенной.

Представляете, как интересно установить истинную природу «черных дыр»! Хочу подчеркнуть, что эта задача — дело не такого уж далекого будущего. Например, просмотр интересных объектов с помощью радиотелескопов даст очень много, особенно если учесть, что прибор можно разместить на орбите в безвоздушном пространстве. Подобный эксперимент был уже проведен во время полета Владимира Ляхова и Валерия Рюмина.

Всем знакомо созвездие Малой Медведицы. Оно объединяет двадцать звезд, доступных невооруженному глазу. Основная «достопримечательность» Малой Медведицы — это Полярная звезда. Однако не все знают, что рядом с ней Солнце выглядело бы скромно: поперечник Полярной в 120 раз больше солнечного диаметра. Это типичная цефеида. Так называют переменные звезды-сверхгиганты, периодически изменяющие свой блеск. Такое явление объясняется пульсацией наружных слоев звезды, приводящей к периодическому изменению ее радиуса, температуры и блеска. Работает этот своеобразный механизм очень ритмично — период между соседними максимумами яркости Полярной звезды составляют четверо земных суток.

Недавно в созвездии Малой Медведицы радиоастрономы открыли еще один любопытный объект — звезду, выбрасывающую струю вещества на расстояние в 6 световых лет, то есть 55 триллионов километров. Энергия выброса колоссальная. По расчетам, она равнозначна энергии, которую излучают десять миллиардов обычных солнц.

Вселенная полна неожиданностей. Советский ученый И. Шкловский считает, например, что появление разумной жизни в космосе есть сама по себе неожиданность, но тем не менее уже сейчас планы космических исследований ориентируются и на так называемый «возможный контакт с братьями по разуму». Так, в августе — сентябре 1977 года были запущены два американских корабля «Вояджер» с целью разведки планет Сатурн, Юпитер, Уран. После выполнения задания они покинут пределы Солнечной системы и начнут свое бесконечное путешествие по Вселенной. Интересно то, что к их корпусам прикреплены два одинаковых контейнера с позолоченной граммофонной пластинкой из особого сплава и с алмазной иглой. Пластинка может сохранить качества звучания миллиарды лет. На ней записаны приветствия от людей, говорящих на 60 языках, голоса китов, крик новорожденного, вой ветра, шум поезда, скрип автомобильных тормозов, плеск воды и, конечно же, музыка. Бах, Бетховен, рок-н-рол, блюзы, старинные песни...

Кроме этого в контейнере находится более ста самых различных изображений: анатомия человека, схема молекул ДНК, контуры наших океанов и континентов, цветы, птицы, животные, снежинка, а так же схема, указывающая место Земли в Млечном Пути. Если когда-нибудь «Вояджер» будет обнаружен, то инопланетяне смогут получить некоторое представление о нашей цивилизации.

Но известно, что дорога в другой мир начинается с порога твоего собственного дома. И если Солнечная система — наш дом, то сюрпризов он хранит не меньше, чем «далекий космос».

Взять хотя бы такую версию. Семьдесят пять миллионов лет тому назад между орбитами Марса и Юпитера существовала планета (будем называть ее Фаэтон). Это была старая планета, в пол-

тора раза старше Земли. Но самое главное — на ней существовала органическая жизнь. Состав метеоритов, упавших на Землю, свидетельствует именно об этом! И пусть не улыбаются пессимисты. Некоторые ученые предполагают, что эволюция жизни на Фаэтоне достигла своих высших форм: там существовала цивилизация, но некоторым оценкам, опережавшая нашу современную. И естественно, что жители планеты владели тайнами термоядерной энергии.

Сейчас уже нельзя точно установить, что именно произошло, только в один роковой момент ядерный взрыв колоссальной силы потряс Фаэтон. Он был подземным, поэтому планета раскололась. Большая часть ее, получив дополнительный к орбитальному импульс скорости, ринулась во внешнее пространство...

Возможно, взрыв был столь неожиданным, что никто из разумных существ не сумел спастись и цивилизация навсегда растворилась в бесконечных просторах Вселенной...

У Сатурна этот осколок повернул один из спутников вспять, другой был разорван на множество частей, в результате чего образовались знаменитые кольца Сатурна. Погибший Фаэтон прошел так близко от Урана, что оторвал от него внушительный «кусок», который потом снова упал на планету. От силы удара она повернулась. Так что теперь в отличие от любой другой планеты в Солнечной системе Уран как бы лежит на боку, и ось его вращения практически расположена в плоскости орбиты.

Наконец, кинетическая энергия Фаэтона иссякла в борьбе с гравитационными силами планет и Солнца, и он вышел на орбиту, на которой и поныне находится загадочный Плутон...

Мы подходим к самой необычной части этой истории. Девятая планета Солнечной системы Плутон и есть основная часть Фаэтона, которая после взрыва ушла во внешнее пространство! И все, что нам сегодня известно о Плутоне, хорошо согласуется с этой версией.

Последствия катастрофы затронули не только «далекие» планеты. Пострадала и наша Земля. Необъяснимое ранее вымирание ящеров и других представителей животного мира 75 миллионов лет назад теперь становится понятным. Главная причина — резкое изменение климатических условий вследствие космической катастрофы. Это подтверждают последние палеонтологические исследования.

Все это поможет нам по-новому посмотреть на наших соседей — другие планеты Солнечной системы. И представьте, как важно человеку побывать на них, в частности на Плутоне. Что он увидит: следы погибших городов или просто безжизненную пустыню?.. Мне хочется, чтобы читатели хорошо представили себе, с какими трудностями придется столкнуться ученым и конструкторам, которые будут готовить этот звездный рейс.

Это, во-первых, время. Оно на Земле никогда не было союзником человека, а в космосе становится просто врагом.

Поясню свою мысль. Плутон находится далеко от нас, около 6 миллиардов километров. Это очень много. Особенно если принять во внимание, что гораздо меньшее расстояние (меньше в 150 раз) от Земли до Венеры космический корабль преодолевает за четыре месяца. Легко подсчитать: чтобы долететь до девятой планеты и обратно, человеку еле-еле хватит собственной жизни. Но отчаиваться не стоит. Выход есть. Надо планировать экспедицию с расчетом на несколько поколений. То есть с Земли стартует один состав испытателей, а возвращаются их дети, а может быть, и внуки.

Безусловно, эта проблема волнует многих ученых. Как же она будет решаться?

Специалисты Института медико-биологических проблем Минздрава СССР в содружестве с чехословацкими учеными намерены поставить интересный эксперимент в области изучения развития живого существа в космосе. На одном из спутников будут размещены яйца японского перепела. В роли матери, как это делается на Земле на птицефермах, будут выступать автоматы. Время рассчитано так, что сразу же после приземления произойдет рождение перепелов, эмбриональное развитие которых происходило в условиях невесомости. Это позволит проследить все или почти все этапы развития первого живого существа в условиях невесомости.

Многие удивятся, почему выбор пал именно на японского перепела, а, например, не на собаку или обезьяну. Но здесь ученые руководствовались еще одним ценным качеством этих птиц — они являются серьезными «кандидатами» на одно из мест в сложной замкнутой экологической системе космических кораблей будущего. Ведь по-настоящему длительные космические полеты невозможны без создания внутри кабины «микроземли», которая могла бы обеспечивать восстановление атмосферы, утилизацию отходов и возобновление запасов пищи для экипажа.

Но, конечно, ответить на вопрос о возможности продления жизни человека в космосе сможет только эксперимент с участием самого человека. Несомненно, это космическое исследование будет проведено. Правда, пока не будут получены доказательства того, что столь длительное пребывание вне Земли (ведь продолжительность этого эксперимента около года и «чете космонавтов» все это время придется находиться в космическом корабле) пройдет безболезненно для них, говорить о конкретных сроках не имеет смысла.

Еще до сих пор далеко не полностью понятны процессы, связанные с адаптацией человеческого организма в условиях длительной невесомости. Если вопрос об изменении сердечно-сосудистой системы более или менее исследован, то этого нельзя сказать о многом другом. Например, приостанавливается ли процесс «истечения» кальция из костей в ходе длительного космического

полета? Или какого максимума физических усилий достаточно, чтобы сохранить здоровье космонавтов в длительном полете?

Следовательно, наверняка для длительного полета потребуется создание искусственной силы тяжести. Предварительные исследования уже проведены: на биологических спутниках была установлена центрифуга, которая создала искусственную силу тяжести. Стало ясно, что треть земной тяжести в общем-то обеспечивает нормальное течение физиологических процессов. Но окончательно утверждать что-либо все-таки трудно, ибо у мировой науки нет еще опыта длительного полета человека при такой величине искусственной тяжести.

Таковы основные проблемы, стоящие перед современной космонавтикой. Не скрою, их много, и они повергают некоторых ученых даже в состояние скепсиса: попробуй, мол, разреши.,. Но тем не менее необходимо сорвать покрывало тайны с загадочного Плутона, освоить Марс и Венеру... Кстати, эти две планеты действительно очень важны для нашей цивилизации, так как Земля — это только дом, в котором мы живем, а ведь известно, что когда дом станет тесен, нужно искать новый.

Венера имеет очень много шансов выступать в роли второй «колыбели разума». Многие ученые считают, что если ее атмосферу, богатую углекислотой (CO_2), заселить простейшими организмами, поглощающими углекислоту и выделяющими кислород, то планету можно кардинальным образом преобразовать. В атмосфере появится необходимый для жизни животных кислород, парниковый эффект постепенно исчезнет, условия приблизятся к земным, и Венера станет пригодной для освоения...

Или взять такую загадку Солнечной системы, как кометы... Сведений, получаемых астронавтами и астрофизиками о них, конечно, не хватает. С кометами требуется непосредственное общение.

Какие же технические задачи надо решить в ходе такого эксперимента? Место встречи спутника и кометы определяется в зависимости от целей научного исследования. Например, если ограничиться взятием пробы газа и пыли, рассеянных в хвосте кометы, то спутнику будет достаточно пронзить этот хвост в любом направлении.

Все гораздо усложнится, если нам будет необходимо, чтобы спутник сблизился с ядром кометы, сфотографировал его, провел другие исследования, находясь рядом достаточно продолжительное время. В этом случае потребуются большие энергозатраты.

Действительно, комета Когоутека, приближаясь к Солнцу, имеет скорость 100 километров в секунду. И попробуй такую догони!

Следующая важная задача — автономная навигация спутника. Ведь ядро кометы по сравнению с Луной и Венерой — объект очень небольшой, и управлять полетом аппарата так, как это делается сейчас, с Земли будет нельзя. Причем, если орбиты

планет известны с достаточно высокой степенью точности, то орбиту кометы придется уточнять уже во время полета к ней спутника. В случае недостаточно точного определения орбиты кометы сближения вообще не произойдет.

Стоит также отметить, что производить это сближение энергетически выгодно рядом с Солнцем — при этом для разгона спутника используются силы притяжения светила. Но вот каков парадокс: на самом деле выигрыша не будет, так как спутнику, находящемуся даже на расстоянии 10—15 миллионов километров от раскаленного шара, требуется очень мощная теплозащита.

Полеты автоматических спутников к кометам дадут очень много, но наибольший интерес безусловно, представляет эксперимент с участием самого человека. Что в будущем такое исследование будет проведено, не вызывает сомнений.

Существующие корабли для такого полета не годятся. Прежде всего требуется значительно повысить их энерговооруженность — без этого не удастся ни догнать комету, ни сблизиться с ней.

Такой корабль должен располагать надежной системой жизнеобеспечения: даже для кратковременного пребывания пилотируемого аппарата вблизи ядра кометы общее время полета может оказаться весьма большим. Ведь догнав космического скитальца, не повернешь сразу обратно, придется выходить на какую-то новую эллиптическую орбиту.

В общем, проблем хватает.

А что касается некоторых необъяснимых свойств комет и предположений о том, что они посланцы внеземных цивилизаций, могу сказать лишь одно: слетаем — посмотрим...

Теперь представьте себе, что какая-то внеземная цивилизация заинтересовалась нашей планетной системой. И стала зондировать ее радиотелескопом. Так вот, результаты их наблюдений должны вас очень удивить — у нас два светила в системе! Одно из них — привычное Солнце, а второе... Юпитер. Пусть он меньше нашей настоящей звезды в тысячу раз, но излучает в космическое пространство энергии в два раза больше, чем получает,— громадная величина. Значит, наша — система двух «радиозвезд». Так считают некоторые астрономы.

Кто-то скажет: ну, это сложности инопланетян, пусть там сами разбираются, нам-то от этого ни холодно, ни жарко. Такой вывод весьма поспешен.

Последние исследования говорят, что планетные системы с двойными звездами неустойчивы. Это хорошо пояснил в своей книге Айзек Азимов.

На далекой планете возникает разумная жизнь в мире двух солнц. Одна звезда — близкая — создает и «лелеет» эту жизнь на протяжении многих тысячелетий. Рожденная цивилизация начинает быстро развиваться. Неизвестно, до каких пределов шло бы ее развитие, если бы ранее безобидная, даже красивая, вторая

звезда на небосклоне не стала виновником катастрофы. Однажды светила сблизились (ученые считают, что в двойных системах это — частое явление), и палящие лучи этого второго солнца испепелили все живое на планете, оставив лишь мертвые камни...

Правда, Айзек Азимов — фантаст, и писал он не про нашу планетную систему, но, получая новые результаты наблюдений, исследователи год от года все заинтересованнее взирают на Юпитер.

И возможно, что в ближайшее время многие космические корабли возьмут курс в его сторону...

Одним словом, Солнечная система очень интересный и важный объект исследований. Работы хватит человечеству не на одно столетие.

Хочу также отметить, что работу эту, конечно, лучше выполнить совместными усилиями, то есть придать ей международный характер. В частности, две крупнейшие космические державы — то есть СССР и США — просто обязаны сотрудничать.

Развитие исследований безвоздушного пространства шло у нас различными путями, но есть и много общего. Началом у американцев можно считать 9 апреля 1959 года, когда на пресс-конференции в Вашингтоне были представлены журналистам будущие участники космических полетов (спутники-капсулы для полетов носили кодовое название «Меркурий»). Впервые стали известны имена американцев, которым предстояло покинуть планету. Вот эти имена: Алан Шепард, Джон Гленн, Вирджил Гриссом, Уолтер Ширра, Малькольм Скотт Карпентер, Гордон Купер, Дональд Слейтон.

Многие соотечественники называли их счастливчиками. По словам «Нью-Йорк таймс», в США не каждому выпадает счастье рискнуть жизнью, имея при этом хотя бы скромные шансы на выигрыш...

Надо сказать, что отбор кандидатов был действительно очень суров. И не случайно из семидесяти человек его прошло только семь.

Группами по пять человек испытуемых направляли в Альбукерке (штат Нью-Мексико), где находилась частная клиника «Лавлэс клиник», пользующаяся славой лучшей в мире исследовательской лаборатории физиологии человека. Затем на авиабазе «Райт Патерсон» проверялась способность кандидата переносить перегрузки, действовать в крайне неблагоприятной обстановке. Этому исследованию придавалось крайне важное значение. Был, например, такой эксперимент. На специальном устройстве — велоэргометре, напоминающем велосипед, кандидат в астронавты вращал колеса с меняющимся сопротивлением. Хорошую оценку получал тот, кто при частоте пульса 180 (!) ударов в минуту имел лучшие показатели в преодолении сопротивления.

Психикой будущего астронавта особенно заинтересовались американские гипнотизеры. Собравшись на свой первый конгресс

в городе Лас-Вегас, они обратились в министерство обороны США с предложением применять гипноз в деле подготовки астронавтов.

Исследователи утверждали, что гипноз поможет американским парням сравниться с русскими, поможет им добиться большей сосредоточенности, сделает их более хладнокровными: астронавты будут потреблять меньше кислорода и меньше нуждаться в отдыхе...

Одним из этапов психической проверки кандидатов явилось «супертестирование». Каждому предлагалось ответить на 566 вопросов, среди которых некоторые до сих пор вызывают недоумение: «Объясните (?) чернильную кляксу». «Выскажите свое отношение к вопросу: «Кто я?»...

Но вот после многочисленных отсевов на свет появилась «великолепная семерка». И началась подготовка к старту...

Шел 1959 год. В Белом доме нервничали: было необходимо опередить русских.

Тем не менее результаты исследований вызывали уныние.

В 1957 году удачных запусков по отношению к общему числу попыток было —0(!) процентов, в 1958 году —29 процентов, в 1959 году —58, в 1960 году —55, в 1961 году —67 процентов.

По мнению обозревателей ряда агентств, благополучный исход запуска капсулы с астронавтом равнялся лишь 80 процентам. Но надо было спешить. В разведывательном управлении имелись данные, что русские готовят миру «сюрприз»...

12 апреля 1961 года стало ясно, что американцы все-таки опоздали. 5 мая того же года реванш пытался взять тридцатисемилетний капитан 3-го ранга военно-морских сил США Алан Шепард. Ракета «Радстоун» подняла капсулу с мыса Канаверал во Флориде на высоту 180 км. Но это был, к сожалению, не космический полет, а лишь баллистический прыжок — Шепард находился в полете всего лишь пятнадцать минут, а затем вместе с капсулой опустился в Атлантический океан.

Первый орбитальный полет на корабле «Френдшип-7» удалось совершить Джону Гленну, но только спустя десять месяцев после Гагарина.

Говоря об одиночных полетах в космос, следует остановиться на полете Малькольма Скотта Карпентера. Он свидетельствует о том, что спешка в подготовке всегда была плохим союзником...

Старт состоялся 24 мая 1962 года, когда Карпентер перестал верить в то, что старт состоится. Ибо четыре раза он откладывался по техническим причинам. А когда казалось, что все уже готово, в районе полигона начались сильные лесные пожары. Из-за боязни, что дым будет мешать оптическим наблюдениям, старт отложили в пятый раз.

Полет продолжался уже 226 секунд, как вдруг Земля получила сигнал о неполадках в гидравлической системе ракеты. Взвесив все шансы, приняли единственный выход — отделить спутник от

ракеты. В этом случае астронавту пришлось бы спускаться на парашютах. Но тут выяснилось, что сигнал о неполадках ложный, срочно приостановили аварийное отделение спутника.

На этом «сюрпризы», ожидавшие Карпентера, не кончились. Делая третий виток, он почувствовал недостаток кислорода. В результате неисправности основной бортовой системы кислород стал поступать в меньшем количестве. Участился пульс, давление стало 210 на 60.

Бутерброды, обернутые в тонкую пленку, раскрошились, и астронавт в невесомости не мог их съесть.

Но все-таки главной опасностью была по-прежнему работа системы ориентации. Эта система должна удерживать корабль-спутник в определенном положении относительно орбиты перед включением тормозной двигательной установки.

К ответственному моменту выяснилось, что топливо (в качестве топлива использовалась перекись водорода) практически израсходовано и совершить маневр на орбите почти невозможно. Карпентер все же, умело комбинируя ручной и автоматической системами ориентации, сумел придать кораблю-спутнику более или менее нормальное положение. Приводнился он в 300 километрах от расчетного района, что чрезвычайно затруднило поиски. Но и посадка не обошлась без злоключений — на высоте в несколько километров корабль-спутник начал раскачиваться, и Карпентеру пришлось вручную, раньше, чем было предусмотрено программой полета, выпустить парашют, для стабилизации корабля-спутника.

Шведская газета «Стокгольм-тиднингэн», отметив мужество и присутствие духа астронавта во время бесконечных больших и малых аварий, назвала его полет «космической драмой на грани между жизнью и смертью»...

Конечно, освоение космического пространства немыслимо без непредвиденных случайностей, без аварий, но небрежность, вызванная желанием обогнать конкурента,— на нее люди права не имеют...

Совершив в середине шестидесятых годов несколько полетов на многоместных кораблях «Джемини», американцы вплотную занялись подготовкой программы «Аполлон». «Именно Луна поможет нам обогнать русских»,— говорили официальные представители Белого дома. Стоимость программы оценивалась в 30 миллиардов долларов.

16 июля 1969 года стартовал «Аполлон-II». Миллионы телезрителей в десятках стран следили за его стартом. Начался выдающийся полет.

Ракета-носитель «Сатурн-5» (вместе с установленным на ней кораблем она весила 2943 тонны) взяла курс на Луну. По дороге к мертвому спутнику Земли у астронавтов было много работы. Чтобы открылся доступ в лаз, ведущий в лунную кабину, им предстояло разобрать механизм стыковочного штыря и приемный

конус, складывая детали в отсеке экипажа. После чего Армстронг и Олдрин в течение двух часов проверяли бортовые системы лунной кабины. Здесь стоит отметить, что следствием ошибки при разборке стыковочного штыря была бы катастрофа...

19 июля корабль вышел на окололунную орбиту. Армстронг и Олдрин вновь направились в лунную кабину, а Коллинз смонтировал и установил в рабочее положение на лунной кабине приемный конус стыковочного узла, а на основном блоке — стыковочный штырь. Ему теперь предстояло действовать в одиночку, ибо с этого момента начался отсчет времени до стыковки и посадки кабины на Луну.

Череа несколько десятков минут корабль аемлян разделился, Посадочная ступень (она называлась «Орел») повисла над Морем Спокойствия. Начался вертикальный спуск. В двухстах метрах от поверхности Армстронг отключил автоматическое управление и перешел на ручное пилотирование. Заранее выбранное место прилунения не годилось — под аппаратом находился кратер раамером с футбольное поле.

20 июля 1969 года в 20 часов 17 минут 42 секунды по гринвическому времени первый пилотируемый космический аппарат землян совершил посадку на поверхность Луны.

Еще в течение трех минут астронавты находились в готовности номер один с тем, чтобы совершить немедленный аварийный старт с Луны. Но все было спокойно, и Центр управления дал раарешение оставаться на Луне и действовать по программе. Череа шесть с половиной часов Нил Армстронг прошелся по лунной поверхности, оставляя на рыхлом слое следы глубиной 2,5 сантиметра.

Астронавты установили на спутнике Земли памятную табличку, на которой было выгравировано: «Здесь человек с планеты Земля впервые ступил на Луну... Мы явились с миром от имени всего человечества».

На поверхность Луны были также доставлены медали Юрия Гагарина, Владимира Комарова, Вирджила Гриссома, Роджера Чаффи и Эдварда Уайта — советских и американских космонавтов, отдавших свои жизни ради исследования Вселенной.

Пробыв необходимое время, захватив 22 килограмма образцов лунных пород, астронавты стартовали с Луны. Состыковавшись на лунной орбите с командным блоком, где поджидал их Коллинз, они направились домой...

Примерно через час после приводнения вертолет доставил астронавтов на борт авианосца, где они были отправлены в специальное карантинное помещение, поскольку тогда не было точно известно, что Луна — безжизненное тело.

Карантин длился 21 сутки. Однако обследование астронавтов и анализ доставленных с Луны образцов грунта показали, что никаких микроорганизмов на Луне нет...

История космонавтики показывает, что соперничество между

двумя великими космическими державами СССР и США приносит меньше пользы, чем сотрудничество. Ибо выполненная с таким трудом (огромные затраты и большой риск) программа «Аполлон» не вывела американцев вперед — советские автоматические станции «Луна» не только доставили лунный грунт на Землю без всякого риска, но и добросили до поверхности естественного спутника Земли «луноходы», которые буквально исколесили старушку Луну. В то время как совместный эксперимент «Союз — Аполлон» показал преимущества космического сотрудничества.

Наверняка читателей интересует, как американцы видят будущее своей космонавтики.

По заявлению руководства НАСА, после завершения работ со «Скайлэбом» все внимание будет уделяться программе космического летательного аппарата многократного пользования, который позволит свести расходы по доставке грузов на орбиту до нескольких десятков долларов за килограмм полезного веса.

Следующая задача, которую они ставят перед собой,— создание мощных орбитальных солнечных электростанций. С помощью дешевой энергии они собираются добывать на Луне кремний, алюминий, а потом доставлять их на землю... По оценкам, к началу XXI века космическая индустрия будет вырабатывать продукции на 20 миллиардов долларов в год.

Затраты на эту программу у них выглядят очень оптимистично: 50—60 миллиардов долларов, приблизительно столько, сколько стоила программа «Аполлон». Как будет обстоять дело в реальности, покажет будущее.

Мне довелось встречаться со многими американскими астронавтами, и почти всегда я обнаруживал схожие взгляды на проблемы освоения космоса, разоружения, защиты окружающей среды. Особенно симпатичны мне Вэнс Бранд и Томас Стаффорд. Бранд, например, считает, что неотложной задачей, которую человечество должно решить в самом ближайшем будущем, является обеспечение легкой и дешевой транспортировки больших полезных грузов и большего числа людей для того, чтобы ускорить проведение научно-исследовательской революции в космосе. Задачей, которую люди будут решать в последующее пятидесятилетие, на его взгляд, станет дальнейшее исследование Солнечной системы, наблюдение и регулирование земных процессов с орбитальных космических станций, а также создание солнечных орбитальных электростанций. Дальнейшее изучение Солнечной системы позволит лучше понять нашу собственную планету и, таким образом, принесет и непосредственную практическую пользу.

Он верит, что когда-нибудь жители Земли будут добывать на астероидах никель и железо. Солнечные орбитальные станции станут превращать энергию света в микроволновую энергию и посылать ее земным городам. К нефти, газу и каменному углю добавится еще один источник энергии — солнечные лучи.

О будущем нашей планеты он думает с явным оптимизмом. Развитие науки и техники должно улучшить жизнь людей. Конечно, при условии, что лидеры государств направят научно-технические достижения на решение таких неотложных задач, как, скажем, надвигающийся дефицит энергии.

Если бы в распоряжении человечества имелся дешевый и постоянный источник энергии, можно было бы обеспечить достаточно высокий уровень жизни гораздо большей части населения, чем сейчас. С помощью такой дешевой энергии можно было бы, например, опреснять морскую воду, а свежую воду, в свою очередь, подавать в пустыню. На орошенных землях можно было бы развивать сельское хозяйство, и пустыня стала бы обжитой.

Моя биография похожа чем-то на их биографии.

Стаффорд был летчиком-испытателем. Интерес к полетам вполне естественно превратился у него в стремление стать астронавтом. В самой природе человека заложено что-то, заставляющее его стремиться выше, мчаться быстрее, испытывать пределы своих способностей. К счастью для нас, космическое пространство предоставляет нам, как отдельным лицам и как обществам, неограниченные возможности для развития в этом отношении.

В процессе астронавтической тренировки его, как он рассказывал, интересовали больше всего два вопроса. Один состоял в том, чтобы проверить себя и узнать, сможет ли он справиться с задачами, которые потребуется решить. Второй — в том, каким образом человеку лучше всего приспособиться к такой обширной и технически сложной системе, как корабль «Аполлон». Конечно, успехи программы «Меркурий», «Джемини», «Аполлон» и особенно «Союз — Аполлон» с избытком оправдали все его надежды.

В космическом пространстве перед человеком открывается почти безграничное будущее, если он будет подходить к нему рационально, не забывая ни о надлежащих целях, ни о разумных ограничениях.

Могу сказать также вполне определенно — в области разоружения американские астронавты проявляют больше реализма и трезвости, чем их правительства. Помню такие слова Стаффорда:

«Из космического пространства я увидел много нового. Все мои представления о Земле переменились. Увидеть на фоне черноты пространства маленькую, многоцветную планету Земля с ее средой и уникальной жизнью — это очень волнующее и поучительное впечатление. С одной стороны, Земля кажется такой крошечной и незначительной среди космических пространств, но с другой — она так важна и значительна вследствие своей уникальности. Все мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы сохранить ее...»

При работе по программе «Союз — Аполлон» у нас установились теплые, дружеские отношения с американскими коллегами. Я думаю, именно этим объясняется успех этого эксперимента. А когда царит атмосфера дружбы, всегда есть место шутке и смеху.

Помню, был такой случай. Перед полетом «Союз — Аполлон» один из астронавтов попросил свою дочку записать на пленку женский смех и взвизгивания на фоне льющейся воды. Та сделала такую запись со своей подругой. Вместе с музыкальными записями американцы взяли эту пленку на борт «Аполлона». После нескольких дней напряженной, но плодотворной совместной работы наших экипажей настало время расставания. Корабли разошлись, и вскоре «Союз» уже летел над Тихим океаном, в нескольких сотнях километров от «Аполлона». Тут-то американцы решили прокрутить пленку для экипажа «Союза».

Держа магнитофон перед микрофоном, Бранд вызвал Алексея и Валерия по радио. Помню, он сказал такую фразу:

«Мы здесь принимаем душ. А вы что делаете?»

Члены экипажа «Союза», конечно, услышали запись и по достоинству оценили шутку...

Меня часто спрашивают: «А вы не жалеете, что стали космонавтом? Что это за профессия? Раз-два слетал, и все...»

Ах, если бы эти люди представляли, какой длинный и нелегкий путь до этих «одного-двух полетов». И, как это странно ни звучит, но космонавт — профессия очень даже земная.

Лично я стал космонавтом так.

Это было в 50-х годах. Лечу на самолете. Обыкновенный полет. Неожиданно в стратосфере двигатель выключается. Возможно, виноват был сам — например, нарушил режим пилотирования. Высота стремительно падала. Сделалось жутковато. Даже вспомнил давнего знакомого Колю Костенко, попавшего однажды в такую же переделку. Что делать?

Я мобилизовался до предела. И после моих усилий — разумеется, в дело пошли воля, знания, пилотажные навыки, опыт и желание жить — заглохшая турбина заработала! Представляете ощущение?

Приземлился. Ожидал неприятного разговора или даже взыскания. Я не знал, что случилось с двигателем, каковы причины отказа. Возле самолета собрался авторитетный консилиум инженеров. Вдруг я сам по неосторожности заставил турбину замолчать, а потом «доблестно», как у нас говорят, возвращал ей дыхание.

Но после тщательного анализа случившегося претензий ко мне не возникло.

Выхожу из душной штабной кабины на улицу. Облегченно вздохнув, направляюсь на аэродром к своему родному самолету. У стоянки меня обгоняет «газик». Из кабины выглядывает начальник штаба полка:

— Попович, вас в штаб части.

— Меня?— Вновь настроение падает до нуля. Значит анализ дал что-то новое.

— Да, вас. Точнее, в политотдел.

Неужели уже и там известно об этом случае в полете? С доса-

дой поворачиваю назад. А мысли, как дождевые тучи: одна мрачнее другой.

К начальнику политотдела вошел настороженно, без особого энтузиазма. Вижу там старшего врача. «Видимо, и они все уже знают». Мысль не слишком радостная. Отношение к врачу у летчиков не однозначное: он твой защитник, он же... ну, вы меня понимаете.

— Капитан Попович по вашему приказанию прибыл,— рапортую с дрожью в голосе.

Начальник политотдела смеется.

— Мы не приказывали, а приглашали. Знакомьтесь, представитель института...— и называет авторитетное, но малоизвестное учреждение.

Врач запросто, по-штатски:

— Николай Николаевич!

Тут же приглашает сесть и начинает разговор. Говорим о здоровье, о полетах, о настроении. Неожиданно спрашивает:

— На новой технике желаете летать?

— У нас техника не старая,— отвечаю не очень вежливо, с некоторой обидой на неосведомленность гостя.

— А на еще более новой? Скажем, на космической?

— Кто же от такого откажется?! Готов хоть сейчас. Но...

— Сейчас, конечно, рановато,— охлаждает доктор мой пыл,— выслушайте до конца. Завтра, когда хорошенько подумаете, сообщите о своем решении.

Очень скоро я поехал в Москву.

Так все это и началось...

Много проходит времени, прежде чем человек, которому в ближайшем будущем предстоит покинуть планету, воспитает в себе необходимые профессиональные качества. И все это приходит, конечно, на Земле. Закаляется их воля, они обретают физическое и моральное совершенство. Но, поверьте, это дается нелегко. Из всех кандидатов, прошедших строгую медицинскую комиссию, для дальнейшей подготовки годится далеко не каждый.

Если говорить образно, подготовку космонавтов можно сравнить с прохождением через множество дверей разного размера. За первой, широкой, в которую могут войти десятки и даже сотни людей, находятся другие двери. И с каждым шагом они становятся все более узкими. Загадочный и суровый мир звезд впускает в свои владения только сильных и закаленных людей.

Но предварительный отбор — это только «цветочки», а «ягодки» — это уже сама подготовка.

Например, «эксперимент на выживаемость». Он помогает научиться в экстремальных ситуациях «не терять голову» и принимать верные решения.

Бывает, высаживают с вертолета группу в среднеазиатскую пустыню. Прямо на бархан. А бархан горячий — песок раскалило солнце. И кругом один раскаленный песок. Тень есть только там,

где высадили врачей. Но до их лагеря пять — семь километров. Казалось бы, пустяки, каких-то пять километров, долго ли дойти?

Отмахает человек сгоряча сразу три, а то и четыре километра. Вот он, лагерь, уже видно, уже рукой подать... Видно-то видно, а двигаться человек больше не может: ноги не идут. А тут еще ветер дует, песок несет... Решает передохнуть. Спускается в ложбинку, натягивает палатку, и ждет под ней, ждет, когда силы вернутся... А они не вернутся. Лишь хуже будет: жара, духота, безветрие вымотают окончательно, до последней капли.

Как же быть? А надо было разбить палатку сразу и дождаться ночи, а ночью можно и десять километров пройти.

Или мы проводим испытания в сурдокамере. Обычно они кончаются благополучно, но случалось и так, что эксперимент приходилось прекращать буквально в последние часы.

Академик Павлов, резюмируя серию опытов над животными, пришел к выводу, что для нормальной деятельности мозга необходима постоянная его «подзарядка» впечатлениями — нервными импульсами, поступающими туда от органов чувств. Однообразность и монотонность впечатлений при отсутствии достаточного притока внешних раздражителей резко снижают тонус мозга, что, в свою очередь, может привести к различным, подчас странным и неожиданным расстройствам психики.

Такая сложная подготовка не случайна: дороги в космос не усыпаны розами.

Мне запомнились слова Юрия Алексеевича Гагарина, сказанные им после гибели Владимира Комарова:

«Как бы хотелось всем нам поверить, что Володя Комаров жив... Увидеть его улыбку... Но надо смотреть правде в глаза.

Мы сами умом понимали, что случиться может всякое, а сердцем не верили. И никак не думали, что беда так близка. Комаров сделал важное дело: испытал новый корабль; но и другое важное дело сделал он: заставил всех нас быть еще собраннее, еще придирчивее к технике, еще внимательнее ко всем этапам проверки и испытаний, еще бдительнее при встрече с неизвестным.

Его полет и гибель учат нас мужеству. Мы научим летать «Союз». В этом я вижу наш долг, долг друзей перед памятью Володи...»

Космонавты сдержали слово.

Не могу не отметить, что в последние годы возросла роль научной подготовки космонавтов. И это не случайно. Космос все в большей степени делается «рабочим». В связи с этим сильно возрастает роль космонавтов как индивидуальных исследователей, как личностей. Кем им только не приходится быть на орбите: и астрономами, и геологами, и медиками, и химиками, и даже металлургами.

«На «Салюте-5» Борис Волынов и Виталий Жолобов провели опыты по изготовлению в условиях невесомости металлических шариков. Почему шариков? Потому что они необходимы для под-

шипников. Шум в подшипниках, повышенное трение и нагрев, их поломки — все это чаще всего происходит из-за того, что шарики не идеально круглы. Поэтому ученые ищут пути изготовления идеальных сфер.

Интересное сообщение было сделано на проходившем в Баку Международном астронавтическом конгрессе. Там говорилось, что прочность металлов и сплавов может быть увеличена в сто и более раз путем плавки и формовки их во внеземном пространстве.

Космонавт должен быть подготовлен к самому неожиданному.

Со мной произошел такой случай. После напряженного трудового дня — а вы должны знать, что программа полета насыщена, работаем мы с максимальным напряжением,— занял свое место у борта станции. Почитал немного и тут же крепко заснул. Часа через два через входной канал кто-то тихо и таинственно входит в станцию, крадется ко мне и вступает в борьбу, драку. Этот кто-то наотмашь изо всей силы бьет меня по лицу: по одной щеке, по другой. Разумеется, отворачиваясь, хочу рассмотреть, кто это: человек, существо, инопланетянин, не трогаю его, думаю, сберечь надо, для науки пригодится. Зову на помощь Юру Артюхина, своего напарника по второму полету; он отвечает, подбадривает меня. А этот кто-то все бьет, и бьет меня по лицу. Тогда я изловчился, развернулся, да как ударю его!..

И просыпаюсь. Книга, которую читал перед сном, плавает по станции, листы от вентиляции шелестят и бьют меня по лицу. Ох, и смешно было, но только... на Земле.

Хочу снова отметить, что космонавт действительно формируется только на Земле. Здесь он становится сильным, выносливым, образованным (если хотите, даже смелость можно воспитать у человека).

Я рассказал о том, что дает мирный космос людям. Дает, конечно, много. Но некоторые до сих пор мечтают о другом. Еще на заре космической эры появился термин «военный космос».

Это произошло 3 октября 1962 года. Место «действия»— мыс Канаверал. Часы начали отсчет события исторической важности, в космос отправлена капсула «Сигма-7» с астронавтом Уолтером Ширра. Рукоплескающая Америка, неумолкающие приемники, к которым прильнули люди всех цветов кожи.

Уолтер Ширра мерил космические километры. Электронные часы дробили время на секунды. А капсула с фантастической скоростью приближалась к роковому рубежу...

Да, за день до этого держава со звездно-полосатым флагом возобновила ядерный шантаж против нашего государства. В результате нового взрыва, произведенного над островом, образовалось колоссальных размеров радиоактивное облако...

Все в жизни быстротечно. Никто не успел подумать о последствиях, а капсула уже неслась навстречу этому грибообразному облаку. Изменить направление полета было невозможно. К тому же размеры и форма искусственного пояса радиации менялась каж-

дую секунду. Будущее всегда покрыто тайной — это многим пришло в голову в центре управления полетом.

Оцепенев от ужаса, Уолтер Ширра молил бога, чтобы капсула промчалась мимо. Он верил в чудо. На Земле знали, что чудес не бывает. Смертельная доза радиации — некролог в вечерних выпусках газет. Надо было еще успеть его подготовить...

Наступило 4 октября 1962 года. Фотовспышки. Свет юпитеров. Пресс-конференция. Счастливый, только немного усталый Уолтер Ширра. Заголовки утренних газет: «Все было благополучно, даже хорошо. Как всегда...»

Высказывание известного ученого, специалиста ВВС США Альберта Траковски: «Если бы «Сигма-7» прошла сквозь радиоактивный пояс, то сегодня были бы похороны».

Но эти слова как-то потерялись в общей массе поздравительных речей и панегириков.

Спустя несколько месяцев большинство американцев уже и не вспоминали о космической эпопее Уолтера Ширра. «Небольшую» накладку военных история предала забвению. Впрочем, забвение имело место только согласно одной версии.

По другой — военные решили использовать дорогой опыт собственных ошибок! При этом, по их словам, строго придерживаясь принципа свободы космической деятельности.

В том же 1962 году США произвели в космосе испытания ядерного оружия, целью которых было исследование влияния искусственно созданных радиационных поясов на эффективность наземных средств связи. Объективным результатом этих испытаний явилось исчезновение радиосвязи на несколько дней на значительной территории земного шара, что причинило ущерб судоходству, воздушной навигации и другой хозяйственной деятельности многих государств. В самих Соединенных Штатах из-за этого была потеряна связь с несколькими искусственными спутниками.

3 апреля 1968 года Камбоджа заявила правительству США официальный протест в связи с намерением Пентагона вывести на околоземную стационарную орбиту спутник с отражателем для освещения в ночное время театра боевых действий во Вьетнаме. С помощью такого отражателя спутник освещал бы ночью свыше ста тысяч квадратных километров территории Индокитая. В ноте протеста Камбоджи говорилось, что использование такого спутника, несомненно, причинит большой ущерб и будет представлять угрозу для жизни населения.

Так осуществлялся на деле «принцип свободы космической деятельности». Невольно возникал вопрос: существуют ли какие-либо пределы этой свободы?

Стоит отметить еще несколько фактов.

В 1962 году возле города Аливан-Норта (ЮАР) был обнаружен обломок стали длиной несколько метров, упавший близ одной из ферм.

Американские эксперты установили, что обломок является

частью ракеты «Атлас-109», с помощью которой 20 февраля 1962 года был выведен на орбиту космический корабль Джона Глена.

Кроме этого, обломок американской космической лаборатории «Скайлэб», выведенной на орбиту в мае 1973 года, весом в 48 тонн «благополучно» упал в Индийский океан в 1979 году.

Американские ученые, однако, до последней минуты так и не смогли предсказать, какая часть из 48 тонн выдержит спуск сквозь плотные слои атмосферы и где упадут обломки...

В общем, космос — вещь неизведанная. Просчеты и ошибки неизбежны. Но если из-за одной «роковой ошибки» на Землю упадет не успевший взорваться ядерный заряд, который предназначался для «изучения влияния искусственно созданных радиоактивных поясов на эффективность наземных средств связи»? Что тогда?

Ясно, такого быть не должно.

5 августа 1963 года был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве, и под водой. Думаю, о важности этого документа нет смысла говорить.

27 января 1967 года было подписано другое международное соглашение — Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Вот в чем здесь дело. Луна, Марс, Венера и другие планеты это ведь определенная территория. И если вопрос о их принадлежности до полетов в космос, сам по себе не возникал, то в связи с освоением космического пространства в этой проблеме появились сложности. Точки зрения советских и зарубежных ученых-юристов на космическое пространство как «коллективную собственность» более или менее совпадали, чего нельзя было сказать об отношении к Луне и другим планетам, которые многими западными юристами рассматривались как никому не принадлежащие.

Один из американских бизнесменов заявил в печати:

— Я хочу приобрести земельный участок на Луне, чтобы эксплуатировать имеющиеся там минеральные и природные богатства.

Миллионер Э. Коннелли в своем завещании распорядился, чтобы сумма в 25 тысяч долларов была использована на строительство семейного склепа на Луне.

После заключения Договора 1967 года многое встало на свои места: национальное присвоение планет было запрещено.

Важный международный документ был подписан 22 апреля 1968 года.— Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство.

29 марта 1972 года состоялось заключение Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическим объектам.

Но все-таки наиболее сильная степень разрядки — сотрудничество. Хочу заметить, что и чисто мирные проблемы диктуют

необходимость сотрудничества. Например, ежегодно в результате различного рода аварий на земном шаре исчезают около 350 кораблей и объявляются пропавшими до 20 самолетов. Совместные действия специалистов по космическим проблемам СССР и США позволяют сделать более своевременной и эффективной помощь терпящим бедствие.

Телевизионные передачи только с помощью трех спутников смогли бы принимать одновременно на 90 процентах территории Земли непосредственно на бытовые телевизоры.

Программные документы, с помощью которых поэтапно решаются эти задачи, были подписаны двумя крупнейшими космическими державами 24 мая 1972 года в Москве (одним из пунктов соглашения является проект экспериментального полета космических кораблей «Союз» и «Аполлон») и 18 мая 1977 года в Женеве.

К сожалению в последние годы па планете появилось много противников мирных международных космических программ. Остается надеяться, что время, когда по словам газеты «Лос-Анджелес таймс», имелось желание создать «антиспутники», способные поражать спутники других государств, навсегда канет в Лету и над миром будут ясно сиять мирные звезды.

Правда, человека подстерегает еще и другая опасность. В последние годы она приобретает особый смысл. Вот, например, несколько фактов.

В Скандинавии заметили, что постепенное исчезновение ценных пород рыб связано с возрастанием кислотности речных вод, которое вызвано многолетним выпадением «кислых» осадков. Установили, что «кислые» дожди Швеции и Норвегии более чем на две трети обусловлены выбросами окислов серы и азота в странах Западной Европы, расположенных за несколько тысяч километров от Скандинавского полуострова.

Несколько лет назад стало известно, что в печени пингвинов Антарктиды обнаружен ДДТ. Поразителен (но и показателен!) путь, проделанный молекулами ДДТ от сельскохозяйственных зон северного полушария к высоким широтам южного полушария. В течение десятков лет они мигрировали в воздушном бассейне, в речной и океанской воде. Концентрируясь в гидробионтах (морских обитателях), они переходили по цепи питания от низших организмов к высшим. В результате концентрации ДДТ у пингвинов стала примерно в 10^7—10^8 раз выше, чем в воде. Этот пример печально интересен еще и в том отношении, что свидетельствует об одном из важных свойств таких веществ — их устойчивости. На всем пути миграции ДДТ ничто не могло его разрушить — ни температура, ни кислород, ни солнечное излучение, ни воздействие различных микроорганизмов. Следовательно, вещества, подобные ДДТ, способны не только распространяться в окружающей среде, включая растительный и животный мир, но и постоянно накапливаться в ней.

Или вот еще один пример. Касается слоя озона, который защищает все живое на Земле от губительного потока ультрафиолетового излучения Солнца. Сейчас общепризнано, что целый ряд веществ исскуственного происхождения может настолько уменьшить концентрацию озона в стратосфере, что это будет иметь прямые биологические последствия. К таким веществам относятся фреоны, широко применяемые в сельском хозяйстве, промышленности и быту, окислы азота, выбрасываемые двигателями самолетов в верхней тропосфере и непосредственно в стратосфере, и ряд других.

А вот что сообщил недавно представитель министерства обороны США:

«В ближайшее время из военного арсенала в горах близ города Денвер (штат Колорадо) в штат Юта будут переброшены 900 канистр с сильнодействующим нервно-паралитическим газом «Уетай». Это решение принято в связи с тем, что военный склад, где канистры с газом пролежали более десяти лет, как выяснилось, непригоден для хранения такого оружия. На днях там обнаружена утечка газа, и лишь случайно дело обошлось без жертв».

Несмотря на протесты жителей штатов Колорадо и Юта, потребовавших уничтожения зловещих запасов, тогдашний шеф Пентагона Г. Браун распорядился осуществить эту крайне опасную операцию по перевозке смертоносного газа. Губернатор Юты Мэтисон заявил, что он намерен обратиться в суд с тем, чтобы не допустить размещения запасов газа на территории штата. Новое хранилище, куда военщина собирается поместить канистры «Уетай», находится неподалеку от крупного города Солт-Лейк-Сити.

Трудно сказать, что решение будет способствовать улучшению природных условий.

Что и говорить, факты налицо. Может возникнуть вопрос: «А при чем здесь космос?» А вот при чем.

В течение ряда лет бумажная фабрика американской компании «Интернейшнл пейперс» загрязняла своими отходами воды озера Чемплейн. Наконец терпение жителей штата Вермонт лопнуло, и они подали на эту компанию в суд. Чтобы убедить арбитров в правоте своих претензий, город представил снимки загрязненного озера, сделанные с искусственного спутника Земли. И они определили ход судебного процесса.

Кстати, космические исследования могут дать науке об окружающей среде много больше.

Например, с помощью космической аппаратуры установили, что из межпланетного пространства на поверхность Земли ежегодно выпадает почти 40 тысяч тонн космического вещества (около 100 тонн в сутки). Эту массу образуют 600 тонн мелкой пыли, 16 тысяч тонн мелких метеоритов, примерно столько же — космических тел от 100 граммов до 10 тонн, а остальное приходится на космические частицы.

Если принять, что за последний миллиард лет поток космичес-

кой материи на Землю не изменялся, то за это время на поверхности нашей планеты накопилось $4 \cdot 10^{13}$ тонн внеземного вещества. Если бы эта выпавшая «межпланетная материя» не смешивалась с почвой, земной шар покрылся бы слоем в 2—3 сантиметра.

О космических исследованиях можно говорить бесконечно долго. Хотелось бы подчеркнуть, что у истоков новой эпохи стояли русские ученые...

Каждому, кто побывал в Байконуре, есть что вспомнить. Это про наших современников. Впрочем, и полтора века назад Никифору Никитину такая поездка запомнилась надолго.

«Московские губернские ведомости» за 1848 год писали следующее:

«Мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полете на Луну сослать в поселение Байконур!»

Парадокс истории: «за крамольные речи о полете на Луну» сослать туда, откуда ныне стартуют советские космические корабли!..

Что касается еще одной заметки начала века, изданной отдельной брошюрой, то она явилась гениальным научным предвидением. Ее автор — Константин Эдуардович Циолковский. В последнее время она получила название «План Циолковского». Сразу стоит оговориться, что из шестнадцати отделов «Плана» более половины уже реализованы, и при этом ни разу не нарушалась последовательность, предсказанная ученым. Итак, «План».

1. «Устанавливается ракетный самолет с крыльями и обыкновенными органами управления...»

1942 год. Ракетный самолет БИ-I.

2. «Крылья последующих самолетов надо понемногу уменьшать, силу мотора и скорость увеличивать...»

1947—1948 годы. Реактивные машины «МИГ-15», «МИГ-17», «ЛА-15».

3. «Корпус дальнейших аэропланов следует делать непроницаемым для газов и наполненным кислородом, с приборами, поглощающими углекислый газ, аммиак и другие продукты выделения человека...»

1955 год. Самолет ТУ-104.

4. «Применяются описанные мною рули (имеются в виду газовые рули), действующие отлично в пустоте и в очень разреженном воздухе, куда залетает снаряд. Пускается в ход бескрылый аэроплан, сдвоенный и строенный, надутый кислородом, герметически закрытый...»

Реактивные самолеты второго поколения.

5. «Скорость достигает 8 километров в секунду, центробежная сила вполне уничтожает тяжесть, и ракета впервые заходит за пределы атмосферы...»

1957 год. Запуск первого искусственного спутника Земли.

6. «После этого можно употреблять корпус простой, несдвоенный. Полеты за атмосферу повторяются. Реактивные приборы все

более и более удаляются от воздушной оболочки Земли и пребывают в эфире все дольше и дольше. Все же они возвращаются, так как имеют ограниченный запас пищи и кислорода».

Начало шестидесятых годов — космические корабли серии «Восток».

7. «Делаются попытки избавиться от углекислого газа и других человеческих выделений с помощью подобранных мелкорослых растений, дающих в то же время питательные вещества...»

Космический эксперимент «Хлорелла».

8. «Устраиваются эфирные скафандры (одежда) для безопасного выхода из ракеты в эфир».

1965 год. Алексей Леонов шагнул в космическое пространство.

На этом реализованные разделы «Плана» кончаются. Скоро ли сбудутся остальные прогнозы — покажет будущее...

9. «Для получения кислорода, пищи и очищения ракетного воздуха придумывают особые помещения для растений. Все это в сложенном виде уносится ракетами в эфир и там раскладывается и соединяется. Человек достигает большой независимости от Земли, так как добывает средства жизни самостоятельно...

10. Вокруг Земли устраиваются обширные поселения.

11. Используют солнечную энергию не только для питания и удобств жизни (комфорта), но и для перемещения по всей Солнечной системе.

12. Основывают колонии в поясе астероидов и других местах Солнечной системы, где только находят небольшие небесные тела.

13. Развивается промышленность, и размножаются невообразимо колонии.

14. Достигается индивидуальное (личности, отдельного человека) и общественное (социальное) совершенство.

15. Население Солнечной системы делается в сто тысяч миллионов раз больше теперешнего земного. Достигается предел, после которого неизбежно расселение по всему Млечному Пути.

16. Начинается угасание Солнца. Оставшееся население Солнечной системы удаляется от нее к другим солнцам, к ранее улетевшим братьям»[1].

Думаю, что гениальность предвидения очевидна.

Взгляд Циолковского на внеземные цивилизации до сих пор оспаривают многие ученые. Не так давно Иосиф Шкловский заявил:

«Я считаю срок жизни человечества конечным, именно потому меня многие называют пессимистом. Что же, значит, настанет время, когда не будет человечества? Да, не будет, так же, как его и не было. Конкретной формы конца разумной жизни я назвать не могу, и никто не назовет. Было время, когда не было не только жизни на Земле, не было Земли и Солнца. И вообще звезд не было.

Любая форма материи есть категория историческая, существу-

[1] *К. Э. Циолковский.* Собр. соч. т.II, стр. 258 — 260.

ющая лишь в определенный отрезок времени. И нельзя считать, что человек является исключением из этого общего правила.

Что в Солнечной системе даже простейших форм жизни нет, я считаю практически доказанным последними попытками американского «Викинга», не обнаружившего на Марсе никаких ее признаков.

Остальные планеты — вряд ли подходящие места для жизни. Правда, отдельные исследователи полагают, что на некоторых спутниках больших планет может быть жизнь, но, думаю, эта гипотеза беспочвенна. Более того, я лично придерживаюсь взгляда, что жизнь вообще чрезвычайно редкое явление во Вселенной. Ничтожное количество звезд имеют планетные следы жизни. Что же касается разумной жизни, то я полагаю, что мы представляем собой биологический феномен. А впрочем, может, где-нибудь и есть цивилизация...»

Но что касается моего отношения к этой проблеме — симпатия на стороне Циолковского. Хочется верить, что где-нибудь есть наши братья по разуму. И многие версии, о которых я уже рассказал, только подтверждают это.

Рассказывая о космических исследованиях, я не ставил своей целью последовательно и подробно их осветить. Хотелось рассказать о самом интересном, волнующем, вызывающем до сих пор разноречивые споры ученых.

Мой взгляд обращен в будущее. Прогнозировать трудно. Но, несомненно, уже в самое ближайшее время (я думаю, где-то к началу XXI века) человечество создаст первые космические колонии. Причем колонии будут создаваться не на планетах, где они были бы вынуждены находиться просто в «невыносимых» условиях — ведь температура на поверхности Венеры, которую, кстати, часто называют близнецом Земли, достигает пятисот градусов жары, а давление на поверхности — около ста атмосфер. Колонии будут иметь вид огромных космических кораблей, рассчитанных на триста, пятьсот, тысячу человек, с искусственной силой тяжести, с созданием на борту растительного и животного мира.

Путешествуя по Солнечной системе, они будут не только вносить вклад в развитие науки о Вселенной, но и колонизировать околосолнечное пространство.

Представляете, зависает такой космический город над какой-нибудь планетой, и в течение нескольких месяцев на ее поверхность транспортируется оборудование для завода-автомата. Потом колония улетает к другой планете или спутнику, а с покинутой планеты в сторону Земли летят корабли-посылки с бесценными полезными ископаемыми, которых уже практически нет на планете — колыбели разума.

Результаты исследований говорят, что необходимых человеку металлов, газов, веществ в Солнечной системе сколько угодно. Взять хотя бы нашу ближайшую соседку — Луну. Анализ доставленных на землю образцов лунных пород из различных районов

позволил сделать вывод, что они достаточно сильно отличаются от земных минералов. В них много оказалось кальция, алюминия, титана, магния, кремния, то есть веществ, весьма необходимых уже и сейчас.

Методами радиолокационной техники выявлены также многочисленные «горячие» пятна на Луне. Расположены они, как правило, внутри кратеров Тихо, Коперника, Кеплера, Аристарха и оказались на 40—50 градусов выше температуры окружающих мест. Это дает возможность предположить, что на Луне присутствуют радиактивные элементы, такие, как торий и уран. Я думаю, излишне говорить о значении этого открытия.

Наших будущих потомков наверняка порадует и Марс. Последние исследования говорят о том, что на этой красной планете много магния (почти в десять раз больше, чем на Земле), кремния, кальция, титана, железа и серы (причем ее оказалось больше даже в несколько раз, чем на Земле и Луне).

Кто-то возразит: а где будут брать энергию космические колонии и заводы-автоматы на планетах? Выход очень прост. Солнце даст сколько угодно энергии. Уже сейчас существуют проекты, по которым искусственный спутник, «висящий» на стационарной орбите над планетой, будет преобразовывать солнечную энергию в электрическую (ведь кремния, необходимого для постройки солнечных батарей, на планетах очень много). А со спутника энергия в виде электромагнитного луча сверхвысокой частоты станет передаваться на приемные планетные станции. Предполагаемая мощность одной орбитальной электростанции от 3000 до 15000 мегаватт.

Что касается космических колоний, то, помимо солнечной энергии, они будут потреблять энергию термоядерного синтеза. Очевидно, такие «летающие города» будут оснащены плазменными двигателями, имеющими важное преимущество: в результате очень высоких скоростей истечения при одинаковой тяге расход рабочего тела в двадцать — пятьдесят раз меньше обычного. Экспериментально это уже подтверждено — на космической станции «Зонд-2» успешно применялись плазменные электрореактивные двигатели для ориентации летательного аппарата в космосе...

Дело, как говорится, только за нами — учеными, инженерами, рабочими, космонавтами.

Я думаю, что космонавт — важное звено в исследовании космоса. Есть многочисленные подтверждения этому.

Например, во время полета на орбитальном комплексе «Союз-18»—«Салют-4» Петр Климук и Виталий Севастьянов наблюдали серебристые облака. И хотя изучением этого необычного явления занимались ученые многих стран, ничего конкретного насчет их природы сказать раньше было нельзя. А предположение, что на восьмидесятикилометровой высоте, где лютуют 70—100-градусные морозы, находятся облака, серебристый блеск которым дают водяные пары, выброшенные, например, извергающимися вулканами,

казалось просто абсурдным. Экипажу «Салюта-4» удалось пролить свет на их таинственное происхождение.

А Юрий Глазков рассказал мне такую вещь. Это случилось, когда он, находясь на борту станции «Салют», пролетал над Бразилией.

«Мне понравилось рассматривать через иллюминатор поверхность нашей планеты. Я быстро научился различать реки, озера, горные хребты. Мог с закрытыми глазами рассказать о ландшафте местности, над которой «проплывала» станция....

Так вот, летим над Бразилией. И вдруг вижу... тоненькую ленточку, через секунду сообразил — это шоссе. А по нему мчится автобус. Самый настоящий. Вроде даже голубого цвета. Разум говорил мне, что с такого расстояния невооруженным глазом видеть это невозможно, но тем не менее я видел!»

Уже после полета он рассказал об этом директору Института океанологии Академии наук СССР, доктору географических наук Андрею Аркадьевичу Аксенову. Тот предположил, что здесь «сработали» ассоциации. То есть он только представил себе автобус, а глаза его уже увидели...

Это подтверждается некоторыми уже известными земными «наблюдениями» (на них, кстати, базируется одна из версий происхождения «летучего голландца»). Но есть и контраргумент касательно этого объяснения. Желание увидеть что-нибудь «родное» (применительно к Глазкову — это автобус) было у каждого космонавта. Но все же никому, кроме Глазкова, такое наблюдать не довелось. Будущие исследования наверняка прольют свет на истинную природу этого явления».

Если вы заметили, я часто говорил «будущие исследования наверняка прольют свет...». Действительно, мы только начали идти по космической дороге. Многое сделано, еще больше, несравненно больше предстоит сделать.

От планеты к планете, от звезды к звезде мы будем проникать во Вселенную. К истокам происхождения Мира. К центру великой тайны.

Сотни, тысячи лет уйдут у нас на это. За эти годы мы сумеем продвинуться на миллионы лет в прошлое. Ибо путь к тайнам будущего лежит в тайнах прошлого.

Как известно, все наши последние успехи в исследовании космоса связаны с работой на орбитальной станции «Салют», которая является большим научно-техническим достижением.

Уже несколько лет функционируют на орбите станции этого класса.

Станция «Салют-6» принципиально отличается тем, что для нее создана система снабжения. Это позволило существенно увеличить длительность полета. «Салют-6» была сконструирована таким образом, что ее оборудование можно менять, практически мы ограничены только ресурсами тех систем, которые невозможно заменить в полете.

Лишь во время полета Владимира Ляхова и Валерия Рюмина было проведено 17 стыков, шесть дозаправок топливом, по динамическим операциям выполнен в шесть раз больший объем работ, чем на предшествующих станциях. Всего осуществлено около 80 коррекций, три выхода в открытый космос. Космонавты более года провели на станции, на ней побывало 14 человек. Создавая программу для «Салюта-6», мы понимали, что она будет выполнена только в том случае, если все сделано безошибочно. Это был, так сказать, оптимальный вариант.

Еще на первой стадии создания станции была поставлена четкая задача: раз уж вышли на орбиту, значит, надо оставаться на ней как можно дольше. И мы добились этого. Два стыковочных узла и новая двигательная установка дали возможность резко продлить сроки эффективного функционирования станции. На стадии разработки мы знали, насколько сложны проблемы, которые надо решить. Порой даже не верилось, что это возможно. Но и проектные работы, и выпуск чертежей, и, наконец, наземная отработка прошли хорошо, что позволило так долго эксплуатировать станцию.

За несколько лет работы станции было проведено множество экспериментов. Хотелось бы выделить такие работы, как фотографирование различных районов нашей страны и территорий государств социалистического содружества. Это десятки тысяч снимков, потребность в которых испытывают специалисты различных областей народного хозяйства. Важны визуальные наблюдения по специальным программам. Их осуществлено много: регулярно на связь с космонавтами выходили ученые и специалисты, что позволило добывать в космосе те данные, которые нужны им. В условиях невесомости, например, В. Ляховым и В. Рюминым проведено более полусотни экспериментов по получению новых материалов, они изучаются в лабораториях СССР, других социалистических стран, Франции. Огромен объем биологических и медицинских исследований. Неплохо поработали астрономы, геофизики и т. д. Таким образом, наука обогатилась ценнейшей информацией о космическом пространстве и условиях длительной работы в нем, получен неплохой задел на будущее.

Случалось и такое. Станция уже была готова, когда появились некоторые идеи. К примеру, установить на «Салюте» радиотелескоп. «Мы — за»,— ответили конструкторы станции ученым, потому что появилась возможность отправлять новые научные приборы на орбиту.

Хорошо освоены операции с грузовыми кораблями «Прогресс». Они доставляли аппаратуру для экспедиций. В частности, для научных программ международных экипажей.

Отсюда одна особенность: большой объем профилактических и восстановительных работ. Без этого станция, конечно, прекратила

бы существование. Точнее, ее нельзя было бы эффективно использовать в пилотируемом варианте...

Были и случаи отказов, но это не касалось основных систем. Выходили из строя видеомагнитофон, некоторые пульты управления, средства связи. Космонавты вели монтаж, испытывали новые блоки, даже осуществляли пайку. Это требовало гибкости и в управлении полетом. К примеру, выход в открытый космос, осуществленный экипажем на 172-е сутки полета, потребовал полной мобилизации сил как от В. Ляхова и В. Рюмина, так и от сотрудников Центра управления. Ну, а если говорить о неожиданностях, то, пожалуй, такое было лишь однажды: отказ от стыковки «Союза-33», трудная посадка Н. Рукавишникова и Г. Иванова.

Были и менее серьезные случаи. Их можно отнести к разряду неожиданных. Мы возвратили ряд приборов со станции, хотя и не предусматривали этого ранее. К примеру, фильтр вредных примесей. На нем появились следы коррозии. В чем дело? Ведь в ходе наземных испытаний с таким мы не сталкивались. И, пожалуй, долго искали бы ответ специалисты, если бы не получили в свои руки фильтр со станции. Запомнился и такой эпизод. Печь «Кристалл» вышла из строя. Отказ в самой печи или «распухла» ампула? Не все помогает объяснить телеметрия, вот и вернули печь домой, в лабораторию, где она рождалась. Таким образом мы получаем нужный и важный опыт для дальнейших работ в космосе...

Все экипажи — от старта до посадки — были внимательны, сохраняли высокую работоспособность. К тому же — сами космонавты это подчеркивают — требуется от двух недель до месяца, что бы полностью привыкнуть к станции, к невесомости. Наконец, главное — получен фундаментальный задел для будущего.

Немалую роль в том, что космонавты сохраняют высокую работоспособность, сыграла психологическая поддержка. Нам удалось поддержать в течение всего полета живое общение экипажа с теми, кто на Земле, и не только с семьями, но и с артистами, писателями, журналистами. Психологическая поддержка заключалась в гибкости планирования таких встреч. Космонавты интересовались результатами проведенных экспериментов, и специалисты регулярно информировали экипаж об итогах наземной обработки материалов. При необходимости корректировали ход экспериментов на борту. А разве хорошие итоги работы не вдохновляют?

И вот вывод: со вторым экипажем работать легче, чем с первым, а с третьим легче, чем со вторым: это связано с психологическим барьером, который удалось преодолеть и космонавтам и группе управления. Девяносто шесть суток — резкий скачок длительности полета. Естественно, возникло опасение: а не опасно ли это для здоровья? Но прогноз медиков оказался точным. Ю. Романенко и Г. Гречко вернулись на Землю в хорошей форме. Я сказал бы так: произошел перелом в доверии к медицине. Перед стартом я разговаривал с Владимиром Ляховым и Валерием Рюминым. Спросил: «Как вы относитесь к полугодовому полету?» «Раньше

смотрели скептически,— ответили «Протоны»,— а теперь спокойно — все будет хорошо». Экипаж знал, что послеполетный период пройдет нормально, они вернутся в полном здравии. Без такой уверенности нельзя решаться на длительные экспедиции.

Особенность многомесячного полета заключается в том, что качественно меняется связь между космосом и Землей. Раньше ученые получали информацию с орбиты только с помощью заранее установленной аппаратуры. Теперь они могут более гибко вести исследования, углублять их по ходу полета за счет того, что можно доставлять на борт новую аппаратуру...

Как я уже говорил, выше всяких похвал работали все экипажи «Салюта-6». Я отметил бы их мужество и высокий профессионализм. Он в полной мере проявился, например, во время последнего выхода в открытый космос.

Теперь о длительности. Не просто сказать «да» или «нет». Когда мы начали работать над «Востоком», я был уверен, что люди будут летать долго. Мечтали даже о Марсе. Уже тогда высказывались предложения создавать на борту искусственную гравитацию. Споров вокруг длительных экспедиций было много. Чего греха таить, сомнения одолевали и медиков. Сколько смелости потребовалось, чтобы решиться на суточный полет Германа Титова! Были люди, которые настаивали: на три витка пускать второго космонавта, не больше... А потом появилась цифра «5». Мол, это предел, больше летать нельзя. Полет А. Николаева и В. Севастьянова продолжался 18 суток. Трудно, тяжело пришлось космонавтам. Потом месяц на орбите — тоже тяжело. Неужели и дальнейшие шаги будут даваться с таким напряжением? И вдруг фраза с орбиты: «Можем еще месячишко прихватить». Не правда ли, ободряющая информация! А сегодня можно с уверенностью говорить: длительные полеты не только возможны, но и необходимы!.. Да, конечно, ритм работы на борту станции тяжелый и напряженный, но космонавты трудятся увлеченно...

Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство высоко оценили труд создателей станции.

Орбитальные станции поставили много проблем перед исследователями. Например, вопрос о «психологической совместимости». Вот что мне рассказал Алексей Губарев:

«В космосе человек может даже переродиться. Я это хорошо испытал во время моего полета с Георгием Гречко в 1975 году на станции «Салют-4». Условия работы космонавтов в невесомости очень тяжелые, особенно в первый период, когда происходит адаптация, то есть привыкание к невесомости. В этот период наблюдаются любые отклонения от нормы: самочувствие ухудшается, нервное напряжение повышается до предела, наблюдается проявление дискомфорта.

Так вот, первые трое суток нашей работы на орбите взаимоотношения с Георгием были практически такими же, как и на Земле (там мы были друзьями). Отношения деловые, доброжела-

тельные, самые что ни на есть здоровые, которые нужны для нормальной работы в этих условиях.

Проходит еще несколько дней. Стала чувствоваться нервозность. Иногда различие в оценках одного и того же события.

Скоро заметил, что Георгий стал еще более невыдержан, резок, взвинчен. На Земле его отличали выдержанность, скромность, спокойствие.

Кто-то возразит: а как же тренировка? Разве к этому не готовят? Готовить-то готовят, только на Земле на тренажере этого никогда с нами не бывало!

Мы оба старались побороть «новое нервозное состояние». Приходилось как-то сглаживать острые углы, прощать и мириться с такими отклонениями в действиях и поведении партнера.

Многое нам удалось...»

Думается, в будущих космических экспедициях эта проблема станет острее.

В последующие годы медики уделяют психической подготовке космонавтов особое внимание. Многие происшествия подтвердили высокую готовность к нервным перенапряжениям у кандидатов на полет. Вот что вспоминает Владимир Шаталов:

«Был 1969 год. Байконур встретил меня неприветливыми ветрами, бросающими в лицо колючие снежинки, крепкими морозами, обжигающими лицо. Незаметно пролетели предстартовые дни. Мне здорово везло на цифру тринадцать. Таким был мой порядковый номер. Старт наметили на 13 января. 13 часов местного времени. Да еще лететь я должен был в понедельник. Ребята постарались не упустить столь благоприятную возможность подшутить надо мной: «Чертова дюжина далеко не увезет. Надо сменить хотя бы номер на счастливый». Мне же было одинаково: этот номер или другой. На подтрунивания я не обижался. Говорили ведь ради того, чтобы поднять мне настроение.

Последний вечер перед стартом. Собрались все в нашем номере. На столе бутылки с «Боржоми» и «Птичье молоко».

Но врачи не дали мне посидеть: перед полетом надо хорошенько отдохнуть.

Утро следующего дня запомнил смутно. Столько было дел. Сказывалось и волнение.

Стартовая площадка. Последние напутствия. Лифт мчит меня к вершине ракеты. Потом с помощью сопровождающих устраиваюсь в кресле космонавта. Объявляется полуторачасовая готовность. Проверяю системы корабля, каналы связи. Слышится голос Анатолия Филипченко. Он контролирует мою работу.

Часовая готовность. Стараясь действовать строго по плану, проверяю правильность по бортжурналу.

Получасовая готовность. Проверку в основном завершил. Есть несколько минут. Анатолий предложил музыку на борт. Я отказался. Вдруг захотелось побыть одному, помолчать, подумать.

Ловлю себя на мысли, что все кажется просто очередной тренировкой. Такое было не однажды. Тишина. Но ракета живет: слышатся шум, постукивание, шипение. Такое на тренировках не бывает.

Пятнадцатиминутная готовность...

— Старт отменяется, переносится на завтра. Сейчас к тебе поднимутся инженеры и помогут выйти из корабля... Не волнуйся, полетишь завтра,— слышу я и не верю себе. «Отменяется, полетишь завтра, отменяется, отменя... от...» — как заезженная пластинка звучит у меня в голове.

Это сообщение мгновенно повергает меня в смятение. Шесть долгих лет тренировок, надежд, мечтаний. «Все зря, зря... Но почему зря? Сказали, что полечу завтра, значит, полечу. Ничего страшного не произошло, так, непредвиденная задержка, бывает, задержка и все... Все, все, а если действительно все... не видать мне космоса, не...»

Осенним листопадом кружились мысли, неслись, путались. Не сразу удалось мне взять себя в руки. Какая досада. Оставалось всего пятнадцать минут до старта, всего пятнадцать. «Раскисать нельзя, полечу завтра»,— говорю я себе, а на душе все же кошки скребут.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я получил сообщение о переносе полета. Для меня оно остановилось вместе с командой «отставить». Наконец послышался стук, открыли люк орбитального отсека. Специалисты, казалось, были расстроены больше меня. С их слов понял, что сомнения вызвали показания одного прибора. Решили не рисковать и старт перенести. Они еще раз извинительно заверили меня в том, что завтра я обязательно уйду в космос.

— Кто же в понедельник отправляется в космос, день не даром тяжелый,— отшутился я, хотя мне было не до улыбок.

Стартовики рассмеялись, шутку приняли.

Внизу меня встретил председатель Государственной комиссии, руководитель полета.

— Побил рекорд точности. Приземлился там, откуда хотел взлететь,—«доложил» я бодрым голосом.

Мои товарищи переживали неудачу на старте, и мне пришлось даже убеждать их в том, что я верю в успех, мой полет все равно состоится.

В нашей комнате то и дело по разным поводам появлялись медики. Тогда я не придавал этому какого-то значения. Приходят, значит надо. Лишь позднее мне стала ясна их особая внимательность в тот нерадостный для меня вечер. Они тактично, ненавязчиво наблюдали, не сказалась ли на моей психике отмена полета. Все было в порядке. Переживал, конечно. Остановился на пороге мечты. Сколько сил, сколько дней было отдано. И вот на тебе. Приходит сообщение: «Не волнуйтесь, полетите завтра». Кого не повергнет в уныние такое сообщение?

Но все же я нашел в себе силы приглушить боль, волнение. А если бы переживал, мучился этим непредвиденным срывом, завтра вместо меня полетел бы дублер. И тогда бы уже изменить что-либо было нельзя. Такого, к счастью, не случилось. Я постарался хорошо отдохнуть. Спал спокойно, без снов.

14 января, утро. Уже знакомый круг предстартовых хлопот. Теперь чувствую себя более уверенно. Но когда объявили пятнадцатиминутную готовность, сердце беспокойно застучало: полечу или нет? Вдруг снова отменят старт? На связь выходят руководители полета.

— Как настроение, «Амур»?

— Нормально,— отвечаю, а сердце гулко, беспокойно стучит.

— Желаю счастливого пути и мягкой посадки!

Теперь уж точно полечу. Наконец-то. Благодарю руководителей полета за пожелания, обещаю выполнить программу, оправдать доверие.

Пятиминутная готовность.

Стараюсь сосредоточиться, собрать всю свою волю в один кулак. Не знаю, в какой мере мне это удается. Во всяком случае, сердце теперь не стучит так, будто готово выпрыгнуть из груди.

— Ключ на старт!

Бегут последние секунды: 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 «...Зажигание!..»

Как видите, Владимир Шаталов достойно выдержал тяжелое испытание. Последующие его старты в космос подтвердили, что он космонавт-исследователь самого высокого класса.

Немало неприятностей выпало на долю Георгия Иванова (Болгария) и Николая Рукавишникова (СССР).

Впервые за всю историю пилотируемых полетов отказал двигатель. Это произошло во время сближения с орбитальным комплексом «Салют-6»—«Союз-32». Вторая часть разработанной программы не была выполнена.

Вот некоторые отзывы руководителей полета.

Валерий Кубасов считает этот полет исключительно тяжелым, особенно во второй его половине,— впервые в истории космических полетов корабль возвращался на запасном двигателе, причем в ночных условиях. Заместитель руководителя полета Виктор Благов подтвердил: «Такого сложного полета у нас до сих пор не было, но экипаж корабля работал очень точно, действовал спокойно и уверенно, как если бы на борту все было в порядке». Начальник Центра подготовки космонавтов Георгий Береговой отметил: «Космонавты Рукавишников и Иванов держались геройски. Это не легко в такой обстановке, в которой они оказались. Да и тот факт, что они совершили посадку с дублирующим двигателем в баллистическом режиме, уникален в космонавтике. Они были уверены в своих действиях, точны во всех анализах. Николай Рукавишников более эмоционален. Нас поражало спокойствие Георгия Иванова». Космонавт Андриян Николаев считает: «В течение всего полета

Георгий держался прекрасно. Он умело и со знанием дела выполнял возложенные на него и дополнительно возникшие в силу обстоятельств обязанности. И если нужно измерять дела точной оценкой, я не поколебался бы поставить Георгию Иванову «отлично»...»

14 мая 1981 года ТАСС сообщало:

«14 мая 1981 года в 21 час 17 минут московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз-40». Космический корабль пилотирует экипаж: командир корабля Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Леонид Попов и космонавт-исследователь гражданин Социалистической Республики Румынии Думитру Прунариу.

Программой полета корабля «Союз-40» предусматривается стыковка с орбитальным научно-исследовательским комплексом «Салют-6»—«Союз-Т-4». Космонавтам Попову и Прунариу предстоит выполнить на борту комплекса ряд исследований и экспериментов совместно с космонавтами Коваленком и Савиных, которые работают на околоземной орбите с 12 марта 1981 года...»

Начался заключительный полет по программе «Интеркосмос». Биография румынского космонавта схожа с биографиями его звездных братьев. Думитру Прунариу родился 27 сентября 1952 года в городе Брашов.

После окончания в 1976 году Бухарестского политехнического института работал инженером на авиационном заводе. Затем окончил военно-авиационную офицерскую школу и служил в авиационном полку румынской Народной армии.

Уже после полета Леонид Попов рассказал о своем товарище:

— Короткий полет вовсе не легче, чем длительный. За длительное время организм привыкает к определенному ритму работы, больше возможности, чтобы выбрать минутку, несколько расслабиться, отдохнуть. Программа недельного рейса требует трудиться, рассчитывая свое время по минутам, иначе не справиться. Так что каждый вечер Думитру Прунариу забирался в спальный мешок на потолке и непробудно спал свои восемь часов — набирался сил перед очередным днем.

Нелегко у него произошла встреча и с невесомостью, к чему нельзя основательно подготовиться на Земле. Думитру первые часы полета жаловался мне, что у него голова как бы «отделяется» от туловища. Потом все стало на свои места. Он парил в невесомости и получал от этого огромное удовольствие...

Международный экипаж «гостил» на орбите у Владимира Коваленка и Виктора Савиных. До этого к ним в «командировку» летал советско-монгольский космический экипаж. Ребята не только принимали гостей, но и успели многое сделать.

Технологическими экспериментами космонавты занимаются с большим интересом: ведь в них отчетливо виден результат их труда. Безусловно, исследования по программам «Сплав» и

«Кристалл» имеют большое научное значение. По сути, на борту «Салюта-6» отрабатывалась космическая технология будущего. Уже получены ощутимые результаты — кристаллы кадмий-ртуть-теллур, выращенные на орбите, превосходят образцы, которые производятся в земных условиях. Причем от экспедиции к экспедиции удается вырастить кристаллы все более высокого качества.

Впервые на борту станции Коваленок и Савиных пытаются получить стеклянную линзу. На Земле очень трудно добиться идеальной поверхности линзы: требуется дополнительная обработка. В условиях невесомости такую линзу в принципе получить возможно, поэтому специально для экспедиции и был предусмотрен такой эксперимент.

Исследования по космической технологии сменяются работами с гамма-телескопом «Елена», затем приходит очередь голографии, и вот уже экипаж приступает к наблюдениям на субмиллиметровом телескопе.

Предполагалось, что телескоп будет работать в космосе около года. Уже почти четыре года находится на орбите «Салют-6» — интересно, способен ли этот астрономический инструмент действовать так же, как во время первой экспедиции?

15 апреля космонавты провели калибровку телескопа, а через шесть дней вели съемку атмосферы в момент захода станции в тень. Всего 45 минут был включен телескоп, а подготовка к эксперименту потребовала восьми часов! Поистине, ради нескольких граммов радия нужно переработать горы породы.

Телескоп порадовал и космонавтов и его создателей. Покрытие зеркал находилось в самых неблагоприятных условиях — даже солнечные лучи попадали на него. Тем не менее инструмент выдержал столь суровое испытание, и это дает возможность увереннее проектировать новые телескопы, которые будут использоваться на космических орбитах.

А вот один из биологических экспериментов так и не удается довести до конца. В разнообразных установках — «Оазис», «Светоблок», «Вазон» и «Малахит» — выращиваются высшие растения. Проводится и новый опыт — изучается влияние магнитного поля на их развитие. Космонавты и биологи добились, что появляются у растений цветы. Но вот выпустить стрелку лук никак не успевал: уж больно его любят космонавты. Особенно охоч до зеленых перьев Коваленок...

Работая в космосе, космонавты помнят о возвращении на Землю. Поэтому каждый день интенсивно занимаются спортом...

ТАСС сообщало «26 мая 1981 года в 16 часов 38 минут московского времени после успешного выполнения запланированной программы полета на борту орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз» космонавты товарищи Коваленок Владимир Васильевич и Савиных Виктор Петрович возвратились на Землю.

Спускаемый аппарат корабля «Союз Т-4» совершил посадку в заданном районе территории Советского Союза в 125 километрах восточнее города Джезказган.

Проведенное на месте посадки медицинское обследование космонавтов показало, что они хорошо перенесли орбитальный полет и возвращение на Землю.

Свой полет товарищи В. В. Коваленок и В. Савиных начали 12 марта 1981 года на корабле «Союз Т-4», а 13 марта после стыковки корабля с орбитальным комплексом «Салют-6» — «Прогресс-12» космонавты приступили к работам на его борту.

За время 75-суточного полета космонавты разгрузили транспортный корабль «Прогресс-12», провели комплекс необходимых профилактических мероприятий на станции с целью обеспечения ее дальнейшей эксплуатации в пилотируемом режиме и полностью выполнили намеченные исследования и эксперименты...

В рамках программы сотрудничества социалистических стран «Интеркосмос» вместе с космонавтами Владимиром Коваленком и Виктором Савиных на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз» работали международные экипажи с участием граждан Монгольской Народной Республики и Социалистической Республики Румынии.

На станции «Салют-6», выведенной на орбиту 29 сентября 1977 года, выполнены программы пяти основных экспедиций и одиннадцати экспедиций посещения; время функционирования станции в пилотируемом режиме составило 676 суток. В совместном полете с ней были успешно проведены испытания усовершенствованного транспортного корабля «Союз Т». Полностью оправдала себя эффективная система снабжения пилотируемых комплексов с использованием грузовых кораблей «Прогресс». Проведенные ремонтно-профилактические работы позволили увеличить ресурс ряда бортовых систем и оборудования станции, значительно продлить срок ее активного функционирования.

В ходе выполнения длительной программы работ осуществлены 34 стыковки с пилотируемыми и автоматическими космическими кораблями, три выхода экипажей в открытый космос. Конструкторские и технологические решения, принятые при создании и в ходе полета станции, обеспечили надежную эксплуатацию ее в составе орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс» в течение трех лет и восьми месяцев.

Экипажами космонавтов получен большой объем ценной информации, которая найдет широкое применение в различных областях науки и техники.

В период с марта 1978 года по май 1981 года на советских космических кораблях «Союз» и научной станции «Салют-6» были осуществлены полеты девяти международных экипажей. Вместе с советскими космонавтами на околоземной орбите работали граждане Чехословацкой Социалистической Республики, Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики,

Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Куба, Монгольской Народной Республики и Социалистической Республики Румынии. При выполнении научных исследований, разработанных совместно учеными Советского Союза и национальных академий наук, использована аппаратура, изготовленная в странах — участницах программы «Интеркосмос». Запланированная программа совместных исследований и экспериментов на станции «Салют-6», подготовленная учеными стран социалистического содружества, полностью завершена...»

В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР говорилось:

«Наша социалистическая Родина одержала новую замечательную победу в мирном освоении космоса. Успешно завершена программа длительных пилотируемых полетов советских космонавтов на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-6»—«Союз» и полетов международных экипажей по программе «Интеркосмос».

Выдающиеся достижения Советского Союза в области исследования космического пространства широко известны всему миру. Двадцать лет назад первый полет в космос гражданина СССР Ю. А. Гагарина на корабле «Восток» продолжался 108 минут. Орбитальная научная станция «Салют-6» функционирует три года восемь месяцев, при этом около двух лет — в пилотируемом режиме. Космическая программа подобной длительности осуществлена впервые. Это стало возможным благодаря самоотверженному труду советских людей, последовательно осуществляющих под руководством КПСС планы освоения космического пространства в мирных целях...

Новый успех отечественной космонавтики является важным вкладом в решение задач одиннадцатой пятилетки по дальнейшему изучению и освоению космического пространства в интересах науки, техники и народного хозяйства, поставленных XXVI съездом КПСС.

Мы в Звездном городке получаем много писем — желающих стать космонавтами предостаточно. Очень часто спрашивают: какое нужно иметь для этого здоровье? Я уже подчеркнул, что одно из важных качеств будущего космонавта — сила воли, выдержка. И забывать об этом не стоит. Существует такая поговорка: «В здоровом теле — здоровый дух». Есть также все основания думать, что «здоровый дух» в состоянии поддерживать здоровое состояние тела. Однако сложность этого вопроса очень велика, и он важен и для земной практики и для космических полетов. Известно, что бывают люди мнительные: здоровый человек жалуется на недомогание, высказывает страхи по поводу своих несуществующих болезней. С другой стороны, есть люди, которые явно нездоровы, но силой своего внутреннего убеждения продолжают работать, хотя другой на их месте давно лежал бы в постели. Ре-

альное состояние здоровья человека и адекватность его оценки сознанием — вот в чем проблема, которую сознательно и разумно должен решать каждый человек.

В принципе в космосе в ближайшее время будут летать люди всех профессий, всех возрастов. Космическая техника такое позволит.

А самое интересное, что с абсолютно здоровыми людьми нам и не приходится иметь дело. Гастрит в молодости, невроз в студенчестве, радикулит в зрелые годы — у каждого что-то болело... И даже про тех, кто готов к космическому полету, пишут «практически здоров», а не «абсолютно здоров». И некоторые отклонения от стандартов здоровья мы не считаем болезнями, а лишь особенностями состояния здоровья.

Перенести сам полет и связанные с ним нагрузки может любой человек с характеристикой «практически здоров». Однако это совсем не значит, что он получит удовольствие от этого полета и сумеет выполнять полезную работу. Скорее всего он переживет неприятные ощущения, например, приливы крови к голове, возможно, головокружение, пульсирующие боли в голове и так далее...

Направлять в космос на работу врачей, биологов, химиков, астрономов мечтал Сергей Павлович Королев. И он много сделал, чтобы это время наступило.

Познакомились мы с Главным конструктором еще в те дни, когда строился «Восток». Он, его создатель, сам объяснял конструкцию, рассказывал, какие корабли ждут нас в будущем. Потом, когда уже слетал Гагарин, когда готовились другие, нагрянул в Звездный. Все знали, что он в отпуске, отдыхает где-то в Крыму. И вдруг видим его шагающим по широкой аллее. Через десять минут мы все были в сборе. Кто-то поинтересовался насчет прерванного отпуска, он недовольно двинул широченными бровями и, не ответив, сам спросил:

— Как тренировки?

Мы высыпали короб жалоб; этого не хватает, того вовсе нет. Многое упиралось в учебную базу. Трудно достать специальное оборудование, недостает тренажной аппаратуры...

— Что-нибудь придумаем,— сухо пообещал Главный и уехал.

Через неделю к проходной городка подкатили два грузовика с долгожданным оборудованием...

У каждого, кто встречался с Королевым, сложились о нем далеко не идентичные мнения. Одни восторгались простотой и искренностью, других шокировали суровость и педантичность, третьи, видя его только на работе, недоумевали: есть ли у такого человека личная жизнь?

Кажется, он никогда не покидал рабочего места. Противоречий тут нет. Это была колоритная, яркая и сильная личность. Да, Королев был трогательно душевным, простым и доступным, но

мог быть беспощадно суровым, даже жестоким, если видел легкомыслие, лень.

Всегда и во всем требовал точности, порядка, ценил трудолюбие, ненавидел тщеславие. Помню, когда мы в первый раз собрались на беседу у Главного, он с присущей ему прямолинейностью предостерег:

— Если вы пришли с намерением подвиги совершать, то нам не по пути. Предстоит работа. Тяжелая, но крайне необходимая работа. На нее и надо ориентироваться...

Потом мы узнали, что рядом с его рабочим кабинетом помещалась небольшая комната с тахтой. В долгие дни подготовки к полетам, когда Королев был очень занят, он отдыхал тут же, рядом с кабинетом.

Сердце уже шалило, и нервы были напряжены до предела, но при первой необходимости он на рабочем месте...

Мы звали Главного — С. П.

Две буквы, которые так много для нас значили...

В решениях съезда нашей Коммунистической партии есть такие строки:

«Продолжить изучение и освоение космического пространства, расширить исследования по применению космических средств при изучении природных ресурсов Земли, в метеорологии, океанологии, навигации, связи и для других нужд народного хозяйства».

Это конкретная программа. Нас ждут нерешенные задачи, новые космические старты. Нам продолжать дело, начало которому положил гражданин Страны Советов, коммунист Юрий Алексеевич Гагарин.

Литературная запись *А. Немова.*

ПОСВЯЩЕНИЕ

(Поэма)

1 «Поехали!..»

Мне нравится,
как он сказал:
«Поехали!..»
(Лихой ямщик.
Солома в бороде.)
Пошло по свету отзвуками,
эхами,
рассказами,
кругами по воде...
...И Главного конструктора знобило.
И космодром был
напряженно пуст.
«Поехали!» —
такое слово было.
Но перед этим прозвучало:
«Пуск!!»
...И сердце билось не внутри,
а возле.
И было незнакомо и смешно.
А он ремень поправил,
будто вожжи,
и про себя губами чмокнул:
«Но-о-о!..»
И широко,
размашисто,
стотонно,
надежд не оставляя на потом,
с оттяжкой
по умытому бетону
вдруг стегануло
огненным кнутом!
И грохнул рев!
И забурлила ярость!
Закрыла небо
дымная стена...

Земля вогнулась чуть
и,
распрямляясь,
ракету подтолкнула.
А она
во власти
неожиданного бунта,
божественному куполу под стать,
так отрывалась от земли,
как будто
раздумывала:
стоит ли
взлетать?..
И все-таки она решила:
«Надо!..»
Запарена,
по-бабьи — тяжела,
сейчас
она
рожала
космонавта!
Единственного.
Первого...

Пошла!
Пошла, родная!..

...Дальше было просто.
Работа.
И не более того.
Он медлил,
отвечая на вопросы,
не думая,
что все слова его
войдут в века,
подхватятся поэтами,
забронзовея,
надоедят глазам...

Мне нравится,
как он сказал:
«Поехали!..»
А главное:
он сделал,
как сказал!

2. Мы вырастаем

Скрипит под ветром печальный ставень.
В углу за печкой таится шорох...
Мы вырастаем,
мы вырастаем
из колыбелей
и распашонок...
Огромно детство.
Просторно детство.
А мы
романы Дюма листаем.
И понимаем,
что в доме —
тесно.
Мы вырастаем.
Мы вырастаем...
Укоры взрослых
несутся следом.
Мы убегаем,
как от пожара.
Нам двор —
держава!..
Но как-то летом
мы замечаем:
мала держава...
Нас кто-то кличет
и что-то гонит
к серьезным спорам,
к недетским тайнам.
Нас принимает
гигантский город!
Мы
вырастаем!
Мы
вырастаем!..
А город пухнет.
Ползет, как тесто.
А нам в нем тесно!
И мы,
пьянея,
садимся в поезд,
где тоже —
тесно.
А в чистом поле —
еще теснее...
Мы негодуем,
недосыпаем,

глядим вослед
журавлиным стаям.
На мотоциклах,
пригнувшись, шпарим.
Мы
вырастаем!
Мы вырастаем!..
Мы трудно дышим
от слез и песен.
Порт океанский
зовем
калиткой.
Нам Атлантический
слишком тесен!
Нам тесен
Тихий, или Великий!..
Текут на север густые реки.
Вонзились в тучу верхушки елей.
Мы вырастаем!..
Нам тесно
в клетке
меридианов и параллелей!

3. А он...

Над суматошными кухнями,
над
лекцией
«Выход к другим мирам».
Вашей начитанностью,
лейтенант.
Вашей решительностью,
генерал.
Над телеграммами, тюрьмами,
над
бардом,
вымучивающим строку.
Над вековыми костяшками нард
В парке
обветренного Баку.
Над похоронной процессией,
над
сборочным цехом
искусственных солнц,
барсом,
шагнувшим на розовый наст,
криком:
«Уйди!..»
сигналами:

«SOS!..»
Над запоздалыми клятвами,
над
диктором,
превозносящим «Кент»,
скрипом песка,
всхлипом сонат,
боеголовками дальних ракет,
над преферансом,
над арфами,
над...

4. Траектория

Ушла
ракета!..
Мы вздохнули
и огляделись воспаленно...
Но
траектория полета
все ж началась
не в Байконуре!..
Откуда же тогда,
откуда?
От петропавловского гуда?
От баррикад на Красной Пресне?..
Нет,
не тогда,
а прежде.
Прежде!..
Тогда откуда же,
откуда?
От вятича?
Хазара?
Гунна?
От воинов
Игоревой рати?..
Нет,
даже раньше!
Даже раньше!..
Она в лесных пожарах
грелась,
она волхвов пугала,
снизясь...
Такая даль,
такая древность
и археологам
не снилась...

Она пронизывала степи,
звенела
на шеломах курских,
набычась,
подпирала стены,
сияла
в новгородских кузнях!
Та траектория полета,
презрев хулу,
разбив кадила,
через
поэмы и полотна,
светящаяся,
проходила!
Она —
телесная,
живая.
И вечная.
И вечевая.
И это из нее
сочится
кровь пахаря
и разночинца...
Кичатся
знатностью бароны,
а мы
довольствуемся малым.
Мы —
по бумагам —
беспородны.
Но это
только —
по бумагам!..
Не спрашивай теперь,
откуда
в нас
это ощущенье
гула,
земное пониманье
цели...
Бренчат разорванные
цепи!

5. Грязный шепоток

Из фильмов
мы предпочитаем
развлека-
тельные.

Из книжек
мы предпочитаем
сберега-
тельные.
Сидим в тиши,
лелеем блаты
подзавядшие.
Работу любим,
где зарплата —
под завязочку...
Мы презираем
в хронике
торжественные омуты...

Все космонавты —
кролики!
На них
проводят
опыты!
В быту,
слегка подкрашенном
научными
названьями,
везет
отдельным гражданам...
Чего ж
про них
названивать?!
Они ж
бормочут тестики
под видом испытания.
Они ж
в науке — технике —
ни уха,
ни... так далее...
Их интеллект сомнителен.
В их мужество
не верится
Живые заменители
машин
над миром вертятся!!
Не пыльное занятие:
лежишь,
как в мягком поезде.
Слетал разок и —
на тебе!
И ордена!
И почести!

Среди банкета вечного,
раздвинув
глазки-прорези,
интересуйся вежливо:
«А где тут
сумма —
прописью?..»
Живи себе,
помалкивай,
хрусти
котлетой киевской
иль ручкою
помахивай:
«Привет, мол,
наше с кисточкой!..»

6. А он...

Над запоздалыми клятвами,
над
диктором,
превозносящим «Кент»,
скрипом песка,
всхлипом сонат,
боеголовками
дальних ракет.
Над затянувшейся свадьбою,
над
вежливым:
«Да...»,
вспыльчивым:
«Нет!..»
Над стариком,
продающим шпинат,
над аферистом,
скупающим нефть.
Над заводными игрушками, над
жаждой
кокосовых пальм
и лип.
Над седоком твоим,
Росинант.
Над сединой твоею,
Олимп.
Над нищетой,
над масонами,
над...

7. О невесомости

Мы
те же испытанья
проходим...
Тяжелыми дверями грохочем.
Вступая в духоту барокамер,
с врачихой молодой
балаганим...
Мы
в тех же испытаньях
стареем.
Мы верим людям,
птицам,
деревьям...
Бросаемся,
дрожа от капели,
то — в штопоры,
то — в мертвые петли.
Высокое давленье
коварно...
Живая кожа —
вместо скафандра.
И нету под рукой,
как нарочно,
надежного глотка
кислорода...
Нас кружат
центрифуги веселья,
мы глохнем
в полосах невезенья.
И ломимся в угар перегрузок.
И делимся на храбрых и трусов,
пройдя сквозь
похвалы и дреколье...
Другое непонятно.
Другое...
Как это?
Слово,
яснее полдня,
слово,
свежей, чем запах озона,
и тяжелее ночного боя,—
вдруг
невесомо?
Как это?
Слово,
застывшее важно,

слово,
расцвеченное особо,
слово,
обрушивающееся, как кувалда, —
вдруг
невесомо
Как это?
Слово,
скребущее горло
и повторяющееся бессонно,
слово,
которое тверже закона, —
вдруг
невесомо?
Вновь тебя будет
по каждому слогу
четвертовать
разъяренная совесть...
Пусть не придет
к настоящему
слову
даже мгновенная
невесомость!..
...Как мне дожить
до такого дня,
ценою
каких седин,
чтобы у жизни и у меня
голос был
один?

8. Чужой билет

Земля —
в ознобе
телетайпных лент.
Не ведаю,
куда глядит начальство...
Мне кажется:
я взял
чужой билет.
Совсем другому
он
предназначался...
Со мною
колобродить до утра
готовы,
про чужой билет не зная,

актеры,
космонавты,
доктора
с высокими, как горы,
именами...
Растерзана гудками тишина,
сиреневый дымок летит по следу...
И только мама верит
да жена,
что еду я
по своему билету.
А я
святым неверьем взят в кольцо.
С большой афиши,
белой, будто полюс,
испуганно глядит
мое лицо,
топорщится
подделанная подпись.
И мне то тяжело,
то трын-трава,
чужие голоса
в меня проникли.
В знакомых песнях
не мои
слова!

Надписываю я
чужие
книги!..
Чужой билет,
Несвойственная роль.
Я тороплюсь.
Я по земле шатаюсь...

И жду:
вот-вот появится
контроль.
Тот поезд
отойдет,
А я останусь.

9. А он...

Над заводными игрушками,
над
жаждой
кокосовых пальм
и лип.
Над седоком твоим,

Росинант.
Над сединой твоею,
Олимп.

Над телескопами Пулкова,
над
скромным шитьем
полевых погон.
Чанами с надписью:
«Лимонад».
Чашкою с запахом:
самогон.
Над озорными базарами,
над
сейфом,
который распотрошен.
Над городами
Торжок и Нант,
над именами
Иван и Джон.
Над ресторанной певичкою,
над...

10. Одиночество

Я славлю
одиночество моста,
шальное одиночество
печурки.
Я славлю
одиночество
гнезда
вернувшейся из-за морей
пичуги...
(А сам —
в игре с огнем,
тревожным,
переменчивым,—
живу
случайным днем,
живу мелькнувшим месяцем...
Работает
привычная
механика...
А я
бегу,
бегу.
Бледнею.

Кровью харкаю.
Смолкаю,
застонав.
Жду
вещего прозрения
то в четырех
стенах,
то в пятом
измерении...
Разъехались друзья.
Звонит,
когда захочется...
У каждого
своя
проверка
одиночеством...)

Я славлю
одиночество
письма,
когда оно уже
почти нежданно...
Я славлю
одиночество
ума
ученого
по имени
Джордано!..
(А сам,
припав к столу,
пью горькое и сладкое.
Как будто
по стеклу
скребу
ногтями слабыми.
Не верю
никому,
считаю дни
до поезда...
И страшно одному,
а с кем-то рядом —
боязно...
В постылый дом
стучу,
кажусь
чуть-чуть заносчивым,
«Будь проклята,—
кричу,—

проверка
одиночеством!..»)

Я славлю
одиночество луча
в колодце,
под камнями погребенном.
Я славлю
одиночество врача,
склонившегося
над больным ребенком!..
(Неясная
цена
любым
делам и почестям,
когда идет она —
проверка
одиночеством!..
Пугать не пробуй.
Денег не сули.
Согнись
над неожиданною ношей...)

Я славлю
одиночество Земли
и верю,
что не быть ей
одинокой!

11. А он...

Над озорными базарами,
над
сейфом,
который распотрошен.
Над городами
Торжок и Нант,
над именами
Иван и Джон.
Над баскетбольными матчами,
над
танкером,
облюбовавшим порт.
Над шелестеньем оленьих нарт,
мягкими криками:
«Поть!..
Поть!..»
Над арабеском Бессмертновой,
над

фразой,
дымящейся на устах.
Монументальностью колоннад
и недоверьем
погранзастав.

Над устаревшими твистами,
над
верностью
за гробовой доской.
Нервами,
будто манильский канат.
Темным вином.
Светлой тоской.
Над муравьями,
над лазером,
над...

12. Мертвые смотрят в небо

У развилок
холодных,
с каждой смертью
старея,—
мертвых
так и хоронят,
чтобы в небо
смотрели.
Посредине планеты
в громе
туч грозовых
смотрят мертвые
в небо,
веря в мудрость
живых...

Бродят реки в потемках.
И оттуда,
со дна,
смотрят парни
в буденовках
крутого сукна.
Те,
которые приняли
пулеметный горох.
Над зеленою Припятью
оборвали
галоп.

Задохнулись от гнева,
покачнулись
в седле...
Смотрят мертвые
в небо.
Как их много
в земле!..
Тех,
кто пал бездыханно
на июньской заре.
Тех,
кто умер в Дахау.
Тех,
кто канул в Днепре...
Бредя ролью трубастой,
будто лука
изгиб,
смотрит
Женька Урбанский,
удивясь,
что погиб...
Ливень
пристани моет,
жирно хлюпает грязь...
В небо
мертвые
смотрят.
Не мигая.
Не злясь...
Ах,
как травы душисты!
Как бессовестна
смерть!..
Знаю:
жить
после жизни
надо тоже
уметь.
Равнодушно и немо
прорастает былье...
Смотрят мертвые
в небо,
как в бессмертье
свое.

13. Что нас держит

Колдуя
и клянясь,
среди обычных сутолок
земля
вцепилась в нас,
крича от страшных
судорог.
Века
висят над ней,
кипят самосожжения...
И все-таки
сильней
земного
притяжения
то, что в дыму костра,
треща,
темнеет окорок,
то, что плывет
жара,
похожая на обморок.
То, что струится
дождь,
то, что лопочут
голуби,
то, что смеется
дочь,
увидя лошадь
в городе.
Что шмель
к цветку приник,
что паутина —
сказочна.
И что течет родник
стеклянно
и загадочно.
То, что художник —
слеп,
а карусели
вертятся.
И то, что свежий хлеб
на полотенце
светится.
Что на гончарный круг
ложатся пальцы чуткие.
И что приходит
друг,

необходимость
чувствуя.
Что веренице
дней
не будет завершения...
Во много раз
сильней
земного притяжения
то, что
с тоской в глазах
задумчиво и жертвенно,
ни слова не сказав,
тебя целует
женщина.
То, что
молчит струна,
звучит
бумага нотная.
И то, что есть
она —
Земля —
все время
новая!
С проклятьями и страхами.
С едою и питьем...
И то,
что мы уйдем
в нее —
такую странную.

14. Жизнь и смерть

Значит,
все-таки есть она —
глупая смерть.
Та,
которая вдруг.
Без глубинных корней.
За которой оркестрам
стонать и греметь.
Глупо.
Глупая смерть...
А какая умней?
А в постели умней?
А от пыток умней?
А в больнице?
В убожестве
краденых дней?

А в объятьях мороза
под скрипы саней?
Где
умней?
Да и как это можно:
умней?!
В полыханье пожара?
В разгуле воды?
В пьяной драке,
где пастбище делит межа?
От угара?
От молнии?
От клеветы?
От раскрашенной лжи?
От слепого ножа?..

Смерть
ничем не задобришь,
привыкла
к дарам...
Вот Гастелло
летит с перекошенным ртом.
Он
при жизни
пошел на последний таран!
Все при жизни!!!
А смерть наступила
потом...
Горизонт покосившийся.
Кровь на песке.
И Матросов
на дзот навалился плечом.
Он
при жизни
подумал об этом
броске
Все при жизни!!!
И смерть
тут совсем ни при чем...
Голос радио.
Падает блюдце из рук.
Прибавляется жителей
в царстве теней...
Значит,
глупая смерть —
та,
которая
вдруг?

Ну, а если не вдруг?
Постепенно?
Умней?!
Все равно, ты ее подневольник
                    и смерд!
Все равно, не поможет твое:
                    «Отвяжись!..»
Впрочем,
если и есть она —
          глупая смерть,—
это все-таки лучше,
чем глупая
жизнь.

15. Вечный огонь

Свет
  Вечного огня,
жар
  вещего костра,
тебе рассвет —
родня.
Тебе заря —
сестра.
Гудящий
          над строкой,
не сказанной
никем,
  мятущийся огонь,
ты для меня —
рентген!
Рентген —
          пока дано
держать в руках
перо,
когда
  черным-черно,
когда
  белым-бело...
Восстав
из-под земли
в пороховом
дыму,
погибшие пришли
к подножью твоему.
Сквозь дальние огни,
сквозь ржавые бинты
в упор

глядят
они,
как полыхаешь
ты...
Снега идут сквозь них.
Года идут сквозь них.

Ты правильно возник!
Ты вовремя возник!
Их прошлый
непокой,
несбывшийся
простор
сейчас в тебе,
огонь.
Сейчас в тебе,
костер...
Не станет пусть
в веках
ни уголка,
ни дня,
куда б
не проникал
свет
Вечного огня!..
Я знаю, что хочу.
Я,
голову склоня,
гляжу
в глаза
огня
и медленно шепчу:
всем
сбившимся
с пути,
всем
рухнувшим
с коня
дорогу освети,
свет
Вечного огня.
Замерзших отогрей.
Оружье закали,
К наивным
будь
добрей...
Зарвавшихся
спали...

Не верю я
пока
в переселенье душ...
Но ты —
наверняка! —
в огне
ракетных
дюз!
На кончике пера,
На утреннем
лугу...
Свет
Вечного костра,
мы у тебя
в долгу.
В долгу
за каждый вдох
и прежде,
и теперь...
И если я тебе
не выплачу свой долг,
тогда убей меня
и прокляни меня,
жар
вещего костра.
Свет
Вечного огня.

16. А он...

Над устаревшими твистами,
над
верностью
за гробовой доской.
Нервами,
будто манильский канат,
Темным вином.
Светлой тоской.

Над зацветающей яблоней,
над
самоубийцей
с вечным пером,
пад повтореньем робинзонад,
взором коров,
блефом корон.

Над восковыми фигурами,
над
парусом,
вечно просящим бурь,
взрывами
чавкающих гранат,
плеском стрижей,
посвистом пуль.
Над маяками,
над школами,
над...

17. О незаменимых

Кто-то заплакал.
Кто-то заохал.
Бодрые песни лезут из окон.
И поговорка
вновь торжествует:
«Незаменимых
не существует...»
Трусы,
герои,
прачки
министры —
все заменимо.
Все заменимы...
Все
заменимо!
Действуя четко,
сменим давайте
бога
на черта.
Шило
на мыло.
Пешку
на пешку.
(Это привычно.
И неизбежно.)
Сменим давайте
горы
на поле.
Зава
на зама.
Зама
на пома.
А панихиду —
на именины.

Все заменимо.
Все
заменимы...

Значит, напрасно
крестили нас в загсах.
Зря мы считали
годы без засух.
Зря утопали
в пахоте вязкой.
Бредили вязью
старославянской.
Зря мы
пудовым кланялись щукам.
Зря композитор
тему нащупал.
Зря архитектор
кальку изводит.
Зря над могилами
матери
воют.
Зря нас дорога однажды сменила.
Все
заменимы.
Все
заменимо!!
Я наполняю легкие
гневом!
Я вам клянусь
пошатнувшимся небом:
лжет
поговорка!
Врет
поговорка!
Незаменимо
катится Волга.
Незаменимы
ветры над взморьем.
Незаменимы
Суздаль
и Смольный.
Незаменимы отсветы флага...
Незаменима
добрая фляга.
Зерна морошки.
Тень от платана...
Незаменим
академик Ландау.

Незаменима
и окрыленна
резкость
конструктора
Королева!..
Даже артисты цирков бродячих,
даже стекольщик,
даже жестянщик,
кок,
над которым не светятся нимбы,—
незаменимы.
Незаменимы...
Каюсь,
но я признаю неохотно:
жизнь
не окончится
с нашим уходом.
Внуков,
чей путь еще даже не начат,
незаменимые бабушки
нянчат.
Знаю:
родятся под Омском
и Тулой,
в горной глуши,
за сиреневой тундрой,—
знаю:
взойдут на асфальтовых
нивах
новые тысячи
незаменимых!
Незаменимых
в деле и силе.
Незаменимых,
будто Россия.
Пусть —
знаменитых,
незнаменитых —
незаменимых.
Незаменимых!

1969

Георгий ***БЕРЕГОВОЙ***

В КОСМОСЕ МНОГО РАБОТЫ

Время неумолимо движется вперед. Еще совсем недавно весь мир рукоплескал первому в мире искусственному спутнику Земли, запущенному в Советском Союзе, а ныне многие десятки стран в той или иной мере приобщились к космическим исследованиям.

Запуск искусственного спутника Земли, 25-летие которого отмечалось в 1982 году, открыл новую эру в истории человечества, он явился осуществлением дерзновенной мечты людей, триумфом науки и техники.

В октябре 1957 года газета «Правда» писала: «Научный эксперимент, осуществленный на такой большой высоте, имеет громадное значение для познания свойств космического пространства и изучения Земли как планеты нашей Солнечной системы».

Это была научно-практическая программа для советской и мировой науки в области познания Вселенной.

Запуск первого искусственного спутника Земли буквально потряс воображение всего человечества. Огромное впечатление он произвел и на Юрия Гагарина, курсанта авиационного училища.

Четвертого октября будничную и четко спланированную жизнь авиационного училища нарушило сообщение ТАСС: «В Советском Союзе впервые в мире в космическое пространство запущен искусственный спутник Земли».

Известие взбудоражило всех. То, что еще недавно казалось далекой фантастикой, несбыточными мечтами, стало явью. И снова курсанты, перешагнув преграды реальности, уносились в мыслях в далекие просторы мироздания, мечтали о полетах на планеты Солнечной системы, предполагали, кто может стать первым космонавтом. Единого мнения на этот счет у них не было. Позднее Гагарин скажет, что почувствовал знакомую и осознанную тягу в космос, о которой боялся признаться себе. Но это чувство с тех пор в нем будет жить постоянно, оно будет крепнуть, вызывать уверенность, стремление к действиям, неукротимую тягу к трудам Константина Эдуардовича Циолковского.

В письме домой он признавался: «Всех нас чрезвычайно обрадовало сообщение о запуске первого искусственного спутника Земли. Это большая победа нашей страны, всего человечества. Теперь, разумеется, не за горами и полет человека. Хорошо бы слетать».

Вслед за первым искусственным спутником Земли в просторы вселенной пошли новые спутники, межпланетные станции, космические корабли.

12 апреля 1961 года впервые в истории нашей Земли человек осуществил полет в космос.

«Победу в освоении космоса,— заявили Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров Союза Советских Социалистических республик,— мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с гордостью ставим их на службу всем народам во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов.

Развитие науки и техники открывает безграничные возможности для овладения силами природы и использования их на благо человека...»

За одноместными кораблями в космос стартовали многоместные, на орбите стали функционировать станции со сменными экипажами.

От 108-минутного полета Юрия Гагарина до многомесячных полетов советских космонавтов, от одиночных полетов на космических кораблях до групповых международных экипажей на космических комплексах — таков путь многолетней работы ученых Советского Союза по изучению и освоению космического пространства пилотируемыми кораблями.

Ныне космонавтика позволяет решать вопросы навигации, связи, метеорологии, земледелия, геологии, астрономии, геофизики, металлургии, медицины, картографии и многие другие.

Космонавтика позволила людям взглянуть на обратную сторону Луны, а в 1969 году ступить на ее поверхность, приоткрыть многие тайны планет Солнечной системы, лучше понять свойства околоземного космического пространства, открыть радиационные пояса Земли, постичь необъяснимые ранее явления полярного сияния, узнать о существовании рентгеновских лучей и пока волшебных частиц нейтрино, приблизиться к пониманию антимиров.

Проникновение человека в космос явилось мощным ускорителем научно-технического прогресса. Космические исследования вызвали к жизни новые отрасли современной науки и техники, стимулировали развитие существующих. Космонавтика поставила целый ряд необыкновенно сложных задач перед наукой, потребовала срочного решения многих научно-практических проблем, выдвинула вперед новые методы исследований. Сейчас невозможно оценить все перспективы, которые открылись перед человечеством.

Еще совсем недавно важнейшей задачей полета наука считала научиться жить в космосе, потом работать в невесомости, а теперь считает — заселение космоса, получение от космоса максимальных выгод для человечества.

Обширна и разнообразна советская программа космических исследований. В ней четко вырисовываются три направления. Первое — всестороннее исследование околоземного космического пространства. Второе — работы, направленные на дальнейшее совершенствование космической техники, предназначенной для исследований на околоземных орбитах, в дальнем космосе и на других небесных телах Солнечной системы. Третье — работы, связанные с широким использованием космоса для народного хозяйства и культуры.

Советская наука рассматривает долговременные орбитальные станции как решающее средство широкого освоения космического пространства. Они могут стать «космодромами в космосе», стартовыми площадками для полетов на другие планеты. Они позволят создать на околоземных орбитах крупные научные лаборатории для проведения исследований в космосе, что окажет огромное влияние прежде всего на развитие геофизики, астрономии, биологии, медицины, метеорологии, географии, геологии.

Проникнув в космос, люди открыли не просто новое пространство, подобное неведомому материку или океану, а разведали огромный и необычный мир. И одной из основных задач людей, непосредственно работающих в космосе, становится исследование и применение условий космоса в областях, до недавних пор заповедных, таких как создание новых материалов, отработка неосуществимых на Земле технологических процессов и так далее.

Советская космическая программа, в которой творчески сочетаются многочисленные взаимно дополняющие друг друга средства освоения внеземного пространства, успешно претворяется в жизнь. Наряду с автоматическими станциями устремляются ввысь пилотируемые корабли.

Сочетание автоматических и пилотируемых аппаратов особенно эффективно при изучении мирового океана, природных ресурсов Земли, состояние атмосферы, уровня ее загрязненности. Весьма экономически эффективно фотографирование из космоса, особенно трудно доступных районов. В настоящее время стоимость съемки поверхности Земли с искусственного спутника Земли в 20 раз дешевле, чем с самолета.

Недавно получены снимки огромной территории нашей страны — 5,5 млн. квадратных километров просторов, разнообразных в природном и экономико-географическом отношениях. Значение этого трудно переоценить: единовременной съемкой охвачена территория, на которой сосредоточена значительная часть разведанных и потенциальных запасов ископаемых ресурсов, создаются, функционируют и развиваются мощные народно-хозяйственные комплекты. Здесь основные наиболее ценные сельскохозяйственные угодья, более половины совхозов и колхозов страны, значительные запасы лесных ресурсов.

Полученная информация используется для поисков нефти, газа, рудных ископаемых.

Космические фотоснимки Памира, Тянь-Шаня и Кавказа используются специалистами для оценки гидроэнергетических ресурсов, определения сейсмического состояния, прогнозирования селевой и оползневой опасности, оценки запасов продуктивной влаги.

Большое значение имеет съемка районов БАМа и сторительства нефтегазопроводов. Выявлены и уточнены границы мерзлоты.

Большие задачи па космонавтику возложили сейсмологи. Землетрясения — стихийные бедствия пашей планеты приносят огромные разрушительные действия. Даже теперь, в XX веке, чувства человека по отношению к вулкапам и землетрясениям попрежнему представляют собой смесь ужаса, суеверия и благоговения.

За последние десять тысяч лет на нашей планете произошло около 5500 вулканических извержений. Были среди них и такие, которые измепили ход истории. Так, например, извержение, происшедшее в 1470 году до нашей эры, на острове Санторино, уничтожило целую цивилизацию и породило легенды об Атлантиде. В 79 году нашей эры древнеримские города Геркуланум, Стабия и Помпея были погребепы под топпами пепла при извержении Везувия. На рассвете 8 мая 1902 года «огненное облако», спустившееся с вулкана Моп-Пеле уничтожило городок Сен-Пьер на Мартинике вместе с 27 тысячами жителей. В 1883 году извержение вулкана Кракатау изменило географический облик окружающей местности. Жертвами его следствия — опустошительного цунами — стали 36 тысяч человек.

За последпие пятьдесят лет от землетрясений пострадали миллионны человек, а материальные убытки исчисляются сотнями миллиардов долларов.

С помощью космических объектов удалось установить, что вулканы действуют на других планетах Солнечной системы, также подверженных землетрясениям...

На отснятых просторах осуществляются или намечены к осуществлению в перспективе крупнейшие народнохозяйственные проекты — развитие территорий, прилегающих к трассе БАМ, производственных комплексов юга Восточной Сибири, перераспределение стока северпых рек для покрытия дефицита водных ресурсов.

Хорошо известпо, что па каждого жителя современного города расходуется до 600 литров пресной воды в день. Для выпечки буханки хлеба требуется 14 литров, для производства тонны стали — 400 тысяч литров, для выращивания одной тонны зерна — один миллион литров, получепия 1 топпы каучука —2,5 миллиона...

В тех странах, а по подсчетам специалистов их территория составляет 60 процентов суши Земли, которым не хватает пресной воды (к сожалению, их число быстро растет), надо строить целые предприятия для ее производства. Вот и получается — для одной

промышленности, например, металлургической, нужна дополнительная промышленность: «опреснительная», превращающая морскую воду в обыкновенную.

Ясно, что в настоящее время это дорого и невыгодно.

Недавно Организация Объединенных Наций объявила восьмидесятые годы — десятилетием питьевой воды.

Пока вы читаете эти строки, на земле не станет сотен и тысяч людей из-за того, что они пили недостаточно чистую воду: так в год, по причине загрязнения воды, умирает до девяти миллионов человек.

Недоброкачественная питьевая вода приводит к значительным заболеваниям людей. И снова тут на помощь приходит космонавтика.

Используя аппаратуру, установленную на борту летающих лабораторий, можно определить величину снежного покрова перед началом таяния снегов, а при дальнейших исследованиях оценить сток воды на больших территориях. Кроме этого, можно фиксировать область выхода подземных вод на поверхность. Все это позволит, если не полностью предотвратить опасность хронического водного голода, то по крайней мере отдалить время его наступления.

Недавно из Космоса были произведены замеры полярного ледяного покрытия Антарктиды и установлено, что там содержится 90 процентов всей пресной воды планеты. Пока нет готового проекта использования этих ледников, но жизнь настоятельно требует научного решения этой важнейшей проблемы.

Завоевав всеобщее признание, космонавтика все эффективнее участвует в народном хозяйстве, приносит все более ощутимые результаты в экономике страны. Ныне хорошо известно, что один виток вокруг Земли метеоспутника «Метеор» выдает информации о погоде в сто раз больше, чем 15 тысяч метеостанций мира за сутки.

Прогнозы погоды, основанные на получаемых из космоса данных, сейчас позволяют ежегодно сберегать материальных ценностей более чем на миллиард рублей. Широчайшие возможности, заложенные в разрабатываемых в настоящее время космических метеорологических системах, помогут не только улучшить прогнозы погоды, но и создадут предпосылки для расчетов климатических изменений на длительный период.

Большую роль играет космонавтика в сохранении окружающей среды. Воздействие человека на природу можно сравнить с элементами стихийных явлений, оно приобрело глобальный характер. Гигантская техническая оснащенность людей позволяет в самые короткие сроки создавать огромные водохранилища, осушать многовековые болота, изменять русла рек, вырубать и сажать лес на больших площадях.

Серьезную озабоченность вызывает судьба Средиземного моря, в которое сбрасываются отходы почти 140 тысяч заводов и фабрик

прибрежных стран. Большой ущерб наносят танкеры: при их авариях и промывке цистерн в мировой океан сливается около двух миллионов тонн нефтепродуктов.

Ежегодно в атмосферу выбрасывается 3 млрд. тонн пыли, цемента, крошки. Ученые установили, что запыленность воздуха в столице Китая в 5—6 раз превышает допустимую норму, а в ряде индустриальных центров в 100—200 раз выше нормы. И это все — при относительно невысокой индустриализации страны.

Некоторые транснациональные корпорации практикуют перевод наиболее «грязных» производств в развивающиеся страны.

Биосферу не перегородить границами политической карты. Одни США дают до 50 процентов всех загрязнений на Земле, занимая лишь два процента ее поверхности. А ведь эта грязь — потенциальное сырье.

Чтобы всем народам обеспечить нынешний уровень жизни самых развитых стран, мировое производство надо удесятерить как минимум. А оно уже обрело такой размах, что грозит «экскатастрофами». Пока локальными, но именно — пока.

История цивилизации переполнена списками экологических ошибок с далеко идущими последствиями. Неправильное орошение сделало пустыней цветущие долины Тигра и Евфрата, государства майя и древних камеров были подорваны экстенсивным использованием джунглей, кочевники Чингисхана и Батыя превратили в пески ковыльную степь между Волгой и Уралом, всего за сотню лет в Северной Америке перебили 10 миллиардов странствующих голубей и миллионов бизонов, а уже в нашем веке пустыня Сахара увеличила свою площадь на 650 тысяч квадратных километров.

Многих наверняка интересуют «шансы» появления жизни на других планетах Солнечной системы.

Однако по вопросу о внеземных цивилизациях пока нет единой точки зрения.

Западноевропейский ученый X. Шепли утверждает, что во всей нашей Галактике разумная жизнь есть только на Земле. По подсчетам же американского астронома О. Струве у нас в Галактике 50 миллиардов планет, подобных нашей, и по крайней мере на 2—3 миллиардах из них есть жизнь, а на нескольких миллионах эта жизнь — разумная.

Такой вывод, правда, противоречит данным, по которым все звезды типа нашего Солнца входят в состав двойных систем, значит, температура на поверхности планет, которые, возможно, их окружают, меняется в недопустимых пределах. То есть большинство планет не пригодно для жизни.

Хочу привести слова Циолковского. Он верил в чудеса, он ждал встречи с разумными существами. Отвечая на письмо студента А. Юдина из Томска в 1933 году, он писал: «Попытки высших существ помочь нам возможны потому, что они продолжаются и сейчас. Размышления с созерцанием Вселенной могли также

служить основой для веры в высшие существа. Но немногие знают и то, и другое. Для всех это не очевидное. Мы, люди, не стараемся убедить животных в неразумности их жизни рядом с человеком. Дистанция между ними и совершенными существами едва ли не меньше, если принять в расчет массу или среднего человека. С другой стороны, австралийцы и американцы тысячи лет дожидались европейцев, однако дождались. Дождемся и мы».

Мне кажется, всерьез говорить можно о Марсе. Это очень интересная планета. Год на ней почти вдвое длиннее земного (637 суток). В полярных областях находятся белые «шапки», достигающие в поперечнике 3—4 тысяч километров и покрывающие площадь до 10 миллионов квадратных километров. Долгое время считали, что шапки состоят из снега и льда. Последние исследования позволяют предположить, что полярный покров состоит из твердой углекислоты, а лед является лишь ее сердцевиной (как начинка в пироге).

Но особенно привлекают ученых сезонные изменения цвета различных участков поверхности Марса. Например, зимой «моря» светлее, а с наступлением весны они заметно темнеют, чтобы в середине лета или ближе к осени снова посветлеть. Для объяснения этого явления выдвинута гипотеза, согласно которой весной поверхность «морей» одевается ковром каких-то растений, что и порождает более темную окраску.

К осени растительность выгорает и делается более светлой. Принять такую гипотезу — значит признать возможность жизни на планете. Там, где есть флора, может оказаться и какая-то, пусть самая примитивная, фауна. А может быть, Марс — планета угасающей жизни — жизни, которая некогда была столь же бурной и разнообразной, как и на Земле? Будущие экспедиции ответят на этот вопрос...

Хочу коснуться еще одной интересной версии. В «Истории чудес» — книге 17 века было написано: «Комета служит верным признаком событий несчастных: кровопролитных убийств, смертей великих монархов, измены: опустошения земель, разрушения империй, королевств и городов, голода и дороговизны продуктов».

Мы же отречемся от ненаучного подхода к фактам, распространенного в средневековье, и попробуем с современной, строго научной точки зрения взглянуть на кометы.

Во-первых (к сожалению, и в последних), хорошо известно о кометах только то, что они, приближаясь к Солнцу, выбрасывают огромный шлейф из газа и пыли.

Зато существует гораздо больше того, чего мы о них пока не знаем. В движении некоторых комет обнаружены явления, не объяснимые притяжением их известными телами Солнечной системы. Загадка получила название «негравитационный эффект». Одни из таких комет испытывают некоторые ускорения движения, другие — наоборот, замедления.

Почему же мертвое тело в безвоздушном пространстве меняет

свою скорость? Единственное, что предполагают ученые: скорость изменяется в результате реактивного эффекта от выделяющихся из ядра кометы потоков вещества.

Но вот следующая загадка космических скитальцев. Всякий раз, находясь рядом с Солнцем, комета значительную часть своего вещества расходует на образование хвоста. Зная массу кометы и массу хвоста, мы можем легко вычислить время ее жизни — время, за которое она саму себя истратит. Но комета, исчезнув с небосклона, через сто — двести — триста лет, нарушая все прогнозы, появляется вновь и вновь! В чем дело? А как же закон сохранения вещества?

Очевидно, где-то в космической дороге кометы претерпевают неизвестные нам изменения.

Остается открытым вопрос и о том, откуда они вообще берутся. Ведь известно: возраст Солнечной системы не менее 4,5 миллиардов лет. И если предположить, что они родились одновременно с ней, то уже давно должны были израсходовать все свое вещество. Но если верить «глазам своим», кометы все-таки существуют и, более того, число их растет. Некоторые ученые считают, что в Солнечной системе их сейчас сотни миллиардов. Получается, что кометы «сотворяются» где-то в неведомых нам небесных мастерских. По одной версии — вследствие мощных вулканических извержений на больших планетах и спутниках. По другой — они рождаются в окрестности Солнца из гигантского кометного облака.

Но фантазия исследователей завела их еще дальше: появилась гипотеза о том, что некоторые кометы есть корабли — разведчики иной цивилизации, которые уже тысячи лет собирают информацию о Солнечной системе и, в частности, о Земле. Кстати, перечисленные факты этому не противоречат...

В общем, огромный интерес, который проявляют ученые всего мира к кометам, легко объясним. Но изучение их — задача весьма сложная. Сведений, получаемых астрономами и астрофизиками, конечно, не хватает. С кометой требуется непосредственное общение.

Стало быть, надо к ней слетать и на нее посмотреть.

Мне хочется также подчеркнуть, что мы еще очень мало знаем Солнечную систему. Многое — лишь предположения и догадки. Взять хотя бы нашего владыку — Солнце. Прошлое, настоящее и будущее нашего Солнца не может не волновать жителей Земли. Уже сегодня мы знаем, что процессы, происходящие на Солнце, в значительной мере определяют погоду, величину урожая, улова рыбы, интенсивность северных сияний, устойчивость радиосвязи... Интересы земных практических дел требуют от нас изучения Солнца.

Совершенно правильно, что знаменитая гипотеза Александра Леонидовича Чижевского теперь уже не вызывает удивления. Доказаны совпадения солнечных пиков с увеличением авиационных

и автомобильных катастроф, резким увеличением числа сердечных заболеваний.

Солнце всегда интересовало землян, и они стремились познать тайну его!

Что мы знаем о Солнце?

Раскаленный газовый шар, излучающий потоки тепла и света. Диаметр Солнца больше земного в 109 раз!

Солнце — источник жизни, представитель бесчисленного мира звезд.

Солнцем в корне переработан и изменен лик Земли. Мы уже говорили о гипотезах Чижевского, но мне хочется снова вернуться к некоторым аспектам его предположений. Он утверждал, что в повторяющемся характере эпидемических катастроф повинно Солнце. Известно, что в годы максимальной солнечной активности возрастает число землетрясений.

Сейчас очень популярны теории об изменении климата на нашей планете. Есть сторонники версии, что на Земле в будущем похолодает, другие считают, что начался период потепления. Как видите, мнения диаметрально противоположны.

Некоторые думают, что будущее Земли зависит только от самой планеты (а теории «потепления-похолодания» базируются именно на этом утверждении). Ученые все больше и больше обращают свое внимание к Солнцу: именно оно поможет предсказать наш завтрашний день.

28 января 1976 года была зафиксирована гибель звезды размером с наше светило. В течение 40 секунд звезда сжалась (коллапсировала) до размеров Луны. При этом произошло такое выделение энергии, что нынешнему поколению Земли ее хватило бы на миллиарды лет.

Это космическое явление не сопровождалось никакими видимыми излучениями, а приборы зафиксировали интенсивность гамма-лучей, по силе эквивалентную 110 миллиардам солнечных вспышек.

Источники гамма-излучения поддаются изучению труднее, чем квазеры и пульсары. Атмосфера не пропускает гамма-лучи к земным приборам, и они фиксируются лишь аппаратурой спутников. Я подчеркиваю: приборы обязательно должны находиться в космосе.

Эта звезда коллапсировала в другой Галактике. Предполагают, что подобные явления происходят при рождении так называемых белых карликов. Согласно другой гипотезе, всплеск гамма-излучения сопутствует предсмертным агониям звезд, превращающихся в «черные дыры». В общем, это одно из тех загадочных явлений, которое предстоит расшифровать космической науке.

Данная проблема достаточно серьезна. И ведь наверняка у многих читателей мелькнула мысль: «А вдруг и наше Солнце?» Могу также сказать, что поискам научной концепции, стройной теории происхождения Земли, Галактики, Вселенной, познанию связей

«Земля — Солнце», «Солнце — Галактика», «Галактика — Вселенная» — впредь будет уделяться более пристальное внимание.

В космосе работы много, но с каждым нашим более далеким или более глубоким порникновением в просторы Вселенной ее становится больше.

Недавно как очередную сенсацию мировая печать преподнесла известие о загадках планеты Плутона и его спутника. Плутон самая далекая и наименее изученная планета Солнечной системы, значительно отличается от других. Например, ее масса очень мала — меньше массы Луны, зато велика продолжительность периода обращения вокруг своей оси. Сутки на Плутоне более чем в шесть раз длиннее земных. Уже давно высказывается мысль, что когда-то Плутон был спутником Нептуна, но затем «ушел» от него. Расчеты показывают обоснованность этой гипотезы.

Открытие спутника планеты — Харона поставило новые загадки. Если он существовал уже тогда, когда Плутон был спутником Нептуна, то приливные силы со стороны большой планеты привели бы к столкновению Плутона и Харона в течение первого миллиона лет после их образования. Это заставляет усомниться в том, что Харон был «спутником спутника». Масса Харона составляет одну десятую массы Плутона, что значительно больше подобного соотношения для других планет. Возможно, что к образованию «двойной» планеты привело быстрое вращение первоначального единого тела. Причина такого быстрого вращения пока неясна, но возможно, что это случилось под действием сил, оторвавших Плутон от Нептуна.

Ученые предполагают, что за орбитой Плутона находится звездоподобный объект, названный ими «коричневым карликом», — звездой, которая не вспыхнула из-за малой массы. Возможно, что этот объект — гость из другой Галактики, и, возможно, через тысячи лет он вновь покинет Солнечную систему.

Систематическое наблюдение за поверхностью нашей планеты позволило обнаружить и вернуть к жизни не только предметы, строения, имеющие исторические значения, но даже целые поселения, города. И удивительно то, что находят их на разных континентах нашей планеты.

Так, в Англии обнаружено сооружение, напоминающее место ритуальных церемоний и погребений, названное Стоунхенджем. Каменное сооружение, построенное в 1900—1600 гг. до новой эры, и сейчас своей массивностью и монументальностью потрясает вображение.

Что же это такое? Ради чего люди на рубеже каменного и бронзового веков воздвигли это загадочное сооружение?

Здесь с удивительной точностью вели счет календарным дням, отмечали начала времен года, предсказывали наступление солнечных и лунных затмений. Это достигалось тем, что направления, заданные трилитами, другими камнями и лунками с высокой точностью совпадают с азимутами восходов и заходов Солнца и Лу-

ны в характерные дни года по состоянию на 1500 г. до н. э. Солнечные и лунные затмения жрецы предсказывали безошибочно, перекладывая «памятные» камни из одной лунки в другую. Называют Стоунхендж «вычислительной машиной каменного века».

Да, загадок, связанных со Стоунхенджем, много. Самое удивительное не в том, как древние люди, пусть даже обладающие неимоверной физической силой и хитроумными техническими средствами, откололи, обработали и перетащили пятидесятитонные глыбы. Но как древние британцы нашли принцип вычислительной машины, не имея ни системы исчисления, ни письменности?! Кто научил жрецов сложному геометрическому искусству, как выполнили они уникальную геодезическую разметку, не имея самых примитивных иструментов? Каким образом из поколения в поколение передавались идеи? Почти несомненным кажется тот факт, что Стоунхендж строился по единому генеральному плану...

На северо-американском континенте в штате Луизиана в местечке хлопковой плантации Поверти Пойнт ученые обнаружили загадочное сооружение, построенное талантливыми предками примерно в 1800 г. до нашей эры.

При ближайшем изучении археологов поразило значительное сходство объекта в Поверти Пойнте с астрономической обсерваторией в Стоунхендже. Новый объект состоит из шести концентрических восьмиугольников, которые пересечены четырьмя широкими радиальными проходами. Два из них точно указывают на направление захода Солнца. Ученые предполагают, что в этой обсерватории проводили измерения времени на две тысячи лет раньше, чем это делали индейцы майя.

На южно-американском континенте в пятистах километрах к Северу от Лимы (столицы Перу) обнаружен город Чан-Чан — сказочная столица народа Чиму, жившего здесь в период с 1000 по 1400 годы. В те древние времена этот город называли городом Чудес. На месте пустыни талантливый и трудолюбивый народ Чиму построил водопровод, канализацию, общественные бани, дороги, великолепные дворцы, редкостной красоты башни. Проживало в этом городе свыше ста тысяч жителей, число по тем временам астрономическое.

Древние жители Чан-Чана накопили много золота, драгоценных камней, серебра. Ни золото, ни серебро не имели обращения в качестве денег, а служили украшением или религиозным и ритуальным целям.

Город сохранялся много веков, но в 1925 году на этот район, где никогда не идут дожди, обрушился водяной смерч сокрушительной силы и строения буквально «растаяли», как тает мороженое на солнце.

Изучать эти уникальные памятники старины — одна из важнейших задач космонавтики. Как видите, работы в космосе необычайно много, и объем проблем, решаемых спутниками и пилотируемыми кораблями, непрерывно расширяется...

Известный популяризатор советской науки Яков Перельман писал: «...если нам суждено когда-нибудь вступить в непосредственное сообщение с другими планетами, включить их в сферу своей добывающей промышленности, быть может, даже колонизовать иные миры, если астрономия превратится когда-нибудь в «небесную географию и геологию...»

Советская космонавтика занимается исследованием околоземного космоса, далеких просторов Вселенной, а также планет Солнечной системы.

Но пусть все это читателя не удивит, не огорчит, не настроит на сенсационный тон... Было бы неправильно, если бы всю свою научно-исследовательскую работу мы ориентировали только на планетные проблемы? Думаю, что нет.

К. Э. Циолковский в своей работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» писал: «Бесчисленные планеты Земля — есть острова беспредельного эфирного океана. Человек занимает один из них. Но почему он не может пользоваться и другими, а так же и могуществом бесчисленных Солнц».

Освоить просторы Солнечной системы мечтал и Сергей Павлович Королев.

Поиск разумной жизни во Вселенной ныне занимает умы многих ученых из всех стран мира.

В декабре 1981 года в Таллине состоялся 2-й симпозиум по этим проблемам. Более двухсот ученых из двадцати стран мира представили свои научные доклады. Хочу обратить ваше внимание: состоялся второй Всесоюзный симпозиум. Не всемирный, а наш, общесоюзный, хотя представительство его было всемирным. Это свидетельствует не только об огромном интересе к данной проблеме, но и об определенных накоплениях материала, научных концепциях, представляющих интерес. За последние годы сформулированы задачи, очерчен круг проблем, наметились основные направления работы. Учеными всех стран мира сделано уже немало в плане поиска внеземных цивилизаций, установления с ними контактов.

Земля направляет в далекий космос радиосигналы, на прослушивание сигналов далеких планет поставлены мощные антенные устройства и т. д.

Почему же мы до сих пор не обнаружили, не услышали, не записали радиосигналов внеземных цивилизаций?

Не означает ли это, что наша планета — единственно обитаема, единственно освоена разумными существами?

Думаю, что такое суждение неверно, опасно, антинаучно. Я, разумеется, не отвергаю пути и средства поисков цивилизаций, избираемых учеными, не ограничиваю их какими-то едиными соображениями. Но мы вправе задать себе вопрос: почему радиосигнал принят как единственное и надежное средство информации?

Да, при нынешней степени развития нашей планеты, возможно, радиосигнальная форма общения является надежной и стабильной, но нам неизвестен уровень развития планеты-собеседницы. Мы не знаем, на какой частоте следует искать сигналы — ответы внеземных цивилизаций, не знаем направления и время их обращения к нам, если вообще они могут быть. На Таллинском симпозиуме определилось несколько позиций, несколько точек зрения по контактам с внеземными цивилизациями.

На симпозиуме отмечалось, что хотя прямых доказательств существования множественности обитаемых миров наука пока не имеет, поиск внеземных цивилизаций следует продолжать.

Вселенная, по утверждению ученых, возникла 15—20 миллиардов лет назад, Солнечная система 5—7 миллиардов лет.

С научной точки зрения нельзя говорить о начале или конце этапа развития Солнечной системы. Движение ее непрерывно, вечно. Вселенная не возникает из ничего. Ученые предполагают, что Вселенная возникла в результате взрыва чудовищной гравитационной силы.

Попытайтесь представить гигантское газопылевое облако, распадающееся на туманности, где 98 процентов водорода и гелия, остальное — твердые частицы. Одна из этих туманностей — будущая Солнечная система. При сжатии туманности согласно законам небесной механики она становится более плоской, похожей на линзу. Взвешенные в газе пылевые частицы спускаются к ее центральной плоскости. Появляется пылевой слой, который оказывается неустойчивым и распадается на множество пылевых сгустков. Встречаясь друг с другом, сгустки объединяются и сжимаются, образуя тела размером в десятки километров. Тела своим тяготением раскачивают друг друга, и их скорости растут. Мелкие тела при столкновении разрушаются, а крупные продолжают расти и превращаются в нынешние планеты, образующие устойчивую систему, способную существовать, не разрушаясь, миллиарды лет.

Огромная энергия ударов превращалась в тепло. А так как тело диаметром в 200 километров проникало в глубь планеты примерно на 400 километров, то часть тепла, не успевая достичь поверхности и излучиться в пространство, нагревала окружающие породы. Расчеты показали, что верхние слои формировались при высокой температуре, вплоть до частичного расплавления. Центральная область Земли была более холодной и лишь постепенно разогревалась радиоактивным теплом и энергией, освобождавшейся при образовании тяжелого ядра.

Радиоактивные элементы вначале были распределены в веществе более или менее равномерно. В небольших телах тепло легко излучалось в пространство. Но по мере увеличения размеров планеты тепло уже не успевало вырваться из ее недр наружу. На значительной стадии формирования Земли в ее недрах на глубинах до тысячи километров температура поднялась до начала

плавления. Легкие вещества начали буквально всплывать к поверхности планеты, тяжелые, наоборот, устремились к центру. Постепенно образовалось ядро. Оно почти все (кроме центральной части внутреннего ядра) жидкое, имеет температуру около пяти тысяч градусов и состоит, скорее всего, из железа с примесью других веществ.

Нам хорошо известно, что К. Э. Циолковский значительную часть своих работ посвятил развитию теории о происхождении Земли, о внеземных цивилизациях.

«Млечный путь,— писал Циолковский,— содержит сотни миллионов Солнц и миллионы планет, на которых могла бы зародиться жизнь. Мы даже нисколько не сомневаемся, что она там уже есть и даже в более совершенной форме, чем на Земле (по крайней мере на большинстве планет). Может быть, немногие из них обладают таким могуществом, которое мы себе не можем вообразить. Это могущество и помогло им рассеять совершенную жизнь, если не на Земле, то на других планетах... Сколько Солнц, столько почти и планетных систем. Поэтому каждая из них служит колыбелью для зарождения жизни или обиталищем и пристанищем совершенных существ... Вселенная битком набита совершенными существами».

Я умышленно остановился на этой проблеме. Ибо она имеет прямое отношение к деятельности человека, его психологии. Мимо этой проблемы не может пройти литература, наука, общество.

Известно, что за рубежом много пишут о так называемых загадках и тайнах нашей планеты. Вероятно, они существуют, как непознанные явления жизни.

Например, в Аравийской пустыне найдены каменные образования, так называемые «каменные кактусы», происхождение которых пока наукой не объяснено.

В районе Тихого океана недалеко от острова Огасавар обнаружен гигантский водоворот, в котором бесследно, при таинственных обстоятельствах исчезают суда. Наблюдение ученых определило странное поведение водоворота. Он имеет радиус около ста километров, поднимается с глубины пяти километров, энергия его в десять раз больше обычного морского течения. Один раз в 100 дней он меняет направление своего вращения, закручиваясь по часовой стрелке, а затем — против.

В предгорьях Гималаев недалеко от Четаковского перевала обнаружены обитаемые пещеры. Люди, населяющие их, не пользуются огнем, не носят одежды.

Ученые считают, что в ближайшие годы человечеству предстоит изучить различные области космического пространства: околоземную, Луну, планеты и межпланетную. Работая в космическом пространстве, люди должны найти ответы на такие принципиальные вопросы, как строение и эволюция Вселенной, образование Солнечной системы, происхождение и пути развития жизни.

Вслед за исследованием Луны человечество предполагает познать Марс, Венеру и, конечно, Солнце.

Сейчас ученые с уверенностью могут сказать, что на Марсе нет жизни, но, как они предполагают, она процветала в ранние периоды существования этой планеты.

Невозможно представить, что в бескрайней Вселенной мы единственные разумные существа.

Вторжение человечества в Галактику, во Вселенную, несомненно, ее изменит. У многих планет появятся искусственные спутники, живые существа, кочуя по космическому пространству, будут расселяться в самых отдаленных просторах Вселенной, изменять атмосферу планет. Разработан план «переделки» атмосферы Венеры. Ученые предлагают забросить в атмосферу водоросли хлореллы, которые, размножаясь, обогатят среду кислородом. Венера долгие годы рассматривалась нами как идеальная обитель жизни. Автоматы, побывавшие на Венере, проложили туда дорогу человечеству.

Немало предстоит сделать в ходе космических исследований и по изучению нашей Земли.

Первые советские спутники заставили людей планеты устремить во Вселенную пристальные взоры. Человеческая мысль шагнула далеко за пределы Галактики, в необозримые просторы космоса. Ничто не может остановить человека на пути знаний и прогресса. Время сенсаций и восторгов, скепсиса и недоверия миновало. Космос повсеместно и прочно входит в нашу жизнь и образ мысли, в научно-исследовательские программы и народно-хозяйственные планы.

Исследование Вселенной — это научное познание законов космоса, но ведь и сама система познания тоже строится на научных основах. Один успех — это пока не причина для радости, а просто везение. Один взятый рубеж — это еще не победа.

Разведывая Вселенную, изучая законы небесной механики, постигая новые явления — порой труднообъяснимые — космонавты познают людей, исследуют их возможности.

Пределы людских возможностей составляют такую же тайну, как происхождение Галактики.

К примеру, возможности разума безграничны и, не в качестве сенсации, я хочу рассказать об одной гипотезе английских астрономов. Недавно в глубинных пространствах Вселенной они открыли странную одинокую звезду, удаленную от Земли на расстояние восьми световых лет. Изучая этот новый объект, ученые установили, что красный сверхгигант находится далеко за пределами какой-либо Галактики. Странность и необычность этой звезды вызвали у астрономов много недоуменных вопросов: как вне Галактики, где нет условий для образования звезд, появился этот объект? Какие силы, если он образовался в условиях галактической гравитации, выбросили его из звездной системы? Предположения ученых вызвали большие научные споры. Ныне одна гипо-

теза отвергает другую. Но все больше союзников приобретает теория об искусственном происхождении этой звезды, о творении разума далекой и весьма развитой цивилизации.

Реальность жизни обгоняет безбрежные возможности фантастики.

В начале 20 века Константин Эдуардович Циолковский написал такие слова: «Сейчас люди слабы, но и то преобразовывают поверхность Земли. Через миллионы лет это могущество усилится до того, что они изменят поверхность Земли, ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Будут управлять климатом и будут распоряжаться в пределах солнечной системы, как и на самой Земле. Будут путешествовать и за пределами планетной системы, достигнут иных Солнц и воспользуются даже материалом планет, лун, астероидов, чтобы не только строить свои сооружения, но и создавать новые живые существа».

Как видите, даже при коротком перечислении — тайн на нашей Земле не так уж мало. Если не все, то многие будут исследованы из космоса, откуда и получат глубоконаучные обоснования своего происхождения.

Рассказ о разгадке механизма этих явлений представляет огромный научный интерес.

Каждому из нас приходится слышать сетования на неустойчивость прогноза. Старики говорят, что раньше прогнозы были точнее. Представьте себе, они правы.

Прогнозировать погоду при огромной оснащенности техникой стало не легче, а труднее. Информация о погоде — это не только навигация, полеты, стихийные бедствия, но урожайность, обеспечение сырьем промышленности, развитое животноводство.

Однако, если ежедневные прогнозы подтверждаются на 56—61 процент, то долгосрочные не превышают 30 процентов.

В чем причина?

Почему так нестабильна погода? Многие ученые считают, что происходит это в результате деятельности человека, и сам процесс изменения необратим.

Концентрация углекислого газа в атмосфере за последние 100 лет значительно возросла и продолжает быстро увеличиваться из-за вырубки лесов, в результате чего слой перегноя, содержащий богатые углеродом органические вещества, непосредственно соприкасается с воздухом. Под его воздействием ускоренно происходят процессы окисления. Однако в последнее время главная причина быстрого накопления углекислого газа в атмосфере — это сжигание ископаемого топлива, в основном каменного угля.

Если потребление энергии в мире будет продолжать расти современными темпами, прежде всего это касается энергии, получаемой из ископаемых видов топлива, то примерно к 2025 году концентрация углекислого газа в атмосфере удвоится. Многие климатологи считают, что в результате этого средняя температура на земном шаре повысится на 2—3 градуса.

Если количество сжигаемого во всем мире топлива будет увеличиваться нынешними темпами, то в ближайшее столетие вследствие «парникового эффекта» средняя температура на земном шаре увеличится на 4 градуса и к 2080 году достигнет 19 градусов. Такое потепление вызовет массовое таяние льдов в Арктике, что приведет к повышению уровня Мирового океана. В результате потепления на 300—800 км сместятся границы климатических зон, на побережье Северного Ледовитого океана возникнут лиственные леса и резко сократится зона пустынь. В Южном полушарии климат из-за влияния Антарктиды практически не изменится.

А вот еще один пример.

Только за неполных пять лет после создания орбитальной станции она совершила свыше 25 тысяч витков вокруг Земли, преодолев расстояние около 12 миллиардов километров. Полет «Салют-6» специалисты справедливо относят к одному из самых значительных достижений советской космонавтики. На станции работали пять основных экспедиций и 11 экспедиций посещения. Время функционирования станции в пилотируемом режиме составило 676 суток. Осуществлено 35 стыковок ее с пилотируемыми и автоматическими космическими кораблями, три выхода экипажей в открытый космос. Достигнута рекордная длительность пребывания человека в условиях космического полета — 185 суток.

На борту станции «Салют-6» экипажами выполнено много геофизических, астрофизических, технологических, физико-технических и медико-биологических исследований и экспериментов в интересах развития фундаментальных наук и практического подъема народного хозяйства. Проведены фотосъемки территории Советского Союза и других социалистических стран для изучения природных ресурсов Земли. Накоплен значительный опыт отработки технологии для получения различных материалов и покрытий в условиях космического полета. Более 1600 экспериментов научного и народнохозяйственного назначения выполнено на борту станции, 27 космонавтов участвовали в пилотируемых экспедициях на «Салюте-6», причем шесть из них — дважды, и восемь из них как посланцы социалистических государств посетили станцию.

Недавно по согласованию между СССР, США, Францией и Канадой создана организация Коспас (космическая система поиска аварийных судов и самолетов).

Что же заставило крупнейшие морские державы призвать на помощь спутники, до того «освоившие» уже десятки специальностей, в том числе морских навигаторов, обеспечивающих точное судовождение?

По данным статистики Ллойда за 1971—1980 годы на морях и океанах погибло 3.764 морских судна, каждое валовой вместимостью (мера объема) более 100 регистровых тонн. Мелкие плавсредства — яхты, катера, рыболовные шхуны при этом даже не учитываются. Почти столько англо-американских торговых су-

дов потопили за всю вторую мировую войну «волчьи стаи» фашистских подводных лодок.

Человек XX столетия — не фаталист, и он должен с открытыми глазами принимать вызов, который бросают ему стихия, все усложняющаяся техника, интенсивность движения на морских дорогах, создающая множество опасных ситуаций, за которыми не поспевает порой мысль рулевого, ведущего стальную громаду длиной в несколько сот метров в узкостях проливов или каналов — в шторм и туманы. Все это, вместе взятое, говорит о том, что окончательно исключить саму возможность возникновения аварийной ситуации на море, пока, к сожалению, нельзя. Хотя делается для этого многое.

Например, за те же десять лет количество столкновений судов в наиболее опасных районах Северо-Западной Европы уменьшилось более чем вдвое, а в южной части Северного моря — в четыре раза, хотя при этом интенсивность судоходства значительно возросла. Успех достигнут благодаря системам разделения движения, подобно тем, что применяются на автомобильных трассах.

Но вернемся к статистике Ллойда. За те же десять лет свыше 60 судов мирового торгового флота исчезли бесследно, т. е. мы до сих пор точно не знаем, где и как потонул, скажем, норвежский нефтетрубовоз «Берге Ванга», плававший под либерийским флагом. А ведь это было не утлое суденышко — огромный транспорт. Он пропал в конце 1979 года на переходе из Бразилии в Японию.

Система КОСПАС исключает такие ситуации. Сигналы с аварийного радиобуя, установленного на каждом транспортном средстве, в экспедициях геологов, ученых, поступят на советский или американский спутник, патрулирующий над планетой на высоте 800—1.000 километров. После обработки их на береговых пунктах точность определения координат составит всего одну-две мили, и находящиеся вблизи от места аварии суда и самолеты получат полную информацию терпящих бедствие.

Космос обживается. В нем мы научились жить и работать. Регулярные рейсы по трассе Земля — космос — Земля позволили сменять экипажи, пополнять запасы топлива и расходуемых материалов, доставлять на орбиту новые приборы и оборудование.

Словом, космос изучается, покоряется, осваивается... Во Вселенную подпимаются все новые и новые разведчики звездных трасс. Но в памяти народной вечно будет жить человек, который первым открыл дорогу в космос,— советский гражданин, коммунист Юрий Гагарин.

Почти все газеты и журналы мира периодически публикуют материалы о первом космонавте, и радостно от того, что авторы находят все новые и новые штрихи его биографии, неизвестные ее факты, по-новому, с позиции восьмидесятых годов оценивают его подвиг.

В газете «Правда» я прочитал очерк А. Воротникова «Памятен тот апрель», есть в нем такие слова:

«Геннадий Григорьевич Соколов, руководитель физвоспитания Саратовского индустриально-педагогического техникума:

— Гагарин четыре года учился в наших стенах. Учился прилежно и был волевым спортсменом.

С утра 12 апреля 1961 года я был на заседании городского комитета по физкультуре и спорту. Пришел в техникум и вдруг слышу от преподавателей:

— Наш Гагарин в космосе!

Вскоре начались звонки по телефону из разных городов страны, из Болгарии и Югославии, Польши и Венгрии. Спрашивали: «Кто такой Гагарин?» И поскольку я хорошо его знал, без прикрас всем отвечал: «Отличный жизнерадостный человек».

На следующий день меня попросили отвезти в Москву, в Госкомитет по профтехобразованию личное дело Юрия Алексеевича. Приезжаю в столицу. Где остановиться? Захожу для начала в гостиницу «Москва». Спрашиваю: «Место есть?» «Нет». Тогда добавляю: «Я насчет Гагарина...»

Женщина-администратор с укором:

— И эти люди,— она показала на собравшихся в фойе,— тоже приехали посмотреть на Гагарина.

— Вы меня не так поняли. Я привез из Саратова личное дело космонавта.

— Покажите, — оживилась.

Показываю. Смотрит на фотографию Юры. Потом говорит:

— Будете жить у нас в номере 612.

Думаю, что и нам в раскрытии образа Гагарина должна сопутствовать удача.

Разумеется, что в жизни каждого космонавта можно найти то привлекательные, положительные черты, которые важны для воспитания советской молодежи. Но величие Юрия Гагарина и его подвиг трудно переоценить. Его полет был одновитковый и длился всего 108 минут, но — каких минут!

Юра обладал всеми необходимыми качествами, которые предъявлялись к первому космонавту, и обладал всеми достоинствами, чтобы стать первым.

Для всех нас он оставался все тем же скромным Юрием, чутким и внимательным товарищем, талантливым летчиком, даровитым спортсменом. Он никогда не переоценивал своих заслуг и часто говорил, что соревнуясь между собой, мы видели друг в друге не конкурентов, а единомышленников, стремившихся к одной цели. Мы знали, что в первый полет выберут одного из нас. Но так же хорошо знали, что и другим найдется работа, что другие сделают больше первого, продлят и разовьют то, что начнет первый. Кто-то сделает один виток вокруг Земли, кто-то — несколько витков, кто-то полетит к Луне, и все будут первыми..

Отвечая на вопросы корреспондентов, Юрий Алексеевич как-

то сказал: «Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что в общем-то работаем на износ? Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они будут думать о себе, о том, насколько подорвется их здоровье, сколько именно можно вложить сил, энергии, старания, чтобы их здоровье не подорвалось? Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание».

Нас, космонавтов, пока не так уж и много, не так фантастичны и наши полеты в космическое пространство, как иной раз расписывают их журналисты, и не так уж велики наши личные заслуги, но мы — сыны своей великой Отчизны и всегда готовы выполнить ее приказ.

К нам, в Звездный, приходят новые люди, одержимые, целеустремленные, с неукротимым желанием сказать свое слово в космонавтике. Будущие космонавты, пройдя нелегкие ступени отбора, приносят в Звездный новое дыхание своего поколения, оптимизм, неугасимую веру в свою звезду. И как бы долог и труден ни был путь до орбиты, они никогда не усомнятся в правильности выбранного курса. Я в это твердо верю!

Профессия космонавта очень интересна, и, на первый взгляд, романтична. Но без упорного и сосредоточенного труда наша работа немыслима.

Если космонавт хоть на мгновение утеряет самоощущение первооткрывателя, поддавшись иллюзии отлаженности нашей внеземной работы, привычка может уже не заменить ему счастье, а подменить его несчастьем. Нам никак нельзя забывать прозорливую и глубокую мысль Юрия Алексеевича: до сих пор каждый космонавт в космосе — первый! Ибо пока даже не предвидится какое-либо полетное задание, полностью похожее на уже выполненные. А любой новый нюанс в программе, вводящей космонавта в сложнейшую систему «человек-корабль — Земля-космос», ставит его перед лицом множества загадок и опасностей.

Необычен и нов для человека космос. Каждый шаг в нем таил и продолжает таить неизвестное. В космосе большие перепады температур, в космосе нет воздуха, космическое пространство «простреливается» космическими лучами, здесь мчатся с огромной скоростью метеориты и другие небесные тела. А невесомость? Как она повлияет на человека? Выдержит ли человек огромные перегрузки?!..

Космический корабль — это маленькая частица нашей планеты, живущая с ней одной жизнью. В течение считанных минут, пролетая над Землей, космонавты становятся как бы соучастниками многих событий, происходящих в нашей стране и за ее пределами.

Но вот заканчивается выполнение намеченной программы. Подходит время покидать корабль. Тщательно упаковываются собранный в полете материал, результаты исследований, экспериментов, оборудование, которое должно быть возвращено на Землю. Космо-

навты занимают места в спускаемом аппарате, выполняют постепенно ориентацию корабля, включают тормозной двигатель, устремляются к Земле. Нарастают перегрузки. Исчезает состояние невесомости. Вскоре раскрывается парашют, и аппарат плавно приземляется. Полет окончен! Здравствуй, родная Земля!

Наблюдая Землю из космоса, любуясь ее зорями и закатами, я вижу мир как единое целое и думаю о бесконечных возможностях человеческого разума, осваивающего Вселенную.

Земля — необыкновенно красивая планета. И мне дорога ее красота. Хочется, чтобы эта красота цвела вечно, чтобы народы сумели сохранить мир. Это мне дороже всего.

Да, наша планета действительно прекрасна. Но она песчинка по сравнению со звездными скоплениями и целыми галактиками. Человек, который живет на этой песчинке, способен мыслить, и его мысль уже шагнула далеко за пределы родной Земли, перешла невидимые барьеры своей Галактики, нашла галактики новые и дала им названия. Человек велик, всемогущ, и силы его огромны. Не ради рекорда мы дотянулись до планет, послали станции на Марс и Венеру, облетели Луну, мягко посадили на ней самоходные автоматы, научились возвращать в заданный район планеты контейнеры с лунным грунтом... Мы осваиваем мировое пространство для того, чтобы знания, добытые в безбрежном океане звезд, были поставлены на службу людям Земли.

Извечная обитель людей не такая уж необъятная, не такая богатая и прочная, как казалось еще совсем недавно,— с космических орбит это видно особенно отчетливо. Сокровенные тайны природы, разгаданные учеными, отдали в руки человечества такие фантастические силы, которые, если ими неразумно воспользоваться, способны разрушить не только земную цивилизацию, но и саму Землю.

Мысль, разум не имеют пределов в своем могуществе, если только они не уничтожат самих себя. А это может прозойти лишь в одном случае — если человечество не скажет решительное «нет» тем, кто вынашивает безумные планы термоядерной войны.

По сведениям, просочившимся в американскую печать, груз космического корабля многоразового использования «Колумбия», начавшего свой полет 27 июня 1982 года, включал телескоп, работающий в инфракрасном диапазоне, и работающие в ультрафиолетовом диапазоне сканирующие датчики для обнаружения «вражеских» ракет и космических аппаратов. Оба этих устройства, к испытанию которых астронавты должны были приступить уже в первый день полета, предполагается использовать на военных спутниках Пентагона.

Есть у космонавтов одно непреодолимое стремление — летать чаще. Мы не можем пожаловаться на продолжительность пауз: если взять, например, последнее пятилетие, то можно увидеть, что больше половины этого срока шла работа на пилотируемых кораблях и станциях. А уже в ближайшем будущем, видимо, наступит пора, когда в космосе все время кто-нибудь будет работать. К это-

му заставят прийти требования жизни, интересы науки и дальнейшего развития космической техники, стремление использовать технологические свойства невесомости.

Давняя мечта людей обозреть нашу планету с высоты птичьего полета вела их от одной идеи к другой. Эта мечта была фантастической, утопической.

Космическая фантастика на прочный фундамент науки впервые в мире была поставлена нашим гениальным соотечественником Константином Эдуардовичем Циолковским. Он предвидел развитие космонавтики на многие десятилетия вперед. Он первым высказал мысль о том, что перспектива освоения космоса безгранична, как и сама Вселенная. Циолковский обосновал не только теоретические возможности освоения космоса, но и необходимость этого. Причем, освоение космоса он неразрывно связывал с преобразованием земли — суши, океанов, атмосферы — для блага людей.

Сейчас существует много направлений международного сотрудничества в космосе: работа по объединению межгосударственных усилий в спасании космонавтов, получение оперативной информации со спутников через наземные станции слежения и наблюдения, расположенные на всех материках земного шара, и, наконец, объединение материальных усилий для более грандиозного исследования Вселенной, окружающего нас мира, понимания космических законов, оказывающих влияние на жизнь планеты. Необходимо выявить происхождение Солнечной системы в целом: как и когда возникла вокруг Солнца наша система планет, как она эволюционировала и какой она станет в будущем? И самое главное — на примере, скажем, Венеры, Марса мы можем лучше понять структуру и эволюцию «колыбели человечества». Уже сегодня успехи в изучении Луны и планет Солнечной системы с помощью ракетно-космической техники позволяют понять такие этапы истории Земли, которые стерты временем или погребены под более поздними отложениями.

Наблюдения с помощью телескопов, выведенных на околоземные орбиты, дадут много новой информации о самых отдаленных уголках, о самых загадочных объектах Вселенной, о тех гигантских катаклизмах, которые там происходят. Результаты, которые мы надеемся получить с помощью внеатмосферной астрономии, будут способствовать прояснению вопросов о возрасте Вселенной и выборе космологической картины мира, о состоянии вещества в молодой Вселенной.

Наука стоит сегодня на пороге очередных открытий, еще более глубокого проникновения в тайны окружающего космического пространства.

Нас влекут новые интересные поиски. Несмотря на поистине гигантские открытия, сделанные в ходе космических исследований, самые большие — все-таки впереди. Работы очень много.

Несколько лет ученые занимаются исследованием так называемых «черных дыр». Пока это тайна Вселенной. Недавно амери-

канские астрономы обнаружили в центре Галактики М-87 темный объект очень высокой плотности: масса его в 5 миллиардов раз больше массы Солнца. Проблемами «черных дыр» сейчас занимаются ученые многих стран мира.

Известный английский писатель Артур Кларк однажды сказал: «С того мгновения, как запустили ваш (советский) первый спутник, человечество навсегда повенчалось с космосом».

Американские ученые установили, что крупнейшая звезда нашей Галактики «Эта Каринэ» ярче Солнца в 100 раз! Может, в скором времени она взорвется, превратившись в сверхновую звезду. Астрономы усматривают в этом такой факт: звезда израсходовала свое основное водородное «топливо», открыв путь к поверхности массам азота, сформировавшегося в течение миллионов лет в ядре гиганта под воздействием термоядерных реакций.

Поскольку «Эта Каринэ» отстоит от Солнечной системы на расстоянии 9 тысяч световых лет, не исключено, что самой звезды уже не существует и что земляне видят лишь ее световой «портрет» тысячелетней давности. «Эта Каринэ» — звезда Южного полушария и поэтому недоступна для наблюдения в северных широтах. По своей яркости она уступает Венере, но иногда видна даже в дневное время.

Научно-техническая индустрия космоса такова, что она позволяет определить ретроспективы планет и прогнозировать их будущее, изменять климатические условия Венеры и Марса, создавать поселения на Луне и в открытом космосе, осваивать астероиды и подчинять их научным целям.

«Есть еще одна причина,— писал летчик-космонавт СССР Владимир Шаталов,— определяющая интерес землян к длительным космическим полетам: их не оставляет мечта совершить путешествие к далеким планетам, побывать на Марсе, рассмотреть вблизи кольца Сатурна, познать тайны Юпитера».

«Именно в возможности в ближайшем же будущем начать по-настоящему хозяйничать на нашей планете и следует видеть основное, огромное значение для нас завоевания пространств Солнечной системы...» — писал теоретик космонавтики Юрий Кондратюк.

Надлежит ответить на нелегкие вопросы: почему движутся материки, растут горы (на один сантиметр в год), извергаются вулканы, суша уходит в воду и т. д. Будет ли на нашей планете похолодание? Изменится ли положение Земли в Галактике?

Решение 26 съезда КПСС нацеливают на то, чтобы продолжить изучение и освоение космического пространства в интересах науки, техники и народного хозяйства.

Задачи грандиозны. Чтобы их успешно решать, целесообразно широкое международное сотрудничество.

Политика конфронтации, нагнетания международной напряженности, практикуемая ныне администрацией США, препятствует созданию атмосферы доверия между государствами, необ-

ходимой для совместного решения глобальных проблем. Сама гонка вооружений отвлекает от планируемого исследования космоса огромные средства, сужая возможности решения этих проблем, требующих значительных затрат.

СССР и США в ходе реализации ЭПАС накопили немалый опыт. Целесообразно разумно его использовать в ходе дальнейших совместных усилий по изучению Вселенной, претворению в жизнь самых фантастических планов.

Литературная запись *Е. Малаховской.*

Виктор МИТРОШЕНКОВ

СТАРТЫ НАДЕЖД

Журналисты назвали июль 1975 года космическим. Июль — самый разгар лета, время отпусков и кинофестивалей. А тут космическая Одиссея, первая в мире стыковка в космосе двух кораблей разных государств...

Люди у телевизоров, они видят Северную Америку, Казахстан, столицы великих государств, да что там, они видят — планету. Она мала, и она еще не ухожена, как хотелось бы, еще не так прекрасна, как должна быть. Но она одна в этой Галактике, наверное, одна.

Пятнадцатого июля в шестнадцать часов пополудни радио- и телевизионные станции мира передали сообщение ТАСС: «...В Советском Союзе произведен запуск космического корабля «Союз-19». Этим полетом положено начало первому в истории космонавтики крупному совместному научному эксперименту по программе «Союз-Аполлон», осуществляемому СССР и США...»

В 1957 году были организованы совместные наземные оптические наблюдения ученых социалистических стран за спутниками и исследования верхней атмосферы, основанные на их результатах. В 1967 году принята программа «Интеркосмос», в реализации которой сегодня участвуют десять социалистических государств. В ходе осуществления уже запущены двадцать два спутника, десять геофизических ракет «Вертикаль», значительное количество метеорологических ракет, проведен ряд комплексных экспериментов.

В 1971 году создана международная организация «Интерспутник». Страны — ее участницы — пользуются на своей территории станциями для приема и передачи через спутники связи «Молния» телефонно-телеграфных сообщений и программ телевидения. Такие станции построены во всех социалистических странах — участницах «Интеркосмоса». Советской ракетой-носителем 19 апреля 1975 года запущен первый индийский спутник Земли. Он спроектирован и изготовлен индийскими специалистами при консультации и технической помощи советской стороны.

Проводятся совместные работы в космическом пространстве с учеными Франции.

Люди, создавшие космические корабли, думали о том, как их

поднять в пространство мироздания, и о том, как потом снять их оттуда.

Увеличивая выпуск автомобилей, человечество строило дороги, кемпинги, мотели и больницы.

Как же быть с всевозрастающими стартами в космос, как обеспечить безопасность пионеров Вселенной?

К одной цели СССР и США шли различными путями. Но вот в СССР в 1967 году произвели на орбите автоматическую стыковку двух кораблей. Прежде чем послать на такой эксперимент космонавта, стыковку повторили.

На памяти были недавние происшествия в околоземном пространстве. 19 марта 1965 года через 26 часов 2 минуты после запуска на 18-м витке на корабле «Восход-2» отказала автоматика. Спокойный, хотя и напряженный голос командира Павла Ивановича Беляева донес на землю тревогу: «Тормозная установка не сработала».

Померкла радость ожидания. Все присутствующие ошеломленно смотрели на динамик, принесший эту весть: они хорошо понимали, что могло произойти сейчас.

— Паша, валяй вручную.— Это был голос Юрия Гагарина. Беляев берет управление на себя и направляет корабль к Земле.

В марте 1966 года американские астронавты Нейд Армстронг и Дэвид Скотт из-за потери управления кораблем «Джемини-8» совершили аварийную посадку в Тихом океане.

В апреле 1970 года на корабле «Аполлон-13», направлявшемся на Луну, произошел ряд серьезных отказов, чуть не приведших к гибели астронавтов. Полет на Луну пришлось прервать.

Капризы техники, так называемые «нештатные» ситуации, не прекращались.

В день исторического полета Юрия Гагарина ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР приняли обращение, в котором подчеркивалось: «Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле».

«О возможной помощи Советского Союза я думал в один из самых критических моментов в программе «Аполлон»,— говорил много месяцев спустя доктор Гленн Ланни.— Космический корабль «Аполлон-13» находился за сотни тысяч миль от Земли, когда взорвались кислородные баки. Этот несчастный случай уничтожил главный запас кислорода, взрывом повредило почти всю систему энергоснабжения. Увы, в тот драматический момент мысль о чьей-либо помощи я отбросил сразу же после того, как она возникла. Как инженер я знал, что все эти годы наши страны проектировали и строили космические корабли и стыковочные устройства по-разному. У вас была одна система, у нас — другая...»

Доктора Гленна Ланни в США называют «крестным отцом» программы «Аполлон». Шестнадцать лет он занимается космосом.

За успешные работы по спасению экипажа корабля, терпевшего бедствие, НАСА наградила его медалью «За выдающиеся заслуги».

И все-таки идея более широкой космической кооперации становилась реальной темой международных соглашений. Ведущие космические державы СССР и США договорились о проведении первого в мире эксперимента стыковки кораблей различных конструкций. Идея ЭПАС начала претворяться в жизнь.

Были утверждены экипажи для этого исторического полета.

Первые два советских экипажа — это уже известные космонавты А. Леонов и В. Кубасов, А. Филипченко и Н. Рукавишников. Третий и четвертый экипажи составили «новобранцы» космоса Ю. Романенко и А. Иванченков, В. Джанибеков и Б. Андреев.

Алексей Леонов... Он поражал работоспособностью, неугасающим интересом к своей профессии, вдохновенным творчеством, гагаринским оптимизмом, юношеским бесстрашием. А еще упорством и терпением. Потом, когда он встретится и подружится с Томасом Стаффордом, Алексей подивится схожести их судеб.

Алексей Леонов пришел в отряд космонавтов в 1960 году. Его зачислили в первую группу космонавтов, которую позднее назовут гагаринской.

Начались тренировки.

Один за одним стартовали в космос корабли, а Леонов все тренировался. Обиды не было: все его товарищи были достойными коллегами, и все имели право на полет.

«В нашем деле,— скажет потом Алексей Архипович,— ждать не последнее дело».

И он ждал, ждал и учился, ждал и тренировался.

И наконец, однажды (было это в 1963 году) академик Королев сказал:

— Следующим вы пойдете, программа сложная.

Павел Иванович Беляев был утвержден командиром «Восхода-2». Вторым пилотом — Леонов. Характеризуя новый экипаж, Сергей Иванович говорил:

— Что касается командира корабля... человек он спокойный, неторопливый... и основательный. Он не мастер говорить длинные и красивые речи, но тем не менее он все делает очень фундаментально.

Полет подтвердил правильность психологических и деловых характеристик экипажа.

Весельчак и балагур Алексей Леонов был у академика на особом счету. Сергей Павлович великолепно владел собой, своим настроением. Часто был сосредоточен, строг, но при виде Леонова смягчался, говорил:

— Я бы отметил основную черту Леонова — живость ума. Это первое. Второе — хорошее усвоение им технических знаний. Третье — прекрасный характер. Он художник, увлеченно рисует, очень общительный, очень, по-моему, добрый и располагающий человек. Смелый летчик. Технически прекрасно владеет современ-

ными реактивными истребителями. Мне кажется, что этот человек заслуживает самого большого доверия.

Сергей Павлович вникает во все детали подготовки экипажа, учит, инструктирует, напутствует.

Экипажу он говорит:

— Подготовка к старту проходит нормально. Были кое-какие неполадки. Они устранены. Полет и сам эксперимент по выходу сложны. От вас требуем четкого выполнения программы...— Сергей Павлович добавляет:— Вам самим следует учитывать все обстоятельства и принимать разумные решения. Всего на Земле предусмотреть невозможно. Повторяю,— мы об этом не раз с вами говорили во время тренировок,— надо действовать по обстоятельствам. Земля, конечно, останется вашей советчицей. Но на корабле и ваша жизнь и судьба эксперимента в ваших руках... Если заметите неполадки, все может быть, не лезьте на рожон. Вы меня поняли? — строго спрашивает конструктор.— Не нужны рекорды, нужен серьезный научный эксперимент. Вы понимаете, как много мы ждем от него? То, что мы проведем завтра, откроет целое направление в космических исследованиях.

При подготовке к полету корабля «Восход-2» летчики-космонавты участвовали в разработке эскизного проекта скафандра, шлюзовой камеры, систем управления шлюзованием, всех дополнительных систем и оборудования, которых не имел первый корабль подобного типа. Космонавты принимали участие в испытаниях нового снаряжения и оборудования, вносили предложения, необходимые для их доработки. Все предложения космонавтов были приняты.

Тщательная подготовленность и всевозможная предусмотрительность принесли свои плоды.

Выйдя в открытый космос, Леонов снял заглушку кинокамеры, покрутил в руках: что же с ней делать? Беда, правда, небольшая, размахнулся и швырнул в сторону Земли: может быть, вернется к родным пенатам!

Продолжая работать по программе, Алексей Архипович оттолкнулся от корабля и поплыл в свободном, безопорном пространстве. И тут же наблюдавший за Леоновым командир корабля Павел Иванович Беляев передал всему человечеству:

— Человек вышел в космическое пространство...

Когда подошло время возвращаться на Землю, отказала автоматика ориентации и посадки. И это было преодолено.

Новая неожиданность ждала их на Земле. Корабль опустился между двумя большими елями, в глубокий снег. Оседая, снег увлекал корабль вниз, в опасное защемление между деревьев.

Много раз рассказывал Алексей Архипович о полете на «Восходе-2», но никогда он не вспоминал эти «нештатные» ситуации. Как художник, он всегда говорил о красоте космического видения: «При открывании наружной крышки шлюза космического корабля «Восход-2» необъятный космос предстал перед моим взором во всей

своей неописуемой красоте. Земля величественно проплывала перед глазами и казалась плоской, и только кривизна по краям напоминала о том, что она все-таки шар. Несмотря на достаточно плотный светофильтр иллюминатора гермошлема были видны облака, гладь Черного моря, кромка побережья, Кавказский хребет, Новороссийская бухта. После выхода из шлюза и легкого отталкивания произошло отделение от корабля. Фал, посредством которого осуществлялось крепление к космическому аппарату и связь с командиром, медленно растянулся во всю длину... Мчавшийся над Землей космический аппарат был залит лучами Солнца. Резких контрастов света и тени не наблюдалось, так как находящиеся в тени части корабля достаточно хорошо освещались отраженными от Земли солнечными лучами. Проплывали величавые зеленые массивы, реки, горы. Ощущение было примерно таким же, как и на самолете, когда летишь на большой высоте. Но из-за значительного расстояния невозможно было определить города и детали рельефа, и это создавало впечатление, что как будто бы проплываешь над огромной красочной картой».

В январе 1966 года в больнице, на операционном столе, оборвалась жизнь Сергея Павловича Королева. Это было так неожиданно и так невосполнимо! Вместе с ним, казалось, ушла из-под ног земля, надежда, перспектива, та величайшая нравственная опора, отсутствие которой замечалось лишь с ее потерей.

Сергей Павлович так оценивал полет «Восхода-2»: «Полет Юрия Гагарина открыл эпоху космической навигации. А эпоха работы человека в свободном космосе началась в истекшем, 1965 году, в тот мартовский день, когда Алексей Леонов шагнул из шлюза в открытое пространство и свободно поплыл в нем».

Как-то, прочтя в газетах отчет Леонова о полете, Королев выделил запомнившиеся ему следующие слова:

«...Во время полета наше внимание привлек предмет, купавшийся в солнечных лучах. Мы с Павлом вскрикнули от удивления и радости. В стороне от корабля, примерно в километре, «плыл» искусственный спутник Земли. Эта встреча нас очень взволновала. Подумалось, что настанет время и встречи в космосе с другими посланцами Земли станут обычными. На космических дорогах не раз еще встретятся корабли».

При встрече конструктор сказал Алексею Архиповичу:

— Знаю, знаю, на что замахиваешься, это реально, будем общаться в космосе с посланцами других стран.

Алексей Архипович покраснел и, будто уличенный в чем-то преждевременном, глухо сказал:

— Это я по наитию, Сергей Павлович, и, кстати, развивая именно ваши идеи.

— Мои?

— Когда я был в полете, вы сказали журналистам, что, наконец, надо считаться и с таким фактором, что ведь может в конце концов сложиться такая ситуация, когда один корабль дол-

жен оказать помощь другому. Но каким же образом? Ведь корабли представляют собой очень защищенные в тепловом и в прочностном отношении конструкции. Значит, можно подойти к кораблю и ничего, собственно говоря, не сделать, потому что если его просто разгерметизировать через входной люк, то люди там погибнут. Значит, должна быть отработана такая система шлюзования, жизнеобеспечения и выхода из корабля, которая бы давала возможность оказать такую помощь...

Сергей Павлович выслушал все это и, смеясь, сказал:

— А ведь верно говорил. Я эту идею своровал у Валерия Брюсова. Еще в 1912 году он писал... Сейчас вспомню. Сразу могу читать только Есенина... Ах, вот:

Но есть еще мечта чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года.
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! Наш брат!
Двойник наш алый!
Ужели мы с тобой вовек разлучены!
Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник взор смежить! Я жду, что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит прибор Маркони
Приветствия земли в родной и чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

— А я, Сергей Павлович, у вас похищаю мысли.

Это была последняя встреча космонавта с академиком Королевым.

Потом, много месяцев спустя, журналисты напишут:

«Часы, прошедшие до приземления «Восхода», оставили свой след. Казалось, на висках Сергея Павловича появилось больше седины, возле глаз стала плотнее паутина морщинок, а у рта глубже складки».

Пришла беда — открывай ворота.

Трагически погиб один из самых близких друзей — Владимир Михайлович Комаров. Первая космическая у нас в стране, но потому очень тяжелая утрата.

Алексей Архипович хорошо понимал, что исследование космического пространства — дело трудное, новое, таинственное, что оно вряд ли обойдется без жертв, но привыкнуть к этой мысли он не мог.

Владимира Михайловича Комарова хоронили на Красной площади у Кремлевской стены в канун первомайских дней. Столица была уже в праздничном убранстве, расцвечена весенним солнцем. И вдруг рядом лег черный креп. Юрий Алексеевич Гагарин под-

бадривал всех, заботился о супруге и детях Владимира Михайловича Комарова, сдерживал себя, не давал волю чувствам. В тот день он сказал: «Мы клянемся тебе, что научим «Союз» летать...» И научили. Космические корабли «Союз» пошли в просторы мироздания, далеко понесли славу советской науки.

Начала складываться новая программа полета, и Алексей Леонов включился в сложный этап тренировок. Юрий Алексеевич Гагарин был постоянно рядом — он добивался разрешения на второй полет и вдохновенно, с величайшей самоотдачей занимался. Все с нетерпением ждали весны. Новые полеты, новые планеты, но никто тогда и не мог предположить, что она принесет и новую беду.

27 марта 1968 года во время учебно-тренировочного полета погиб Юрий Алексеевич Гагарин.

Неожиданная весть, приведшая Леонова в смятение, через несколько минут вызвала в нем неукротимую энергию. Он настаивал на прослушивании эфира — самолет мог в крайнем случае сесть на вынужденную. Вместе с Гагариным во второй кабине летчик-инструктор, командир части, Герой Советского Союза Владимир Серегин. Два таких аса. Не может быть!

Тогда Леонов попросил разрешения полететь на поиск, прыгнуть на парашюте, найти друзей — ведь они, может быть, нуждаются в помощи!

«Я закрываю глаза,— говорил Алексей Архипович,— и передо мной встает Юрино лицо. Оно очень подвижное, его лицо. Малейшие оттенки настроения, отражаются на нем и быстро меняются, как у всякого горячего по натуре человека...»

Работалось в эти дни трудно. Дома на мольберте стоял холст. Леонов брал кисть, вешал на палец палитру, подходил к подрамнику и замирал. Он создал уже немало картин, красочных, посвященных трудной профессии космонавтов, наполнил их мажорной гаммой красок, в каждом сюжете четкость, уверенность в победе человека над стихийными силами природы!.. Его картины экспонировались на выставках, выставлялись на отчетных показах в Москве, Орле, Симферополе, Братиславе, Праге, Оттаве, Хельсинки. О нем писали как о признанном художнике, издательства охотно выпускали альбомы его работ... Но зачем все это, если нет Юрия...

Алексей Архипович вспомнил почему-то свою поездку во Францию. Там сотрудники посольства однажды ему сообщили, что жена Антуана де Сент-Экзюпери желает встретиться с ним. Строптивая и экстравагантная Консуэло, всегда бежавшая от летчиков, просит аудиенции у летчика.

— В любой день и час.

Невысокая, аккуратная женщина, современно одетая, со следами былой красоты, с хорошими манерами и плохим характером, говорит:

— Я просила этой встречи, мсье Леонов, чтобы сказать, что вы напомнили мне Антуана.

— Спасибо. Я необычайно счастлив, что вижу спутницу великого Экзюпери.

— Вы знаете Антуана, читали его, да? Он, правда, неплохо писал?

— В нашей стране любят Экзюпери, его книги изданы огромными тиражами. «Маленький принц» идет в театрах многих городов...

— Антуан сделал много ошибок. Однажды он плохо написал о вашей стране, гостем которой был в 1935 году. Он потом очень переживал. Если бы он знал, что русские станут первыми в космосе... Потом он написал и такие строчки: «Постепенно я начинаю понимать, как я был наивен, когда верил всяким россказням... Я не стану больше удивляться внешним проявлениям жизни... По собственным ошибкам я вижу, как настойчиво стараются у нас исказить русский опыт. Нет, эту страну надо искать в чем-то другом. Лишь через это другое можно понять, как глубоко ее почва взрыхлена революцией...»

— «Это очень печально — когда забывают друзей»,— процитировал Леонов.

Консуэло встрепенулась, словно увидела хорошо знакомого человека.

— Вы помните «Маленького принца»? Да, да, вы художник, я забыла.— Глаза Консуэло повлажнели, но вспомнив о присутствующих здесь респектабельных мужчинах, она мило и отвлеченно улыбнулась своим мыслям.— Это хорошо, когда художники приходят в авиацию.

— Меня авиация сделала художником,— сдержанно заметил Леонов.— Она стала темой моего творчества.

— Скажите, для чего вы пишете? Я не обижаю вас этим вопросом? Я не спрашиваю о суммах ваших гонораров...

— Почему я пишу? Мне пишется. Я ищу способ самовыражения. Карандаш, кисть помогают мне познать человека, в том числе и себя, раскрыть духовный мир моих современников, проникнуть в мысли, чувства, сделать человека лучше...

В декабре 1969 года тяжело заболел Павел Иванович Беляев, командир «Восхода-2». Алексей Архипович встретился с одним из хирургов больницы, спросил о возможных способах помощи Павлу Ивановичу. Хирург поправил маленькие очки, в упор посмотрел на космонавта.

— Помощь не нужна.

— Как не нужна? Он ведь болен. Может быть, можно что-то взять из моего организма?

— Спасибо, Алексей Архипович. Я все хорошо понимаю, но мы мужчины и должны смотреть правде в глаза. Надо ждать худшего. Медицина не всесильна.

Павел Иванович лежал в палате один. Леонов приоткрыл

дверь, нарочно громко, чтобы и разбудить Беляева и заодно продемонстрировать оптимизм, выкрикнул:

— Можно, товарищ командир?

Павел Иванович повернул голову, увидел Леонова, улыбнулся.

— Можно, все можно второму пилоту.

Толковали о деле.

— Американцы все более открыто говорят о совместных полетах в космосе...

Павел Иванович слова произносил тихо, но достаточно внятно, размышлял над каждым фактом, вникал в его суть:

— Помнишь, об этом мечтал Константин Эдуардович. В повести «Вне земли» он составил интернациональный экипаж — русский, американец, француз, англичанин, немец и итальянец.

Алексей Архипович, давая больному передышку, перебил его:

— А Фрэнк Борман ведь так и сказал в Звездном городке: «Ныне достижения в космосе американских и советских космонавтов стали достояниями народов, они вышли за национальные границы...» — Леонов говорил и говорил, стараясь развлечь Павла Ивановича, а сам думал: «Как жаль, что человек еще не совершенен. Сколько бы он успел сделать, если бы не...»

...Печальный, неотвратимый конец приближался. 10 января 1970 года Павел Иванович скончался. Ушел из жизни наставник и командир, свидетель и участник дерзновенного эксперимента — выхода в космос, выдающийся летчик, душевный и умный человек...

Эти годы были тяжелыми для Леонова как по эмоциональному и душевному напряжению, так и по степени возрастающей служебной нагрузки.

Именно в этот период Леонов обращается к журналистике с целью поведать о пережитом, рассказать о товарищах, о неутомимых поисках в науке. Он выступает со статьями и публицистикой, пишет научные исследования. Продолжал заниматься он и другим, любимым искусством: живописью. Правда, космонавтика по-прежнему забирала все основное время.

«За последние два с половиной года,— писал Леонов,— я сделал не так много: четыре картины маслом, несколько пастельных и десятка полтора живописных работ, что называется, «для души». У меня просто нет времени». Но... «Я знал, чего хотел в жизни».

...Как-то в Звездный городок приехали однополчане Алексея Архиповича. Говорили о новостях, о бывших сослуживцах, о тех, кто больше всего оставался в памяти: людях с очень счастливыми или неудачными судьбами. Ребята держали себя скованно.

Алексей Архипович расстроился, сказал им об этом.

— Вы такой известный космонавт...

— Вы! Да что я, чужой вам?

— Не обижайся, Леша, но мы все-таки... Космонавты выше летчиков, и вовсе не потому, что их, то-есть вас, мало, а потому, что от вас большего ждут.

Для музея части летчики попросили «хоть что-нибудь».

— Берите все, что надо,— сказал Леонов и показал на обилие сувениров в доме.

— Нам бы фотографии...

— Пожалуйста.

— Нам бы...

— Пожалуйста.

...И вот, наконец-то, что он и его товарищи по полетам в космическое пространство нетерпеливо ждали, свершилось. 24 мая 1972 года Советский Союз и США заключили Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. При комплектовании экипажей названы их командиры — Филипченко, Джанибеков и Романенко.

Где-то в первой декаде мая 1973 года Алексея пригласили на беседу в Совет «Интеркосмос». Встретили Леонова, как всегда, приветливо, расспросили о семье, учебе дочерей, поинтересовались работой жены в Центре подготовки космонавтов. И затем перешли к делу.

— Есть намерение предложить вас командиром первого экипажа. Справитесь?

Не ожидавший такого крутого поворота в разговоре Алексей на мгновение растерялся.

— А кто бортинженер?

— Кубасов.

Сказали об этом коротко и твердо, с ответом не торопили. И Алексей, забыв о себе, думал о бортинженере. С Кубасовым он много лет работал рядом, вместе принимали участие в рождении «Салюта». Хорошо познали и друг друга, и космическую технику, которой занимались.

— Ну как?

— Отличный специалист,— ответил Леонов.

Да и как же иначе. Кандидат технических наук давно. К тому же великолепный механик. Несколько серьезных работ на счету. По динамике космических аппаратов, расчетам их движения по орбитам. Он, конечно, человек широкого склада ума и Вэнс Бранд, его коллега по американскому экипажу, был просто очарован Валерием, его технической «обитаемостью» в любом космическом корабле.

Как-то во время одной из тренировок экипаж получил радиограмму. Леонов ее принял. Умом и сердцем, как говорится, пошел дальше. А он, Кубасов, просит «землю» повторить еще и еще. Алексей не выдержал:

— Хватит, Валерий. Ясно давно.

— Нет, Леша, здесь со временем не так...

— Ну запиши. Потом проанализируешь,— не унимается импульсивный командир экипажа.

— Потом будет поздно. Выйдем из зоны связи...

Бортинженер продолжает копаться в документах. Леонов смот-

рит на часы. Времени, действительно, в обрез. Еще немного — и связь оборвется. Тогда не уточнишь. Вчитывается в радиограмму: да, напутано! Кричит: «Ну и мужик же ты правильный, Валерка. Истый русак!»

Хотел уже было дать согласие, поблагодарить за оказанное доверие, но вспомнил о своих скромных познаниях в английском:

— Но у меня нет языковой подготовки. Товарищи уже полгода занимаются и неплохо говорят...

— Создадим условия — догоните,— подбодрили его. Еще два года до полета... Хватит вам этого времени?

Леонов улыбнулся:

— Вполне.

— Тогда считайте себя командиром первого экипажа. Думаю, с нашим предложением в Центральном Комитете согласятся... Да, через неделю космонавты летят в Париж, на Салон авиационно-космической техники. Познакомитесь с американскими астронавтами...

В Центре подготовки космонавтов это его назначение было воспринято как должное. Это ведь сегодня слова «космическая станция» воспринимаются легко, привычно. Но тогда, более десяти лет назад, даже после своего блистательного выхода в открытый космос из корабля «Восход-2», встреча с этой новой космической машиной буквально его потрясла. Проект ему казался фантастическим. И роль человека необычайна — испытатель. Готовясь к космической работе на «Салюте», он постигал машину с чертежей, был участником составления ее макета, горячих обсуждений необычного проекта. Леонов был практически на всех участках, где хоть в какой-то мере решалось будущее орбитальной станции.

Работа на «Салюте» увлекала. Что ни шаг — встреча с новым, поиск оригинальных решений. Он и сам внес в ее создание немало интересного, расширяя диапазон ее научного применения в космосе. Готовился в одном из очередных на ней полетов заняться выяснением природы космической радуги, с которой встретился во время своего первого свидания с космосом. Поразила необычная палитра красок радуги, неземное обилие ее тонов и полутонов. Что рождало эту фантастическую игру цвета?..

Художник по натуре, вместе с товарищами, занятыми подготовкой «Салюта» к космической экспедиции, он придумал, даже в деталях разработал методику анализа этой космической радуги. Сконструировал нужный для этого прибор, связался с соответствующими лабораториями. Внес немало других предложений, реализовавшихся позднее в разумной компоновке станции.

Домой он возвращался к полуночи. Спать не ложился. Тянуло к мольберту, холсту и краскам. Бурная его фантазия воплощалась в удивительные по сюжету и цвету полотна. Созданные в ту пору, они приблизили нас к космосу, вероятно, даже породнили с ним. Картины эти широко экспонировались на выставках, путе-

ществуют по музеям и выставочным залам сегодня: в аспидно-синем безмолвном космосе «парят» огромные орбитальные станции и к ним причаливают прибывшие с Земли корабли. Во Вселенной люди, облаченные в неземные одежды, создают земную жизнь...

В конце мая, как и говорили, Леонов и три других командира экипажа со своими бортинженерами вылетели в Париж, в Ля Бурже, на встречу с американскими астронавтами.

О Стаффорде и Слейтоне какое-то представление имел. О Бранде — никакого.

Другое дело Дик Слейтон. С ним встречался еще в Афинах, на одном из международных конгрессов. Дик тогда занимал большую должность — возглавлял отдел подготовки астронавтов.

Лучше других Алексей знал Тома Стафорда. Познакомился с ним еще в июне 1971 года, когда Том приезжал проводить в последний путь погибших советских космонавтов — Добровольского, Волкова, Пацаева. Поговорил с ним тогда немного, не предполагая, конечно, что в будущем их сведет общая работа. Выглядит Том старше своих лет. Степенен и рассудителен, как дед. За ним сразу же закрепилось это прозвище — «Дед Том». Мягкий и добрый по натуре, он и во время тренировок обращался к Леонову на манер высшей интеллигентности. «Включите, пожалуйста, Алексей, это». «Извините, пожалуйста...». «Я хочу сделать это. Помогите, пожалуйста». Другого обращения он не признавал, даже после, когда они близко сошлись, стали семейными друзьями, Том в этом плане не изменял себе. Голубоглаз, худощав и подвижен, он понравился Алексею с первой встречи. Свои рассказы Стаффорд, как азартный мальчишка, сопровождает выразительными жестами, мимикой. А за плечами — огромная интересная судьба, деятельная жизнь в авиации, космосе.

До прихода в Центр подготовки в Хьюстоне Стаффорд занимался летными испытаниями самолетов. Провел в воздухе более пяти тысяч часов, доведя до требуемой кондиции десятки истребителей, в том числе и небезызвестный «фантом». Одно время командовал даже школой летчиков-испытателей.

Как признался Стаффорд, вряд ли он стал бы астронавтом, не будь потрясшего мир броска в космос нашего Юрия Гагарина.

Тогда, в Париже, Вэнса Бранда не оказалось. Американцы осуществляли полет по программе «Скайлэб». 30 мая стартовал в космос экипаж Чарлза Конрада, и Бранд находился на космодроме.

Там, в Бурже, Алексей встретил свой день рождения. Ему исполнилось 39 лет. Космонавты отметили эту дату весело. Поставив по традиции именинника на голову, чтобы в такой позе продержался «положенные» 39 секунд, и здесь вручили огромный торт.

Кроме Стаффорда и Слейтона на этой встрече были и возвратившиеся недавно из космического путешествия на «Аполлоне-17» Сернан, Шмидт и Эванс, совершавшие свою рекламную «кругосветку» по странам.

...Спустя месяц, в июле, состоялась их новая встреча — в Хьюстоне, куда в свою первую рабочую командировку отправились все четыре советских экипажа, определенных для выполнения ЭПАС. Красавец ИЛ-62 перебросил космонавтов через Атлантику в Нью-Йорк. Затем «Дельта», рейсовый самолет местной авиакомпании, доставила их на аэродром, расположенный вблизи Центра подготовки астронавтов имени Джонсона.

Был поздний час, когда «Дельта» остановилась у залитого яркими огнями аэропорта. Встречавших было много. Леонов легко узнал в толпе рослого стройного «Деда Тома», приветливо махавшего ему рукой. Алексей улыбнулся, качнул в ответ рукой над головой и заспешил вниз по трапу, прямо в объятия Стаффорда.

Здесь же, в порту, был и Вэнс Бранд. После Парижа Алексей знал теперь о нем больше. «Умный, очень подготовленный инженер, к тому же хороший летчик и астронавт,— рассказывали американцы.— Но невезучий. Планировался в космический рейс, не раз доходил до самого старта, и тут какая-нибудь болезнь давала о себе знать. В последний раз прямо перед посадкой в ракету выступила краснуха. Болезнь детская, но его опять заменили дублером...»

Познакомившись с Брандом ближе, Леонов убедился в справедливости данной ему аттестации. Действительно, Вэнс общался с вычислительной машиной удивительно легко, будто разговаривал с человеком, а не с ЭВМ. Королем он был и на тренажерах. Во внешнем облике Вэнса, в его характере было что-то русское, и наши парни окрестили его тут же на свой манер — Ваней. Это ему очень понравилось. «Иван» быстро привык к своему новому имени, охотно на него откликался.

Стаффорд и Леонов с первых дней установили деловые командирские отношения. Пока им в этом помогал переводчик. Они тянулись друг к другу, стремясь «состыковаться» прежде всего характерами. И всем это было понятно. Они — командиры экипажей, главные организаторы полета и ответчики за него, успех эксперимента во многом зависит от них.

Есть у летчиков-испытателей и свои правила жизни, работы. Летное мастерство, риск в полете — обязательные атрибуты их дела. И проверяют они друг друга порой не принятым в широком кругу способом. Такому вот и подвергся в Хьюстоне Леонов. Но до этого у него была своя проверка, которую учинил ему летчик-испытатель Егор Милютичев, один из асов вертолетчиков. По программе Алексею требовалось дать хорошую вертолетную подготовку. Он ее получил. Настала пора держать летный экзамен на Ми-4. Принимал сам Милютичев. Выполнив задание в пилотажной зоне, Леонов повел было вертолет на аэродром. Но Милютичев взял управление в свои руки и изменил курс полета. Выбрав в лесу небольшую полянку, посадил туда машину, мотор приказал не выключать. Выпрыгнул из кабины, безразлично махнул рукой:

— Давай! Сделай пару полетиков...

Леонов глянул за борт. Будто в бурю перед грозой, раскачивались рядом ветки взбудораженных винтами деревьев. Взлететь отсюда под силу только летчику особой собранности и глазомера. Он дал обороты мотору, потянул на себя ручку «шаг — газ».

Машина круто вздыбилась над лесом. Он ее развернул и повел курсом на север. Не больше тридцати минут длились эти «полетики», но они оказались для него серьезным испытанием. На готовность к работе в космосе, на прочность мужской дружбы.

И вот теперь по существу такой же проверке подверг его Стаффорд, этакий волк в летно-космических переделках. В одну из тренировок Стаффорд предложил ему свое командирское место в тренажере «Аполлона», рассказал о предназначении кабинного оборудования, выполнении полета на корабле. И поставил задачу — посадить возвращающийся с Луны корабль в заданном районе Тихого океана. Расстояние до Земли — 11.000 километров, скорость — вторая космическая, 11.000 метров в секунду.

Леонов в корабле остался один. Стаффорд и специалисты спустились вниз, к пультам контроля. И хотя Алексей впервые «видел» этот тренажер, посадка у него получилась на редкость удачной. Всего 600 метров от «креста»! Астронавты явно были удивлены. «Как это так,— говорили они.— Русские не имеют пилотируемой лунной программы, их командир на «Аполлоне» никогда не летал, а задание выполнил превосходно».

Том Стаффорд ликовал, пожалуй, больше других. Именно с таким русским парнем ему и хотелось работать в космосе. Остро чувствующим технику, хватким, умным парнем. Да, конечно, он Леонова знал еще по встрече в Москве, на похоронах, но то были взаимные представления, не связанные с их будущим полетом. Показывая запись телеметрии, Стаффорд торжествующе жестикулировал, удовлетворенно прищелкивал пальцами.

Стыковка командиров проходила успешно.

Разобрав полет по косточкам, Стаффорд обнял Леонова за плечи.

— О'кей, Алексей!— сказал он и с хитринкой «Деда» добавил:— В следующий раз получишь для посадки не район, а точку...

— Можно и точку,— ответил Алексей.

Как и Том, он отлично понимал, что при космических параметрах полета это почти невозможно.

А вскоре пришлось держать еще одно испытание. И опять все это учинил Стаффорд, признанный выдумщик нештатных ситуаций. Предложил Леонову выполнить стыковку «Аполлона» с «Союзом» ночью по бортовым габаритным огням. Программой ЭПАС такое не предусмотрено. Все они делают днем. Это Стаффорду ясно. Как ясно и то, что если Леонов хорошо причалится в темноте, на свету ему, как говорится, и делать нечего будет. Потому и дал такую «сверхзадачу»...

Алексей понял это, будучи уже в полете. Пилотируемый им «Аполлон» вошел в ночь, и тут он вдруг получает команду: произвести стыковку. Первое охватившее его чувство — отказаться. Но тусклой звездочкой вдали мерцал родной «Союз». Он посвятил ему многие годы своей работы в Центре и верил в него, как в самого себя. Решительно подал крупную порцию газа в реактивные рули. Устремился к «Союзу». Но что это? По мере сближения он все меньше узнавал его. Бортовые огни виделись как бы с изнанки. Притормозил, пристально разглядывая «машину» в визир. Не разобрался. Дал газ еще, подошел ближе. И тут только понял: «Союз» повернут к нему тыльной стороной да еще потихоньку вращается. Ну и «Дед»! Придумал же вводную...

Действуя осторожно, подвел «Аполлон» к «Союзу». Завис возле него, вникая детально в обстановку. Двинулся в обход, к тому месту, где находится стыковочный узел. Метрах в пятнадцати остановился, выровнял корабль, давая крохотные доли газа в рули, пошел на стыковку. Шаг. Еще шажок. Ближе. Еще ближе. Вглядываясь в перекрестие прицела, лишь сжатием ручек управления подавал кораблю нужные команды. «Аполлон» не шел, а буквально крался к «Союзу». Тянулся в «причал» и стих. Алексей скосил взгляд на табло. Оно сигналило о том, что корабли соединились, операция по стыковке завершена...

На миг расслабился. Откинулся слегка на спинку сиденья, облегченно вздохнул. Хотел было сдуть капельку пота с кончика носа, но тут услышал в наушниках знакомый голос Тома:

— О'кей, Алексей! Отличная работа...

Алексей был в гостях почти у всех астронавтов. Живут они в одноэтажных коттеджах, в окружении стриженых газонов и вечнозеленого кустарника. Но чаще заходил к Стаффордам. Провести вместе вечер, потолковать о работе, о воспитании детей, о всякой всячине. У Тома две дочки. Одна училась в университете, другая заканчивала колледж и собиралась поступать в высшую школу. Жена Фей имеет свой частный магазинчик, прямо возле гостиницы, где жили космонавты.

Стаффорд, рассказав об этом, в шутку заметил:

— Моя жена имеет бизнес. Зарабатывает в день полдоллара!

Том типичный янки, но с сильным оклахомским выговором, и космонавты по этому поводу не раз шутили. Мол, невозможно уловить ни начала, ни конца в его фразах. Даже его жена признавалась Леонову, что не всегда понимает Тома.

Уже после полета миссис Фей Стаффорд спросила Алексея:

— Как вы его понимаете? Я прожила с ним двадцать лет, а иногда не понимаю, о чем он говорит.

На что ей Алексей шутливо ответил:

— Миссис Фей, если бы вы провели с ним несколько дней на комплексном тренажере, уверен, стали бы лучше понимать своего мужа.

Языкового барьера, как и других барьеров, у них не было...

Подготовку советских космонавтов, их инженерную эрудицию, крепкую летно-космическую выучку высоко оценили американские специалисты. Янки не удивились, когда Леонов поведал им о том, что к такому полету они готовились по существу давно. Задолго до приезда в Хьюстон. Изучали «Аполлон», его системы, принципы управления в полете, технику возвращения с лунной орбиты на Землю. Здесь же, в Хьюстоне, им нужны были лишь тренировка на реальном корабле, его тренажере. И на командирском сиденье бригадного генерала Стаффорда Леонов чувствовал себя уверенно.

Корабли эти в принципе мало чем отличались. И тот и другой к моменту рождения проекта ЭПАС прошли большой «космический путь». На «Союзе» осуществлены многочисленные пилотируемые полеты по орбитам спутника Земли, «Аполлон» достаточно надежно освоил трассу Земля — Луна. Созданные для решения разных задач, корабли, понятно, имели и разный вес, и разную тягу двигателей управления. На американском корабле они по 40 кг. каждый, на «Союзе» — по 10. Садясь за командные узлы «Аполлона», наши космонавты действовали в полете как бы более энергично. А астронавты США, привыкшие к своим мощным рулям, на «Союзе» поначалу пилотировали не всегда удачно. Приходилось много показывать и рассказывать, пока не вошло все в норму.

...Хьюстон. Что знали о нем Леонов и прибывшие с ним товарищи? Очень мало. Ну то, что город этот по размерам шестой в США, что расположен он вблизи Мексиканского залива — в довольно жарком месте нашей планеты. А приехав, увидели, что Хьюстон город бурно растущий, что многие сотрудники американского космического Центра, расположенного километрах в сорока южнее, «укушены домовым жуком», другими словами, заражены идеей частного строительства.

Увидели, поняли, что для американцев, разумеется обеспеченных, дом не только жилье, но и возможность вложения капиталов. Домовладельцы скрупулезно следят за тем, изменяется ли цена на недвижимость, возрастает ли ее стоимость или она «замерзла», какие есть возможности выгодно приобрести новый участок земли, какова конъюнктура в строительстве. Воспользовавшись благоприятными условиями, пожалуй, самого растущего города в США, построили себе новые дома многие работники Центра пилотируемых полетов.

На месте, где сегодня раскинул свои здания американский Центр, когда-то были заболоченные места. НАСА эти земли купила, провела немалые мелиоративные работы. А осушив почву, создала здесь свой Центр, дав ему имя одного из президентов страны — Джонсона. Вокруг постепенно выросли жилые массивы, состоящие в основном из частных одноэтажных или двухэтажных домов. Сам же Центр очень компактен. Много больших зданий — административных, учебных, тренажерных...

Влажность в Хьюстоне высокая, температура воздуха — тоже

С апреля по декабрь — за 35 по Цельсию. Духота.

— Как вы тут жили, когда не было кондиционеров?— спрашивали космонавты у хозяев.

— А мы здесь и не жили,— улыбаясь, отвечали те.

Центр весь обнесен забором из сетки. За ним — водный канал. Но с 10.00 и до 17.00 въезд в городок для всех свободен. Туристов бывает достаточно. Паркуют свои автомобили на специальных площадках, вереницей тянутся по дорожкам, глазея направо и налево. Толпятся на смотровых площадках, смотрят на комплексный тренажер за стеклянными витражами, как тренируются астронавты, чем занимаются. В дни приезда советских космонавтов праздных наблюдателей особенно много.

Делается это ради налогоплательщика. Пусть приходит, смотрит, куда тратятся его деньги. И в Звездном Центр подготовки космонавтов открыт для посетителей. Как и в Хьюстоне, есть смотровые площадки. Можно понаблюдать за тренировками экипажей, работой специалистов. Каждый год в городок космонавтов в Подмосковье приезжает более ста тысяч туристов.

Кроме астронавтов, самыми близкими к космонавтам из американцев были доктор Гленн Ланни и назначенный руководителем полета с их стороны Пит Франк. Встречались с ними чаще всего. Этим людям тогда было где-то за 40, но считались они одними из самых квалифицированных специалистов в своем деле. Любые технические вопросы, организационные умели решать предельно оперативно, с толком. Подхватывали сразу каждое интересное предложение, брались за его разработку тотчас.

Однажды во время обсуждения деталей стыковочных возможностей кораблей Леонов заметил, что на «Аполлоне» не установлена мишень, с помощью которой можно было бы уверенно выполнить эту операцию. Сказал об этом Ланни:

— В конструкции корабля не нахожу очень важной для меня детали.

— Какой, мистер Леонов?

— Стыковочной мишени. Мы же ставим на «Союз» такие, даже две... Как мне контролировать положение корабля во время подхода «Аполлон»?

Опытный инженер, Ланни сразу смекнул: космонавт прав, без мишени не обойтись. Он и сам думал об этом, только не вышел с предложением.

— Я знал, что этот вопрос когда-нибудь всплывет,— сказал он.— Ожидал, что его поставят ваши или наши специалисты. Мне очень приятно, что это сделали вы, мистер Леонов, командир «Союза»... Будет вам мишень!

Прошло два дня, Леонову показали чертежи. Это было устройство из пары дисков, установленных друг за другом. На первом изображен крест. Диски крепятся на штанге, которая выпускается после выхода корабля на орбиту. Такое устройство позволяет определить и створ, и дальность до «причала», видеть свой угол тан-

гажа, и курс по отношению к «Аполлону». Стыковочную мишень американцы спроектировали хорошую.

— Одобряете, мистер Леоиов?

— Да.

— Тогда запускаем в производство...

Ему вспомиился этот разговор в Хьюстоне иа четвертый день их полета. Выполнив иамечеиную программу, «Союз» расстыковался с «Аполлоном». Предстояло продемонстрировать работоспособиость в активном режиме. Леонов отвел корабль в сторону. Кубасов заиялся экспериментом «Солнечиое затмение». И через 6 мииут Леоиов вновь направил свой корабль на стыковку. В 15 часов 34 минуты «Союз» коснулся «Аполлона», выровнялся с иим, началось стягивание.

На календаре была дата — 19 июля 1975 года.

Все вопросы они решали тотчас, с оперативным исполиением замысла. И в этом немалая заслуга директоров ЭПАС члеиа-корреспондента АН СССР профессора К. Д. Бушуева и доктора Г. Лаини. Бушуева ученый мир знает как крупиого специалиста в области космической техники, руководителя одиого из отделеиий Академии Наук СССР. Лаини известен в НАСА как многократный победитель конкурсов на лучших деловых людей США. Оба по праву посят свои высокие титулы. Кто же они такие, директора программы? Не только представители сторон, но и основные руководители, которым поручается решеиие всех вопросов, связанных с успешной реализацией ЭПАС. Они определяют программу, организуют и ведут ее до конца. Подбирают кадры ученых, инженеров. Распределяют заказы, собирают их. В общем, это те люди, которые руководят всем, что происходит до полета, во время полета и после полета.

Глеина Лаини программа ЭПАС сделала в Америке широко известным. Ои по праву считается выдающимся специалистом своей страны по космической технике. Как большой ее знаток ои высоко оценил достижения советской космоиавтики, советской космической техиики. Корабль «Союз» в его собственном представлении, представлении америкаиских астронавтов технически очеиь совершенная машина. Удачна, во многом поучительна компоновочиая схема ее кабины. Она значительно отличается от американской. На «Аполлоне» она напомииает кабину большого самолета. Обилие пультов, усеянных тумблерами, переключателями, рубильничками. Каждая бортовая ситема корабля по существу имеет свой пульт.

На советских же кораблях избран матричный вариант компоновки. На иебольшой «квадрат» приборной доски выводится большой объем иинформации. На одии контрольно-электронный прибор, по усмотрению космонавта, могут «вызываться» параметры любой интересующей его системы. Это экономно, прогрессивно, оригинально...

В общем, работая вместе, «сторовы» могли убедиться, что и

советские технические решения, и американские имеют много «за» и «против». Такой обмен помогает выбрать оптимальные требования, единые для всех космических систем, создавать корабли по последнему слову науки и техники.

...Американские астронавты появились в Звездном впервые в ноябре 1973 года, четыре месяца спустя после возвращения из Хьюстона советских экипажей. У нас стояли уже сильные холода. Прибыв к нам налегке, свою работу астронавты начали с переодевания в русские зимние одежды. Получили шерстяное белье, теплые спортивные костюмы, обувь. Облачившись в непривычный наряд, много шутили, смеялись. Но одежда пришлась им по душе: теплая, гигиеничная, из натуральной ткани...

Первое совместное занятия — спортивное. У астронавтов хорошая беговая подготовка. Считают, что бег позволяет держать себя в форме. Алексей не занимался кроссами с полгода. Сгоряча побежал вместе со Стаффордом, Слейтоном и Брандом. Темп гости задали высокий, и Алексей едва выдержал дистанцию...

А потом они встретились в спортзале. Играли в любимую игру американцев — баскетбол. Леонов, Кубасов, Филипченко, Иванченков и Андреев — с одной стороны. Стаффорд, Слейтон, Бранд, Бин и Сернан — с другой. Гости прекрасно владели мячом, красиво водили и метко бросали по кольцу. К тому же они выше наших парней. Но ребята противопоставили им свою волю, напористость и слаженную тактику игры. Баскетбольные поединки между ними все же проходили на равных. Ну, а в футболе переигрывали гостей не раз.

Особенно по душе пришлись американцам «тренировки» в русской бане, той, что построена по настоянию и под присмотром Юрия Гагарина. Обжигающая, ледяная вода в шайках. Стоградусный пар, перехватывающий дыхание. Сладкий аромат березового веника... Все это было высшими компонентами в испытании на выживание. Жаль, на озере ледок тонкий, а то на российский манер купнули бы гостей в ледяной купели!

Гостеприимство наше известно какое. Широкое, от всей души, искреннее. Его сполна получали американские астронавты в Звездном, в других местах, куда приезжали. С такой же российской щедростью советские специалисты делились с американскими коллегами знаниями, опытом, мастерством...

Тренировки в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, как и в Хьюстоне, проводились в полную силу, по плотному распорядку работы. Всего сразу было не охватить, поэтому первый этап совместных работ в Хьюстоне и Москве был посвящен изучению космической техники. Наши экипажи изучали конструкцию «Аполлона», а астронавты — «Союза». Обменялись необходимой документацией, видеозаписями и схемами, облегчающими самостоятельное изучение особенностей конструкции и эксплуатации бортовых систем кораблей.

И уже в следующем году, на втором этапе совместной подго-

товки, приступили к тренировкам. Оба Центра — Центр подготовки имени Гагарина и Центр имени Джонсона — к этому времени создали достаточно хорошую техническую базу. А на очередной встрече, в апреле 1974 года, усилиями обеих сторон были отработаны и согласованы все особенности выполнения наиболее ответственных операций по переходам из корабля в корабль, утвержден словарь радиообмена, опробована космическая пища и выбраны рационы питания.

На тренажерах и макетах кораблей «Союз» и «Аполлон», а также на стыковочном модуле заканчивался проигрыш всех этапов штатных операций при выполнении стыковки, переходов и совместных научных экспериментов в ходе полета. Стало возможным послать в испытательный полет космонавтов А. Филипченко и Н. Рукавишникова на «Союзе-16», «родном брате» «Союза-19».

Стыковочный агрегат, созданный инженерами обеих стран, работал в космосе безупречно, доказав свою высокую надежность.

Подготовка к совместному полету завершалась. На очереди был старт.

Наука оставалась ведущей силой в намеченном мероприятии. Движение аппаратов по орбите очень чувствительно к влиянию даже малейших отклонений. Например, если при выведении скорость превысит расчетную всего на 1 метр в секунду, то в противоположной точке орбиты высота полета будет больше расчетной примерно на 3,5 километра. Кроме того, увеличится на 2 секунды период обращения по орбите, так что положение корабля через один виток будет отличаться от расчетного на 15 с лишним километров. Это отклонение будет нарастать пропорционально времени полета. В итоге к назначенному моменту встречи аппараты в действительности окажутся на очень большом удалении друг от друга.

Стыковка кораблей должна состояться на круговой орбите. По соглашению между советскими и американскими специалистами решено считать Землю правильной сферой с радиусом 6 378 16 километров. Так удобнее для расчетов.

Алексей Леонов в своих более поздних интервью говорил:

— Последние годы были направлены на дальнейшее изучение космической техники, ее разработку, на модификацию корабля «Союз»... Я — заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Значит, моя задача — готовить космонавтов, проверять их и давать им заключения на полет. Для того, чтобы иметь моральное право это делать, надо самому уметь все, по крайней мере быть не хуже тех, кого проверяешь. Я был инструктором на кораблях «Восток», «Восход», «Союз». Как это ни грустно, я уже стал космическим ветераном и за годы, отданные профессии космонавта, участвовал в работе практически по всем советским программам.

В других интервью (а их было много, ибо интерес журналистов, а стало быть и читателей, к полету нарастал) будущие его участники заявили:

А. Леонов: «Наш полет должен оказаться полезным не только для двух стран — СССР и США, но и для всех, кто выйдет со временем на космическую дорогу. Мы рассматриваем полет как начало объединения усилий народов в изучении и освоении космоса при помощи пилотируемых аппаратов».

В. Кубасов: «В известном соглашении между СССР и США о космосе в числе одной из главных целей — гуманная идея: поиск путей для оказания помощи кораблю или экипажу, попавшим в бедственное положение. Наш полет — это интернациональный полет, так как в нем участвуют представители двух государств. И надо думать, что в будущем международные экипажи станут обычным делом».

А. Леонов: «На борту корабля «Союз» находится флаг Организации Объединенных Наций. ООН приняла ряд важных документов, определяющих космический правопорядок. Вручением этого флага ей мы еще раз продемонстрируем всему миру, что космос — это великая сфера деятельности землян, принадлежащая всем. Космос будет служить только высоким идеалам человечества».

В. Кубасов: «ООН называют «инструментом мира». По окончании полета вместе с американскими коллегами флаг, пронесенный над Землей первым международным экипажем, мы передадим этой авторитетной организации».

Для космонавтов был установлен четкий график тренировок, посещений КБ и заводов, изучения английского языка. Экипажи восемь часов были на службе и восемь работали дома.

В один из вечеров жена Алексея Архиповича, прервав занятия мужа, нежно сказала:

— Ты устал, Алеша. Давай сегодня погуляем.

Леонов улыбнулся, устало раскинул руки, смежил веки. Да, хорошо бы сейчас в лес, побродить с ружьем, порыбалить, посидеть у костра до синего утра, но...

— Мы обязательно погуляем,— сказал Алексей,— но не сейчас, потом... ну скажем...

— После полета,— вкрадчиво продолжила Светлана.

Алексей Архипович, уловив иронию, сказал:

— Может быть, и до полета.

Как-то в руках Леонова оказалось интересное сообщение. В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранятся материалы, датируемые 1877—1878 гг., под названием: «О приготовлении... для правительства Северо-Американских Соединенных Штатов употребляемых у нас спасательных ракет». Оказывается, в 1877 году министерство иностранных дел России переслало в Российское общество подаяния помощи при кораблекрушениях» ...ноту пребывающего здесь поверенного в делах Северо-Американских Штатов о желании его правительства приобрести спасательные ракеты, употребляемые нашим Обществом...» В связи с американским заказом Николаевский завод обязался, не снижая предусмотренных темпов производства ракет для нужд армии и

флота России, изготовить дополнительно за оставшиеся пять месяцев 1877 года 50 спасательных ракет, а в 1878 году — 150 ракет.

Да, история хранит тайны лишь до поры до времени...

Уже много месяцев между советскими и американскими учеными шли переговоры. После долгих лет «холодной войны», породившей недоверие, подозрительность, враждебность, научные раунды иногда были малорезультативными. Появились сомнения и в целесообразности намечаемого «космического» контакта.

Когда успешно завершится программа ЭПАС, зам. директора НАСА доктор Джордж Лоу скажет: «Свою радость я с удовольствием делю с выдающимися советскими учеными, которые отдали ЭПАС столько сил. В первую очередь я хотел бы назвать академиков Келдыша, Котельникова и Петрова, а также профессора Бушуева, от работы с которыми я получил истинное удовольствие. Потребуется еще немало времени, чтобы правильно оценить масштабы проведенной работы. Ее главный итог я вижу в том, что она распахнула перед нами двери в будущее. Я надеюсь, что сотрудничество только начинается и обе наши великие страны и впредь будут работать сообща в космосе...»

Осуществляя программу ЭПАС, советские и американские ученые совершили и нравственный и научный подвиг.

В один из дней, когда казалось, что все, что так долго обсуждалось, тщательно обговаривалось, может рухнуть, предложили обменяться делегациями космонавтов. В США побывали Константин Феоктистов, Георгий Береговой, Владимир Шаталов, Андриян Николаев, Виталий Севастьянов; СССР посетили Фрэнк Борман, Нейл Армстронг и другие.

Каждая сторона, как полпредов, делегировала своих лучших граждан, достойных представить страну и в космосе и на Земле. Отношения потеплели. Работа по ЭПАС теперь продвигалась успешнее. Предстояли встречи экипажей совместного полета. Удастся ли им достичь психологической совместимости, взаимопонимания?

Люди НАСА (Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства) проходили сложный и многоступенчатый отбор. Это были истые янки, стопроцентные американцы, отвечающие всем требованиям современной жизни. В свою очередь, многие наши ученые участвовали в свое время в разработке первых советских спутников, создании космических кораблей «Восток», «Восход» и «Союз», орбитальной станции «Салют»... Будучи людьми из «окружения» академика Сергея Павловича Королева, его воспитанниками, они выделялись среди других специалистов прежде всего активностью своей технической позиции, наступательным духом в поиске новых идей и решений.

И шло это, разумеется, от их Главного, его стиля работы, склада ума. Сергей Павлович был из тех руководителей, которые не ограничиваются констатацией фактов, а используют их, чтобы ставить новые задачи, и логика его рассуждений подчас была такова,

что факты делали поставленную задачу совершенно обязательной для исполнителя.

Сегодня, когда остались позади сотни, даже тысячи решенных больших и малых проблем, ставивших порой всю работу ЭПАС на грань срыва, можно с уверенностью сказать, что преодолеть это удалось лишь благодаря таланту, мастерству и мужеству учеников и последователей академика Королева — человека новой научно-технической эпохи.

Все, кто работал с ним бок о бок или просто являлся свидетелем его деятельности в конструкторском бюро, на опытном заводе, отмечают удивительную способность Главного опираться на творческую одухотворенность своих сотрудников. Он замечал талантливого человека буквально с ходу. Помогал ему проявить себя в полную силу, работавшие с ним не помнят случая, чтобы он подавил когонибудь своим авторитетом, властью. Но к тем счастливчикам, кто попадал в его поле зрения, он предъявлял особые требования. Счастливчики должны были работать за двоих. Им Главный обычно поручал самые срочные и ответственные задания. Им доставались и самые темпераментные разносы и в качестве утешения только такой довод: «Ты мне нужен, поэтому тебе и достается».

...Это было в самый разгар работы над «Союзом», космическим кораблем принципиально отличным от своих предшественников — «Востока» и «Восхода». Для него уже была принята в качестве основной не сферическая форма спускаемого аппарата, ведущая его к Земле по траектории метеорита, а сегментальная. «Союз» обладал аэродинамической подъемной силой. Соответственно имел систему управления спуском с реактивными двигателями малых тяг. На «Союзе», кроме того, применялась более совершенная система приземления и средства спасения экипажа, получившие впоследствии название системы мягкой посадки. В отличие от «Востока» новый космический корабль получал два жилых отсека и один приборно-агрегатный, что обеспечивало космонавтам определенный комфорт, позволяло находиться на борту длительное время, осуществлять выход в открытый космос, смену экипажей...

В общем «Союз» был космическим кораблем третьего поколения, созданным с прицелом на перспективу, на его многолетнее долгожительство. Сегодня доподлинно известны все его преимущества перед предшественниками. Но тогда, в пору проектных изысканий, Сергей Павлович Королев, случалось, очень жестко спрашивал с разработчиков.

В один из таких дней он появился в проектном отделе своего кабэ. Вошедшего в зал Главного встретил начальник одной из ведущих групп. Они прошли вместе к столу, где Королева поджидали семеро инженеров.

— Давайте знакомиться,— сказал Королев, протянув руку крайнему из них. Поздоровавшись с каждым, Сергей Павлович снял с себя пиджак и повесил его на спинку стула, как бы обозначив этим, что разговор у них будет долгий, домашний.

Сев за стол, он сразу стал говорить о трудностях с машиной. Корабль они создают принципиально новый. И решения тут должны быть смелыми, оригинальными. Но в разработанных отделом схемах он, к сожалению, видит много обычного, блеклого. Нет изюмины. А это плохо, это совсем не годится при разработке столь серьезной машины.

Королев выжидающе смотрит на инженеров. Те смущенно переминаются с ноги на ногу, не могут ответить. Видно, трудно бывает сойти с нахоженной дороги в сторону, тянет следовать знакомыми инженерными ходами в проектировании. А надо этого избегать, сами чувствуют...

Понимая их терзания, Сергей Павлович говорит:

— Хочу поручить это дело всем вам. Именно всем. Думайте. Считайте. Рисуйте. Фантазируйте. Через месяц представите мне вариант, но такой, чтобы убеждал. Единственный вариант!

Сила Королева, возглавлявшего ведущий опытно-конструкторский коллектив в области создания ракетно-космических систем, в том и заключалась, что он, поставив задачу, не дожидался результата в тиши своего кабинета, а почти ежедневно являлся к разработчикам и вникал в их работу. До мелочей вникал. Иной раз камня на камне не оставлял от какой-нибудь неудачной работы.

Настал день представления проекта. Главный вызвал начальника группы к себе. Тот разложил перед ним принесенные с собой схемы. Вариантов было несколько. А нужен один. Королев сказал об этом инженеру. Ох, как велико было желание того угадать мысли Главного!

— Вот эти,—сказал инженер, отобрав из вороха схем два крупных листа.

Королев и глазом не моргнул.

— Нужен только один.

— Этот...

— Спасибо, я тоже его выбрал.

Было найдено хорошее решение, сэкономлено время, которого у первопроходцев особенно мало.

Один проект, одна программа покорения космоса завершали свое существование. Появлялся другой проект, другая программа, более совершенные и сложные. Два года трудились на космических орбитах гагаринские «Востоки», совершив шесть успешных полетов. К стартам готовились новые корабли —«Восходы». Но уже в «живом» виде существовал и ставший позже легендарным «Союз». «Перекрытие» одной нашей космической программы другой обеспечивалось набравшей силу материально-технической базой, ростом соответствующих кадров.

Воспитанные в КБ С. П. Королева специалисты оказали решающее влияние на поиск путей взаимного сближения, технических возможностей советского корабля «Союз» и американского корабля «Аполлон».

Далеко не сразу были преодолены трудности, связанные с про-

ектом ЭПАС. Проблем встало немало. И реакция на них была не одинаковой. Одни опускали руки, считая задачу неразрешимой. Другие вносили в проекты столько изменений, что, во-первых, это было едва ли выполнимым в те сроки, которые отводились на подготовку к полету, и, во-вторых, технически они так сильно изменяли корабли, их оснастку, что делали предстоящий старт в космос небезопасным.

Королев любил повторять: «Лучшее — враг хорошего». Для него эта простая житейская истина означала стремление всесторонне взвешивать каждое решение, чтобы не допускать излишеств, приводящих к затяжке сроков и не дающих существенного эффекта. Особенно важно было научиться сдерживаться и научить этому своих помощников в условиях разработки новых конструкций, когда на каждом шагу подстерегал соблазн усовершенствований.

Главный реагировал на все причины, приводящие к задержке в работе, так, будто ему наносили кровную обиду. За всеми изменениями он следил лично, и иногда дело принимало плохой оборот для «улучшателя». Королев учил помощников открывать новое в технике простыми решениями, ориентируясь обязательно на выигрыш в средствах и во времени.

Специалисты придерживались этого правила и во время работы по проекту ЭПАС. На космических кораблях «Союз» и «Аполлон», многое было изменено в конструкции, улучшено. Но делалось это только тогда, когда вызывалось технической необходимостью, задачей добиться лучшей совместимости.

Никаких лишних переделок! Золотое Королевское правило являлось рабочим девизом «сторон» и обеспечило успех.

— И все-таки опасность непонимания, замедления программы, даже срыва ее еще существовала.

Директор Центра пилотируемых полетов имени Джонсона доктор Крафт потом скажет советским журналистам: «Когда ЭПАС только рождался, у нас, признаюсь, были серьезные сомнения по поводу успеха этой миссии. Многие технические принципы и методики их решения мешали нам не меньше, чем языковой барьер. Работу, на которую надо было затратить 10 минут, мы выполняли за день. Но со временем мы научились понимать друг друга и доверять друг другу. Мы почувствовали общую ответственность за начатое дело. Космонавтика — на виду всего мира. Мы обязаны были добиться полного успеха».

Западная пресса была полна догадок.

И вот встреча международного экипажа. В составе первого экипажа США двое новичков. Командир — бригадный генерал авиации (кстати, самый молодой генерал в армии США) Томас Стаффорд, высокий, седовласый, с большими умными и настороженными глазами под кустистыми бровями. Томасу сорок пять трудных авиационных и космических лет жизни. У него 6200 часов налета.

Стаффорд окончил военно-морскую академию со степенью бакалавра наук. В бурные годы развития авиации он решает посвя-

тить себя трудному и рискованному делу — испытанию авиационной техники. В школе летчиков-испытателей Томас убедился в своей глубокой привязанности к небу. Он был в лучшей спортивной форме (Томас занимается тяжелой атлетикой, плаванием, играет в ручной мяч), имел достаточно высокий профессиональный авторитет, когда узнал о наборе в астронавты.

Томас Стаффорд трижды побывает в космосе, напишет две книги по аэронавтике, станет заместителем начальника отдела подготовки экипажей, в феврале 1974 года будет утвержден командиром основного экипажа по проекту ЭПАС, но не откажется от мысли по-прежнему считать себя неудачником.

— Я уже решил, что злой рок преследует меня,— скажет он потом.— Впрочем, опустить руки — значило отказаться от профессии космонавта.

Стаффорд трижды состоял дублером по программе «Джемини», прежде чем в декабре 1965 года на корабле «Джемини-6» отправился в космос. Это была третья попытка руководства НАСА поднять корабль в небо.

Первоначально старт назначен на 25 октября 1965 года. До запуска двигателей оставалось 42 минуты, когда выяснилось, что попытка вывести на орбиту ракету «Аджена-Д», с которой предполагалось осуществить встречу и стыковку, не удалась. Ракетоноситель и корабль были сняты со стартового комплекса и увезены в ангары.

12 декабря того же года были включены двигатели первой ступени, однако спустя 1,17 секунды (еще до отрыва ракеты от стартового стола) они выключились по сигналу системы обнаружения неисправностей. Создалась ситуация, при которой командир корабля Уолтер Ширра должен был выдернуть кольцо катапультирования. Но Ширра этого не сделал. Хладнокровие и осмысленность действий оказались именно тем необходимым, что и должен был проявить экипаж в столь сложной ситуации.

«Джемини-6» стартовал лишь 15 декабря.

17 мая 1966 года Томас Стаффорд должен был лететь на «Джемини-9». Запуск не состоялся из-за потери связи с ракетой-мишенью, стартовавшей несколькими часами раньше.

Неудачи продолжали преследовать Стаффорда. Старт «Джемини-9» состоялся лишь 3 июня. И когда все тревоги, казалось, остались позади, а пилотируемый Томасом корабль почти вплотную приблизился к стыковочной мишени, стало ясно, что запланированная программа не может быть выполнена: носовой обтекатель от аппарата не отделился. От стыковки пришлось отказаться.

26 мая 1969 года Т. Стаффорд, Д. Янг и Ю. Сернан успешно совершили полет к Луне. Во время полета были выполнены все операции. Но и этот рейс Стаффорда не был лишен волнений. Находясь на низкой селеноцентрической орбите, астронавты имитировали взлет с Луны. Неожиданно в момент, когда произошло отделение посадочной ступени, взлетная кабина начала кувыркаться.

В эти решающие секунды находчивость и мужество Стаффорда помогли избежать больших неприятностей. Он взял управление на себя и стабилизировал полет кабины.

Потом мы узнаем, что неудачи преследовали Стаффорда и при возвращении на Землю после выполнения международной программы ЭПАС.

Томас Стаффорд — оптимист. Улыбка редко покидает его крупное лицо. Леонов поражал Стаффорда работоспособностью, умением владеть собой, переделывать в день кучу дел. Леонов тоже оптимист, он писал картины, когда уставал на тренировках. Писал много и, как находил Томас, хорошо. Он рисовал на листке бумаги и, если вдруг его творения исчезали, не обижался, а добродушно говорил: «Взяли, значит, нравится».

Он писал книги, когда считал, что наполнен мыслями, которые интересны читателю. У него 10 книг. И все это он делал уверенно, увлеченно, словно бы даже легко. Стаффорд оказывал Леонову все знаки внимания, был предупредителен, заботлив, тактичен. Члены его экипажа Вэнс Бранд и Дональд Слейтон держались постоянно, круглые сутки рядом, также внимательные и работоспособные.

Итак, взаимопонимание налаживалось. Этому радовались сторонники международных контактов, люди, хорошо понимающие и научное и политическое значение совместных исследований в космосе.

Американская печать стала ареной борьбы за мнение простого американца. «Каждый доллар, вложенный США в исследование космоса за последние десять лет, принес сегодня четыре доллара» — писали одни газеты. «Одна минута пребывания на орбите Джона Гленна (первого астронавта США) стоила 1 миллион 680 тысяч долларов!» — кричали другие газеты. «Каждая секунда пребывания на Луне обходится налогоплательщикам в 30 тысяч долларов».— возмущались противники ЭПАС. «Затраты американского Национального управления по аэронавтике и исследованиям космического пространства в 3 раза меньше затрат американцев на спиртные напитки, в 2 раза меньше затрат на табачные изделия, значительно меньше затрат на пари и тотализаторы...» — констатировали другие.

Впереди была встреча в Америке. Рабочий день согласован обоюдно: по 10—12 часов в сутки. Отдых лишь в воскресенье.

«В космосе мы будем говорить по-русски, а они по-английски,— объяснил Стаффорд сенаторам.— Так нам удастся лучше понимать друг друга. Поверьте мне, господа, учить русский язык с моим оклахомским акцентом так трудно».

При согласовании программ для отдыха Стаффорд просил принять предложение — посетить его дом. Ответная учтивость. Томас потом скажет: «Встреча с советскими коллегами продляет занятия русским языком. И потом Алексей — такой прекрасный парень. Он похож на Гагарина».

У Стаффорда скромный небольшой дом с гаражом. Том охотно показывает дом, свои многочисленные сувениры, в том числе и московские подарки, представляет жену Фэй, дочерей. Фэй гостеприимна и радушно просит устраиваться. Встречи с советскими космонавтами в этом доме случались неоднократно, и ей они доставили удовольствие. Пока готовятся угощения — смешанная русская и американская кухня, Том с гордостью показывает редкий набор ружей многих стран. В тот вечер в его коллекции появилось великолепное русское ружье.

Непременное условие вечера — говорить как в полете: советские космонавты — на английском, американские — на русском. Алексей Леонов предложил краткий терминологический словарь: «очень о'кей», «пора обедать», «стыковка выполнена». Том поддержал идею и просил учесть его вклад в это международное дело: «наливай», «привет, Союз», «перекур на обед...».

В середине обеда заговорили о войне. Ее помнили все, а Дональд Слейтон особенно хорошо — он участник войны. Алексей Леонов рассказал об Иване Никитовиче Кожедубе. Этого выдающегося летчика хорошо знали в США. Национальная гордость России, он стал гордостью стран антигитлеровской коалиции.

Алексей Леонов тоже хорошо помнил Великую Отечественную войну. Он помнил слезы обессиленных в горе женщин, глаза осиротевших детей, вывезенных из блокадного Ленинграда и с Украины. Он помнил душные, смрадные теплушки, переполненные ранеными, детьми, стариками...

Не забывалось, как работал в поле до изнеможения, убирая картофель, как собирал колоски, возил сено, выискивал лекарственные травы. Это был его вклад в Победу.

И потом, когда приехал в училище военных летчиков и с благоговением всматривался в боевые донесения о подвигах выпускников, когда читал их письма, ставшие реликвией музея, он помнил о войне.

И, наконец, тогда, когда он впервые поднялся в воздух на самолете «Як-18» и когда получил штурвал управления истребителем, ощутив себя и счастливым и всесильным в безбрежной лазури. И, конечно, когда освоил удивительнейший реактивный самолет «Миг-15». Алексей понял, что небо стало для него родным, что он не сможет без него жить, что будет владеть им ради Победы, ради нетленной памяти о войне.

Небо стало его домом, стало темой его творчества.

Приближалось 15 июля 1975 года.

Корреспондент «Красной звезды» Лев Нечаюк писал в те дни о Байконуре: «Наш главный космодром еще очень «молод». Он так же, как Комсомольск, Магнитка или Братск, начинался с первого колышка, вбитого в седую от соли, выжженную землю, с первой палатки, с первого камня в фундаменте первого дома и с первого деревца, одолевшего безжалостную пустыню. Современный космодром — это необычайно сложное, так сказать, многоотраслевое хо-

зяйство, раскинувшееся на огромной территории. Здесь, посреди пустыни, вырос город с многочисленным населением, в котором есть все привычное и необходимое человеку. А вокруг города возведены десятки предприятий, сооружений и установок, где собраны новейшие достижения науки, техники, индустрии».

14 июля в 15 часов 20 минут руководитель смены в советском центре Вадим Кравец по прямому каналу связался с Хьюстоном и сообщил своему американскому коллеге Джону Темплу, что в советском центре объявлена суточная готовность.

Еще несколько часов, и счет откроют секунды: 3... 2... 1... Старт!

12 часов 25 минут 15 июля 1975 года. К подножию ракеты подъезжает автобус. Распахивается дверь, выходит Алексей Леонов, за ним — Валерий Кубасов. Командир корабля А. А. Леонов докладывает Государственной комиссии: «Экипаж готов к выполнению полета!».

Потом оба космонавта в белоснежных скафандрах упругой походкой направляются к трапу. Леонов поднялся на несколько ступеней, остановился, услышав чье-то шутливое пожелание, задорно бросил: «К черту!»

12 часов 30 минут. Они в лифте. Еще несколько минут — и экипаж занял свои места в «Союзе».

15 часов 00 минут. Ракета стоит на стартовой площадке. Возле нее — никого.

15 часов 05 минут. Объявлена пятнадцатиминутная готовность.

15 часов 12 минут. Звучит команда: «Ключ на старт!»

Все. Теперь судьба ракеты передана автоматам.

15 часов 16 минут. Космонавты опустили стекла гермошлемов.

15 часов 17 минут. «Ключ на дренаж!»

15 часов 18 минут. «Протяжка два!»

Две минуты до старта... Полторы. Одна...

Отошла заправочная мачта... Ничто теперь не связывает ракету с Землей...

15 часов 20 минут. Старт!

Обдав землю горячим выходом могучих двигателей, ракета устремилась в просторы мироздания. Мир хронометрировал время. Люди сверяли часы. Московские куранты начали единый отсчет времени.

17 июля в 19 часов 04 минуты 47 секунд произошла сцепка. Стыковка!

В 22 часа 19 минут 27 секунд произошло первое космическое рукопожатие Алексея Леонова и Томаса Стаффорда.

В 22 часа 24 минуты прозвучало поздравление космонавтов с выдающимся событием от Леонида Ильича Брежнева. В нем говорилось: «Со временем запуска первого искусственного спутника Земли и первого полета человека в космическое пространство космос стал ареной международного сотрудничества».

Обращаясь к экипажам космических кораблей «Союз» и «Аполлон», президент США Дж. Форд сказал: «Нам потребовалось много лет, чтобы открыть эту дверь для полезного сотрудничества в космосе между нашими двумя странами. И я уверен в том, что не за горами тот день, когда такие космические полеты, которые станут возможными благодаря этому первому совместному полету, будут в какой-то мере обычным делом».

В Москве и Хьюстоне были организованы комитеты по подготовке космической пресс-конференции. В каждый комитет было избрано по пять человек. Им предстояло отобрать из всей массы вопросов наиболее интересные. За несколько часов до начала пресс-конференции список вопросов был готов.

Из 135 часов совместного космического рейса на интервью лишь 22 минуты.

Кубасову. Вы были первым сварщиком в космосе. Предвидите ли вы создание постоянной орбитальной станции усилиями всех заинтересованных стран и на принципах равной выгоды для всех наций?

Ответ. Действительно, во время полета на корабле «Союз-6» мне довелось проводить эксперименты по сварке в космосе. Вчера и сегодня мы участвовали в эксперименте «Универсальная печь»... Я думаю, что эта область — космическая металлургия — имеет большое будущее...

Бранду и Леонову. Вы уже трое суток обходитесь без прессы. Какую новость вы хотели бы услышать от нас, журналистов?

Ответ. Только хорошую новость. Мы хотели бы услышать, что мирная жизнь наступила во всех районах земного шара.

Леонову. Где у себя на родине вы хотели бы посадить семена деревьев, предназначенные для обмена между вами?

Ответ. Я родился в Сибири. И в моем сознании самые красивые деревья — ель и сосна. Я бы хотел у себя в Сибири посадить ель и сосну.

Кубасову и Слейтону. У каждого из вас есть дети. Что вы хотели бы пожелать им, а также всем детям Земли из космоса?

Ответ. Счастья. Пожелать всем детям, чтобы их будущее всегда было мирным.

Стаффорду. Насколько, по вашему мнению, оправданы — ввиду существующих на Земле проблем — расходы на космические полеты?

Ответ. Польза от этих полетов гораздо больше, чем затраты.

Леонову. Могли бы вы передать на Землю набросок рисунка, который выражал бы главный смысл совместной миссии ваших кораблей в космосе?

Леонов показывает зарисовки, сделанные им уже в космосе: Томас Стаффорд, Дональд Слейтон.

Кубасову. Может ли опыт, полученный вами в этом полете, составить вклад в будущее космическое сотрудничество между

СССР и США, то есть извлекли вы из нынешнего полета что-либо, что пригодится будущим космонавтам и астронавтам?

Ответ: Я думаю, что в нашем полете самое ценное — это предшествовавшая ему работа. Мы встретились со многими неожиданностями, но нашли пути их преодоления. Это был первый полет, я думаю, он откроет дорогу для будущих совместных экспериментов.

Леонову. Как вы оцениваете комфорт в корабле «Аполлон» и как вам понравилась пища американских астронавтов?

Ответ. Я сегодня шесть часов провел на «Аполлоне». Мне приходилось бывать там и раньше. Сегодня я посмотрел его в космическом полете. Это отличный корабль. Пища мне нравится. Конечно, это не та, что едят все люди. Но, как говорят философы, главное не то, что ты ешь, а с кем...

Стаффорду и Леонову. Какой полет в космос вы хотели бы совершить вместе?

Леонов. Я глубоко уверен, что мы находимся в самом начале большого космического пути человечества. Мне бы хотелось побывать в длительном полете, чтобы глазами художника взглянуть на Землю.

Стаффорд. Совершить полет на каком-нибудь новом аппарате...

Стаффорду и Леонову. Считаете ли вы, что возможности в организации спасательных операций, продемонстрированные этим полетом, сыграют важную роль в будущих космических полетах?

Ответ. В космическом полете возможны всякие неожиданности, в том числе и такие, что потребуют спасательных операций. Мы положили начало созданию технической основы для унификации стыковочных устройств. Это большой шаг в нужном направлении...

За время космической пресс-конференции космическая станция «Союз — Аполлон» проделала путь в 14 тысяч километров.

Проект ЭПАС осуществлен. Воздав должное мужеству космонавтов, правительство наградило их высшими орденами.

Генерал-майор авиации дважды Герой Советского Союза Алексей Архипович Леонов вернулся к исполнению своих обязанностей заместителя начальника Центра подготовки космонавтов и включился в новую программу подготовки. Предстоят новые старты, новые программы. Надо быть готовым к более сложным полетам.

Валентин ЛЕБЕДЕВ

СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ

(Из дневника космонавта)

28 апреля.

Утром вернулся из Центра подготовки домой. Настроение сложное: столько иду к своему второму полету... И вот наконец сегодня улечу на Байконур.

Виталий ласкается, целует меня, чувствует, дорогой, что отец улетает надолго.

Перед уходом из дома сели за стол на кухне. По традиции поставили хлеб, соль и воду...

Когда отъезжали от дома, я посмотрел на балкон и увидел мать, вытирающую слезы. Помахал ей — она не видела...

29 апреля.

Утро прекрасно. Ясное небо, солнце, свежесть. Только на душе неспокойно почему-то...

Работаем в МИКе на транспортном корабле. Появилась санэпидемслужба — мы полностью ограждены от людей, только специалисты, прошедшие проверку, имеют к нам доступ. Наш корабль в хорошем состоянии. Меня поразило чувство спокойствия в корабле, на котором лететь. Волнения не было. Видимо, долгая подготовка, тренировки притупили остроту ощущений — это меня даже разочаровало.

11 мая.

Перед сном гулял, думал о том, что с таким трудом, много лет шел ко второму полету, так долго, через трудности тренировок, переучивания на новую технику и неудачи, падения и т. д. И вот подошел к вершине, и становится страшно не от предстоящей высоты. Не от опасностей, которые возможны в нашей профессии. Не от трудностей длительного полета и большой работы, а от самого себя: способен ли так долго жить и работать со своим товарищем, не сорвешься ли? Казалось, основные трудности позади, а оказывается — все впереди, хотя мы и не первые, до нас этой дорогой уже прошли.

12 мая.

После обеда посмотрели по традиции «Белое солнце пустыни». Погуляли, посидели на берегу реки. Поговорили с Толей в откры-

тую. Дали клятву: в любых ситуациях проявлять трезвость, волю, стремление поддерживать добрые отношения.

День старта.

Прошло зажигание. Подъем! Взревели двигатели. Закачались вправо, влево, как будто теряем равновесие, зависли на две-три секунды, а потом, как сорвалась с цепи, пошла...

Отделение первой ступени довольно мягкое, только стук слышен. Вторая ступень — удар приличный, а третья бьет еще сильнее...

14 мая.

Проснулся в два часа ночи. Знаю, что в три тридцать сеанс связи. Должны сказать, будем ли делать дополнительный маневр. Толя спит в бытовом отсеке. Подплываю, смотрю, как устроился, а его нет. Висят два скафандра на сушке — что за наваждение? Темно. Дотронулся до скафандра на диване, а он — с Толей. Он от холода в скафандр забрался. Будить командира не стал, пошел в спускаемый аппарат и сел писать в дневник. Первое, что меня удивляет больше всего: нет чувства необычности происходящего, не восторгаюсь Землей, как будто я летаю раз в месяц. Толя каждую свободную минуту заглядывает в иллюминатор: «Валь, посмотри!» А я отвечаю: «Ладно, еще насмотримся за полгода». Сейчас главное — стыковка...

После третьего импульса летим на высоте, на которой я еще не бывал. Посмотрел в иллюминатор: мы над океаном. Интересная кучевая облачность, а на ее фоне тянется гряда (фронт) вуали, как паутина прозрачная...

Видно станцию на фоне Земли. Под ней море сменяется сушей. Горы. Очень красиво.

Стыкуемся. Проверили герметичность переходных люков. Открываем люк транспортного корабля, а он не отходит. Я уперся ногами в шпангоут вниз головой — в космосе это можно сделать — и «оторвал» люк. Когда вошел в станцию, первое, что поразило: не узнал ее...

16 мая.

Встал в 8 утра. Болит левая часть лба. Надавишь на область мозжечка — полегче. Толя разговаривает во сне. Самочувствие в течение дня волнами: утром немного мутит, после завтрака полегче. Хорошо отвлекает работа, если она удалась. Прилив к голове чувствуется.

Мы уже поняли: главное — наладить режим дня. Это основа жизни на борту.

18 июня.

Смотрел с Толей сегодня остров близ мыса Горн. Сплошной горный массив, покрытый снегом, на фоне голубого океана и разводов разной структуры облачности. Очень красиво. Впервые уви-

дел на чистой голубой воде десятки белых корабликов (айсбергов). Они по размерам достаточно велики и соизмеримы с самыми большими кораблями. Оконечность мыса Горн покрыта белым слоем. Сейчас в этих широтах зима.

Каждый вечер нам передают последние известия. Сядем с Толей на первом посту, руки сложим на груди и так спокойно летим над Землей, слушая московское радио.

Любуемся лазурью Средиземного моря и горами Италии, а уже видны Африка, Красное море. Изучаем географию и любуемся планетой.

Над постелью у меня висит Виталькина фотография и лежит пачка фотографий — наших с Люсей, отца и друзей. Я каждый вечер целую фотографию сына. Он так хорошо на меня смотрит, что, когда мне трудно, я ему говорю: «Ничего, сынок, выдержу. Папка не подведет».

Вся жизнь здесь — сплошные хлопоты, как в деревне. С утра и до вечера копошимся по хозяйству, помимо основной работы в поле.

19 июня.

Всю неделю были в напряжении. Занимались с французской литературой. Хоть и интенсивный труд, но это здорово. И пусть тяжко устаешь, но все же легко морально, а как спадает напряжение труда, наползают мелкие заботы, они больше утомляют.

Смотрел, как заходит Солнце за горизонт. И край его медленно катится за оранжевым пологом горизонта, как за занавесом кукольного театра.

Во время физкультуры оторвалась лямка амортизатора, который нагружает ноги. Пришлось пришивать. Интересно ведет себя нитка. Не так просто попасть ею в иголку, когда она не имеет веса. Запутывается, поэтому я держал один конец в зубах, а другой вставлял в иголку. Получилось.

Съели все супы (они хорошо шли). Сейчас едим гречневую кашу, сладости, консервы, хлеб почти не идет. «Французов» нечем будет кормить, думаем, привезут с собой.

22 июня.

Весь день готовились к встрече экспедиции посещения. Просмотрели медицинское оборудование: эхограф для ультразвуковой локации сосудов сердца; «Позу» для оценки координации движений и астрофизическую аппаратуру «Пирамиг» и «ПСН». Нашли все укладки для других экспериментов, более мелких, собрали их в один мешок, чтобы не искать.

Проверили связь из переходной камеры, со стороны которой будут стыковаться с нами ребята.

24 июня.

Мы уже не одни в космосе — с нами наши товарищи. Они идут по орбите ниже нас, но завтра поднимутся для стыковки.

25 июня.

Ждем гостей. Переживаем. Уже устоялись отношения, а тут новые люди. Не расшатали бы нас. Вдвоем уже свыклись, сработались, а теперь как бы все сначала.

...Открыли люки, встретились, обнялись. Все хорошо.

Затем по программе до 3 часов утра, а на самом деле до 4 ужинали. Саша и Володя чувствуют себя хорошо. Настроение у них отличное — состыковались вручную. Молодцы.

Все легли спать, а я взял толстый конверт почты и ушел в переходной отсек читать. Так было хорошо...

Люся с Виталиком написали мне много писем. Потом залез в спальник и всю ночь не сомкнул глаз под впечатлением от писем, разговоров при встрече и предстоящей большой работы с гостями.

26 июня.

Целый день помогали ребятам с экспериментом «Поза». Собрали аппаратуру, установили, запитали.

Жан, чудак, привез маску Квазимодо и вчера, когда я был в рабочем отсеке, достал ее. Сегодня лезу за панель, а из-за отсека вываливается лохматая рожа, я аж вскрикнул. Все хохотали.

Хороший получился кадр, когда Жан стоял в маске на площадке аппаратуры «Поза» во время эксперимента, а я его заснял.

Попросили разрешения отстрелить через шлюзовую камеру ведро с бытовыми отходами. И почетную миссию запустить этот «спутник» с борта станции поручили Жану. Он был очень доволен. Такие «спутники» мы запускаем еженедельно. В 16 ч. 30 мин. 30 сек. он надавил на ручку, сработал пружинный толкатель, и ведро с отходами начало «существовать» самостоятельно.

Сейчас половина второго ночи. Решили вместе с Володей Джанибековым еще раз отрегулировать аппаратуру, а ключ где-то затерялся...

28 июня.

Весь день работаем. Астрофизические эксперименты, медицинские. Ребята из экспедиции посещения подолгу смотрят на Землю. Саша Иванченков показывает нам места, наиболее запомнившиеся ему по первому полету.

Сегодня в иллюминаторы смотрели с Жаном на Землю. Он говорит: «Как красиво и непонятно все. Почему такие облака, куда они плывут? Много загадок...»

1 июля.

Спим по 3—4 часа все дни пребывания экспедиции посещения на станции. Жан, словно Карлсон, который живет на крыше, летает между нами и смотрит, как работаем. Он жалуется Земле, что много телерепортажей. У него не хватает времени посмотреть на Землю.

Впечатляет вид того, как мы работаем в темноте: пять человек — и все за приборами. На пультах мигает сигнализация, в иллюминаторах вспышки от двигателей, слышны глухие удары при их срабатывании. В общем, фантастика...

2 июля.

Володя начал сбор вещей к возвращению. Их скопилось много. Кассеты с кино- и фотопленкой, кассеты магнитных регистраторов, результаты биологических экспериментов и т. д. В общем, Джанибеков укладывался до утра. Ведь надо все надежно подвязать, чтобы при посадке не разбило.

Вечером за ужином собрались за столом, и Володя хорошо говорил о дружбе.

Работа была интересной, и теперь будем ждать ее результатов.

Жан сказал, что поражен высоким профессиональным мастерством каждого из нас и тем, как мы старались, чтобы выполнить французскую программу.

После ужина стали гасить конверты бортовыми печатями, писали письма домой. Володя подстригал Толю.

...Пошли провожать ребят к люку. И вот здесь защемило сердце. У Володи и Жана выступили слезы на глазах. Обнялись, расцеловались, и люк по команде с Земли стал медленно закрываться. Потом услышали, как ребята закрыли люк своего корабля. И мы сразу легли спать. Еле услышал вызов на связь. Получили данные на расстыковку.

Пришел в промежуточный отсек, чтобы через иллюминатор провести съемку уходящего от нас корабля. На фоне черного космоса увидел его темно-серый силуэт. Он очень мягко развернулся на 90 градусов, а потом ушел по рысканью за край иллюминатора, и я потерял его из поля зрения. Так мы разлетелись.

9 июля.

Немного о быте. Умываемся мы, если так можно сказать, обтиранием влажными салфетками, которые хранятся в полиэтиленовых пакетах. Зубы чистим пальцем, обмотав его влажной салфеткой. Полезно для десен — массаж. Бреемся обычной бритвой «Агидель» с камерой для сбора волос. Нужнейший инструмент на борту — это ножницы. Они привязаны у каждого длинной веревочкой к карману и необходимы ежеминутно: готовить ли пищу, проводить ли ремонтные работы — везде сначала надо вскрыть пакеты, отрезать ленты.

После физкультуры принимаем душ — в виде обтирания влажными полотенцами. Они всегда холодные... Можно загорать на лучших пляжах мира. Например, над Рио-де-Жанейро, над Багамами, а можно и над Африкой, и над Австралией. Где угодно можно проводить курортные минуты, но только минуты. Солныш-

ко здесь шуток с ним не простит. Так как атмосферы нет, через две минуты под его лучами кожа становится как после дня на пляже.

14 июля.

Днем был телевизионный репортаж. Поздравили Толину дочку Таню с днем рождения. Ей исполнилось восемь лет. Сделали пирог из пакетов с хлебом. Вместо свечей поставили фломастеры, а язычки пламени на них имитировали фольгой. Были свечи и электрические — это четыре ручных фонаря, а чтобы было восемь, по числу лет, сзади поставили зеркало, и с отражением стало восемь. Развесили разноцветные воздушные шары, катались на пылесосе, на шаре. В общем, веселили девочку по телевидению.

Почти весь грузовик разгрузили, остались одни регенераторы, завтра закончим.

16 июля.

Самое тяжелое в полете — это не сорваться в общении с Землей и в экипаже, потому что на фоне накапливающейся усталости подстерегают серьезные промахи в общении, в работе с Землей, да и в экипаже бывают острые моменты, но нельзя допустить взрыва. Иначе трещина, если появится, будет расширяться.

Летать становится все тяжелее. Успокаивают визуальные наблюдения.

26 июля.

Сегодня разговаривал с Рюминым. Просил разрешить мне проход вдоль всей станции. Он ответил, что нужно проверить усовершенствованные скафандры и поэтому нет смысла рисковать. Впрочем, по ходу дела будет видно...

Дни стали проходить тяжелее. Сегодня с Землей разговор был веселый, деловой — впереди серьезная работа. Сейчас главная задача — успешно провести выход в космос. Нет даже времени в иллюминатор посмотреть.

27 июля.

Стал входить в скафандр. Ощущение такое, будто раздался в плечах и голова не лезет. Дело в том, что захожу в скафандр лежа, правда, в невесомости это особого значения не имеет, но она не помогает, и приходится руками прилагать усилия, чтобы утопить ноги. Влез с кряхтеньем и бухтеньем, всплыл, развернулся и по-земному встал.

Потом Толя вошел в скафандр и тоже поднялся... Начали проверять герметичность, давление за 30 секунд падает на 4 деления. Недопустимо. Повторили контроль — без изменений. Земля предложила открыть скафандр. Оказывается у меня в створку ранца попал ремешок от костюма водяного охлаждения.

Повторили проверку — все нормально.

28 июля.

Проспали. Разбудили с Земли. Завершающий день подготовки к выходу. Последние радиограммы. Уточнили циклограмму с точностью до минут. Мы будем находиться в открытом космосе больше витка.

Вспоминаю свой первый полет на корабле «Союз-13». Тогда у меня возникло огромное желание выйти в открытый космос и распластаться над Землей. Долго я шел к осуществлению своей мечты. Девять лет! Из них пять непосредственной подготовки в составе четырех экипажей. Это сотни изнурительных часов на тренажерах, в барокамерах, на самолетах, под водой, занятия в классах, десятки и десятки экзаменов. Сколько волнений, переживаний, пота за это время! И вот даже не верится, что приближается день выхода. Ради этого стоит выдержать годы тяжелых занятий!

29 июля.

Не спал совсем. Мысли о доме, о полете, о друзьях, о работе. Надо бы поспать хоть чуток, но не смог, зато получил удовольствие, даже наслаждение от раздумий. Толя тоже плохо спал.

31 июля.

Ну вот и все позади. Выход в космос завершен. Время пребывания —2 часа 38 минут.

После открытия выходного люка повернул ручку замка, и сразу появилась щель яркого белого света от солнца. Открыл люк, и, как мелкий снег в морозный день — в виде мелких блесток, полетела пыль из станции. Космос, как гигантский пылесос, стал вытягивать все из нее. Вместе с пылью из обшивки отсека полетели шайбочки, гайки, которые где-то затерялись, проплыл карандаш.

Страха или волнения не было совсем. Установил телекамеры, фару, дальше — работа с эталонами.

Первое ощущение, когда открыл люк: огромная Земля и реальная нереальность всего происходящего.

Очень красив космос. Темный бархат неба, голубой ореол Земли и быстро бегущие озера, реки, поля, массивы облаков. Вокруг безмолвная тишина, нет ощущения скорости полета. В ушах не свистит ветер, ничто тебя не давит. Очень спокойная, величественная панорама.

Толя сказал: «Балхаш». Я тоже его увидел. Вначале он был у меня за спиной, а потом выплыл и распластался огромной кишкой на сферичной Земле. Дело в том, что сферичность Земли в открытом космосе ощущаешь значительно сильнее, чем через иллюминатор станции. И все, что видишь на Земле — озера, реки, горы,— воспринимаешь, как на огромном вращающемся глобусе.

Поражает тишина. Станция, как глыба, застыла в пространстве. Глаз не фиксирует ни малейшего движения на ее поверхности.

Нет даже ощущения вибрации, хотя внутри работают сотни приборов и десятки вентиляторов.

В 6 часов 20 минут вошли в тень. Люк станции светился, как приоткрытая дверь дома в деревне. Вокруг сплошная густая чернота космической ночи. Луна была сзади, и ее света было недостаточно.

Вошли в зону связи. Я начал телевизионный репортаж о работе вне станции. Потом Толя передал мне камеру, и я показал его в люке станции. Вот где поистине Вселенная с мириадами звезд на черном бархате космоса!

20 августа.

Сегодня ждем ребят с кораблем «Союз Т-7». Днем сделали последнюю приборку.

На дальности пять километров увидели транспортный корабль — идет, как большая звезда. Он был подсвечен низким солнцем. Рядом — маленькая звездочка, настоящая. Очень красиво.

21 августа.

Сегодня 100 суток нашего полета. Встали в час дня, начали меняться кораблями: переносить ложементы, центровочные грузы, скафандры.

Светлана Савицкая долго приводит себя в порядок в своем транспортном корабле. Да, когда открыли люк после стыковки, ждали, когда она появится из корабля. А она, как любая женщина, прихорашивалась и успокаивала: «Сейчас, сейчас!» — а потом появился в люке хвост ее волос...

Днем занимались медициной — Леня со Светой. Саша Серебров работал с эхографом. Запуталась кассета, помогал ему исправить.

Леня со Светой работали весело.

Вечером взялись за эксперимент «Таврия». Помогал ребятам — записывал на видеомагнитофон.

Сейчас они спят, а я пишу. Смотрю на них — Леня Попов лежит ко мне лицом, а у Светы вывалилась рука из спальника и висит...

24 августа.

Дни бегут быстро, хотя много работы. Сейчас буду писать письма, уже 12 ночи, устал, но надо. Где мои родные? Вспоминают, наверное, а у меня даже времени нет побывать с ними в мыслях.

26 августа.

Сегодня последний день пребывания второй экспедиции посещения на станции. Завтра у нее посадка. Главное чувство перед уходом: ни малейшего расстройства, что они идут на Землю, а

мы остаемся. Как поставили перед собой задачу — только через два месяца я смогу думать и надеяться на посадку.

6 сентября.

Вчера была на борту тысячная радиограмма по форме 23. Это баллистическая информация.

Напеваю песни и летаю по станции. Неужели я когда-то буду на Земле, среди своих, и все будет хорошо?

Стал плохо засыпать. Лежу, как барышня, мечтаю о разном, вспоминаю дом. Засыпаю где-то около двух ночи. Перед сном приятно почитать газету, которую читал уже раз десять.

Весь день — визуальные наблюдения. Сегодня завершил прокладку разлома от Каспия до Балхаша.

10 сентября.

В нашем огороде появились первые всходы, а посадили мы огуречную траву, киндзу, редис, огурцы. В «Оазисе» взошли горох и пшеница. Горох интересно растет — выходит из почвы крепыш с толстым стволом и листьями, крепко упакованными, а пшеница сразу идет вверх, как зеленый лучик света. Приятно ладонью проводить по всходам — они щекочут руку.

21 октября.

Ждем решения Госкомиссии — будет ли продолжение полета или нет.

Подготовили радиограмму Госкомиссии: «Полтора месяца назад нам было предложено продлить работу на борту станции с целью расширения программы научных и прикладных исследований и экспериментов. Мы с этим предложением согласились, получили дополнения к программе полета и настроились на ее выполнение. Самочувствие наше хорошее. Убедительно просим при рассмотрении вопроса о сроках завершения нашей работы на борту орбитального комплекса учесть наши желания, настрой и готовность выполнить дополнительную программу работы. Мы понимаем сложность посадки в вечернее время в этом случае и даем свое согласие на такую посадку».

7 декабря.

Суматошный день. Сплю плохо, долго не засыпаю. А Толя вообще не спит. Работы много. Лазаем по закоулкам станции, описываем состояние борта — нет ли повреждений корпуса, ржавчины, влаги. Пылесосим за панелями. При этом бывает много маленьких «открытий», связанных с находками предметов быта и деталей приборов, которые мы когда-то потеряли, а их засосало за панели.

Скоро посадка, и переживаешь, как встретит Земля, довольны ли твоей работой...

9 декабря.

Настроение непонятное, тревожное. Как там внизу? Отвыкли! Наша жизнь уже приспособилась к маленькому островку в космосе, а тут сразу Большой Мир!.. Не по себе... Спать! Завтра в дорогу, к Земле, домой...

10 декабря.

Не верится, что идем домой, хотя по всему есть ощущение, что возвращаемся из длительной командировки. Летим спиной к направлению полета, чтобы при входе в атмосферу перегрузки прижимали нас к креслам.

Все, назад пути нет! Домой. Идем в терминаторе, скоро ночь. В иллюминаторе вижу Землю розовую от облаков, подсвеченных низким солнцем, и голубовато-синий свет на краю яркого закатного горизонта. Красиво! Нам посчастливилось выполнить редкий спуск в тени Земли.

Григорий **РЕЗНИЧЕНКО**

«ТАЙГА — НЕ КОСМОС»

18 марта 1965 года ровно в 10.00 по московскому времени ракета оторвалась от Земли.

Павел Беляев через иллюминатор над головой впервые так близко увидел небо. Иссиня-черный, огромный шатер был усеян яркими немигающими звездами.

— Как небо?— спросил с наземного пункта Юрий Гагарин.

Ответил коротко:

— Очень красивое, очень красивое.

А сам в это время в правый иллюминатор любовался той же звездной картиной. Земля в эти часы почти вся была покрыта облачностью. В просветы космонавт видел коричневатые горы, зеленоватые таежные массивы да покрытые снегом равнины. И показалось ему, что перед ним проплывает географическая карта. Павел посмотрел на Алексея Леонова. Он тоже глядел на Землю.

— Машина работает отлично,—вдруг раздался снова голос Юрия Алексеевича.— Координаты расчетные.

«Это хорошо,— подумал Павел.— Все остальное теперь зависит от нас с Алексеем...»

И снова в кабине корабля раздался голос с Земли — на сей раз Сергея Павловича Королева.

— Я двадцатый! Я двадцатый!— говорил Главный конструктор.—Счастливого пути!

— Спасибо!— ответил командир и тут же вспомнил, как в последний раз перед стартом по-отечески напутствовал их Королев.

Павел был спокоен. Он думал о выполнении предстоящего задания. Очень многое будет зависеть и от него лично, хотя главная нагрузка ляжет на Алексея.

Корабль, на котором летели в космической бездне два космонавта, был похож и не похож на предыдущий —«Восход-I». На «Восходе-2» установили шлюзовую камеру — приспособление, которое позволит Леонову выйти в космос. За месяцы подготовки к полету космонавты привыкли называть это устройство коротко — ШК. Появление на «Восходе-2» ШК внесло некоторые изменения в оборудование корабля. Исчезло третье кресло в кабине. Но это было далеко не самым главным.

Над головой Владимира Комарова, командира «Восхода-I», был один щит — пульт управления кораблем. Над головой Беляева

появился второй: пульт управления шлюзовой камерой. Его разместили так, чтобы оба члена экипажа могли дотянуться до кнопок и рычагов.

250 операций — столько их необходимо будет проделать двум отважным космонавтам, чтобы один из них вышел в открытое космическое пространство и выяснил возможности работы человека в космосе, вне кабины корабля.

Павел провел взглядом по отчетливым надписям на пульте: «Люк ШК», «Клапан ШК», «ШК». Мысленно представил, как нажимает он один из тумблеров, как медленно распахивается входной люк ШК,— примерно в метр диаметром, с внутренним матовым светом, а дальше, в глубине, «дверь», которую предстоит открыть, чтобы Алексей смог шагнуть за борт.

Взгляд Беляева остановился на резко выделяющейся черной ручке второго пульта. Владимир Комаров несколько раз брался за нее, чтобы ориентировать корабль в такие позиции, при которых Константину Феоктистову удобно было вести киносъемку, а Борису Егорову опыты. Беляеву этой ручкой придется пользоваться значительно чаще. Одна из задач командира — находить такое солнечное освещение, чтобы телекамера, установленная снаружи, и кинокамера на срезе шлюза смогли зафиксировать все движения Леонова за бортом и одновременно показать их Земле.

Внутри корабля на космонавтов «смотрят» еще две телекамеры и кинокамеры. И Земля видит все, что происходит на корабле: как ведут себя космонавты, что делают. В любую минуту КП Земли может дать необходимые советы.

— Как привыкаете к невесомости?— раздался теперь уже голос Германа Титова, находившегося на одном из наблюдательных пунктов.

— Привыкаем,— коротко ответил Беляев и сразу понял значение заданного вопроса.

После полета Юрия Гагарина всем последующим космонавтам на «привыкание» к невесомости отводилось почти по одному витку вокруг Земли. У Беляева с Леоновым программа была построена иначе. Выход в космос Алексей должен был осуществить в начале полета — на стыке первого и второго витков. Значит, надо готовиться.

Павел Беляев освободился от привязных ремней. Чуть придвинулся к приборной доске, не затратив практически никаких усилий. Внимательно посмотрел на показания: давление, состав дыхательной смеси, температура, влажность — все в пределах нормы. Затем записал их в бортовой журнал, увидел, как Алексей отстегнул ремни, поднялся над креслом, тихонько оттолкнулся и медленно поплыл в сторону шлюзовой камеры, так же медленно и легко вернулся назад и «вплыл» в кресло. Корабль уже находился над Камчаткой. Алексей Леонов улыбнулся:

— Все в порядке, командир!

В кабине тишина. Слышен лишь легкий шум работающих вентиляторов да монотонное, упрямое тиканье часов. В корабле все хорошо знакомо, знакомо до малейших деталей. Все многократно опробовано и проверено собственными руками, памятью затвержены в четкой последовательности все до единой операции.

«Восход-2», блеснув в последних лучах Солнца, вошел в густую тень Земли. Павел включил освещение, и когда стало светло, тепло и даже по-своему уютно в этом космическом доме для двух землян, переглянулся с Алексеем.

— Ну что же, Леша, начнем?

— Начнем,— ответил ему Леонов с готовностью.

Алексей «выплыл» из кресла. Павел помог другу надеть ранец системы жизнеобеспечения. Затем проверил подачу дыхательной смеси, «работу» скафандра, шлюз и системы контроля за состоянием космонавта вне пределов корабля. Мысль работала безукоризненно четко. Следующая операция — проверка системы ориентации корабля — заняла считанные секунды. Руки сами нашли нужные тумблеры, рукоятки, кнопки, ручки...

— Все в порядке!

По расчетам корабль должен был уже приблизиться к южному побережью Африки. Павел внимательно посмотрел в иллюминатор. Увидел темно-голубой океан, желтый песок и не очень яркую зелень джунглей. Опустил забрало гермошлема, надел перчатки, загерметизировался. Те же операции проделал и Алексей. Командир присоединил к его скафандру трос, так называемый фал, который будет удерживать космонавта у корабля. Без него выходить опасно. Герой повести К. Э. Циолковского «Вне Земли» так рассказывает о космонавте, который бы решился оказаться за бортом без «привязи»:

«Вы, конечно, знаете, что, вылетев из ракеты, помчитесь в ту сторону, куда оттолкнетесь при вылете. Сами остановиться вы не будете в состоянии. Вы сможете пропутешествовать несколько лет, прежде чем встретите опять ракету. За это время и даже гораздо раньше вы умрете с голоду или даже еще раньше задохнетесь от недостатка кислорода».

Прав был ученый, герой космической повести гениального провидца. Это же грозило бы и Алексею Леонову, рискни он выйти без фала. Фал служил одновременно и каналом связи между ним и командиром, а через командира — и с Землей: в фал был вплетен шнур радиотелефонной связи. В нем имелись и радиоканалы, по которым в кабину корабля поступали данные о состоянии организма космонавта: частота пульса, дыхания, температура внутри скафандра.

— Пошел, Леша,— Беляев легонько подтолкнул друга в направлении шлюзовой камеры.

Алексей помахал рукой и плавно отделился от кресла...

Сообщение ТАСС о полете «Восхода-2» было лаконичным:

«...В Советском Союзе на орбиту спутника Земли мощной раке-

той-носителем выведен космический корабль-спутник «Восход-2», пилотируемый экипажем в составе командира корабля — летчика-космонавта полковника Беляева Павла Ивановича, второго пилота — летчика-космонавта подполковника Леонова Алексея Архиповича».

О том, что Павел «собрался» в космос, в семье его знали. Но не больше.

В самом конце подготовки разразился грипп. И экипажи на три месяца изолировали от семей, поселив их в профилактории-изоляторе. Оттуда и взяли они курс на космодром.

Татьяна Филипповна, жена Беляева, знала лишь, что Павел уехал на Байконур, что уехал туда и дублирующий экипаж. А когда старт? Много дней тревожилась женская душа, много бессонных ночей провела в одиночестве Татьяна Филипповна. Сообщение ТАСС, особенно известие о выходе Алексея Леонова в космос, было для нее таким же неожиданным, как и для миллионов людей Земли.

— Подсознательно я что-то чувствовала,— вспоминает Татьяна Филипповна.— Ночь, предшествовавшая старту, прошла без сна. Я подходила то к одной кровати, то к другой, где спали девочки, укрывала их, уходила в свою спальню, ворочалась, снова поднималась...

В 11. 30 экипаж «Восхода-2» приступил к выполнению основного эксперимента.

Первый виток орбитального полета заканчивался. Корабль проносился над Северной Африкой.

— Начать шлюзование!— подал команду Павел Беляев.

Алексей Леонов «выплыл» в шлюз. Командир закрыл люк кабины корабля.

Почти целый виток провел Леонов в шлюзовой камере, создав вначале необходимое давление в скафандре, проверил его герметичность.

Теперь Алексея и Павла разделял сверхпрочный металл. Но оба они чувствовали друг друга рядом.

— Леша, не торопись, спокойнее,— повторял время от времени Беляев.

— Я не тороплюсь,— отвечал Леонов, тщательно проверяя гермошлем, светофильтр, радиосвязь с командиром, подачу кислорода из ранцевых баллонов.

— Как там у тебя?

— Все нормально. Готов к выходу,— доложил Леонов.

— Рановато, Леша,— сдержал друга Павел Беляев.— Погоди... Еще не время. Выйдешь, как положено, над Черным морем.

Когда уже после окончания эксперимента они анализировали каждое действие в эти ответственные минуты, Павел сказал Алексею, почему он его останавливал: тот делал все очень четко,

но быстрее, чем предусматривалось программой, а отработанный ранее график надо было соблюдать с максимальной точностью.

Командир еще раз осмотрел все приборы, окончательно убедился в функционировании системы автономного жизнеобеспечения в соответствии с требуемыми параметрами и лишь тогда отдал команду:

— Приготовиться к выходу!

Беляев полностью отдраил выходной люк. Яркий свет Солнца ворвался в шлюзовую камеру. Путь во Вселенную был открыт.

— Можно выходить? — нетерпеливо спросил Алексей.

— Не торопись! Все будем делать по плану.

Прошло еще несколько минут, пока командир подал команду:

— Пора. Но не торопись. Пошел! Все, что увидишь, рассказывай мне.

Алексей не спеша выбрался из шлюза.

— Леша, доклад. Как у тебя дела?

— Дела отличные. Я уже на обрезе.

Чуток и эмоционален человеческий организм, попадающий в необычные, экстремальные условия. Датчиком переживаний и волнений его, зеркалом происходящих в организме процессов является сердце. В предстартовый период частота пульса у Беляева достигала 80 ударов в минуту, у Леонова —86. На участке выведения корабля на орбиту пульс был соответственно 86 и 90, а в орбитальном полете на первом витке —92 и 95. Самое высокое нервно-эмоциональное напряжение испытал Алексей Леонов, когда сообщил командиру, что находится на обрезе люка, практически в открытом космосе. Частота пульса у него быстро нарастала и была равна 150—152 ударам в минуту. Приборы, находившиеся перед глазами Беляева, показывали частоту дыхания Леонова, работу сердца. На экране телевизора он наблюдал за действиями Алексея.

Земля, командно-измерительные пункты, люди, отправившие двух смельчаков в космос с необычным заданием, затаив дыхание, слушали переговоры Беляева и Леонова в космосе:

Беляев. «Алмаз-2» начал выход. Кинокамера включена?

Леонов. Понял. Я «Алмаз-2». Снимаю крышку. Выбрасываю. Кавказ! Кавказ! Кавказ вижу под собой! Начал выход!

И тогда прозвучало над миром:

— Человек вышел в космическое пространство!

Командир космического корабля Павел Беляев сообщил человечеству, землякам о том, что сын Земли вступил в неизведанное, чтобы утвердить себя в нем...

— Че-ло-век вы-шел в кос-ми-чес-кое про-стран-ство!

Человек находился в чуждой всему живому среде. Как тут не вспомнить слова К. Э. Циолковского: «Страшно в этой бездне, ничем не ограниченной и без родных предметов кругом. Нет под ногами земли, нет и земного неба...»

Но человек не испытывал страха — ему нельзя было отвле-

каться от дела, ради которого послала его в эту бездну Земля.

Магнитофоны в Центре управления полетом записывали каждое слово, каждое сообщение командира и второго пилота.

Беяев. Не торопись, Леша, делай, как учили.

Леонов. Подхожу к шлюзу!

Беляев. Хорошо, хорошо! Вижу тебя хорошо!

Леонов. Снова начинаю отход. По-моему, положение человека влияет на корабль.

Беляев. Я «Алмаз». Отход космонавта от корабля влияет на корабль в целом... Хорошо отошел. Как дела, Леша?

Леонов. Отлично! Отлично!

Беляев. Две минуты осталось!

Леонов. Да, да! Сейчас! Никак не могу кинокамеру оторвать.

Беляев. Подготовиться ко входу.

Леонов. Понял! Понял! Снял кинокамеру, снял!

Беляев. «Алмаз-2» чувствует себя хорошо. Входит в шлюз. Снял кинокамеру. Леша, отдохни! Ничего не говори! В шлюз вошел?

Леонов. Вошел! Вошел!

Беляев. По готовности доложи закрытие люка.

Леонов. Можно закрывать крышку.

Беляев. Закрываю крышку люка ШК. Крышку люка ШК закрываю!

Леонов. Закрывается. Крышка люка закрывается.

Беляев. «Весна», «Заря»! Я «Алмаз». «Алмаз-2» находится в шлюзовой камере. Крышка люка ШК закрыта. Все в порядке. Я «Алмаз». Прием.

Сообщение ТАСС принесло новое радостное известие. Человечество узнало, что Алексей Леонов находился в условиях открытого космического пространства около 20 минут, причем 12 минут — в свободном плавании близ корабля. За это время космонавт обследовал наружную поверхность «Восхода-2», включил кинокамеру, провел визуальные наблюдения Земли и космического пространства.

За двенадцать минут он пролетел над Землей от Черного моря почти до Сахалина. И она оказалась не такой уж большой — Земля людей, Дом человечества, который нужно беречь, не щадя своих сил, охранять от кошмаров новых опустошительных войн. Впервые человек побывал в открытом космосе. Это была еще одна победа всего человечества.

Выполнив эксперимент по выходу человека в космос, экипаж занялся отработкой систем космического корабля, медико-биологическими и другими исследованиями.

А на Байконуре, зная точное время возвращения героев космоса на Землю, готовились к их встрече. Группы поиска, эвакуации корабля, медики, спортивные комиссары занимали места в самолете АН-10, бравшем курс на Кустанай. На подходе к аэродрому в самолете узнали о неполадках в системе автоматики «Вос-

хода-2». Но распоряжений на изменение курса пока не было, и АН-10 приземлился в Кустанае. Через некоторое время, после уяснения обстановки, он снова поднялся в воздух и полетел обратно.

По программе полета корабль должен был осуществить посадку на семнадцатом витке по автоматическому циклу спуска с использованием автоматической системы ориентации. Экипаж был готов к выполнению этой операции. Постепенно убирали аппаратуру, занимали свои места, готовились к посадке. В этот момент Беляев заметил некоторые ненормальности в работе солнечной системы ориентации. Однако отказ автоматики не испугал экипаж: анализ физиологической деятельности на этом участке показал, что сердце у командира не стало биться чаще, все те же 80 ударов в минуту — его полетная норма.

На Землю пошел доклад, за которым сразу же последовал запрос:

— Разрешите экипажу произвести посадку с использованием ручной системы?

Голос Беляева звучал спокойно, ровно, несмотря на то, что космонавт, конечно, волновался, но, как сказали бы медики, в пределах нормы. В практике полетов пилотируемых космических летательных аппаратов предстояло впервые использовать ручное управление.

Сергей Павлович Королев находился на главном командном пункте, неподалеку от оператора, и следил за приборами.

— Команда на спуск не прошла,— услышал он напряженный голос оператора.

Это означало, что не сработала автоматическая система включения тормозной двигательной установки.

Наступили весьма тревожные минуты. Академик Королев посоветовался со специалистами и потребовал:

— Связь с кораблем.

— «Алмаз», я «Заря-двадцать». Как слышите? Прием.

— «Заря-двадцать», «Заря-двадцать», я «Алмаз». Слышу вас хорошо. Прием,— ответил Павел Беляев.

— «Алмаз», я «Заря-двадцать»,— обратился к экипажу Королев.—Вам разрешена ручная посадка на восемнадцатом витке. Все будет хорошо. Мы верим в вас и с нетерпением ждем на Земле.

Конструкторы были уверены в надежности техники, методисты и врачи — в надежности экипажа. И все же люди волновались. Одно дело — тренировки, другое — реальная обстановка.

В космическом полете правильно и точно сориентировать корабль и в нужный срок включить двигатель торможения на строго определенное время — операция чрезвычайно ответственная сложная, требующая от человека больших знаний, огромного самообладания, значительной выдержки. Этими качествами обладал командир корабля. И все же волнение его было заметным.

Частота пульса в этот момент поднялась у него до 110—115 ударов в минуту, появились высокие частоты и в спектрограммах его речи. Боялся ли командир за свою жизнь? Врядь ли. Об этом говорят объективные показатели. Не испытывал страха и второй пилот — Алексей Леонов, хотя опасность могла грозить всему экипажу корабля, а не только Беляеву. Врачи констатировали, что пульс у Леонова в этот момент был 70—72 удара в минуту. Он верил технике, он верил в умение своего командира, он был спокоен.

Спустя некоторое время на связь с кораблем вышел Юрий Гагарин. Он несколько раз повторил в микрофон решение Главного конструктора:

— Вам разрешена ручная посадка на восемнадцатом витке...

В нужное время, строго по расчетам, Павел Беляев сориентировал корабль, включив с пульта управления систему ручной ориентации. Затем нажал кнопку тормозной двигательной установки...

19 марта 1965 года в 12 часов 02 минуты спускаемый аппарат с космонавтами на борту приземлился северо-восточнее города Перми.

Известие об этом на Байконур пришло в пять часов вечера. В информации поисковой группы сообщалось: «Корабль обнаружен по радиосигналам в северо-восточном направлении, в 180 километрах от Перми. Эвакуация пока невозможна. Принимаем меры». Из другого источника Сергей Павлович Королев узнал, что космонавтов будто бы уже и видели, и руки им жали...

Где же истина? — ломал голову Двадцатый (позывной С. П. Королева). Он был человеком точных наук и поэтому неясностей не терпел. Такие сообщения, а тем более такое разночтение в них его совершенно не устраивало.

Главный напряженно сидел за письменным столом. Чуть привалившись к спинке кресла, он упрямо глядел в одну точку. Его преследовала навязчивая, неприятная мысль: «В космосе все обошлось. Но тайга... Тайга — не космос». Королев резко повернулся к телефонам. Поднял одну из множества трубок.

— Соедините меня по оперативной с начальником группы поиска!

А в городке отмечали очередную победу в космосе. У Владимира Беляева собрались друзья, и все только еще начиналось. Жена не успела стол накрыть, как в дверь постучали. На пороге стоял оперативный дежурный: «Королев срочно просит к себе».

Владимиру Сергеевичу к Главному попасть не удалось: шло заседание комиссии. Задание он получил от его заместителя Шабанова:

— С. П. просил срочно, очень просил и очень срочно отбыть в район приземления «Восхода-2». Все необходимое для экспедиции уже приготовлено, я распорядился. Отправитесь на поиск своего однофамильца. Возьмите с собой еще человека четыре. С. П. наз-

начил вас старшим. Летчики команду получили. Они готовят самолет.

Как никогда, Владимиру Сергеевичу все показалось понятным и ясным — прилететь на место приземления и доложить, что там происходит. Беляев не задал ни одного вопроса.

Уже в самолете, который вылетел из Байконура в двенадцатом часу ночи, Беляев, немного придя в себя, серьезно задумался над заданием. «С. П. очень просил», — пронеслось в голове. Просил, просил... Не было еще, сколько помнит Беляев себя под началом Главного, чтобы кто-то не выполнил его просьбы. Вместе с Беляевым летели Артемов, Волков, Шаповалов, Лыгин.

На полпути, примерно между Байконуром и Пермью, Владимиру Беляеву в полусне явился даже сам Королев. Строгое, без тени улыбки, но не сердитое лицо его выражало неимоверную озабоченность. Беляеву почудилось, что слышит слова Главного:

— Их надо спасти во что бы то ни стало... Любыми средствами. Вы должны это сделать...

Владимир очнулся. Тряхнув головой, он попробовал избавиться от впечатления недолгого забытья. Но Королев не выходил из головы. Беляев припомнил случай, произошедший после того, как Главный ввел на Байконуре, буквально с первых дней, жесткие правила, строгий распорядок. В МИК или на старт ракеты могли попасть только строго определенные люди, имея специальный пропуск и нарукавную повязку. Случилось однажды, что Королев сам явился в МИК без пропуска и без повязки. (Никто так и не знает — почему. То ли он забыл, то ли специально решил проверить, как выполняются его указания.) Прибыл и идет в корпус. Навстречу дежурный:

— Пропуск?

Королев вынимает удостоверение, показывает.

Дежурный говорит:

— Вижу, что вы Королев Сергей Павлович. Я вас и в лицо хорошо знаю. Но пропустить не смогу.

— Как это не сможете? Почему? Вы же меня признали?

— Признать-то признал, — дежурный замялся, — но у вас нет пропуска, Сергей Павлович. И повязка отсутствует. Поэтому я вас не пропускаю. Не имею права нарушать вами же отданные распоряжения.

Королев переступил с ноги на ногу и, кивнув охраннику, будьте здоровы, мол, направился к машине... А тот испугался, подумав: «Не сегодня, так завтра — жди выволочки». Но все прошло благополучно.

Перебрав в памяти детали своеобразного королевского посещения МИКа, о чем на космодроме многие потом узнали, (Королев молчал, рассказывал охранник), Беляев окончательно взбодрился и до конца полета больше не уснул.

...Зима шестьдесят пятого на Севере была снежной и холодной. В марте еще стояли пятнадцатиградусные морозы. Густой высокий лес сомкнул кроны над обгорелым аппаратом.

Двойной купол парашюта с широкими ярко-оранжевыми полосами накрыл с десяток сосен и елей, а белоснежные стропы, словно паутина, связали их между собой. Картина получилась — загляденье! Подобного тайга никогда не видела.

Корабль мягко опустился в почти полутораметровый снег и оказался зажатым между сосной и березой. Сначала под его тяжестью треснула береза, затем и сосна повалилась набок. Люк, через который можно было выйти, оказался у самого ствола березы и открыть его полностью поначалу не удавалось. Несмотря на это, «пришельцы из космоса» не пали духом. Павел, как всегда, серьезен, внимателен ко всему, Алексей — мотор, пружина.

Раскачивали, раскачивали космонавты крышку люка, пока, наконец, не сдвинули ее с опорных болтов, и она бесшумно нырнула в глубокий снег. Второй, запасной люк накрепко зажала надломленная сосна.

На край обреза выбрался сначала Павел. Поток яркого света и стерильная снежная белизна ослепительно ударили в глаза космонавту. Вокруг стеной стоял вековой лес: высоченные ветвистые ели, стройные сосны и почти невидимые в этот миг белоствольные березы. Человек спрыгнул вниз и вслед за люком утонул в снегу. Кругом лес: ни конца, ни края, непроходимая тайга. «Был ли кто-нибудь в этих местах?» — подумал Беляев и огляделся. Тишина. Лишь поскрипывают от легкого ветра сухие ветви, да «Комар» (приводная радиостанция) попискивает, передавая сигналы в эфир.

Алексей почему-то застрял в корабле, и Беляев, барахтаясь в сугробе в жестком, неудобном для таких «прогулок» скафандре, позвал:

— Давай. Леша, вылезай. НАЗ (носимый аварийный запас) тащи с собой.

— Помоги, Паша, не смогу один. Ногу креслом зажало.

Павел, как заботливый «марсианин», чуть перегнувшись через обрез люка, начал дергать Алексея за ногу. Леонову же в корабле без всякой теперь невесомости мешал ранец автономной системы жизнеобеспечения. Возились, возились они, пока нога не выскочила вдруг из ловушки, после чего Леонов завалился между креслом и стенкой корабля. Попробовал подняться — ни в какую. Снова позвал Беляева...

— Помоги, Пашенька, сил нет, — простонал жалобно, в шутку, конечно, хотя силы действительно убывали.

Павел, решивший было поубавить немного снега у корабля, притоптать его, повернулся к Леонову, взял снова его за ногу и начал:

— Раз, два — взяли, еще раз — взяли, потащили... Еще раз...

Алексей достал секстант, чтобы замерить местонахождение.

— Гед-то между Обью и Енисеем, наверное, мы, — высказал он

догадку, а потом поддразнил товарища: Крепись, Паша! Месяца через два приедут за нами на собаках. Во экзамен! На выживаемость.

Павел невозмутимо перебил:

— Да ведь где приземлились? По ожидаемому расчету, судя по всему, в предгорьях Урала.

Окончательно координаты свои космонавты определили минут через двадцать. Им потребовался для этого второй замер по солнцу. А вскоре заиграла поземка, началась пурга и загнала людей обратно в корабль. Павел открыл НАЗ, пососали из тюбиков холодного борща, по котлетке съели да по кусочку черного хлеба. Теплее стало, как-то даже уютнее в их круглом, обгоревшем со всех сторон «домике».

В пятом часу пополудни над лесом зарокотал самолет. Погудел погудел, походил кругами над местом приземления и улетел, оставив людям добрую надежду.

— Ил-14, — определил Беляев.

— Угу, он.

Совсем стемнело, когда над головой послышался на этот раз глухой, протяжный, даже заунывный гул. Он то удалялся от космонавтов, то снова приближался к ним.

— А это «Ту», — ежась в скафандре от холода, сказал Леонов.

Беляев зашевелился, достал пистолет.

— Леша, надо пальнуть, может, услышат?

— Давай.

Павел вытянул правую руку в люк и дважды бабахнул поверх сосен...

Кресло Павла — у открытого люка, следующее — Леонова. Беляев вскоре уснул. Забылся и Алексей. Крепко, видно, забылся, потому что не чувствовал, как начали застывать руки. Проснулся ночью, когда все тело проняло холодом.

— Паша, Паш, — толкнул локтем Беляева.

— Ну чего тебе? — сонно отозвался тот.

— Замерз я, руки окоченели.

— Подуй хорошо на них, подыши, — заерзал Павел в кресле.

— Так я дышу одним холодом. — В голосе Леонова появилась обнадеживающая, ироническая нотка.

— Надо спать, скорее время пройдет, — посоветовал друг. — Непоседа ты...

А Алексей снова за свое:

— Паша, холодно ведь, может, утеплимся, а?

— Чем ты утеплишься? Что ты в этой тайге найдешь?

— А корабль теперь для чего? — не унимался Леонов.

Беляев поднялся. Сон слетел. Часы показывали четверть первого ночи.

— Давай, Леша, давай попробуем. Ты молодец! Мне тоже, честно говоря, холодно. У-у-х-х! — Павел вывалился из люка, за ним — Леонов.

В скафандрах тепло в тепле, а тут мороз, аж сосны трещат. Космонавты содрали в корабле дедерон, нарезали лент из парашютных строп, а затем, помогая друг другу, сняли до пояса скафандры. Отжав космическое белье, они обернулись дедероном, а затем привязали ткань лентами и снова натянули все на себя.

С трудом залезли в корабль. Опять в том же порядке легли в кресла: у обреза люка Беляев, за ним — Леонов. Павел уснул быстро — то ли нервная система у него была покрепче, то ли усталость одолела его больше. Алексей подремывал, глубокий сон не шел. Мороз все крепчал, хотя заметно поутих ветер, и пурга словно бы медленно оседала на хвою.

У Леонова руки совсем окоченели. Он уже не мог шевельнуть пальцами и почти не чувствовал их. Где-то в снегу валялись его перчатки, забытые во время «переодевания». Он начал толкать Павла в бок:

— Паша! А, Паша!

— Ну?

— Я замерз. Руки окоченели, пусти меня, я перчатки поищу.

— Только заснул, а ты тут... — Он нехотя поднялся с ложемента, и Леонов быстро и пружинисто, как тигр, выпрыгнул из шара. Перчатки лежали на припорошенном снегом гермошлеме.

Надев холоднющие, задубевшие на морозе, но все же спасительные космические краги, Алексей задрал вверх голову и долго смотрел на купол парашюта, хлопая перчатками по бедрам, чтобы скорее согрелись руки. Идея пришла ему в голову блестящая. Он протаранил грудью несколько метров глубокого снега и ухватился за парашютную стропу. Повисая на ней, начал стягивать потихоньку шелковистую скользкую ткань.

Алексей хорошо разогрелся, а у его ног собралась целая копна строп. Наконец, подпрыгнув в сотый, быть может, раз, он завалился на них и затих. Разбудил его гул самолета. Павел тоже проснулся. Над ними снова кружил «туполев». Часы в корабле показывали пять.

— Все летают,— недовольно проворчал спросонья Беляев.— Летают, хотя лучше бы поесть чего-нибудь скинули. Леша, Алексей, — громко позвал он Леонова.

— Я здесь, в стропах, ночую, — откликнулся тот и начал выпутываться из шелкового клубка.

Королёвская бригада «разведки», так они себя потом поименуют, в пять утра пересаживалась в аэропорту Перми из большого самолета в обыкновенный вертолет. Владимир ничего не стал записывать на космодроме. Он все запомнил. Сначала Пермь — аэропорт. Затем Мертвая деревня — 160 километров. Еще несколько километров — место без названия, просто координаты: долгота, широта.

Через четыре часа после того, как обугленный шар с двумя космонавтами коснулся стерильно чистого и искристо-белого снега,

десятки, может быть, сотни людей, коим сие положеио было, узнали об этих координатах. И для многих они оказались неожиданными. Как можно было подготовить оперативную эвакуацию космонавтов за те два с небольшим часа до приземления, когда Двадцатому стало известно об отказе автоматической системы посадки корабля? Где Кустанай, а где — Пермь?

Группа поиска, люди других служб, самолет с журналистами, кино-и телеоператорами в это время стремились в сторону Кустаная, а корабль мчался к... Перми.

Телетайпы, радиостанции, телефонные провода переориентировали потом, когда все прояснилось, ответственных за эвакуацию космонавтов, приземлившихся в совершенно не предусмотренном, труднодоступном и труднопроходимом лесном районе.

Журналисты из Кустаная в Пермь не полетели: от Москвы туда гораздо ближе и для освещения события сколотили новую группу.

На небольшом аэродроме в Мертвой деревне Владимир Беляев увидел многих знакомых. В давно покинутое людьми место прибыли вертолетчики, приехали специалисты на вездеходах, оказались здесь полярники, работники Гражданского воздушного флота. Лыжи, пилы, топоры, бухты каната, сложенные прямо на снегу, говорили сами за себя — вот-вот еле забрезжит рассвет, спасатели ринутся в путь, несмотря ни на какие трудности... «Но сколько же нам понадобится времени? — подумал Беляев. — До ребят ни много ни мало восемнадцать километров. Надо действовать, действовать немедленно! Королев просил»,— вспомнил он слова его заместителя Шабанова.

Специалисты объяснили: можем опускать людей с вертолета, если лес не выше двадцати метров, да ведь там же все сорок. Пришлось дать отбой. По рации с самолета как раз сообщили, что космонавты в лесу уже костер развели.

— Лыжный отряд выступает минут через двадцать, — сказал он. — Три-четыре часа — и будет у цели. Медики пойдут первыми.

Беляев ни на чем не настаивал. Он прекрасно ориентировался в обстановке и понимал все с полуслова. Многие его знали, знали и то, что Двадцатый волнуется: иесколько раз от него запрашивали обстановку. А Владимир, в свою очередь, видел, что меры принимаются самые энергичные. Беляеву сказали, что руководство по спасению космонавтов наряду с группой поиска взял на себя и Пермский обком партии, поэтому один из его секретарей со вчерашнего дня находится в Мертвой деревне.

Ми-I полярной авиации стоял в сторонке. Беляев увидел его, когда совсем рассвело, и решительно направился к пилоту. Он так же решительно спросил, подойдя к тому вплотную:

— Бросишь к ребятам? Хоть на полпути, а?

— Не имею права, — резко сказал вертолетчик.

— Да поблизости же нет высокого леса? — не обращая внимания на тон, уточнил Владимир.

— Есть. Я летал туда вчера, — парень был одного почти с Беляевым возраста.— Березы там и ели. Правда, можно попытаться выброситься...

— Ну так чего ты? — не унимался Владимир. — Мерзнут парни, понимаешь?

— Я-то понимаю, а начальство? Оно по головке не погладит.

— Кто твое начальство?

— Если ты от Анохина[1] или... — Он не успел договорить.

— От Анохина, — не моргнув глазом, солгал Беляев.

— А как его имя?

— Сергей Николаевич.

— Тогда летим, — решился парень и полез на сиденье.

— Лыгин, Волков, сюда давай, сюда, — чуть отбежав от вертолета, позвал своих помощников Беляев.

Отбрасывая по сторонам закипающие вихри снега, Ми-1 поднялся в серое, туманное небо.

Высадка началась минут через двадцать. Вниз полетела веревочная лестница. Сначала Беляев сбросил лыжи, пилу, топор, а затем спрыгнул сам. Пелена снега, словно волна, накрыла его. Заним последовали Волков, Артемов и Лыгин.

Вертолет улетел. Беляев сориентировался по компасу и подал команду:

— На лыжи! Быстрее, хлопцы, быстрее!..

Но быстрее не получалось...

Алексей Леонов, притерпевшись к холоду, мороза почти не чувствовал. Откликнувшись грудным голосом на зов Беляева, он подошел к люку корабля, еще раз повторил:

— Я здесь, Паша. Чего звал?

— У нас там кофе, кажется, остался. Не выпить ли?

Леонов полез в НАЗ и вытащил большую тубу кофе.

— Последняя, — сообщил он. — Холодный будем пить?

Беляев высунул голову, поежился: разогреть бы...

— Попробую, Пашенька. Я для тебя на все готов. — И Леонов повернулся к Беляеву «вспухшей» от дедерона спиной. У березы, поваленной кораблем, Алексей нагреб мелких тонких хворостинок, бересты надрал — для растопки. А потом начал, чуть подпрыгивая, обламывать сухие ветки. Маленький, жиденький, но костерок он все же развел. Таявший снег никак не давал разойтись огню. Потом, когда белая толща протаяла до мха, дело пошло живей. В багряный цвет окрасился снег, густые тени деревьев обступили костер. Леонов нашел ветку потолще, уложил ее поближе к огню, приставил к ней тубу. И сам подсел, погрелся, а потом начал звать Беляева:

— Паша, иди сюда, здесь тепло!

— Когда кофе согреется, тогда и приду, — резонно ответил командир корабля.

[1] Летчик-испытатель, Герой Советского Союза.

— А может, зарядочку перед кофеечком? — не унимался Алексей. — Давай, Паша, давай попрыгаем. — Он поднялся от костра и пошел тропкой, протоптанной к кораблю. За спиной у него что-то зашипело. Разогревшись и дав трещину внизу, туба, словно ракета, летела к вершинам сосен, разбрызгивая вокруг остатки кофе.

— Ну как, — проследив за ней взглядом, спросил с усмешкой Леонов, — горячий кофе будем пить или холодный?

— Я люблю горячий, — невозмутимо ответил Беляев и рассмеялся. Они потом до самой своей эвакуации уточняли: «Так какой кофе ты любишь больше: холодный или горячий?»

Владимир Беляев шел первым. За ним Владислав Волков, Алексей Лыгин, потом Сергей Артемов. Первые шаги, первые взмахи лыжных палок и первые провалы у молоденьких елок, снег очень рыхлый, неуплотненный. И елочек этих — не обойдешь, не объедешь. Лыжники через метр-другой влетали в них и, падая, захлебывались в снегу. А ведь трое из них — перворазрядники по лыжному спорту. Вставал на лыжи один, падал другой, поднимался Волков, нырял в снег Артемов. За полчаса группа не преодолела и двухсот метров. Владислав, поднимаясь в который раз и надевая лыжи на свои унты, на которых они держались хуже, чем на сапогах, предостерег друзей:

— В этих местах водятся рыси. Их здесь много.

— Ну и что? — усмехнулся Артемов.

— А то, что они прыгают человеку на спину, грызут шею, так что подними воротник, Серега, — посоветовал Волков.

Артемов послушался. А Беляев махнул рукой. Он понял, что втроем им не дойти: успел моргнуть Артемову, заметив, как Владислав, да и Сергей, — они оба были в унтах, меховых брюках и меховых куртках — вымокли с ног до головы.

— Заблудились! Стоп! — громко сказал Беляев, дожидаясь, пока Владислав выберется из очередной ямы и встанет на лыжи. — Поставь компас, Сережа, — посоветовал Артемову и шепнул: — Я к ребятам, а вы отдохните — и потихоньку... по моему следу.

Беляев скрылся за очередной елкой. Лыжи он хорошо пригнал к своим сапогам, крепко затянув парусиновые ремни. Владимир несколько раз разгонялся, надеясь проскочить елочки, но не выходило — падал. Избрал другую тактику: стал объезжать ловушки. Двигаясь медленно, оставлял на снегу восьмерки, круги, всякие кривые. Беляев шел то на восток (именно туда ему было надо), то на север, то на юг. Досаднее всего становилось, когда с невероятным трудом пройденные двести-триста метров возвращали его назад, на собственный след.

Давно болтается у пояса меховая куртка, шапка съехала на затылок и еле держится, потемнела от пота спина. А он все идет, продираясь сквозь заросли, делает зигзаги, обходя завалы, и идет, не скользит, нет: лыжи ему нужны лишь для того, чтобы не проваливаться по грудь в снег.

На левой руке часы сползли к запястью, болтаются. Поначалу он возвращал их на старое место, потом вообще забыл о них и о времени. От подбородка на шнурке свисает до живота компас. На него Беляев часто посматривает. Иногда закрадывается мысль: неужели промахнулся? И следом самовнушение: вертолетчик не мог ошибиться. Он же говорил, что видел белое с оранжевым — парашют...

Владимир потерял счет времени. Позади него по-прежнему оставались круги да восьмерки, которые он выписывал на снегу пятый час подряд. И вдруг услышал отдаленные, приглушенные расстоянием выстрелы, потом меж стволов сосен увидел шевелящихся людей. Их движения показались замедленными, и спасатель ускорил шаг. Люди исчезли. Померещилось? Снова послышались выстрелы. «Ребята стреляют, — обрадовался посланец Главного. — Это там, на востоке. Значит, уже скоро».

Встреча была неожиданной. Павел Беляев сидел верхом на аппарате и выразительно высказывался в адрес тех, кто летал над ними на самолете. Владимир стянул его за ногу на землю. Тот не поверил глазам своим. Ощупал невесть откуда взявшегося лыжника, узнал и удивленно произнес:

— Ты что, с неба свалился?!

Они обнялись, расцеловались. Владимир был первым, кто встретил космонавтов в тайге. Вслед за ним на лыжах пришли врачи, другие спасатели.

Выполнив задание, Беляев, Лыгин и Волков возвращались на Байконур через Москву. Владислав позвал друзей к себе домой, но Беляев отказался наотрез: очень уж не хотелось стеснять семью, несколько недель не видевшую Владика. На вокзале они простились.

Ранее Владимир, да и Алексей, приезжая в Москву, останавливались обычно в одной и той же гостинице. Поэтому, пожав руку Владиславу и не раздумывая больше ни о каких других вариантах, друзья пустились почти через весь город к площади Коммуны.

Столица принарядилась. Кумачовые полотнища, плакаты, портреты «виновников» недавно совершенного выхода в открытый космос подняли настроение у многих горожан. О чем только ни говорили они в эти дни в метро, автобусах, в своих квартирах. Как бы там ни было, но после гагаринского «Поехали!» тысячи сердец прикоснулись к первой истинно человеческой победе над стихией космоса. И вот теперь двенадцать минут Леонов парил, летел от Черного моря до Сахалина, находясь вне стен космического корабля. Минуты... и почти десять тысяч километров! Фантастика! Даже моросивший с самого утра дождь никому не мог испортить в этот день праздничного настроения. Не повезло, наверное, лишь Беляеву и Артемову, которым неумолимая дежурная в гостинице твердо сказала, как часто бывает в таких ситуациях:

— Мест вам никто не бронировал, да и вообще свободных номеров нет. Ни единого.

Владимир позвонил одному своему знакомому, затем еще одному товарищу, нашел, наконец, телефон друга. Но зря он все это делал, безуспешно. Ответ повсюду был примерно один:

— На приеме. В Кремле.

— В связи с выходом? — уточнял Беляев.

— Да. — И короткие гудки в трубке.

Владимир пожалел, что отказался от приглашения Волкова.

Начавшаяся в девять часов программа теленовостей первые кадры отвела встрече героев космоса в Москве. Беляеву, примостившемуся на уголке кресла, стало как-то не по себе. А когда роскошный, открытый лимузин с двумя космонавтами «на борту», сопровождаемый эскортом мотоциклистов, вкатил в Кремль, Владимир поднялся и пошел к дежурной. За стойкой сидела на вид интеллигентная, не старая, худощавая блондинка, с острым маленьким носиком и большими, почти навыкате, серыми глазами. Она издали, со своего места, тоже наблюдала за происходящим на экране телевизора. Толпы москвичей, стеной расположившись у тротуара, торжественно встречали двух русских парней — Беляева и Леонова, двух героев земли советской.

— Я, можно сказать, спасал их...— начал Владимир неуверенно, подойдя к блондинке, — а мне и места в гостинице нет...

— Кого спасали? — не поняла дежурная администратор.

— Ну их, кого же еще! — кивнул в сторону телевизора Беляев.

— Откуда это известно?

— У меня командировочное. Я только что из Перми. — Владимир полез в карман за бумажником... но пальцы наткнулись на что-то упругое, плоское.

Дежурная внимательно следила за рукой Беляева и насмешливо-серьезным выражением его лица.

— Много вас таких, сказки всякие рассказывать.

— Какие там сказки? — возразил Беляев, вытаскивая из кармана фотографию, о которой он забыл. — Вот, смотрите. Что это — сказки? — и он подал дежурной вместо командировочного удостоверения фотографию двух молодых офицеров.

— Ой! И правда! — приложив левую руку к щеке, сказала администратор. На нее глядели, сдвинув плечи, Беляев и Леонов, подполковник и майор с голубыми петлицами. «Володе Беляеву. Первый автограф», — шевеля губами, прочитала надпись женщина за стойкой. Разглядывая фотографию, увидела дальше автограф: «Леонов», затем «19. III. 65 г.» и ниже «Беляев».

— Вы один? — спросила администратор, подняв на Владимира удивленные глаза.

— Нет, нас двое.

Возвращая Беляеву фотографию, она одновременно подала ему ключ от номера люкс.

Я — ЗЕМЛЯНКИН ГАГАРИН

Я — Гагарин.
Я первым взлетел,
ну а вы полетели за мною.
Я подарен
навсегда, как дитя человечества,
небу землею.
В том апреле
лица звезд, замерзавших без ласки,
замшелых и ржавых,
потеплели
от взошедших на небе
смоленских веснушек рыжавых.
Но веснушки зашли.
Как мне страшно остаться
лишь бронзой,
лишь тенью,
не погладить траву и ребенка,
не скрипнуть садовой калиткой.
Из-под черного шрама почтового штемпеля
улыбаюсь я вам
отлетавшей улыбкой.
Но вглядитесь в открытки и марки
и сразу поймете:
я вечно —
в полете.
Мне ладони всего человечества грохали.
Обольстить меня слава пыталась,
да вот не прельстила.
Я разбился о землю,
которую первым увидел я крохотной,
и земля не простила.
А я землю прощаю,
сын ей духом и плотью,
и навек обещаю
быть над нею в полете
над бомбежками,
над теле-радиоложью,
опутавшей землю витками,

над бабешками,
выдающими лихо стриптиз для солдат во Вьетнаме,
над тонзурой
монаха,
который хотел бы взлететь, да запутался в рясе,
над цензурой,
засосавшей в Испании крылья поэтов, как ряска...
Кто —
в полете,
в крутящемся звездном самуме.
Кто —
в болоте,
устроенном ими самими.
Люди, люди, хвастливо-наивные,
вам не страшно,— подумайте сами! —
что взлетаете с мыса имени
человека, убитого вами?
Вы ревнивы,
хищны,
злопамятны.
Как вы можете падать так низко,
если так высоко вы взлетаете?!

Я — землянин Гагарин,
человеческий сын:
русский, грек и болгарин,
австралиец и финн.
Я вас всех воплощаю,
как порыв к небесам.
Мое имя случайно.
Не случаен я сам.

Как земля ни маралась,
суетясь и греша,
мое имя менялось,
Не менялась душа.

Меня звали Икаром.
Я — во прахе, в золе.
Меня к солнцу толкала
темнота на земле.

Воск растаял, расползся.
Я упал — не спасти,
но немножечко солнца
было сжато в горсти.

Меня звали холопом.
Злость сидела в спине —
так с притопом, с прихлопом
поплясали на мне.

Я под палками падал,
но, холопство кляня,
крылья сделал из палок
тех, что били меня!

Я в Одессе был Уточкин.
Аж шарахнулся дюк —
так над брючками-дудочками
взмыл крылатый биндюг.

Под фамилией Нестеров,
крутанув над землей,
я луну заневестивал
своей мертвой петлей!

Смерть по крыльям свистела.
К ней презренье — талант,
и безусым Гастелло
я пошел на таран.

И прикрыли бесстрашные
крылья, вспыхнув костром,
вас, мальчишки тогдашние,
Олдрин, Коллинз, Армстронг.

И, надеждою полон,
что все люди — семья,
в экипаже «Аполло»
был невидимо я.

Мы из тюбиков ели —
нам бы чарку в пути.
Обнялись, как на Эльбе,
мы на Млечном Пути.

Шла работа без трепа.
Жизнь была на кону,
и ботинком Армстронга
я ступил на Луну!

(1969)

КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой,—

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век,—
Там тоже, отправляясь на заданье,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетели не в ракете
И не сравнить с твоею высоту,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывалися черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

1961

ПАМЯТИ ГАГАРИНА

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам!
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой вселенной
Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слыхал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути —
Не меньшее, чем подвиг — испытанье,—
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить — недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах, этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком...

(1968)

ВОЗНЕССЯ В КОСМОС ЧЕЛОВЕК

Всё —
Как он набирался сил,
Как в небесах владел собой
И невесомость выносил —
Да пусть почувствует любой
Из нас!
Он сделал все для нас с тобой,
Он делал все за нас с тобой,
Над нашими плечами мчась.

Вознесся
В космос человек,
Оставив за своей спиной
Свой шар земной с его весной,
С его «холодною войной»,
Со стужей, вклинившейся в зной,
И с кипятком подземных рек
Под леденистой пеленой.

Вознесся
В космос человек,
Но это вовсе не побег
Из повседневности земной.
Вознесся
В космос человек,
Секретом неба овладел,
И возвратился человек
И снова землю оглядел:
Напрашивается масса дел!

Еще недужен лик земли,
Еще витает горький прах
Сынов земли, которых жгли
Вчера на атомных кострах.
А сколько на земле калек!

Поставим этому предел,
Поскольку, силою богат,

Ворвался в космос человек
И возвратился он назад,
И убедился человек,
Что доброй воле
Нет преград!

(1961)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЦИОЛКОВСКОМ

В те дни, когда мы увлеченно
глядим в занебесную гладь,
я должен о старом ученом
хоть несколько строк написать;

напомнить о том человеке,
что жизнь проработал сполна
еще в девятнадцатом веке
и в наши потом времена.

Он путь пролагал без оглядки
к светилам, мерцавшим во мгле,
старик, в неизменной крылатке
ходивший по нашей земле.

Ах, сколько ума и старанья
и сколько недюжинных сил
ещё в одиночку, заране,
он в вас, корабли мирозданья,
и в вашу оснастку вложил!

Ему б полагалось за это
(да некого тут упрекать)
при запуске первой ракеты
на месте почетном стоять.

Ему бы, шагнув через время,
войти, как к себе, в этот год
и праздновать вместе со всеми
ее межпланетный полет...

Я знаю неплохо, поверьте,
и спорить не думаю тут,
что нету у гениев смерти
и мысли их вечно живут.

Я все это знаю, и все же
сегодня печалит меня,
что сам прорицатель не дожил
до им предреченного дня.

* * *

Слыша о космических полетах,
дед любил говаривать:
— А все ж
эти укрепленные высоты
лобовой атакой не возьмешь!

Полагал:
— Уж коль дела на свете
так заметно двинулись вперед,
то и к самой маленькой планете
нужен свой особенный подход!

Дед смотрел на мир
пытливым взглядом,
и на этом старческом посту
деревенским крепким самосадом
от него разило за версту.

Он бровями шевелил упрямо
и как знаки юности крутой
два — вдоль уха и на шее — шрама
укрывал под сивой бородой.

Укрывал...
А в памяти сквозь годы
проступали из былой поры
митинги, дискуссии, походы,
клятвы, перестрелки и костры.

Осмеявший смолоду иконы,
но уверенный в своих вождях,
он бросал в атаку эскадроны,
хоронил друзей на площадях.

Брел вперед и хлябью и снегами...
За окном не беспокоя птиц,
под его нелегкими шагами
слышалось скрипенье половиц.

А над койкою — в ножнах укрыта —
провисала шашка, тяжела,
будто бы отрезок той орбиты,
что сынов и внуков позвала.

(1968)

В КАЛУГЕ

Калуга, убаюкивая мысли,
патриархальна с виду и проста,
покачивается на коромысле
упругого бетонного моста.

Подрагивает в легком напряженье.
Две части города, как два ведра,
расплескивают при перемещенье
денек, которым полнятся с утра.

Денек — деревья, магазины, лица.
Движение машин. Движенье губ.
Я, словно вправду падает водица,
невольно слышу сочный перехлюп.

Извечный, но стремящийся все выше.
И мнится: перед канувшим в долгу
не на берег мы здесь с тобою вышли,
а встрелись тут впервой — на берегу.

Тут, где под перескрипы-пересуды
и днесь и впредь — на долгие года
ступеньки, возникая ниоткуда,
уводят прочь дорогой в никуда.

И в никогда.
И все же — сквозь рассветы,
где, вычисляя что-то на песке,
простой учитель, как модель ракеты,
закрытый зонтик стискивал в руке.

Радел, чтобы исток разлился устьем:
ведь смутно уходя за тополя,
провинцией, Калугой, захолустьем
вдруг прозревает русская земля.

Вдруг прозревает откровеньем странным.
Вдруг тянется, как за поводырем,

за явным неудачником, мужланом,
изгоем, прожектером, бунтарем.

Все непривычно в нем: слова и числа.
Все неприлично в нем: настрой и суть.
Его и нас, как будто коромысло,
вознес на этот берег Млечный путь.

Вознес — и до сих пор остался тайной.
Тобой и мной. Родимой стороной.
Тобой и мной. Вселенною бескрайней.
Калугой. Гением. Тобой и мной.

(1971)

Джубан ***МУЛДАГАЛИЕВ***

СТУПЕНИ БАЙКОНУРА

(поэма в пяти новеллах)

Исакул и поэт

Живи и здравствуй, старый Исакул!
Твой голос из родных мелодий соткан.
Широк разлет твоих бровей и скул,
Твой смех лучится
Казахстанским солнцем.

Лиричен сердца твоего настрой,
И дух степи в тебе —как дух народа,
Доверчивостью взгляд искрится твой.
Кто б оценил тебя в былые годы?

Ты все приметы зрелости хранишь:
Под стать глухим,
в беседах не кричишь,
На жесты скуп и в голубые дали
Спокойно и мечтательно глядишь.

Здорова ль Балшайым?
Признать могу,
Ваш чай — как мед по вкусу и по цвету.
(Перед женгей[1] я за него в долгу —
Простит ли время все долги поэту?)

Как дети? Как друзья и все вокруг?
Хоть на эпоху держит степь равненье,
От творческих не исцелиться мук —
По месяцам нет искры вдохновенья.

А дни идут обычной чередой:
Событий, перемен свершилось сотни.
И лишь поэт — как будто конь гнедой,
Что за отарою бредет, оседлан.

---

[1] Женгей — уважительное обращение к жене старшего по возрасту.

Он внемлет жаворонку, соловью.
Он что-то ищет
в каждом встречном взоре
И душу ощущает он свою
Вселенским центром радости и горя.

Доверчив он, но может дать отпор.
Порывист он, но не жесток при этом.
И ни один сейсмический прибор
Не чутче сердца честного поэта.

В прощальный час любовь в его душе —
И жизнь поэта срывами не мерьте.
Лишь бык — по виду
Да поэт — в душе,
Как говорят, не старятся до смерти.

Поэт прекрасен правдой на устах,
Мечтой он — выше беркута в паренье.
Поэт и на земле, и в небесах
Находит верный путь по вдохновенью.

Когда поэт в борьбе, он на виду,
Он вдаль готов за необычным мчаться.
Поэт — он дарит людям красоту,
Ее дарами пользуясь не часто.

Какой поэт признается в дряхленье?
Красавицы порвут его творенья
И самого навеки проклянут —
Постыдны старческие настроенья.

Трудам его объявят забастовку
Хранительницы вечного огня,
Старенье отрицая и гоня:
Мол, среди женщин и дряхлеть неловко!

Но это в шутку.
А сказать по чести —
Так наша муза, не нуждаясь в лести,
И плачет, и смеется, и грустит:
Вздохнет над чем —
и то с народом вместе

В укрытие поэта не загонишь.
Как юный страж у правды на посту,
Он к приторному добавляет горечь,
А в пресное привносит остроту.

Мы вдохом-выдохом народа стали:
Народ в пути — и песни рвутся в дали!
Мы там в порыве общем, где подчас
Призывно раздается: «Раз-два, взяли!»

И глас народа, и его заветы,
И трепет сердца — в голосе поэта.
Стихи в жару сверкают, словно дождь,
Стихи в ночи сияют лунным светом.

Себя не перепрыгнешь все равно
И мысль, увы, не высветишь рентгеном.
Душа народа! Нам ее дано
Раскрыть перед народом откровенно.

Известно: среди творческих натур
Дар губят не горячностью, а ленью.
Так что ж не посетить мне Байконур,
Где нет оков земного притяженья?

И я к Руководителю с надеждой
Явился за поддержкой, не таясь.
Так вновь и вновь является прозревший
К тому,
Кто был увиден в первый раз;

Кто — совесть устремляющихся к свету.
И наш Руководитель мне на это
Сказал:
«Ну что ж! Счастливого пути!
Нет у народа тайны от поэта!»

Такой простой, учтивый, смугловатый,
Он дал поэту счастье быть крылатым:
Он трубку снял —
и вот уж подо мной
Вы, байконурские координаты.

С тех пор мы, Исакул, с тобой знакомы.
Над нами,
Над твоим радушным домом
Бескрайняя Вселенная плыла —
И жил я между ней и космодромом.

Как будто и сейчас тебе я внемлю:
Борясь и строя, не был ты устал.
Невежество, вкогтившееся в землю,
Ты — сын степей —
В степях искоренял.

Ты говорил мне с гордостью:
«Не скрою,
Я стар, но многое увидеть смог:
И то, как первый спутник над землею
Взметнулся жаворонком из-под ног;

И то, как здесь Гагарина встречали.
А кстати, помнят эти вот места,
Как встретил свой конец
Певец печали —
Тот легендарный наш Коркут-ата».

Ты, ноги под себя поджав, с почтеньем
Нас потчевал обильным угощеньем.
В том, чтоб кормить нас, а не говорить,
Хозяйское ты видел назначенье.

Кружки казы таили солнца жар
И аромат степной, дразнящий, стойкий.
Постанывал кипящий самовар
Верблюдицею, ждущей часа дойки,

Как дар земли священной,
Баурсак[1]
Безмолвно высился медовой грудой.
Его за звезды принял бы казах,
Коль в небо кинуть это яство с блюда.

Под тяжестью такой едва дышал
Твой дастархан, богатый по-степному.
А гости — я, да русский — генерал,
Да украинец — секретарь горкома.

Под нами одеяло и ковер,
У всех у нас подушки под локтями.
И ты неторопливый разговор
Поддерживал с довольными гостями.

За все тебя, по чести говоря,
Детьми, достатком степь благословляла.
Ты Николаем звал секретаря
И в шутку Анатолем — генерала.

Хоть на широком лбу
Морщины силошь,
В глазах играл огонь — и оттого-то
Ты острыми плечами был похож
На беркута, готового к полету.

---

[1] Баурсак — шарики из теста, обжаренные в масле.

А пальцы — корни таволги степной:
Знать, в состязаньях побеждал недаром.
Кулак с кувалду был величиной —
Кто устоял бы под его ударом!

Красив и смуглолиц,
В свои года
Не дрогнул бы под рухнувшей скалою.
Тебе лет сорок сбросить, и тогда —
Вновь от красавиц не было б отбою.

Тебе сорочка белая твоя
И малахай —
Шли вместе, как ни странно.
Твой бархатный костюм, заметил я,
Был скроен без единого изъяна.

Ты, Исеке, беседу вел толково.
А о тебе самом заговорить —
И приходилось нам любое слово,
Как гвоздь из дуба, из тебя тащить.

— Я ничего в анкетах не скрывал,—
Смеялся ты, сидящих угощая.—
Коль рядом секретарь да генерал,
Что толку в старой дудке из курая?

Лишь об одном замечу без затей:
Здесь и мое прошло когда-то детство.
Здесь вырастали шесть моих детей —
И труд я завещаю им в наследство.

У нас народ не праздный,
Не из тех,
Которые в карманах руки держат.
И я как все: в труде лишь мой успех,
Моя удача и моя надежда!

С улыбкой на гостей ты посмотрел:
— Я песне в красноречье уступаю.
Акын Ермен шел с песней против стрел
И побеждал, гласит молва степная.

Какую страсть акын тогда познал?
Любовь иль месть владели им жестоко?
У Сырдарьи он с байскою токал
Скрывался...
Был камыш тогда высоким...

Я понимал, куда ты клонишь, друг.
Знал, Исакул, что ждало их за это.
И думал: «Столько девушек вокруг.
Зачем чужое юному поэту?»

Смеялся про себя: где голова,
Там, говорят, и челюсть по соседству.
Похоже, Исакул,
твои слова
Сумели взять секретаря за сердце.

Сказал он по-казахски:
— Стороной
Беседу направляешь,
а в итоге
Смогли бы опоясать шар земной
И космоса достичь твои дороги.

Турксиб. Моинты-Чу. Порыв труда.
Ты, Исакул, прошел огонь и воду.
Так сорок лет умчали поезда,
Так отнято войной четыре года.

Твой отчий край — аул Карасакал,
Где дыни, что казы, желтеют сочно.
Большевикам твой дух принадлежал,
А опыт и призвание — рабочим.

Хозяин наш смущался от похвал,
Призвав на помощь все свое терпенье.
А тут и Анатолий, генерал,
Решительно добавил в заключенье:

— Хоть наши парни в космос поднялись
Сквозь кручи, нависающие хмуро,
Турксиб и пятилетки дали высь
Сегодняшним ступеням Байконура!

— Ступени Байконура? Шел народ
Вперед и ввысь,
Сквозь труд и сквозь сраженья.
Кто подвиги людей перечеркнет?
Кто выбьет из-под ног у нас ступени?

«Ступени» — повторял ты это слово,
Как будто в нем всему была основа.
И для поэмы слово это вдруг
Я ощутил названием готовым.

— Ступени,— повторяли мы,— ступени,—
В каком-то неожиданном прозренье.
И каждый размышлениям своим
Предался на короткое мгновенье.

Предался собственным воспоминаньям —
И в доме наступила тишина.
В мое разгоряченное сознанье
Вошла такими мыслями она:

Поэт!
Не укротят его натуру
Ни летний зной, ни стылая зима,
Чтоб хоть одной ступенью Байконура
Явились всей поэзии тома!

Груз корабля рассчитан, вне сомненья.
Но создавай, поэт, свои творенья:
Ведь это ими может космонавт
Наполнить сердце без ограниченья.

Что плыло, генерал, в твоих глазах?
Твои ступени в бденьях неустанных?
Твои ступени — и солдатский шаг,
И тех обмоток пыльные арканы?

Что ты увидел мирною порой?
Следы сапог кирзовых — через годы?
И — молчаливый, неоглядный строй
Друзей, полегших в боевых походах?

Ты вычислял, что армии под стать
Хлеб убирать, заботиться о сене
И у ракетных пультов не дремать —
Важнее прочих, мол, ее ступени.

Что ж, генерал,
Всю землю на примете
Тебе держать и днями, и в ночах.
Ведь и за звезды в небесах в ответе
И ты, и звезды на твоих плечах...

А секретарь подумывал устало
Не о луне:
Сижу, мол, говоря
О небе за чайком,
а дел немало
И на земле, брат, у секретаря.

Не жаловался он на то да это
И отдыхал в беседе от труда.
Но дух его, как будто дух поэта,
Не пребывал в покое никогда.

— Лишь от земли ведут отсчет паренью
И птиц дороги, и людей пути.
Я счастлив на созданье тех ступеней
Хотя бы малым гвоздиком пойти.

Осилю и ветра, и расстоянья,
Слова Абая пронося в груди:
«Ты лишь кирпичик
В сложном мирозданье —
Сумей в нем место верное найти!»

Так секретарь сказал и начал молча
Кусками резать нежную казы.
Мне б, Исеке,
Годов твоих побольше
Вместить тогда в летевшие часы!..

Тебя, казалось, юность озаряла:
Знать, перед взором к выси голубой
Ступенями вздымались шпалы, шпалы
Стальных путей, уложенных тобой.

— Мои дела — всегда дела народа,
И мне почет, коль гости на порог.
Я — время безоглядного полета,
Я — время, что струится, как песок.

Я — время черных туч и время света,
Бурлящее поверх любых преград.
Я — время.
Дни мои, домброй воспеты,
Едва бредут или стрелой летят.

Я — время, что хранит людские души.
Хоть не ко всем событьям я приник,
Но чувствую: тебе, поэт, я нужен
Как много в жизни видевший старик.

Гляди, к сержанту в гости генерал
Сегодня в том краю идет по-свойски,
Где власть царя когда-то представлял
Не жанарал, а жаналар[1] Перовский.

[1] Тут игра слов: жанарал — генерал; а жаналар — душегуб.

С секретарем у нас земля одна
И парторганизация одна.
Вы угощайтесь:
Не бывать беседе,
Коль гость твой не насытится сполна.

Коню свободы путы не дают,
Жиреть косуле ноги не дают.
Так выпьем за ступени Байконура —
И чувствуйте себя как дома тут!

Мы вняли, Исеке, твоим словам.
Ведь исстари в народе повелось то:
Казах, бывало, голодает сам,
Но радуется аппетиту гостя.

Цепляется, глядишь, за стремена,
Чтоб путника приветить честь по чести.
Степная щедрость, Исеке,— она
В любом твоем движении и жесте.

За яством яство выстроились в ряд,
Но гости не торопятся, едят.
Лишь на рассказы о себе, однако
Ты оказался что-то скуповат.

Что ж, многословьем к сути не прийти
И криками до правды не дойти.
Но отвечал ты на мои вопросы
Так, словно строчкам
Намечал пути.

Суть слова скрыта, как ядро ореха.
Спасибо за еду и за питье.
Сменяя стих стихом, как веху вехой,
Застолье не забуду я твое.

Подчас твоими посмотрю глазами,
Слова твои употреблю порой.
Они мне, помню,
Подсказали сами:
Не ты, а время — главный мой герой.

Утро Байконура

Окутала степи холодная тень,
Хотя ей царить отводилось немного.
Предвидя апреля двенадцатый день,
Роса не просохла на пыльных дорогах.

А значит, как надо, свершился заход,
В свой срок задремали и люди, и птицы.
Но что б ты сказал,
Коль не в должный черед
Рассвет над простором раздвинул границы?

Наверно, тогда заявить бы ты мог,
Что наша планета слетела с орбиты.
Иль это затерянный солнца кусок
Вдруг из-под земли устремился к зениту?

И вот уж фантазии не превозмочь,
И строки, как волны, сменяться готовы.
Но знаю, издревле в краю моем ночь
Была для бродяг и влюбленных покровом.

Они в ней могли обрести забытье,
Пока не раскинется зарево немо.
О пестрая степь!
Лишь частица ее
Сегодня нужна мне для этой поэмы.

Частица степи, где работа всю ночь
Шла без суетливости,
Шла без аврала,
Как будто, скопившись, великая мощь
Для выхода главных минут ожидала.

Хоть нервы натянуты не без причины,
Все в норме: приборы, сердца и машины.
Готовность — она-то и есть тишина
Уже до предела отжатой пружины.

Приподнят здесь полог ночного тумана.
— Готовы! —
— Готов! —
Что там высится странно?
Береза ли это белеет во мгле,
Нога ли неведомого великана?

Что это — отвесная вспышка восхода
Иль памятник от трудового народа
Чабанскому посоху этих краев,
Что землю простукивал долгие годы?

Старик бы, наверно, сказал:
«По дороге
Шагает какой-то гигант длинноногий,
Которого звезды, мигая с высот,
В смятенье разглядывают и в тревоге».

А может быть, это стрела или пика?
А может, перо для поэмы великой?
Два маленьких домика чуть в стороне
Темнеют в тени неподвижной и тихой.

А чудилось мне —
Здесь пустынно и сонно...
Как будто платки, заслонившие солнце,
Квадратно желтеют во мраке ночном
Два крохотных обыкновенных оконца.

Здесь утро наступит ликующим громом...
Пока же, таинственной тишью влекомы,
Как в сказке по спичечному коробку —
Давайте незримо пройдемся по дому.

Ковер, со стены ниспадая к дивану,
Жилью придает незатейливый фон.
Вот кресло на месте своем постоянном.
Вот стулья.
И вот, на столе, телефон.

Вот шкаф, где великие мысли не молкнут
В томах, что за рядом построились в ряд.
Стихи...
Не на всех уважаемых полках
Изданья стихов, между прочим, стоят.

Похоже, богатство здесь только такое.
Похоже, здесь дрема царит в полумгле.
Но вот и хозяин — ладонь под щекою,
А локоть затекшей руки — на столе.

Наверно, он только что с трудной работы
Пришел, чтоб немного побыть одному.
Какие его одолели заботы
И что уготовило утро ему?

Сидит он, расслабившись,
В комнате скромной.
Сидит, коренаст и обычен на вид.
Не в нем ли истоки той мощи огромной,
Которая взрыв, как дыханье, таит?

Что, право, смогло бы его потревожить?
Сидит за столом человек в забытьи,
И лбом, и глазами, и сутью похожий
На будущие воплощенья свои.

Потом они — памятники да портреты.
А нынче о нем — ни полстрочки в печать.
Лишь Главным Конструктором вправе газеты
Условно — до смерти — его называть.

Не множеством званий —
Единственной верой
Встречает он Главное утро сейчас,
С которого время космической эры
Начнет свой полет для него и для нас.

Как Главный он людям за все благодарен,
Он им это утро спешил подарить.
Да, космос для нас — Королев и Гагарин,
Довольно загадками тут говорить.

Да, смертный сидит перед нами.
А все же
Как гений к бессмертию он приобщен
И к славе грядущей, хоть ныне прохожий
Не вскрикнет при встрече: «Смотри! Это он!»

Как мать, наша Родина нощно и денно
Следит, чтоб его не коснулась беда.
Немногим известно, что он академик,
Что стал он по праву Героем Труда.

И в детстве он
Взрослых работ не боялся,
Старался покруче избрать перевал.
Он падал, споткнувшись, но вновь
поднимался
И гладких путей для себя не искал.

Известно, победы огню не добиться
Над тем, кто со всеми сквозь пламя идет.
У старших — учиться, у младших — учиться:
И гений не сходит на землю с высот.

И он, приобщенный к полету крутому,
Листает тома от зари до зари:
В стенах небогатого этого дома
Живут Циолковский, Эйнштейн и Кюри.

Живут здесь открытья его и тревоги:
Еще некролог не подвел им итог.
Не скупы к любому из нас некрологи —
Прочесть бы при жизни мне свой некролог!

К чему, дорогие, кощунствовать мне бы?
Давно по счастливой дороге иду,
Но жажду людской теплоты, а не хлеба,
Хотя и родился в голодном году.

То жду и надеюсь,
то вдруг с укоризной
Опасливо я озираюсь кругом:
Пусть скажут друзья мне
Авансом при жизни
Чуть-чуть из того, что доскажут потом.

Да, думать о том мне отрадно и сладко,
О чем он не думал, часы торопя.
На что не хватило бы жизней десятка,
Он делом обычным считал для себя.

И мысль обернуться назад не хотела —
Ведь там,
позади, лишь обычное дело:
И первый искусственный спутник Земли,
И Лайка, взлетевшая к звездным пределам.

Давая бескрылым надежные крылья,
Не вел он успехам докучливый счет.
Но тратил и душу свою, и усилья
На то, что созреет, свершится, придет.

Но часто, мечтая, не спал до восхода,
Чтоб солончаковые степи смогли
Увидеть: ползут по Луне луноходы,
Достигли Венеры самой корабли.

На лунной поверхности — след человека,
Не в силах ничто обратить его вспять.
Все глубже,
Все выше искать и искать —
Призванием разума было от века.

Так древний ручей устремляется к морю
И манит все дальше движением нас,
И дети обгонят родителей вскоре.
Но все начинается здесь и сейчас!

Десятый герой.
И двадцатый.
И сотый.
Пусть ими по праву гордится народ,

Пусть вслед за гагаринским длятся полеты,
Но первый полет — это первый полет.

И космос лежит целиной-недотрогой
Перед тем, кто его покоряет, упрям.
Дорога сквозь космос — такая дорога,
Где храброму — вдоволь колдобин и ям.

Не просто по снегу метельной порою
Идти впереди и прокладывать путь.
Но лиц от ненастья не прячут герои —
Лишь трус без оглядки не смеет шагнуть.

Хороший останется делом и словом,
Дурной — не иначе как ржавым пятном.
Грядущие дни — это дни Королевых!
Но вздрогнул сейчас человек за столом.

— Ты, мама? — он ждал, замирая, ответа,
Прищуренно всматриваясь в полутьму.
Ведь кто-то вошел сейчас в комнату эту
И волосы нежно взъерошил ему.

Вошел, опустился на краешек стула.
Вошел, про обратный не думая путь.
Вошедшая нежно на сына взглянула:
— Скажи, ты боишься, Сережа?
— Ничуть!

Волнуюсь.
Теперь уж недолго осталось.
Что ж, первым труднее достичь высоты.
Сказалась, конечно, под утро усталость...
А впрочем, прости.
Так о чем это ты?

— Зачем же лукавить?
Ответил бы прямо.
А то начинаешь — устал не устал...
Меня не обманешь!
— Прости меня, мама!
Давно я об этом рассвете мечтал!
— Я рада!
— Да, да! Ты узнаешь на месте
О том, чего здесь мы добиться смогли.
Заслышав по радио эти известья,
Привстанут на тронах своих короли.

— Но есть у тебя и другая, конечно,
Мечта, что пока еще скрыта от всех?

— Сперва пусть полет завершится успешно,
Опять доказав, как велик человек!

Мне трудно, родная, сидеть, успокоясь,
Мы здесь начинаем такие дела!
И первой сегодня врывается в космос
Россия, что лапотной прежде слыла.

Одна только цель у меня перед взором —
Все силы, все знания ей отдаю.
И счастлив я, мама, за эти просторы,
Как счастлив за тихую гордость твою.

Я призраком стал без мечты бы, наверно.
Мечта — это крылья в дали голубой,
Мечта — это парус,
Наполненный ветром,
Мечта — это вечно мятежный прибой.

— А я о науке сужу, как о чуде.
Но кажется мне, что живут еще люди
На шаре земном, как на вертком мяче...
И страшно становится — что с ними будет?

Встает Хиросима в сознании тенью,
Встает, как науки самой преступленье...
— Тут, мать, не науку, а совесть вини
Того, кто вынашивал план устрашенья.

Пусть память о том
Перейдет к нашим детям,
Ко всем поколеньям на мирной планете.
Несчастья Японии атом принес,
Но страха не вызвал в ближайшем соседе.

Сосед, сохраняя в дерзаньях размах,
Над страхом шагал от удачи к удаче.
И атом сейчас у соседа в руках,
И кое-что поэффективней в придачу.

Но, не причисляя к всесильным себя,
Других не считаем мы хуже себя.
Земля!
В ней не смерть, а бессмертье людское.
Земля!
Кто на свете сильнее тебя!

Земля — это мать, люди — дети Земли.
И, первыми встав у эпохи на страже,

Мы Землю и разум ее сберегли.
Ей — труд наш,
Талант наш и помыслы наши!

— Да будут удачными ваши шаги
И небо над мирными далями ясно.
Но ты, мой сынок, и себя береги,
Чтоб мать не расстраивалась понапрасну.

Пусть сад твой плоды обретает в удел,
Пусть целым вернется смельчак из полета!
— Наверно, я, мама, чуть-чуть похудел,
Но это от счастья, а не от работы.

— Ах, сын мой!
Все думаю я об одном:
Герои и гении — малые дети...—
Вздохнул Королев, разглядев за окном
Бескрайние степи в забрезжившем свете.

Слегка потесненная бледной чертой,
Линяла глубокая сумрачность ночи.
И стыл в ней корабль
Воплощенной мечтой —
Как ныне свой путь он начнет и закончит?

Для матери в детях различия нет.
Но первенца все-таки любят особо:
Ведь первенец
В муках приходит на свет,
В таких, что о них позабыть и не пробуй.

Да, первенец.
Думы сегодня сошлись
На том корабле, что людскою заботой,
Как пика, нацелен в бездонную высь,
Как беркут охотничий перед полетом.

Корабль и Главный — сегодня одно,
Одно — из приборов, из плоти, из стали.
Лишь Главному полностью видеть дано
Созданье свое до мельчайших деталей.

А сколько корабль этот мыслей вобрал,
Находок, идей, возникавших впервые!
Казалось, пошел на него не металл,
Не пластик, не сплавы, а клетки живые.

В ревущих цехах, в кабинетной тиши
Не боги творили великое чудо:
Вдыхали сердца теплоту в чертежи,
В густые —
Как сеть кровеносных сосудов.

Тот ценен вдвойне для грядущих веков,
Кого современники ценят при жизни.
Встал собранно из-за стола Королев,
Как будто хотел поклониться Отчизне.

Спасибо тебе за доверье, страна!
Во всем я тобою поддержан сполна.
А значит, мои и порыв, и дыханье
Своими считать ты по праву должна.

Спасибо идеям и крыльям отважным.
Я тысячу раз про себя повторю:
Спасибо планерам, и змеям бумажным,
И чистому, словно родник, букварю.

Иному и счастье — сплошная забота.
Как мужу, отцу и ученому мне
Хватает любви и хватает почета —
Я людям за них благодарен вдвойне.

Бывает: то сам недоволен собою,
То медлишь,
То трудишься и по ночам,
То прямо сияешь своей добротою,
То вдруг раздражаешься по мелочам.

Жизнь — это смешенье покоя и шума,
Жизнь — это улыбки, обиды, дела...
Как знать,
но, быть может, подобные думы
Сковали ученого там, у стола.

Великий ученый —
его день рожденья
Луна будет праздновать в беге веков.
Здесь думы его — просто предположенья:
Могу ли так мыслить я, как Королев!

Нет, не забывается подвиг высокий.
Посмел я к нему обратиться в стихах,
Но как уместить мне в обычные строки
Судьбы гениальной бессмертный размах?

...Полоски рассвета все шире в окне.
За тридцать минут отдохнул он вполне.
Безмолвье.
И только часы на запястье
Да сердцебиенье слышны в тишине.

Но мир этот не тишиною храним,
И Главный живет сейчас только одним.
Он входит в тот дом,
Что стоит по соседству,—
Давайте последуем тихо за ним.

Такая же комната.

Так же она
Размерами и обстановкой скромна.
Стол. Стулья простые. Две узкие койки.
И двое на койках в объятиях сна.

В тени неподвижной лицо одного —
Потом вся планета узнает его.
А этот, лежащий поближе, сегодня
Собой увенчает страны торжество.

В черты полудетские зорче вглядеться
Мешает еще голубой полумрак.
Лицо это кажется ликом младенца,
Мадонной несомого в мир на руках.

Что это — неведенье или бесстрашье?
Спокойны черты, и улыбка легка.
Стоит Королев и любуется спящим,
Который в поэме не назван пока.

И мы усмирим любопытство сейчас
Хотя б до рассвета,
Поскольку для нас
Безвестный Гагарин Гагариным не был,
Пока не пришло сообщение ТАСС.

Пока он не сблизил сердца и границы,
Пока еще не взбудоражил он всех,
Пока никому еще в мире не снится
Ни голос его, ни улыбка, ни смех.

Он — верный во всем,
Он — открытый и чистый.
Сегодня ему, как Великая Мать,
Доверила и поручила Отчизна
Себя представлять и весь мир представлять.

Удел его и Королеву не ведом,
Что — слава? Мгновенье?
Но, избран судьбой,
Он спит, чтобы стать величайшим полпредом
Планеты Земля во Вселенной самой.

Еще Байконур наш не стал Байконуром.
Гагарин над миром не взмыл сквозь рассвет.
Еще Исакул мой, гордясь Байконуром,
Не молвил:
«Бесплодных земель у нас нет!»

И Главный, помешкав, отправился снова
Туда, где в назначенный сердцем черед
Он выдохнет: «Пуск!», ибо этого слова
Ждет тихий «Восток» и История ждет.

Он выдохнет: «Пуск!» — и сквозь утро седое
Помчится могучий корабль.
А сейчас
Проснется тот парень, что в космос с собою
Наш свет унесет в глубине своих глаз.

«Поехали!» — скажет он всем на прощанье.
Будь бог — он «Востоку» рванулся бы вслед.
Итак, все планеты Вселенной, вниманье!
Встает над степным Байконуром рассвет!

В КОСМОСЕ ГАГАРИН

Вулкан очнулся вдруг в степных просторах?
Земля разверзлась? Раскололись горы?
Взметнулся над округою огонь
И приковал к себе сердца и взоры.

«Поехали!» — над миром прозвучало
Из пламени, крутившегося шало.
Вот растворилось пламя в синеве —
И снова солнце ярко засияло.

— Да что же это там такое?
Что же
Смогло степные дали растревожить? —
Из дома вышел старый Исакул
В одной рубашке и в маси[1] из кожи.

---

[1] Маси — короткие сапоги с галошами.

Взглянул на мир, послушал тишину
И то, как буднично шептались травы.
Глазели изумленно в вышину
Мальчишки слева и девчонки — справа.

Казалось, вновь уснуло все вокруг
Под солнцем ярким, но еще не жгучим.
Как желтый дым или как желтый пух,
След уходил за пасмурные тучи.

Край на весну в ту пору повернул,
Лежал в зеленом,
Праздничном наряде.
— Вот оно что! — воскликнул Исакул
И редкие усы свои погладил.

Он посмотрел внимательно кругом,
Догадкой переполненный без меры.
А золотой корабль над степняком
Мчал сквозь слои холодной атмосферы.

«Восток» летел над пламенем зари
И над своим огнем летел к тому же.
Казалось человеку изнутри,
Что сталь в мартенах варится снаружи.

Стремительнее мчал ли кто-нибудь?
И думал парень:
все покамест гладко,
Хоть мрак в глазах и давит так на грудь,
Что могут с ней вот-вот
Сойтись лопатки.

Но в силах человек корабль вести,
Но видит человека вся планета.
Как бы желая доброго пути,
Вторая отстает ступень ракеты.

Теперь перевести б немного дух
И осмотреться было бы полезно.
А тело невесомее,
чем пух,
Как будто к свету вынырнул из бездны.

А пламя отошло от корабля.
И вдалеке, но все же точно рядом,
Прекрасней Солнца и Луны —
Земля
В иллюминаторе открылась взгляду.

Открылась вдруг — и никакой язык
Увиденному не родит сравненья.
Так в космос
Первый человек проник,
Преодолев земное притяженье!

Одно известье породнило нас
(Надолго ль те связующие узы?):
«Майор Гагарин в космосе сейчас!
Он гражданин Советского Союза!»

Гагарин Юрий!
Прежде никогда
Никто над миром не взмывал столь круто.
В тот день людские распри и вражда,
Глядишь, и утихали на минуту.

Его осыплют груды телеграмм,
Правители поздравят те и эти,
И, словно бога повидал он там,
В мольбах восславят церкви и мечети.

Ему и все цветы, и все слова
Любви, и восхищенья, и почета.
Как призраки,
Возжаждут с ним родства
Однофамильцы княжеского рода.

Земля гордилась тем, что человек
Смог жить на ней и к роднику склоняться.
Казалось, стало слово «человек»
Единым именем племен и наций.

Казалось, все твердили:
«Мы сейчас
Дыханье перемешиваем часто.
Мы дети Евы — и должны у нас
Быть общими и горести, и счастье».

Все были братья — черный, желтый, белый.
Казалось, все от флагов заалело.
Враги и те не кляли коммунизм,
Коснувшийся космических пределов.

Помалкивали до поры — еще бы!
И восхищенью уступала злоба
В глазах у тех, кто черным сердцем слеп,
Кто Октября нам не простит до гроба.

Нет, не оставят нас они в покое...
Но разве солнце заслонишь рукою?
Слова «Гагарин», «космос» и «Советы» —
Сложи их вместе — вырастут горою.

Не убывала космонавта слава —
И ликовала вся моя держава,
Без чванства ликовала, словно мать,
Гордилась эрой новой, величавой.

Повсюду было празднично от гула:
И в городах, и в селах, и в аулах.
Мы радовались за свою страну,
Которая в такую даль шагнула.

В неведенье качая головою,
Растерянно шептал отец героя:
«Он — Юрий Алексеевич Гагарин!
Возможно ль совпадение такое?»

А мать? Какая в ней очнулась сила?
Какое чувство сердце ей теснило?
Мать волновалась:
«Это Юра наш!» —
И от приемника не отходила.

Здесь дружно жили трудовой семьею.
Взгляните на родителей героя:
Им, ждущим сына, тут не до князей,
Возжаждавших прибиться к ним роднею.

Но как от гордых мыслей удержаться,
Когда страна следит за сыном жадно —
От школьных общежитий до степей
И от Москвы до маленького Гжатска.

Две девочки у мамы на коленях
Безмолвно ждут о папе сообщений.
Жена героя знала обо всем —
Но легче ли от этих откровений?

Так быстро... Даже не смогли проститься...
«Вот оно что!» — и в небо, точно птица,
Глядит,
Руками машет Исакул,
Как будто здесь Гагарин приземлится.

То в дом войдет,
То выйдет вновь из дома,

То сядет, весел, то привстанет, хмур.
Все слышали про запуск с космодрома,
Отсюда — с космодрома Байконур.

А что такое космос да ракета,
Которые встревожили эфир,—
Откуда Исакулу знать про это?
Но ведь не мелочам дивится мир!

Казахи щедро делают подарки
Тому, кто весть приносит прежде всех,
Одни ликуют,
у других запарка —
У Королева и его коллег.

Гагарину сегодня все вниманье.
Им сквозь помехи и сквозь торжество
И сам он слышен, и его дыханье,
И даже пульс размеренный его,

Но все нормально.
Все идет как надо,
Как будто, хоть Земля и далека,
Лежит с рукою космонавта рядом
И Центра управления рука.

Там, в Центре, трудно.
Там теперь с орбиты
Не сводят люди напряженных глаз.
И Главный вправе заявить открыто,
Что сердцем он не на Земле сейчас.

Прислушаться бы Главному к советам,
Дать отдохнуть и телу, и уму.
Но звездочка,
Что мчит вокруг планеты,
Сдается сердцем собственным ему.

Полет проходит в заданном порядке.
Но, чтобы сердце возвратить с пути,
Должна удаться и сама посадка —
С капризами природы не шути...

Хотя с Земли-джайляу[1] — непременно
Взмывать теперь ракетам в облака,
Как самый первый труженик Вселенной
Один Гагарин в космосе пока.

[1] Джайляу — пастбище.

Такой до смерти остается юным.
Ты помнишь ли, как с борта корабля
Не блеском Солнца,
Не ландшафтом лунным —
Тобою любовался он, Земля!

Частицею Вселенной, дивной сказкой
Ты, древняя и молодая, ты
Черты какие, контуры и краски
Открыла человеку с высоты?

Леса темнели зеленью богатой,
Моря — как неба синего куски.
И пламенели, словно бы закаты,
Внизу раскинувшиеся пески.

С созвездиями звезды по соседству.
Земля — мала и велика на вид —
Действительно напомнить может сердце
Тому, кто в хмуром космосе летит.

По очертаньям сердце — с лист дубовый.
Незримо перекачивая кровь,
Земля, как сердце, вечно будет новой,
Чтобы нести не злобу, а любовь.

Земля!
Что выше, чем судьба ее
И чувства материнские ее?
От нас зависят широта и узость,
Всесилье и бессилие ее!

Известно, Солнце трудится бессонно.
Но вдруг, хотя его работа впрок,
Умри Земля — и в небе будет Солнце
Желтеть, как тот засохший мотылек.

Умри Земля — что стало бы с Луною,
Навеки погрузившейся во мглу?
Чей свет Луна приемлет, чтоб порою
Мы нарекали девушку — Айслу?[1]

Что сами звезды, спрашиваю я,
Без слов: «Венера, звездочка моя!»?
Умри Земля — монетами на нитках
Висели б звезды, горечь затая.

---

[1] Айслу — Лунная Красавица.

Но вечно мы ложиться в землю будем,
Как вечно будем жаждать высоты.
Земля жива — и оградите, люди,
Ее от бед, отчаянья, нужды.

Землею послан в дальнюю дорогу
И ощущая в сердце торжество,
Гагарин все же с болью и тревогой
Припомнил пору детства своего.

Припомнил грохот в мечущемся свете,
Огонь, губивший хлебные поля.
Тогда не улыбались даже дети
И по-людски стонала мать-Земля.

Все гибло: человек, его культура...
Забыть ли,
                    как однажды поутру
Букварь фашисты отняли у Юры
И в плен угнали брата и сестру?

Поныне в мире
Бродит смерть упрямо,
И грохот взрывов слышится опять.
Но права на свободу у Вьетнама
Ни пулям, ни напалму не отнять.

Об этом вспомнится еще не раз.
Вот скрылись Солнце и Земля из глаз.
«Ро-дина слы-шит, Ро-дина зна-ет...» —
Лишь эта песня с Юрием сейчас.

Лишь эта песня?
С песней этой самой
К Гагарину в кабину корабля
Вошли жена, две дочери и мама.
И вся его страна. И вся Земля.

Услышал Юрий голоса друзей
И губы ощутил жены своей.
Увидел родники,
                              колосьев гривы,
Вновь оценил, как звонок соловей.

Припомнил, как над площадью алеет
Высокая кремлевская звезда.
Вел путь на Байконур
От Мавзолея —
Бессмертна ленинская высота.

«Мы вверх и вверх
Всегда стремились круто,
Чтоб вечно обретать тебя в борьбе.
Отчизна! За какие-то минуты
Я так истосковался по тебе.

Но горд, что ныне на орбиту эту
Ты за собою вывела меня.
Под стать тебе
Я сам стремился к свету,
Под стать тебе без дел не жил и дня.

Я космонавтом стал не от гордыни:
Ведь это ты сказала мне — лети!
Ты направляешь сыновей.
Ты ныне
Со мной не разлучаешься в пути.

Мне так спокойно от твоей заботы.
И, не хвалясь, скажу: не страшно мне.
Ведь были же учебные полеты
И даже настоящие — во сне...

Взял в руки молот — научись ковать,
Взял серп — колосья научись срезать.
Отчизна, нам стоять с тобою вровень —
И грех твоим сынам никем не стать.

Твоим сынам дано орлами быть —
И грех им птицу счастья упустить.
Всех нас
Твои поддерживают крылья —
И грех твоим сынам не воспарить.

Моим глазам открылись эти дали,
А ведь могли бы в космос
Мне под стать
Лететь сегодня Герман или Валя,
Мог Андриян сегодня первым стать.

Нет у пути конца, но есть начало.
За каждый этот час и каждый миг
Ценой сердец заплачено немало —
От Королева до друзей моих.

Всем, всем спасибо.
Но признаюсь сразу,
Что за такой вот день в моей судьбе
Я больше, чем другим, тебе обязан,
Тебе, Сергей наш Павлович, тебе!

...Летит корабль,
Летит вокруг планеты.
В глазах мелькнуло несколько рассветов.
Едва замыслил что-то, как внизу
Простор сменился новой частью света.

Летит...
Но не слабей ни на мгновенье
Людских сердец живое притяженье.
Нет ничего прекраснее Земли —
Вот первого из первых убежденье.

Корабль не станет доверять эпоха
Специалисту песенного слога.
Горжусь наукой, технику ценю,
Но сам, увы, в них разбираюсь плохо.

Понятно, не геройство быть незнайкой.
Хоть и смешно пытаться слыть всезнайкой.
Прапрадеды учили: «От огня
Подальше, брат, бороться начинай-ка!»

В стихах моих родства с наукой нету:
Так в космосе родник не зазвенит.
Сумею ли увидеть я планету
С космических гагаринских орбит?

Вернется он, не думая о славе,
И, став под нашим небом среди нас,
Своей земле и всей своей державе
Доложит:
«Я исполнил ваш наказ!»

Он крикнет:
«Мама! Доченьки! Валюша!»
Он будет встречам бесконечно рад.
Его простые фото станут тут же
Повсюду расходиться нарасхват.

Он думал: как на дальних перевалах,
Все на дорогах космоса снеси!
Земля прекрасной издали предстала,
Чтобы предстать восторженной — вблизи.

Она — что сад в росе и в нежном свете.
Как будто не за годы, а с утра
За сто минут прибавилось на свете
Взаимопониманья и добра.

Ждут космонавта страны и народы,
И — словно меньше горя и обид.
Мир изменился, лишь Гагарин вроде
Не изменился, хоть и знаменит.

Труд,
Если вдохновенный он и нужный,
Как праздник, будет длиться до конца.
Посланником доверия и дружбы
Войдет Гагарин в честные сердца.

И речи будут, и цветы, и люди.
Немало будет звезд и орденов.
И тезок у него немало будет
Средь желтых, белых, черных шалунов.

Он матерей обнимет в дальних странах,
Дадут его фамилию горам.
С обложек книг, журналов и с экранов
Еще не раз он улыбнется нам.

Не раз еще у нас и за границей
Он скажет: шаг от неба до Земли!
Еще он вволю счастьем насладится,
Из космоса встречая корабли.

Но в будущем пока еще все это
(И смерти не настал пока черед).
А ныне Прометея ждет планета,
Того, кто ей и свет, и мир несет.

ИСАКУЛ И КОРКУТ-АТА

Бывает так в какой-то миг:
Ты встал — и головой высокой
Небес коснулся голубых,
А лег — ступнями ног своих
Уперся в горизонт далекий.

В какой-то миг бывает так,
Что говоришь с цветущим садом.
И, словно в космос
Взмыл сквозь мрак,
Ты ощущаешь что ни шаг
И невесомость, и прохладу.

Бывает миг —
что благодать:
Устав то охать,
то вздыхать,

Забыв про волосы седые,
Ты необъятное объять
Готов, как в годы молодые.

Бывает так порой иной:
Ты видишь только свет дневной,
Ты слышишь смех, а не рыданья.
И ощущаешь вечный зной,
Не чувствуя похолоданья.

Бывает так в какой-то миг,
Что прошлое напоминает:
Твой век не хуже всех других.
И не короче всех других.
Бывает. Всякое бывает.

Мечты поэта вдаль рвались,
Простого счастья не приемля.
И сердце устремлялось ввысь,
Чтоб песнею слететь на землю,

То размышления в тиши,
То настроенья перепады.
Нет, нынче не влекли души
Ни степи, ни лесов прохлада.

Стихи поэта недосуг,
Похоже, слушать нынче людям.
Лишь о Гагарине вокруг
Уж сутки говорят и судят.

Всем интересен только он.
Цветы, цветы со всех сторон.
К Гагарину и к Байконуру
Мир вдохновенно обращен.

И, вслушиваясь в гул эфира,
Не в силах Исакул уснуть,
Как будто это им над миром
Сквозь космос был проложен путь.

Как будто в этот день весенний
Герою он — отец и брат,
Как будто фразы поздравлений
К нему трепещуще летят.

На стенах фото: внуки, дети,
Он сам еще в расцвете лет.

А рядом с ним улыбкой светит
Простой гагаринский портрет.

Сюда с газетной он страницы
Откочевал, как на века.
И стал большой семьи частицей,
Стал утешеньем старика.

Какую предвкушал беседу
И что старик припомнить смог?
А в это время внук на деда
Глядел через крутой порог.

Глядел с надеждою в глазах:
Ведь совершал он первый шаг.
Через порог упал ребенок,
Не удержавшись на ногах...

Споткнулся о попону он,
Но не заплакал, огорчен.
Во взгляде у внучонка
Гордость —
Самим собой доволен он,

Рванулся было дед к нему,
Да отступился потому,
Что вспомнил:
Малышу по жизни
Шагать придется самому.

Внук встал и сделал шаг.
Один.
Качнулся. Снова шаг один.
Казалось, понимал ребенок,
Что ползанье — не для мужчин.

Дед отступил назад, к стене,
Маня:
«Иди, иди ко мне!»
То шлепаясь, то вновь вставая,
Внук рад был этому вполне.

Ходьбы нехитрую науку
Они освоили вдвоем.
Дед, нежно улыбаясь внуку,
При этом думал о своем.

Стать человеком — вот призванье!
Споткнулся?
Распрямись опять,
Чтобы осилить испытанья
И тайны мира разгадать.

И не юли —
встречай открыто
Любую весть, любой итог:
Ведь настоящего джигита
Удар судьбы не свалит с ног.

Иди — и завтра, коль не ныне,
Наступишь на находку вдруг.
Дорога — вот твоя рабыня,
Дни — вот десятки верных слуг.

Ползи, когда навстречу пули,
Ползи, но только лишь вперед...
Ползи —
в тебе не потому ли
Буран бушует и ревет?

Пусть пули рядом роют снег,
Дрожать в укрытье — не для всех.
Недвижно ждет судьбы лягушка —
Встает в атаку человек.

Идущий словно бы крупней,
Бьют по идущему верней.
Но, где бы ни ждала победа,
Атака приводила к ней.

«В атаку!» —
И в неровном гуле
Мы шли вперед за рядом ряд.
А тот, кого срезали пули,
Бросал вокруг последний взгляд.

Я веку жизни на коленях
Лишь день — но стоя — предпочту.
Ведь нет прекрасней устремленья,
Чем устремленье в высоту.

«Уж если падать, так с верблюда!» —
Недаром говорит народ.
Приземлены теперь повсюду
Былые символы высот.

Теперь, мол,
Коль уж та дорога
Коснулась запредельных круч,
Как от окна и до порога,
Два шага — от земли до туч.

И в этом времени примета.
И только сокол — он не где-то,
А на вершине вьет гнездо.
Жаль уходить из жизни этой!..

Я вспомнил сокола недаром.
Так поезд за шальную прыть
Мы любим сравнивать с тулпаром[1].
Но с чем же мне «Восток» сравнить?

Прорыв в космические дали.
Но разве высчитаем мы,
Какие светлые умы
Корабль этот создавали?

Увы, не только жизнь героя
И срывов, и удач полна.
Корабль...
Приручить порою
Непросто даже скакуна.

Он, норовистый и строптивый,
Не хочет сдаться без борьбы:
То вдруг седло собьется к гриве,
То сам взовьется на дыбы...

Внучонок потянулся к деду.
Он, на руках у старика,
Засунул в рот себе конфету —
И вспухла детская щека.

Потом за бороду до боли
Стал дергать старого рукой.
И усмехнулся тот, доволен:
— Гляди, отчаянный какой!

Гляди, какой проворный парень —
Наставшим временам под стать.
Эх, если бы джигит Гагарин
Зашел с внучонка путы снять![2]

---

[1] Тулпар — крылатый конь.

[2] Старинный казахский обряд, по которому ноги только что начавшего ходить ребенка обременяли легкими путами с тем, чтобы их снял отважный человек: малыш, мол, с годами станет таким же смелым и сильным.

Задирист мальчуган по духу,
В нем степняков гуляет кровь! —
Старик вздохнул, погладил внука
И в думы погрузился вновь.

Сказал:
— Недавняя судьба
Нас не ласкала и не грела.
Конь да скрипучая арба
Казались нам мечты пределом...

Но, Исеке, постой: едва
Ты эти произнес слова,
Как сам уже готов поэту
На речь свою вручить права.

Все так. Недавняя судьба.
И в революции участье.
Мы, как соленый пот,
Со лба
Смахнули прочь следы напастей.

Но неспроста, нет, неспроста,
Пройдя сквозь тело и сквозь кости,
И темнота, и нищета
Сидели в нас, как будто гвозди.

И мы не зря, нет, мы не зря,
Дыша раскрепощенной новью,
В призывном свете Октября
Их выдирали с мясом, с кровью.

Октябрь с народа томагу[1]
Снял — и открылось поднебесье.
Октябрь путы на скаку
Сумел сорвать с казахской песни.

Я троны сокрушил, народ,
Чтоб сам ты царствовал,— сказал он.
Я посадил сады — и вот
Ты сам в них трудишься,— сказал он.

Ты там мираб[2],
Где в забытьи
Журчат степные воды нежно.
Да вырастут леса твои,
Да сбудутся твои надежды!

---

[1] Томага — кожаный колпачок, надеваемый на голову охотничьего беркута.
[2] Мираб — человек, ведавший подачей воды в арыки.

Сам выбирай свои пути,
Люби и радуйся,— сказал он.
Спеши познать,
Спеши пройти,
Спеши других увлечь,— сказал он.

Да, Исакул, Октябрь наш,
Хоть ты в учебе видел муки,
Дал и тетрадь, и карандаш
Тебе в мозолистые руки.

Пиши в ночи,
А вспыхнет день
(Тогда рабочих не хватало),
Клади тетрадь, бери кетмень,
Веди Турксиб за перевалы.

А вновь нахлынет темнота —
Ты вновь над азбукой с друзьями.
Ты, как малыш, тянул:
«А-та!» —
Растрескавшимися губами.

Те буквы потруднее шпал
Давались вам.
Но в зной и стужу
Огромный, злой и неуклюжий,
Ты свой ликбез одолевал.

Лишь десять месяцев прошло,
А перемен вокруг так много:
Из края в край в степи светло,
Из края в край идет дорога.

Из края в край открыта даль.
А вместо прежних робких вздохов
Звучит:
«Моя ты, магистраль!
Моя ты, дерзкая эпоха!»

Того, кто век не знал арбы,
Кто и аллаха не боялся,
И «черный конь»,
И «сокол красный»[1]
Уносят к новым дням судьбы.

---

[1] «Черным конем» казахи называли поезд, а «красном соколом» — аэроплан.

Письмо познали миллионы.
На стройки встали миллионы.
Так эпохальный поворот
Степь совершила просветленно.

Так вместе двинулись вперед
Хозяйство, мудрость и культура.
Так лишь наметился подход —
Подход к ступеням Байконура.

Он был нелегок и непрост.
Но ты во имя этой цели
Ходил в атаки в полный рост —
И вражьи души цепенели.

Тогда —
Всех стран и всех племен —
Погибло много исакулов.
Идут дорогою времен
Сыны тех самых исакулов.

Хоть мы недавнюю судьбу
Припомнили, как будто детство,
В морщинки у себя на лбу
Порой нам некогда вглядеться.

А то б мы прочитали в них,
Что счастья наступили сроки.
День счастья — словно краткий миг,
День горя — словно год жестокий.

Но дни считают от тоски.
Считавшим кирпичи да шпалы,
Все было недосуг, усталым,
Взглянуть нам на свои виски.

Поверить трудно, Исеке,
Что станут горы слоем пыли.
Узнать нам трудно, Исеке,
Тех девушек, что мы любили.

У многих внуков полон дом,
И жизнь их стала райским садом.
Других разыщем мы потом —
Лишь не ушли бы дальше ада.

Все так. Недавняя судьба.
И мы с тобой ее частицы.
Как караванная тропа,
Все длится наша жизнь и длится.

Восходят новые умы,
Дела свершаются на свете.
«Гагарин!» — произносим мы,
Желая взлета нашим детям.

В чем суть ракеты?
Только в том,
Чтоб беззаветно и открыто
Сгореть в пространстве мировом,
Корабль направив на орбиту.

Ракеты суть —
Не во плоти,
А в скорости, подобной свету.
Что проку
в старческом пути —
Мне превратиться бы в ракету.

Мне далью стать бы, высотой.
Пусть все мы обретем бесстрашье,
Пусть стройностью и красотой
Полет
Сердца наполнит наши!

От главных дел не в стороне,
Сгорая, мы стремились в дали.
Мы, словно топливо, стране
Космическую скорость дали.

И наша степь, в сады одета,
Вбирает времени приметы,
Под вечер провожая день,
Чтоб встретить вновь его — с рассветом.

Да, пробудившись ранней ранью,
Предался ты воспоминаньям.
Так вот что, Исакул, в тот день
Тревожило твое сознанье!

Дожди. Морозы. Снегопады.
Со старым нынешнее рядом.
Твои соседи и родня
Беседе этой были рады.

Куда взошла ее тропа?
Что в слове открывалось глазу?
Ты все у одного столба
Кружил, что конь у коновязи.

Наш Байконур
Был тем столбом.
И ветерок иным казался,
И пах простор не по-казахски
В любом другом краю. В любом.

И неспроста с любой тропинки
Сюда ты возвращался в срок,
Как тот скакун,
что ни травинки
Здесь из-под снега не извлек.

Степь!
Нынче время приказало
Ей стать космическим вокзалом
И стартовой площадкой.
Что ж!
Все верно — сделано немало.

Пока звучат в эфире песни
И за вестями мчатся вести,
Уходит память в старину,
Где с честью сплетено бесчестье.

Вразрез с хорошим настроеньем
Вдруг всплыло мрачное виденье,
Как будто некто в дом вошел,
Не постучав, без разрешенья.

Как будто некто пир великий
Нарушил похоронным вскриком.
Как будто с возгласом «ойбай!»
Явился некто — погляди-ка.

«Я дед Коркут! — смущая слух,
Сказал он голосом кобыза.—
Меня былое, как паук,
Душило и тянуло книзу.

Ползком я отправлялся в путь,
Ползком я приходил к порогу.
Не мог я спину разогнуть,
Иную отыскать дорогу.

Тот, кто для счастья был рожден,
Жил в нищете, теряя силы.
А кто был для любви рожден,
Тот жил всего лишь для могилы.

Кто мог взлететь?
И где она —
Для соколиных крыл дорога?
Поэтов гасли имена
Не дальше отчего порога.

И замирал младенцев смех,
Как от губительной болезни.
И скорбь была в сердцах у всех,
Скорбь, а не солнечные песни:

Я не считал летящих лет:
Сто лет я или двести лет,
Как одинокий звук курая,
Собой тревожу белый свет?

Как по воде сухой тростник,
Я плыл и плыл за мигом миг.
Судьба надежду мне вручила,
Отняв надежды у других.

Я шел, одних кукушек видя,
Шел не по этим лишь местам.
Я шел, полынь одну лишь видя,
Брел по степи и тут и там.

Я шел, всего лишь небо видя.
Неужто я, создатель мой,
Шел, только росы летом видя.
Шел, лишь снега зимою видя,
Так, словно был полуслепой?

Сон не был для меня желанным.
Печали в сердце затая,
Я мир земли обетованной
Искал на верном Желмая[1].

Встречал иссохшие озера —
Как будто впрямь глаза мои.
И выгоревшие просторы —
Как щеки серые мои.

И родники, что закипали,
Как будто в жилах кровь моя.
И те овраги, что петляли
Пустые, как душа моя.

---

[1] Желмая — легендарный крылатый верблюд.

И горы, что слегка осели,
Как сам я телом аа года.
И те сады, что поредели,
Как старческая борода.

И понял я, что Жеруюк[1] —
Одна мечта, пустой лишь авук.
Жизнь голодала.
Смерть бессонно
Вершила сытый пир вокруг.

Могилы рыла: мол, не тут,
Так рядом лечь тебе, Коркут.
Стенали надо мной молитвы,
Хоть был пока что жив Коркут.

Пал по дороге Желмая.
Пешком в родимые края,
Чтоб жить и умереть в печали,
Вернулся без надежды я.

Там в стонах горьких и глухих
Кобыз мой звонкий что ни миг
Рыдал, мечтая о высотах,
Которых сам я не достиг.

Бороться?
Но кому я мог
Стать утешением в страданьях?
За песни выдавал я вздох
И за мелодию — рыданья.

Живи хоть сто,
Хоть тыщу лет,
Нигде на свете правды нет.
Мне люди с жалостью внимали
И с жалостью глядели вслед.

Для поколений для иных
Теперь я — как пример бессилья.
«Как мел, ты бел и слаб, старик!»
В лицо свистят мне ваши крылья...»

Черкнув бородкой по земле,
Исчез Коркут — герой преданий.
Исчез в минувшем, как во мгле
Безрадостных воспоминаний.

---

[1] **Жеруюк** — земля обетованная.

Что ж, Исакул, ты приуныл
От прозвучавших откровений?
Бродивший по простору гений
И счастья был лишен, и сил,

Здесь много лет тому назад
Об этом думали и спорили.
В степи спасибо говорят
Коркуту и его истории.

Кто остановит бег минут?
Но в дерзостное время наше
Ты, Исакул, и дед Коркут —
Одних весов две разных чаши.

Да, годы долгие подряд
Здесь о Коркуте говорили.
О нем поныне говорят,
Степные воскрешая были.

Пойдем-ка, Исакул, гулять.
И пусть вокруг простор весенний
Сегодня выглядит под стать
Твоим словам и настроенью.

Хоть луг апрельский не просох,
Нет на равнине грязи вязкой.
Смотри,
целует ветерок
Тюльпаны в губы без опаски.

Целует.
Ну, а мы с тобой
Вдыхаем аромат на пару.
Насытясь сочною травой,
Бредут задумчиво отары.

И, как сквозь темное стекло,
На солнце мы глядим сквозь тучи.
Пригладь усы,
вздохни тепло,
Припомни вдруг забавный случай.

Давай на Байконур зайдем.
Ввел словно заново меня ты
В наш край байги,
В наш край крылатый,
В наш край, где дремлет космодром.

А там на скалы поднялись
Не сказочные великаны —
Ракетами в дневную высь
Вонзились трубы Джезказгана.

Хлеба, несметные стада,
И снова, снова высота,
Где пирамидою Хеопса
Твой уголек, Караганда!

Наш Байконур!
Им в забытьи
Волна Арала дышит хмуро.
В прозрачных струях Сырдарьи
Живет дыханье Байконура.

Где солнцем травы сожжены,
Где прожил жизнь Коркут нелепо,
Наш Байконур — ладонь страны,
С которой мы взмываем к небу.

Как на байге ретивый конь,
И сам он скачет полем чистым.
Наш Байконур — сердец огонь,
Наш Байконур — полет Отчизны.

С чем можно было бы сравнить
Родную степь в потоках света!
С чем можно было бы сравнить
И жизнь мою, и время это!

НЕТ У ПУТИ КОНЦА, НО ЕСТЬ НАЧАЛО

Осенний Байконур.
Он рад сегодня,
Заслышав «чу-у», лететь что будет сил.
Скок ветра сбивчив, словно бы поводья
На нем беспечный всадник упустил.

Сеть магистралей железнодорожных.
Шоссе, подмявшее солончаки.
Степь на мехи кузнечные похожа,
На кузнецов в работе — степняки.

Площадки стартовые смотрят строго.
Рад человек им.
Ну, а зверь им рад?..

Как стрелы в оперенье — на треногах
Столбы электропередач стоят.

И островками под небесной сенью
Дома, дома по всей степи пестрят.
Пушистые сады в цвету весеннем
Издалека похожи на цыплят.

Сегодня вслед за первою ракетой
И степь выходит на иной рубеж:
То обновилось, изменилось это —
И лишь два тихих домика все те ж.

В них вещи прежние:
а вдруг прибудут
Сюда и впрямь те сыновья страны,
Те ныне знаменитейшие люди,
Что были по-студенчески скромны.

Ни новых книг здесь, ни кроватей новых.
Пусть вертится Земля,
Пусть мчат года,
Пусть нет Гагарина и Королева,
Но будут эти домики всегда.

Вкруг них деревьев молодых прохлада.
О двух известных миру именах
Напоминают надписи с фасадов:
Мол, здесь их место ныне и в веках.

Да, нет Гагарина, нет Королева.
От смерти средств пока что не нашли.
Но той дорогой первых
Вдаль готовы
Лететь космические корабли.

Дорога первых,
славу первых множа,
Все дальше пробивается сквозь мрак.
Что в мире этих домиков дороже?
Златые горы! Врядь ли это так!

Любовь к народу — нынешней порою
С ней несравнима всех престолов власть.
Сюда приходят новые герои,
Отсюда Чайка[1] в космос поднялась.

---

[1] Имеется в виду космонавт Валентина Николаева-Терешкова.

В то утро, что запомнится навеки,
В ком люди солнце видели свое?
Наш Байконур — космическая Мекка,
Два домика — отныне центр ее.

Здесь жизнь течет без суеты и крика.
Вот в этот домик,
что и тих, и мал,
Вошел он — президент страны великой,
Не обойденный славой генерал.

Больших чинов толклось вокруг немало —
Им тесен домик был.
И неспроста
Великой показалась генералу
Здесь лишь рабочих будней простота.

Пока политика не одолела,
Он дни и годы долгие подряд
В своей стране
Страной Советов смело
Нередко восхищался как солдат.

«Кто их надежней оказаться смог,
Когда пылали запад и восток?» —
Так он подумал с прежней прямотою
И совести почувствовал упрек.

Эх, если б это каждый понимал...
А вскоре в скромном домике стоял
И командир «Аполло» — тоже смелый
И тоже видный ростом генерал.

Стоял,
Привыкший к непростой работе:
Тревожа космос, словно целину,
Немало он провел часов в полете
И самым первым обогнул Луну.

И принял дружбу с русскими, как веху
На дальнем и нехоженом пути.
На Байконур привез он, словно в Мекку,
Своих друзей по звездному пути.

Привез, чтобы узнали не по слухам:
Быть первым — это самый тяжкий груз.
Он не забыл, в каких рождался муках
Наш первенец — наш «Аполлон — Союз».

Стыковку — кораблей рукопожатье,
Совместный этот подвиг помнит он.
Пять человек —
космические братья,
Пример для всех народов и племен.

Открылась галактическая эра —
Земную цельность мы в нее внесли:
Ведь ждут не зря и Солнце, и Венера,
Что посетит их просто Сын Земли.

Так и Леонов — это Сын Земли,
И Стаффорд тоже — это Сын Земли.
Недаром астронавта с космонавтом
И старт, и цели общие свели.

Пусть мы рассветы рассечем крылато
При разных вере, вкусах и страстях!
Пусть рядом с флагом звездополосатым
С серпом и молотом трепещет флаг.

Садовый ли цветок под ветром мечется,
К степному ли губами ты приник?
Не русский, не английский —
Человеческий
Доносится из космоса язык.

Дано с рожденья братство миллионам —
Лишь были б все мы мирны и честны,—
Как, скажем, те же Стаффорд и Леонов —
Две самых первых ласточки весны.

И вот из домика, склоняясь низко,
Выходит Стаффорд, будто обновлен.
По-русски задает вопросы он,
Леонов отвечает по-английски.

А что из впечатлений тех богатых
Возьмут они в космическую высь?
Я вспомнил,
Как на Эльбе мы, солдаты,
С солдатами союзников сошлись.

Мы объяснялись жестами при этом,
Пуская в дело мимику и смех.
И только слово русское «победа»
Звучало как пароль —
один для всех.

Мы к тем минутам шли в свинцовой вьюге.
«За дружбу!» — были тосты.
И на миг
Так обнимали мы тогда друг друга,
Что не прошел бы между нами штык!

— Ты победил!
— А ты был верен дружбе! —
Мы говорили — братья по оружью.
Где ты сейчас, американский друг?
Нам годы фронтовые помнить нужно!

Товариществом кровь моя согрета
И к тем, кто проживает вдалеке.
«Холодная война» — понятье это
Не в нашем зародилось языке.

А мы в дыму, в огне да в тучах пыли
Знавали ту войну, что горяча.
Не раз враги с мечом к нам приходили,
Чтобы полечь от грозного меча.

В долгу мы не бываем перед другом,
И распрей мы не затеваем с другом.
С оружьем не входили мы к тебе,
Беречь Отчизну —
Это нам по духу.

Мы смерть не приносили в ваши дали.
Но — не в укор,
а к слову говоря —
Здесь от Антанты сами защищали
Немеркнущее солнце Октября.

Да, есть у нас на эту память право,
Хоть всяк готов признать и признает:
Америка — великая держава,
Народ ее — талантливый народ.

Пресыщен далью — оставайся дома:
Хозяином ты станешь только дома.
И учит уму-разуму отец
Лишь своего ребенка — не чужого.

Вытягивай по одеялу ноги,
Держи подальше от соседа ноги.
Пусть мирная байга решит сама,
Чей конь резвей окажется в итоге.

Мы первыми
Взошли октябрьским светом,
Послали в космос первые ракеты.
Вы первыми ступили на Луну —
Нас вместе с вами радовало это.

Народам не забыть, как в сорок пятом
Вы первыми использовали атом...
У нас впервые он повел суда,
Впервые свет принес домам и хатам.

Да, к знаниям испытывая жажду,
За мир мы выступали не однажды.
Стань другом нам, Америка, в делах,
Которым ныне место в сердце каждом.

Кого огонь не обжигал до боли?
«Войны холодной» людям мало, что ли?
«Добро пожаловать!» — мы говорим
Всем стаффордам —
Посланцам доброй воли.

Им наши земли шлют слова привета,
И строки посвящают им поэты.
Ты жив ли, мой товарищ по оружью?
Все тридцать лет ты помнишь ли об этом?

Нет, неспокойно на зеленом шаре.
О запахе бродящей всюду гари,
Знать, думали и земляки твои
В том домике, где прежде жил Гагарин.

«Сынки!» — к ним обращение звучало.
Букеты. Переполненные залы.
Открыто улыбалась им страна
И по-гагарински их обнимала.

Сады дарили им свою прохладу,
Им в белокрылых юртах были рады.
Им говорили девушки: «Ага!»[1],
Сопровождая слово нежным взглядом.

Все было — песни, разговоры, встречи.
Весенним днем пылал осенний вечер,
Гостям здесь подарили скакунов,
Чапаны[2] им накинули на плечи.

---

[1] Ага — обращение к старшему.
[2] Чапан — стеганый халат.

Кумыс здесь гости пили ранней ранью,
Разделывали головы бараньи.
Здесь некий старец,—
Может, Исакул? —
Им подарил домбры своей звучанье.

Старик сказал:
— Домбре и ныне вторят
Душа и голос честного певца.
Домбра не раз участвовала в спорах
И связывала дружбою сердца.

Домбра — свидетельница тьмы и света —
Таит особый символ с давних пор:
Ведь гриф ее — как быстрая ракета,
А дека — словно солнечный простор.

Лады — как шпалы.
Или — как ступени,
Нас возвышавшие все дни подряд.
И музыки казахской откровенье —
Как будто в небе лебеди летят.

А струны — две тропинки или вожжи,—
Старик, волнуясь, образ развивал.—
Пусть рядом два народа наших
Тоже
Уходят вдаль за светлый перевал!

Дарю домбру вам! —
Заключил он с жаром.—
Она звонка, печальна и мудра.
Ее мы трусу да глупцу не дарим,
Поскольку лишь для сокола домбра!

Был Стаффорд за беседу благодарен,
Хоть одного не уяснил он в ней:
Старик с ним говорил сейчас? Гагарин?
Орел над степью? Голос лет и дней?

Неважно.
Ты беседой этой душу
Согрел, американский генерал.
Ты видел, щедрость проявляют дружно
В моем степном краю и стар и мал.

Гостеприимство свято для казаха,
Закон, идущий к сыну от отца:
Твой гость превыше самого аллаха
И вера в гостя — вера до конца.

Пусть вы с ним люди разные по духу
(Не с каждым взгляды разделить могу!),
Уедет недругом он или другом —
Твой гость перед тобою не в долгу.

У всех границ есть для добра проходы.
И ты привет,
что край мой передал,
Своей стране и своему народу
Свези, американский генерал.

Привет всем тем,
С кем мы под небом синим
Братались по-над Эльбою-рекой,
Кто помнит кровь и горе, кто поныне
Остался верен совести людской.

Кто хочет, чтоб во имя созиданья
Контакты наши множились стократ.
Итак, прощай же,
генерал по званью,
А по призванью — космоса солдат.

...Созрели краснотал и чернотал.
Я осенью — вслед за гостями теми —
И сам на Байконуре побывал,
Где думать стал об этой вот поэме.

Дремала степь куда ни кинешь взгляд.
Елена говорила мне:
— На воле
Здесь два десятка лет тому назад
Под ветром мчались перекати-поле.

А что по сути двадцать лет для нас?
Всего лишь двадцать весен за спиною
Или сцепленье дней, где каждый час
И каждый миг стоит передо мною?

Не позабыть и всем, и лично мне,
Как зной душил и пыль в глаза летела.
Палатки утром, как на целине,
Подергивались изморозью белой.

Лишь с ветром мы беседовать могли...
И все же я о главном думать буду:
Горды мы первым спутником Земли,
Потом взлетевшим именно отсюда!

Порой Елена Фанина с трудом
Скрывает на глазах своих слезинки.

И снова с непременным «а потом...»
Дела перечисляет без заминки.

О каждом бережет любую весть,
Скорбит,
Что нет в живых уже кого-то...
Рассказывает, как за Чайкой здесь
Сама, что мать, ходила до полета.

Работала. Невидимая нить
Ее навек связала со Вселенной.
Двух домиков смотрительницей быть —
Кому уступит эту честь Елена!

И я недаром здесь пишу о ней:
Делясь воспоминаниями с нами,
Следит Елена в строгой смене дней
За домиками, словно за сынами.

А степь —
Как будто город вдаль поплыл...
На все у женщины хватает сил,
Я видел сам, как космонавт Волынов
По-матерински встречен ею был.

Космическую Мекку повидать
(А ведь и самому лететь опять!)
Волынов группу будущих героев
Привез как командир «Союза-5».

К тому сводил он.
Смысл немногих слов,
Что и Гагарин, мол, и Королев
Не ведали малейшего зазнайства,
Хоть путь их необычен был и нов.

Там не забудут дети об отцах,
Где длиться будут подвиги в веках.
А лично я,
прощаясь с Байконуром,
Прощаюсь, чтоб воспеть его в стихах.

«Есть у пути начало, нет — конца.
Стремятся в космос дерзкие сердца!»
Я этот лозунг завещаю детям
По праву человека и отца.

Движеньем ветер вечно жив в степях —
Так вечна мысль, живущая в делах.
Две целины мы подняли сегодня:
Здесь, на земле, и там вон — в небесах.

Две покоренных этих целины
Нас на ступеньку
Ввысь поднять должны.
Откуда станут к новым испытаньям
Стремиться человечества сыны.

Пусть человек любовь несет в крови
И на лету сгорает от любви.
Быть самым сильным,
Но и самым добрым
Всегда, о красота, его зови!

Пусть не стареют гордые сердца,
Отчаянья не знают до конца,
Чтоб человек с рожденья и до смерти
От трудных дел не отвернул лица.

Река, бывает, поворотит вспять,
Но человек не должен отступать.
Пусть мы произошли от обезьяны —
Кто хочет снова обезьяной стать!

Для глупого и сам булат — что мел.
А умный к делу их привлечь сумел,
Стараясь стать красивей и сильнее,
Чтобы того достичь, чего хотел.

И познавал без праздной суеты
Свой мир — от глубины до высоты,
Жил для других.
Мечтал.
И неуклонно
Осуществлял заветные мечты.

Пусть к обезьянам не вернутся люди
И Ева в рай обратно не придет,
Но без Земли и обезьян не будет:
Земля питает жизнь из года в год.

Пусть каждое правительство планеты
Поймет и объяснит своей стране:
Мы только здесь живем.
Судьбы нам нету
На Марсе, скажем, или на Луне.

Пусть круглые бока земного шара
Охватят сплошь сады, а не пожары.
Любой из земляков моих,
как царь,
Под этим подписался бы недаром.

Пусть всех людей объединенный гений
Стоит на страже этих откровений.
Мы вышли в космос для больших трудов,
Для дружбы вышли, а не для сражений.

Быть может, он, хоть грозен и упрям,
Растянет жизни до тысячелетий,
Степи даст влагу и поможет нам
Возникновенье хворей рассекретить?

Не к этим ли проблемам
Ввысь и ввысь
Уводят байконурские ступени?
Не оттого ли здесь переплелись
Бессмертные и взлеты, и паденья?

Ты слышишь, Исакул, ракетный гром
И тот напев, что стелется над лугом?
Лежит с тобою рядом космодром,
Работой дышит древняя округа.

То гул. То голоса. То тишина.
Наш космодром —
Он крылья всей планеты.
К нему в ночи спускается Луна,
Над ним Венера меркнет в час рассвета.

— Наш край себе наметил путь и цель,—
Ты, Исакул, мне говорил степенно,—
У нас, казахов,
нет плохих земель
И надо знать им подлинную цену!

«Ну, как дела?» — спроси тебя — и ты
Большой поднимешь палец на мгновенье.
«Взглянуть бы лишь на Землю с высоты,
Ступив на байконурские ступени!»

Как и у строк горячего певца,
Ложащихся в естественном размахе,
Есть у пути начало, нет — конца:
Еще взлетят над миром и казахи.

Прощай.
Пусть будет вечно, Исакул,
Твой смех лучиться казахстанским солнцем.
Широк разлет твоих бровей и скул.
И голос твой из звонких песен соткан.

ЗЕМЛЯ, ПОКЛОНИСЬ ЧЕЛОВЕКУ

(Из поэмы)

...Реки вспаивают поля.
Города над рекой — в заре.
И, как сердце, лежит Земля,
Перевитая жилами рек.
Нелегко,
Но обязан найти
Все ответы на тот вопрос,
Путь земной —
Продолженье пути
До сегодняшних близких звезд.
Что за путь?
Это долгий тяжелый путь,
Это жизнь,
И твоя и чужая — наша.
Первый век —
Время поисков,
Не забудь,
Как поиск порою
бывает
Страшен.
Пепел поисков истины,
Стебли цветов —
Позади,
На дорогах, открытых по звездам,
Человек создает и богов
И врагов,
А в конце человек
Человечество создал.
Что за путь?
Это долгий стремительный путь,
Это жизнь, молодая, горячая —
Наша!
Я прошу:
Человечество, не забудь,
Что ты стало сегодня
Значительно старше.

Мир,
Земля,
Шар земной —
Сочетание слов,
Сочетанье народов,
Мечей
И судеб,
Сколько твердых копыт
Над тобой пронесло!
Все пустыни твои
Нас, безжалостных, судят.
Мы — железные карлы, топтали тебя,
Мы — батыры Чингиза, дошли до Двуречья,
Мы — великие воины, шли по степям
И с тобой говорили на страшном наречье.
Мы разрушили Рим,
Мы убили Тараз,
Мы бесчестили белых и желтых красавиц.
Мы смотрели на мир
Сквозь бойницы глаз,
Наши руки при встречах —
В ударах касались.
Гунны, монголы!
Кипчаки и персы!
Лязг крестоносцев!
Столетние войны!
Падали флаги
древних культур.

Волны — с Востока,
С Запада — волны,
Что океаны в сравнении
с этим потоком?
Танками Запада
Хлеб на Востоке потоптан.
Трупы арийцев
на тучных восточных полях,
Братской могилой
служила Земля.
Гибли не те,
Что придумали землеразделы,
Ты за других подставляешь огромное тело
Под пулеметы,
Понявшие сладость свинца.
Брат
За чужое дело отдал отца.
Черный и белый конь —
Бросают черные тени,

Кони атак и погонь —
В одной ярко-белой пене,
Северный полюс Земли
И Южный —
В одних снегах.
Как разделить огонь?
Тени раскрасить
Как?
Я рожден в стороне,
Где живут воедино
Все части света,—
Есть и Запад,
Восток и Север
В стране поэтов,
Есть края, где не знают
Обычных сибирских морозов,
Есть края, где не знают
Аральского знойного лета.
Где
Другие границы
Между частями света?
Океаны не покидают Землю,
Они верят,
Солнце
Сердцем бьется в земле,
Оно верит,
Мы сами
себя для жизни растим,
Мы ведь тоже верим,
что:
Нет Востока,
И Запада нет,
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Два сына есть у отца,
Нет Востока,
И Запада нет,
Есть
Восход и закат,
Есть большое слово —
ЗЕМЛЯ!

Большое на всех языках.
Нет Батыев,
Наполеонов,
Есть
Циолковские

И Эйнштейны.
Нет — дивизий,
Есть — миллионы,
Есть — победы,
И нет — ничейных.
Потому что:
Где-то смерть называют
Гордостью,
Смерть на свободе,
Смерть за свободу.
Где-то жизнь называют
Горестью,
Где-то веру
кроют
при боге.
Значит, звезды
еще образуются,
Значит, искры
еще возгораются,
Если где-то
глаза — амбразурами,
Наши
Скорости ускоряются.
Значит, песня
еще не окончена,
Где-то мысли —
в разрез
с судьбой.
Много вспышек было отсрочено,
Значит,
Где-то последний бой,
Значит,
Где-то идет борьба
С чугунным
веков притяженьем,
Где-то легкое званье раба
Возвращают назад
С пораженьем.
Жизнь идет!
Беспокойная жизнь!
Под ногами тропинки рвутся.
Я люблю тебя,
Гордая жизнь,
Потому что
Ты — революция!
Люди!
Граждане всей вселенной!
Гости галактик!

Хозяева Шара!
Вы не хотите
пропасть бесследно?
Живите,
Живите,
Живите с жаром!
Живите, люди!
Живите, люди.
Вы совершили свой первый подвиг,
Преодолели земную тягость,
Чтобы потомки это запомнили —
Преодолейте земные тяжбы!
Реки, вспаивайте поля!
Города,
вставайте в заре!
Пусть, как сердце, летит Земля,
Перевитая жилами рек!
Мы найдем,
Мы должны найти
Все ответы на тот вопрос,
Путь земной —
Продолженье пути
До сегодняшних
Взятых звезд.

Хорошо в синем небе
апрельскою ранью.
Хороши облака,
Вид у неба — хорош,
А представишь на час
Иль на два —
Мирозданье...
И потянет на шарик,
На клевер и рожь.
Говорю о себе.
Вот лечу в звездолете.
И нагрузка — привычна.
И по радио — вы торопливо поете,
Слышится, чувствуется — отлично.
Дан сигнал — приземляться,
Родные мои!
Вы с такою тревогой
Приказ отдаете.
Эх, да что там от вас таить,
От страха ли плачут порой в звездолете?..
Я верю!
Фантастам, почтам, ученым.
Я верю!

Слезам и холодным расчетам.
Я в десять утра, по-московскому,
Черным
увидел небо.
Пошли вы к черту,
Тревожные мысли!
Спокойней.
Спокойней.
Мне надо вернуться.
Рычаг торможения.
И две рукоятки,
Как две ладони
мужские,
Впаялись в пальцы.
Снижение.
Гул меня подхватил,
Развернул,
Раскрутил,
Только тяжесть моя —
верный
ориентир,
Мягкий воздух высот
я собой разредил,
Кувырком
На пилота обрушился мир.
Хлопнул взрывом
тугой парашют,
Взвились, замерли
Белые стропы.
Тишина.
Я один.
Хорошо! Хохочу! Я пою!
Не боюсь катастрофы!
Я уверен!
Я прав!
Вот, смотрите — Земля!
Та — с которой
взлетел!
Та — которую
щупал
Сапогами,
Губами,
Смотрите —
Земля!
Я смягчил тяготение к ней
Парашютом.
И спустился на луг.
Человек на Земле!

В сфере сил дорого навек
притяженье.
Я вернулся с победой
К любимой Земле,
Потерпевшей счастливое пораженье.
Я упал в траву...
Сбросил шлем...
Горьковатый цветочный сок...
Погоди,
Я чехол парашютный сорву,
Пригляжусь
И узнаю тебя,
цветок.
Ну-ка, дай лепестки...
Эх, родная земля,
Мы живем,
Мы торопимся,
не замечая,
Что земные луга
Нас выходят встречать
Стебельками забытого
Иван-чая.
Может, этот Иван
Тоже был вдалеке,
И, вернувшись на берег,
Стоял,
качаясь,
И упал на траву,
А в огромной руке
Был зажат, словно жизнь,
Стебелек Иван-чая.

Ты, Земля,
Для меня припасла
Самый светлый
из дней,
Белый женский платок
Промелькнул
Между тонких берез:
— Кто ты, парень?
— Советский. Зовите людей.
— Ой, сейчас! Ты откуда летел-то?
— От самых звезд!
Ты, Земля,
Меня женщиной встретила
Молодой,
Смуглолицей, как Валя,

Скорее увидеться с ней бы!
Вот
Луга, покачавшись,
Легли под ногами
Тропой,
Продолжением той,
Что еще не остыла в небе...

Мир жил предчувствием.
Мир знал — это свершится,
Но даже самая верная победа — всегда
неожиданна.
Сделана тысяча вдохновенных мазков,
И вдруг последний придает картине
Высочайшую глубину и осмысленность.
Художник ждал
последнего мазка —
Распахнуты настежь
в эфире
шлюзы:
«Внимание!
Говорит Москва!
Работают все радиостанции
Советского Союза!»
Дрогнул голос железного диктора:
«Новорожденный мальчик в Афинах
В честь Гагарина
назван — Юрой,
Девочка в Токио —
Валентиной...»
Пишут в редакции пенсионеры,
Пишут рабочие, и пионеры.
И инженеры,
Даже мулла,
Разочарованный в божеской вере.
Сегодня
Качают растерянных летчиков,
Сегодня —
Двенадцатого апреля,
Поэты,
забыв о березовых почках,
Ломают строчки,
Ломают перья.
...Радио пишет его портрет:
«Широкоплечий...»
Щупаю плечи...
«Молод,.. курнос...
Двадцать семь лет..»

Ровесник!
Но разве от этого легче?
«Учился в ремесленном
на отлично...»
Я ведь тоже был в форме «РУ»!
«Жил на Речной...»
А я на Арычной!
«Честен, правдив...»
А я разве
вру!
«Любит книги и оперетту...»
А я и то, и немного —
другое!
«Он не курит»...
И я сигарету
Торопливо топчу ногою.
Я — центральный защитник
в футболе,
Но смогу послужить
в нападении,
Я с улыбкой
любые боли
Выношу
От любых падений.
Я отличник по математике,
Заявляю — силен в астрономии.
В общем,
знаю до чертовой матери,
Не откажешь
и в остроумии.
И в вечерней
даю уроки,
На любой отвечу вопрос,
И вдобавок
в плечах широкий,
Невысок,
И вообще — курнос.
Словом, я подошел бы
к делу,
Я бы выдержал
центрифугу,
И мое молодое тело
Вдоль Земли
описало бы
круг.
Ну, примите же
Заявление,
Я согласен,

Могу вторым.
Если надо —
с именем Ленина
Этот подвиг
Мы повторим!..
О, таких
Молодых, зеленых,
Коренастых,
Слегка курносых
На моей земле —
миллионы!
Как подумаешь —
Выше ростом
Станешь.
Сильные и горячие,
Дорогие мои ровесники,
Вы все те же —
В норе не прячете
Свое тело.
Как буревестники,
Вы смелеете
с каждым годом.
Дорогие мои ребята,
Неужели с таким народом
Океан
не осилим —
пятый?
Принимаем
Твое заявление.
Неизвестный,
Один из многих.
Знаем,
Верим —
С именем Ленина
Ты пройдешь
по любой дороге.
Если надо Земле
и Родине,
Если надо
Всему человечеству!..
Над могилами — куст смородины.
Словно память сутулится
вечная...
...На заводе был митинг.
Поднялся седой,
словно снег,
Он негромко сказал:

«Мы горды тобой,
Юрий Гаганов...»
Он ошибся слегка,
Но его не поправили,
Нет —
Он был прав,
И неважно
в фамилии буква какая.
Важно то —
Что взлетел он с площадки
Советской страны,
Важно то —
Что спокойные люди
его провожали,
Важно то —
Что мы все
перед подвигом этим
Равны,
Важно то —
Что все страны
нам искренне
Руку пожали.
«Кто вы?
Кто вы такие?» —
Негромко спросил капитан,
Он-то знал, капитан,
Как людей океаны не любят,
А под нами шатался,
Гремел штормовой океан,
И Зиганшин ответил за всех:
«Мы — советские люди!»
Мы из тех,
Что родились холодной осенней порой,
Нас согрела в далекой дороге
горячая скорость,
Мы прошли испытанья
И льдом,
И мечом,
И золой.
Раньше всех мы хлебнули сверх меры
И радость,
И горесть.
Посмотри,
Что за сила
К бессмертью тебя привела.
Чабаны, сталевары —
Рабочие новой истории.
Впереди еще будут дела!

И какие дела!
А пока
Поздравляй нас, Гагарин,
С победою!
Здорово!
Все цветы!
Все улыбки
Растроганной милой Земли!
Все плакаты!
Все флаги великих земных восстаний!
Молодые девчата
Тебе, дорогой, принесли!
Ветераны Земли
При твоем появлении
Встали!..

И босой негр на пыльной площади оскорбленного континента слушает, обратив лицо к небу. Он думает о величии человека.

Есть ли народ, который заставит мир склонить голову?

Но есть народ, который заставил человека поднять лицо к палящему и дождливому апрельскому небу.

СЛАВА ТОМУ НАРОДУ!

(Апрель, 1961)

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОЭМЕ

12 апреля у нас в Алма-Ате традиционно ясная погода. Небо так чисто, что сквозь всю голубую толщу атмосферы просвечивает таинственная темень космоса.

В такую погоду только и летать туда.

Но так легко нам думается сейчас, через дюжину лет.

В том первом, первом апреле это космическое «Поехали!» потрясло долгожданной неожиданностью.

88 км над землей. Всего, кажется, 88!.. Запланировано было или случайное совпадение? — 88 на языке радистов означает — люблю тебя.

Ради всего мира гремело — 88!

После мая 45-го — первое событие, объединившее всю землю одним чувством. Да и во всей истории человечества мало было таких звездных мгновений, когда все люди почувствовали бы себя одной семьей. Факт «Мы — в космосе» выходит за пределы истории человечества. Фантаст Рей Бредбери сказал, что значение этого события можно сравнить только с выходом рыб на сушу.

...Алма-Ата с утра стояла на улицах, глядя в небо. И мой ученый сосед, который знал наверняка «не может быть», и мальчиш-

ки — у них не было за душой ничего, кроме уверенности, и мама, пропустившая базар, и сестренки, оставшиеся без школы,— мы ждали. И дождались.

Вместо ракеты, которая, возвращаясь на Байконур, должна была, обязана была мелькнуть сияющей, свистящей иглой над Алмаатинкой, вдруг, разрушив вопиющим, тарахтящим контрастом воображенную картину, распространяя над крышами запах отработанного керосина, закачалось вверху (смешно сказать!) четырехкрылое чудо техники. Очкастый летун, скалясь, вытряхивал из фанерного кузова мешки с листовками. Розовые, как лепестки урюка, они кружились над садами, усеивая крыши, тротуары, застревали в ветвях яблонь.

...Кому из авторов стихов довелось пережить такое!

Мое импровизированное творенье, второпях, по-акынски начертанное утром в кабинете редактора, было уже набрано, отпечатано многотысячным тиражом и распространено с небес!

Ворох листовок, собранный сестрами,— мой первый, розовый сборник, первое собрание сочинений!

В те дни я не знал мук творчества, дни и ночи, целую неделю пугая домашних, крича, на слух сочинял поэму.

Самая радостная пора в моей писательской биографии. Поэма выходила неоднократно, и всякий раз перед публикацией тянулась рука ее поправить. Но пусть остается такой же розовой, как родилась. Мгновенной фотографией моего тогдашнего состояния. Сейчас сквозь толщу розовости стиха просвечивает все яснее темное чувство утраты человека, которому была посвящена эта вещь. Последний раз я его видел летом 67-го в станице Вешенской на встрече группы молодых поэтов соцстран с Шолоховым.

Мы играли на берегу Дона в мяч, и Гагарин сильно порезал ногу о раковину. Он, смеясь, отмахнулся от помощи и, подпрыгнув на одной ноге к берегу, опустил раненую ногу в воду.

Розовая пушистая струя протянулась вдоль берега... «С выходом рыб на сушу...»

12 апреля 1973 года.

КОСМОНАВТЫ И ШАХТЕРЫ

Степь вздрогнула: космической тропою
Ушла ракета в небо голубое —
И ветер байконурский долетел
К шахтерам в джезказганские забои.

А вскоре ветер из глубин планеты
Над тем из городов взметнулся к свету,
Где улица Шахтеров пролегла
За улицею Космонавтов следом.

Знать, связаны эпохою одною,
Единым ритмом, общею судьбою
Ракеты космонавтов — над землей
И горняков комбайны — под землею.

Корабль моих стихов, в тебе просторы
Двух гордых улиц — и тебе ль не впору
Домчать по трассам глубей и высот
К сердцам и космонавтов, и шахтеров?

ОТВЕТ ЧАБАНА

Мой Джезказган!
Ты этот вечер помнишь,
Когда, свершив космический полет,
Вблизи тебя Артюхин и Попович
На луг спустились с голубых высот.

Как полотно, написанное тонко,
Мне открывались
Степи летних дней:
Мы с вертолета наблюдали гонку
Машин, верблюдов, скачущих коней.

Казахский чай. Кумыс. Цветов букеты.
Казалось, не аулы — вся страна

Сошлась сюда, на луг,
Где до рассвета
Сегодня будет ночь отменена.

И пошутил чабан белобородый
За угощеньем:
— Вы учтите впредь,
Что за трубу ближайшего завода
Здесь при посадке можете задеть!

И всюду смех. И отшутился кто-то
За космонавтов:
— Там и здесь, внизу,
Расчет, отец! А если без расчета,
То угодишь и в речку Сарысу!

Пора прощаться.
С речью сокровенной
Попович распрямился в полный рост:
— Да будет луг просторнее Вселенной,
И на лугу овец — как в небе звезд!

А над заводом
Со степным размахом
Пылал закат вечернею порой.
И, знающий обычаи казахов,
Чего-то ждал космический герой.

И, зоркий глаз свой щуря при ответе
На город и степную благодать,
Сказал чабан за всех:
— Вот если б это
Сумел сегодня Ленин увидать!

Николай ПОЛИВИН

ЗВЕЗДНЫЕ ВЬЮГИ

Главы из поэмы

Дважды Герою Советского Союза
летчику-космонавту Г. Т. Береговому

Ветры в окошко,
как малые дети,
робко стучатся:
«Пусти!..»
да
«Пусти!..»
Звездные вьюги,
звездные сети
всюду — на нашем пути.
В каждом селенье,
в любом городишке,
возле больших
да и крохотных рек,
есть непременно
лобастый парнишка,
в звездные выси
влюбленный навек.
Вертится глобус.
Старушка-Европа
тонет в круженин материков...
В небо бездонное
трудные тропы
скольких сманили уже смельчаков?!
Этому
крылья спалили
до срока.
Этот
сгорел,
возвращаясь к Земле...
Но...
в окуляры
бессонное око
ловит огонь,
промелькнувший во мгле.

«Звездный посланец?
Иль — просто комета,
малый осколок
погибших планет?»
Надо разведать
и
это
и
это —
счастья мальчишке
без поиска
нет!
Ладятся крылья
сперва
из бумаги,
на парашюты
идет простыня...
Первые токи
грядущей отваги
мысль будоражат,
призывно звеня.

* * *

Легки листки календаря,
да тяжела
рука эпохи!
Война.
Багровая заря
кричит:
«Дела на фронте плохи!
Уже за Киевом враги.
В огне поля.
Под пеплом хаты...»
Круги.
Ломаются круги,
и гибнут
русские солдаты.
Береговому
двадцать лет,
а много это
или
мало?
Никто не даст пока ответ,—
ни лазареты,
ни вокзалы.
У времени
всегда
свой счет,

свои глубинные приметы.
«Посадка — взлет,
посадка —
взлет»,—
сигналят
яркие ракеты.
«...Ах, школьный бал,
ах, алый бант
в косе отчаянной соседки!..» —
вздыхает юный лейтенант,
на карте делая пометки:
«Здесь отступили...
тут...
и
тут...
Поднакопили фрицы силы!..
Не потому ли
так ревут
в строю
рассерженные «ИЛы»?»
С боеприпасами состав
на Ржев
фашисты гонят
с юга.
Под солнцем
крылья распластав,
машины версты вяжут туго.
Зениток лай,
осколков вой,
распорот ими
неба купол.
«Врешь,
не уйдешь!..» —
Береговой
бьет в паровоз
прицельно,
круто.
Накрыл!
До солнца
фейерверк.
Комэск роняет:
«Вот работа!..»
Но почему же
свет померк
в глазах отважного пилота?
Георгий,
Жора,
что с тобой?

Товарищ старший
вот он —
рядом!
«Все в норме...» —
и Береговой
машину выволок
из ада
снарядов рвущихся
и
мин.
Качаются
леса
и
горы.
И облаков
утиный клин.
И хрип подбитого мотора.
Неизмерим он —
жизни путь,
не скажешь,
где —
тире,
где —
точка...
«Мне
до своих бы
дотянуть,
хоть до ближайшего
лесочка!
А вот...
березки...
в стороне...
их кроны
мягки
и
упруги...»
Удар
по крыльям
и
броне.
Обшивка в клочья.
Масла лужи.
И кровь у парня на щеке,
и руки в ссадинах
и
ноги...
А фронт гремит
невдалеке
и снова требует подмоги...

* * *

И снова взлет,
и снова бой,—
и не такое мы осилим:
три
тяжких года
за спиной
и хлябь дорожная
России;
и боль утрат
и
чья-то кровь,
и чье-то горе
на дорогах...
Береговой
насупил бровь,—
фронт
снова в тягостной
тревоге.
В одном рывке,
в одном витке
жизнь всех миров!..
На ястребке
крушит он
коршунов «люфтваффе»,
в свирепых
ломаных крестах...
Стучат ключи
на телеграфе:
все ближе
гитлеризма крах!
И этой солнечной порой,
в канун
ноябрьского рассвета,
стал капитан Береговой
Героем
Родины Советов!
Герои!..
Кружится Земля,
заря —
жар-птица
перья чистит.

* * *

Подвиг — груз,
но он не давит плечи,
если ты мечтой своей крылат.
Прошлые дела твои —
предтеча
главной даты
из
главнейших дат.
Высока
космическая горка —
тикают мгновенья у виска.
Старт.
Кабина.
В ней —
тот самый Жорка,
что глядел с тоской на облака
из окошка
школы неказистой,
кружится у парня
голова:
там,
над лугом,
в синем небе чистом
ходят строем
ловкие «У-2»...
Отчий край,
Земля моя родная,
облетели листья тополей!..
Воют в дюзах,
ярость нагнетая,
табуны взбесившихся коней.
Старт.
На пульте
светятся таблички.
Ключ повернут.
Мир упал ничком.
Всех земных привычек перемычки
сметены
решительным толчком.
Кратер сини
ярок
и
бездонен,
светятся Галактики
у
глаз...

Вспомни тех друзей,
кто похоронен
в дни войны
и
после...,
в мирный час.
Вот они встают
родные лица:
Ваня,
Гриша
и
молчун Кирилл...
Там,
внизу,
шумят сады
и
птицы,
Океан вздыхает
у Курил...
Синь
и
звень!
«Союз» рулям послушен,
чертятся незримые круги.
Шар Земной!
Моря ласкают сушу,
в блестках все
от солнечной пурги.
Звезды,
звезды,
это микрозвезды —
мудрая космическая вязь.
Счастье,
все б его
до капли
роздал
людям,
братьям...
«Выхожу на связь!
Все в порядке,
Родина Советов!» —
Собран,
деловит Береговой.
В сердце лето,
ласковое лето,
хоть шагает осень
под Москвой.

Ветры в рощах
                    листья опалили
и тела берез
          обнажены...
Сутки за окном уже проплыли
молодой
        космической весны.
Сдвинуты привычные понятья:
лето,
    осень,
        холода
              и
               зной.
Шепчет космонавт:
                 «Люблю вас,
                             братья!
Вечный мир вам,
               добрый непокой!».

СОДЕРЖАНИЕ

БАЙКОНУР

Очерки, поэмы, стихи, хроника

Составители: *В. Савельев, К. Селихов*
Редактор *В. Чирков*
Художник *К. Зульфикаров*
Художественный редактор *Л. Тетенко*
Технический редактор *М. Злобин*

Корректоры *Е. Шкловская* и *Ш. Мукажанова*

ИБ № 2821

Сдано в набор 31.01.84. Подписано к печати 25.07.84. УГ 16227. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага тип. № 2. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,0+2,5 вкл. Усл. кр.-отт 29,5. Уч.-изд. л. 27,3. Тираж 50 000 экз. Заказ № 520. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Б 18 **Байконур:** Очерки, поэмы, стихи, хроника /Составители: В. Савельев и К. Селихов.— Алма-Ата: Жазушы, 1984.— 368 с. 2,5 л. ил.

Сборник очерков и стихов посвящен 50-летию со дня рождения Ю. А. Гагарина. В книгу включены очерки А. Т. Гагариной «Слово о сыне», Г. Берегового «В космосе много работы», П. Поповича «Космические грани» и других авторов. Поэзия представлена в книге поэмами Р. Рождественского «Посвящение», Евтушенко «Я — землянин Гагарин», Д. Мулдагалиева «Ступени Байконура», О. Сулейменова «Земля, поклонись человеку» и стихами А. Твардовского, Л. Мартынова, Я. Смелякова, В. Савельева и других поэтов. Как в прозаических, так и в поэтических произведениях, вошедших в книгу, отражены выдающиеся достижения советской науки и советского народа в покорении космоса.

$Б \frac{4702010200-128}{402(05)-84}$ 127—84 Р 2

